

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2025. Т. 21. № 3

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2025. Vol. 21. No. 3

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2025

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 3

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 3

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Academician of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 3

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Песков С.А., Молчанов Д.Н., Савельев Н.А. Новое местонахождение в г. Иркутске – стоянка Фурманова (территория Глазковского археологического комплекса)	8
Бирюлева К.В. Археологические материалы памятников Нижнего Енисея в фондах Енисейского музея-заповедника (по материалам работ Р.В. Николаева, 1958–1959 гг.)	35
Ташак В.И., Шарастепанов Б.Д. Горные перевалы как источники информации о путях проникновения людей на территорию Окинского плоскогорья в Саянских горах	47

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А., Громов А.В., Трухин В.И. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (2 часть)	60
Леонов К.Д. Формирование представлений центра Российской Империи о транспортном освоении Дальнего Востока (на примере «Известий Императорского Русского географического общества»)	74
Хромов К.В. К сравнению размещения среднекалиберной артиллерии на кораблях эпохи броненосцев. Взгляд через столетие	85
Прокопьева А.В. «Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие	97
Калиновский В.В., Пученков А.С. Василий Витальевич Шульгин в годы работы в Государственной Думе (1907–1917 гг.): штрихи к портрету политика	108
Москвитин Ю.Н. Причины и подготовка проведения реформы административного аппарата Алтайского округа в 1911 г.	121
Вебер М.И., Хипхенов Г.И. Зиминский партизанский отряд: эпизод из истории антибольшевистского подполья в Восточной Сибири в 1918 г.	131
Горощенкова О.А. Особенности становления и деятельности первой государственной детской музыкальной школы Иркутска (1923–1977)	146
Михаэлис Д.В. Освещение в периодической печати Иркутской области процесса реализации Постановления Совета Народных Комиссаров СССР о призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения в 1940–1941 гг.	160
Кискидосова Т.А. Детские дома и интернаты в Хакасии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	173
Тигунцев С.А., Санников А.П. Кадровая политика в области физкультуры и спорта в послевоенные годы (по материалам Иркутской области)	185
Скорикина Н.А. «В борьбе за проведение приема, за успеваемость, за требовательность»: Деятельность Иркутского политехнического института в 1960-е годы.....	196

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 3

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Peskov S.A., Molchanov D.N., Saveliev N.A. New archaeological location in Irkutsk city - the Furmanova site (within the territory of the Glazkovsky Archaeological Complex)	8
Biryuleva K.V. Archaeological materials of the sites of the Lower Yenisei region in the funds of the Yenisei Museum-Reserve (based on the works of R.V. Nikolaev, 1958-1959)	35
Tashak V.I., Sharastepanov B.D. Mountain passes as sources of information about routes of human penetration into the territory of Oka Plateau in the Sayan Mountains	47

HISTORY

Bagrin EA., Gromov A.V., Trukhin V.I. Artillery of Nerchinsk district 1658-1710 (Part 2)	60
Leonov K.D. Formation of the representations of Russian Empire's center on the mastering of the Far East through the means of transport (based on the "News of the Imperial Russian Geographical Society")	74
Khromov K.V. Toward a comparison of the placement of medium caliber artillery on battleship era ships. A look through a century	85
Prokopyeva A.V. "Adjusting to Siberian life": the historical experience of adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province and its contemporary legacy	97
Kalinovsky V.V., Puchenkov A.S. Vasily Vitalievich Shulgin during his years in the State Duma (1907-1917): touches to the portrait of a politician	108
Moskvitin Yu.N. Reasons and preparation of the reform of the administrative apparatus of the Altai district in 1911	121
Weber M.I., Hipkhenov G.I. Ziminsky partisan squad: an episode from the history of the anti-Bolshevik underground in Eastern Siberia in 1918	131
Goroshchenova O.A. The peculiarities of the formation and activity of the first State Children's Music School in Irkutsk (1923-1977)	146
Michaelis D.V. Coverage in the Irkutsk Region periodical press of the implementation of the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR on the conscription of urban and collective farm youth into vocational schools, railway schools, and factory training schools in 1940-1941	160
Kiskidosova T.A. Orphanages and boarding schools in Khakassia during the Great Patriotic War (1941-1945)	173
Tiguntsev S.A., Sannikov A.P. Personnel policy in the field of physical education and sports in the post-war years (based on materials from the Irkutsk region)	185
Skorikova N.A. "In the struggle for admission, for academic performance, for demanding": The activity of Irkutsk Polytechnic Institute in the 1960s	196

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 3

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 3

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 902.3(571.53)"6325"
EDN: BLBMFG
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-8-34>

Новое местонахождение в г. Иркутске – стоянка Фурманова (территория Глазковского археологического комплекса)

С.А. Песков¹, Д.Н. Молчанов², Н.А. Савельев²

¹ Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области

² Иркутский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена результатам раскопок, проведённых в период 2020–2021 гг. в Свердловском районе г. Иркутска на местонахождении Фурманова. Археологически и территориально участок расположен в границах комплекса памятников «Глазковский некрополь», эпоха неолита». Географически территория относится к левобережью долины р. Ангары, к правой устьевой поверхности р. Иркут. По результатам раскопок выделено два культуросодержащих слоя, осложнённых в планиграфии различными нарушениями отложений, вызванных длительной историей хозяйственного освоения территории. Первый к. с. фиксировался на контакте нарушенного почвенного слоя и в кровле средне-позднего голоценовых суглинков, включал единичные находки гладкостенной керамики железного века – средневековья; здесь же выделен локальный комплекс с присутствием следов металлургической деятельности (крицы) с присутствием гладкостенной керамики, датированной по нагару железным веком (1953±29 лет BP (GV-5177), календарный возраст: 39 г. до н. э. – 200 г. н. э.). Второй к. с. фиксировался неравномерно по всей площади раскопа в отложениях кровли средне-позднего голоценовых суглинков, включал материалы стояночного комплекса, датированного поздним неолитом – ранним бронзовым веком. В слое выявлены различные элементы стояночного комплекса: кострища, хозяйственные ямы, выкладка из плиток песчаника. Артефакты слоя представлены разнообразными категориями предметов каменной индустрии от начальных форм до изделий, широким спектром фрагментов керамических сосудов, а также уникальными артефактами, в составе которых выделяется терракотовая скульптура налимообразной рыбы. На основании анализа археологических и стратиграфических данных предполагается, что культурный слой отложился в сравнительно короткий период геологического времени. В материалах местонахождения выделяется представительное количество «маркеров», указывающих на преобладающее наличие элементов и признаков стояночного комплекса позднего неолита (V–III тыс. л. н.).

Ключевые слова: Предбайкалье, Иркутск, Ангара, Иркут, Глазковское предместье, поздний неолит, ранний бронзовый век, железный век, средневековье, каменная индустрия, керамика, фигурки рыб

Для цитирования: Песков С.А., Молчанов Д.Н., Савельев Н.А. Новое местонахождение в г. Иркутске – стоянка Фурманова (территория Глазковского археологического комплекса) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 8–34. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-8-34. EDN: BLBMFG.

Archaeology

Original article

New archaeological location in Irkutsk city - the Furmanova site (within the territory of the Glazkovsky Archaeological Complex)

Sergey A. Peskov¹, Dmitrii N. Molchanov², Nikolai A. Saveliev²

¹ Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article presents the results of archaeological excavations conducted in 2020–2021 at the Furmanova site in the Sverdlovsk District of Irkutsk. The site is a part of the Glazkovsky Necropolis complex, a Neolithic one, and is geographically located on the left bank of the Angara River valley, near the right estuarine surface of the Irkut River. The excavations revealed two cultur-

al-bearing layers, complicated by stratigraphic disturbances caused by long-term economic use of the area. Layer 1 was identified at the boundary between the disturbed soil layer and the upper part of Middle–Late Holocene loams. It contains sporadic finds of smooth-walled pottery from the Iron Age to the Middle Ages, as well as a localized complex with traces of metallurgical activity (iron blooms) and Iron Age pottery dated by soot residue to 1953±29 BP (GV-5177), calibrated to 39 BCE - 200 CE. Layer 2, unevenly distributed across the excavation area within the same Holocene loams, included materials from a temporary settlement dated to the Late Neolithic - Early Bronze Age. Features of the settlement included hearths, utility pits, and a sandstone slab arrangement. Artifacts comprised stone tools (from preforms to finished items), ceramic vessel fragments, and unique objects such as a terracotta sculpture of a burbot-like fish. Stratigraphic and archaeological analysis suggests that this layer formed over a relatively short geological period. The assemblage contains a significant number of markers indicating a predominant Late Neolithic settlement complex (5th-3rd millennia BCE). The study highlights the site's role in understanding the ritual and domestic practices of ancient populations in the Angara region, emphasizing the cultural continuity and anthropogenic impacts on the Glazkovsky Necropolis area.

Keywords: Baikal region, Irkutsk, Angara, Irkut, Glazkovo Suburb, Late Neolithic, Early Bronze Age, Iron Age, Medieval period, stone industry, ceramics, fish imagery

For citation: Peskov S.A., Molchanov D.N., Saveliyev N.A. (2025) New archaeological location in Irkutsk city - the Furmanova site (within the territory of the Glazkovsky Archaeological Complex). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 8-34. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-8-34. EDN: BLBMFG.

**Светлой памяти
Николая Александровича Савельева
посвящается**

Введение

Территория г. Иркутска является одной из наиболее археологически исследуемых. Более чем столетние работы показали представительное количество археологических местонахождений широкого хронологического диапазона от палеолита до времени освоения Восточной Сибири первыми русскими поселенцами (Указатель археологических памятников..., 1986¹; Генералов, Медведев и др., 2001; Базалийский, Тетенькин, Харинский, 2016). Высокая концентрация археологических объектов определяется в большей степени особенностями географии: плоскогорным рельефом, изрезанным мелкими водотоками, многочисленными падями и распадками, привязанными к террасам долины р. Ангары и устьевым поверхностям рек Иркут и Ушаковка, а так же особенностями климата и богатыми природными ресурсами, что создавало благоприятные условия для обитания человека. Следы социально-экономической деятельности древнего населения сохранились до наших дней в голоценовых и плейстоценовых отложениях в виде разнообразных археологических комплексов – поселений, стоянок, могильников.

Широко представлены поселенческие и погребальные комплексы голоценового времени. Географически выделяются три мегакомплекса, занимающие обширные участки в пределах г. Иркутска: первый охватывает территорию на правом берегу р. Ангары (в местности Лисиха), два на левобережье: в местности Царь-Девница – Титово и в предместье Глазково, включая правый устьевой участок р. Иркут (Базалийский, Тетенькин, Харинский, 2016).

На «Глазковском» участке фиксируются разновременные культурные слои мезолита, неолита и палеометалла, отдельные погребения позднего мезолита, погребальные комплексы неолита и бронзового века. Среди погребальных комплексов особое значение имеет ранне-неолитический могильник Локомотив – крупнейший некрополь в Северной Азии (Витковский, 1889; Овчинников, 1904; Окладников, 1950; Базалийский, Савельев, 2008).

За последние десятилетия на этом участке в результате спасательных археологических раскопок исследованы новые местонахождения голоценового периода: Маяковского, 2, Приют Сукачева, 2, Фурманова (Базалийский, Тетенькин, Харинский, 2016; Бердникова, Бердникова и др., 2019). Материалы последнего рассматриваются в данной статье, цель которой первичная публикация материалов раскопок. В работе приводится техноморфологический и морфотипологический анализ каменной индустрии и первичный анализ керамического комплекса. Рассматриваются планиграфические особенности местонахождения в самом широком смысле, с акцентами на отдельные и яркие проявления (эпизоды) культурного слоя.

¹ Указатель археологических памятников города Иркутска: К Своду памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока / сост. И.Л. Лежненко, Ю.П. Лыхин. Иркутск, 1986. 44 с.

Материалы и анализ

Местонахождение Фурманова располагается на левобережье р. Ангары, в центральной части г. Иркутска, на восточном склоне Кайской возвы-

шенности, приближенном к устью р. Иркут, на 37–40 метровой поверхности относительно р. Ангары (рис. 1). Первые исследования проведены в 2019 г. (В.И. Базалийский), культурный слой (далее – к. с.)

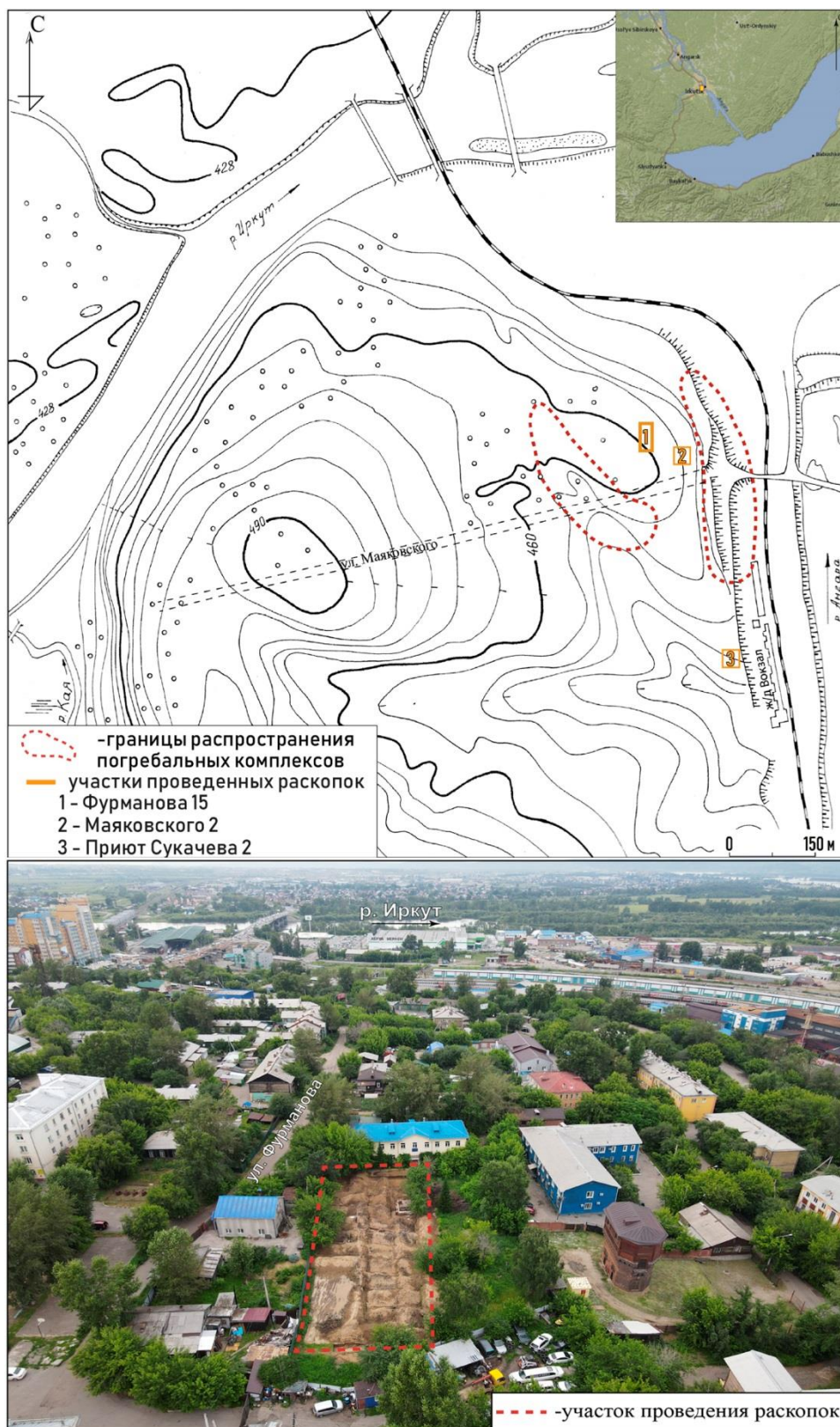

Рис. 1. Схема и ортофотоснимок территории расположения местонахождения Фурманова в предместье Глазкова
Fig. 1. Plan and orthophoto map of the area of the Furmanova site location in the Glazkovo suburb

предварительно датирован поздним неолитом – ранним бронзовым веком (далее ПН – РБВ). В 2020 и 2021 гг. проведены раскопки на площади 1200 кв. м (Савельев, 2021²; Песков, Молчанов, 2022³).

Стратиграфия отложений местонахождения представлена следующим образом (рис. 2).

Слой 1. Гумусированный суглинок – слой современной, нарушенной в результате хозяйственной деятельности, почвы (НЛ); в слое фиксировались единичные находки, отнесённые к 1-му к. с. Мощность – 0,05–0,3 м.

Слой 2. Красновато-бурый плотный, средне гумусированный суглинок (АТ), в верхней части которого в пределах по мощности 5–10 см и на контакте с вышележащими отложениями фиксировались находки 2-го к. с. Мощность – 0,05–0,3 м.

Слой 3. Светлый слабо гумусированный суглинок, в подошве карбонизированный (Sr^4-BO). Мощность – 0,15–0,27 м.

Слой 4. Светло-серая лессовидная супесь позднесартанского возраста (Sr^3-Sr^4). Мощность – 0,22–0,44 м.

Слой 5. Серый сизоватый средний суглинок, включающий в верхней части прослой светлоржавчатый слабо ожеженный суглинок ($Sr^{1-2}-Sr^3$). Мощность – 0,28–1,1 м.

Слой 6. Солифлюцированные светлоржавчатые ожеженные средние суглинки с включением темно-коричневого, бурого-коричневого суглинка (Kr^2-Sr^1). Вскрытая мощность до 0,6 м.

Раскопками установлено, что кроме к. с. ПН – РБВ, выявленного шурфами в 2019 г., на ряде участков площади без видимых перерывов в осадконакоплении фиксируются единичные находки, датированные железным веком – средневековьем.

1 к. с., имеющий локальное распространение, приурочен к подошве антропогенно нарушенного

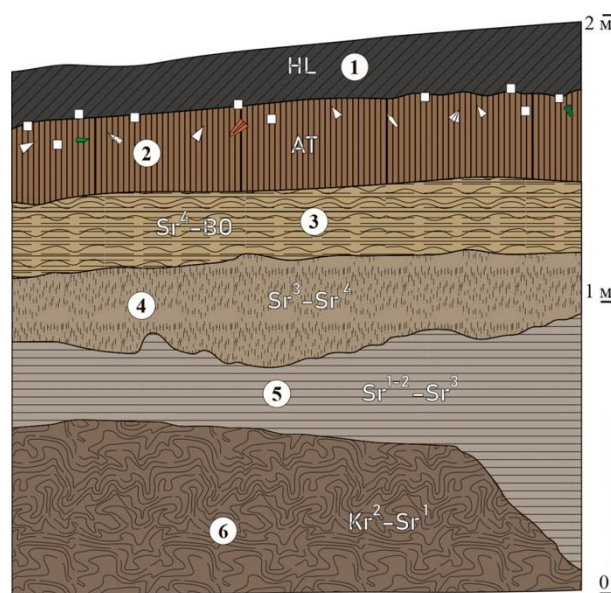

Рис. 2. Стратиграфический разрез местонахождения
Fig. 2. Stratigraphic section of the site

гумусированного суглинка и, частично, к кровле средне-поздне голоценовых красно-бурых суглинков. В составе к. с. можно выделить, стратиграфически не разделяемые, 2 культурных горизонта (далее – к. г.): 1) поздний железный век – средневековье (II–I тыс. л. н.); 2) ранний железный век (III–II тыс. л. н.).

2 к. с. основной и более насыщенный по материалу, датирован ПН – РБВ и приурочен к верхней части средне-поздне голоценовых красно-бурых суглинков. В составе слоя, опираясь на особенности керамики, выделено два культурных горизонта: 1) ранний бронзовый век (IV–III тыс. л. н.); 2) поздний неолит (V–IV тыс. л. н.).

Культуросодержащий слой 1, культурный горизонт 1

Наличие данного к. г. выделено только по анализу керамики, которая представлена 15 фрагментами от 5 гладкостенных сосудов, выполненных без использования гончарного круга. Все фрагменты плотные, в изломе однотонные, серого цвета. Сырье: глина малой ожеженности, средней запесоченности, с присутствием мелкой дресвы (размером до 0,1 см). Примеси органики не отмечены.

Присутствуют фрагменты от 2-х сосудов (Ø около 30–32 см) с хорошо профилированными венчиками и округлыми бортиками. По внешнему краю бортиков – встречные отступающие пальцевые вдавления, под бортиками крестообразные прочер-

² Савельев Н.А. Отчет о результатах выполнения спасательных археологических раскопок в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс памятников «Глазковский некрополь», эпоха неолита» в границах земельного участка по адресу: г. Иркутск, ул. Фурманова, 15. Иркутск, 2021. Архив СООКН. 410 с.

³ Песков С.А. Молчанов Д.Н. Отчет о выполнении в 2021 году археологических раскопок в Сибирском ФО, в Иркутской области, г. Иркутск, ул. Фурманова, 15, в границах ОАН ФЗ «Комплекс памятников «Глазковский некрополь», эпоха неолита». Иркутск, 2022. Архив ИА РАН. 789 с.

ченные линии (рис. 3.1). Толщина стенок – до 0,5 см; венчиков – 8–10 см. На внутренней поверхности следы нагара.

Венчик 3-го сосуда неорнаментированный ($\varnothing$ около 17 см), профилированный, бортик овальный (рис. 3.2). Толщина стенок – 0,4–0,5 см; венчика – 7–9 см.

Небольшой фрагмент 4-го сосуда орнаментирован по внешней стороне – перекрещивающимися глубокими вдавленными линиями («решетка») (рис. 3.3). Толщина стенки – 0,4–0,5 см. Также как у первых сосудов фиксируются следы нагара.

Пятый сосуд представлен небольшим фрагментом венчика (без бортика) гладкостенного толстостенного сосуда открытой формы, орнаментированного на внешней стороне – двумя горизонтальными рядами неглубоких округлых отступающих вдавлений. Расстояние между рядами – 5 мм, между вдавлениями в ряду – 5–6 мм.

Также зафиксированы фрагменты плоских донцев от 3 керамических сосудов.

Культуросодержащий слой 1, культурный горизонт 2

Количество находок, представленных в основной массе керамикой, составило 40 экз. Распространение к. г. локализовано в юго-западной части рас-

копа, центр зоны локализации – округлое в плане ($\varnothing$ около 75–80 см) кострище, без конструктивных элементов, с прокалом отложений на глубину до 30 см (рис. 4.1).

В зоне прокала и рядом зафиксированы фрагменты гладкостенного керамического сосуда ($\varnothing$ около 20 см). Сосуд открытой формы, внешне асимметричный. Внешний край округлого бортика оформлен косо-параллельными отступающими вдавлениями узкого прямоугольного стека. Под бортиком расположены два горизонтальных ряда несквозных круглых вдавлений ($\varnothing$ 6 мм); расстояние между рядами 17–20 мм, горизонтальное расстояние между вдавлениями 15–20 мм. Тулово ниже орнаментированной зоны без оформления (рис. 4.2).

Второй сосуд гладкостенный ($\varnothing$ около 15 см), внешне асимметричный. Венчик профилированный, слегка утолщён налепом, бортик округлый. Внешняя грань бортика оформлена косо-параллельными отступающими вдавлениями узкого прямоугольного стека. Ниже бортика (25 мм) фиксируется горизонтальный ряд несквозных округлых вдавлений, соединённых прочерченной линией; от вдавлений вниз по тулову отходят дугообразные парные прочерченные линии (рис. 4.5).

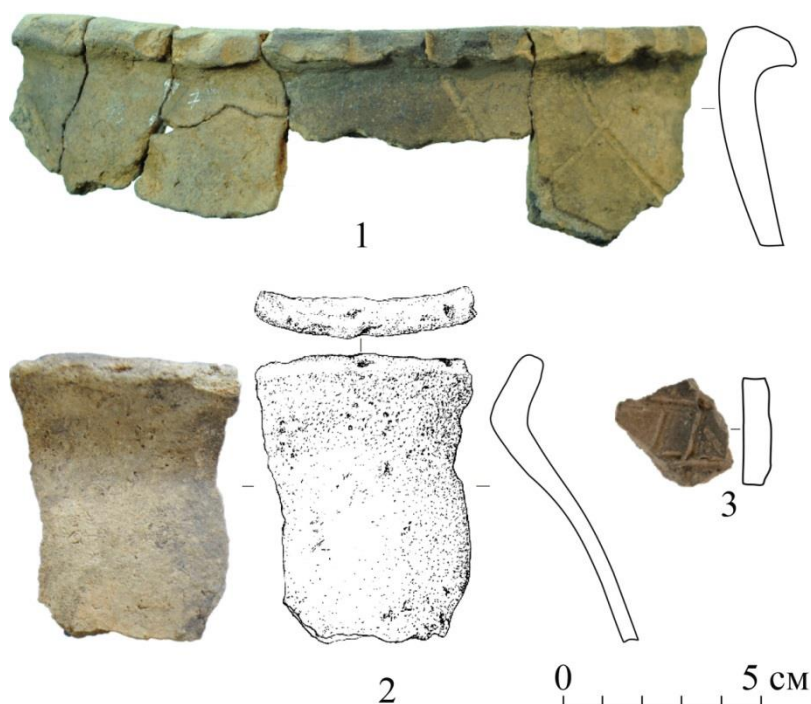

Рис. 3. Культуросодержащий слой № 1, железный век – средневековые, фрагменты керамики
Fig. 3. Cultural layer No. 1, Iron Age - Medieval period, ceramic fragments

Рис. 4. Культуросодержащий слой № 1, железный век: 1 – фрагмент культурного слоя; 2, 5 – фрагменты сосудов; 3 – крица; 4 – плитка сланца с вкраплениями рудных материалов
Fig. 4. Cultural layer No. 1, Iron Age: 1 - fragment of the cultural layer; 2, 5 - vessel fragments; 3 - iron bloom; 4 - slate slab with inclusions of ore materials

Сосуды имеют плотные черепки, в изломе однотонные, тёмно-серого цвета; толщина стенок 4–6 мм, венчиков 5–6 мм. При производстве сосудов отмечены признаки лоскутного налёпа. В качестве сырья использовалась глина средней ожелезнённости, средней и сильной запесоченности, с присутствием мелких фракций дресвы (до 1 мм); примеси органики не отмечены. На внутренней и внешней поверхности фрагментов слой нагара от тёмно-

серого до чёрного цвета, что является результатом нахождения сосудов в высокотемпературной среде (кострище).

Здесь же зафиксированы плитки полевошпатового-кварц-биотитового сланца с вкраплениями рудных минералов⁴ (рис. 4.4).

⁴ По определению ведущего инженера ИЗК СО РАН Г.В. Орловой.

Вне кострища в радиусе 6–7 метров с большей концентрацией к северу зафиксированы крицы (рис. 4.3) и плитки сланца.

Компактность распространения близких по оформлению сосудов, присутствие криц и плиток сланца, вероятнее всего, определяют их как составляющие единого кратковременного исторического события. По нагару с сосуда (рис. 4.2) получена радиоуглеродная дата: 1953 ± 29 лет BP (лабораторный номер GV-5177), соответствующая календарному возрасту: 39 г. до н. э. – 200 г. н. э.⁵

Культуросодержащий слой 2. Общая характеристика

Общее количество артефактов 2700 ед. В планиграфии к. с. выделяются хозяйственно-бытовые комплексы.

Кострища:

Кострище 1 имеет размытые контуры и слабо-выраженный неглубокий прокал, в котором зафиксирован фрагмент шлифованного орудия из зеленого кварцита; вне прокала – желобчатый абразив; в 1,5 м к востоку – заготовка клиновидного нуклеуса, черешковый наконечник стрелы, скребок из полосчатого кремня, аргиллитовые сколы, фрагменты керамики и жжёная кость.

Кострище 2 имеет овальную форму, в сечении линзовидное (Ø 50–55 см). Заполнение: прокалённый красновато-рыжий суглинок, темно-серый гумус, зола, мелкие фрагменты жженой кости (мощность – 28 см). В 40 см к востоку: развал сосуда, сколы, скребок, фрагмент сегментовидного ножа, две округлые и одна овально-удлиненная гальки, мелкодробленые кальцинированные кости.

Хозяйственные ямы:

Яма 1 – овальная по форме, линзовидная в разрезе (Ø 60–80 см, глубина 10 см); заполнение – гумусированный суглинок; присутствуют 2 отщепа.

Яма 2 – округлая по форме, линзовидная в разрезе (Ø 70 см, глубина 12 см); заполнение – гумусированный суглинок; присутствуют 5 тонкостенных гладкостенных фрагментов керамики, аргиллитовый отщеп, фрагмент микропластинки.

Конструкция из плиток песчаника, сложенных плотно в 2–4 слоя, ромбовидная в плане (60 x 40 см);

поверх плиток – скопление фрагментов керамического сосуда с пунктирно-гребенчатым орнаментом и два аргиллитовых отщепа.

Скопление из трех каменных артефактов, залегающих *in situ*; предметы расположены компактно параллельно друг другу.

Предмет 1. Изделие выполнено из удлиненно-вытянутого валуна, в дистальной части которого и на продольном крае следы забитости, что определяет его как ударное орудие (палица -?) с длинным прикладистым рычагом и тяжелой рабочей частью (рис. 5.1).

Предмет 2. Монофронтальный нуклеус для отщепов из плитчатого аргиллита (рис. 5.2).

Предмет 3. Палетка из шиферного сланца, прямоугольная с закругленными углами. На одной стороне – следы резания и протертое углубление (рис. 5.3).

Фаунистические остатки в основном представлены мелкодробленой кальцинированной костью. Из определимых фрагментов 12 жженных костей зайца (*Lepus*) и жаберная кость рыбы.

Характеристика каменных артефактов

Артефакты из камня 1528 ед., представлены: нуклеусами и нуклевидными обломками, разнообразными орудиями и продуктами расщепления горных пород.

Нуклеусы 22 экз. Подразделяются на две группы: для производства микропластинок и отщепов.

Нуклеусы для производства микропластинок

Клиновидные нуклеусы – 3 экз., 2 экз. определяются как преформы (рис. 6.1,2). На предметах фиксируется бифасиальное оформление ребер и ударных площадок (рис. 6.1). Один имеет характерную для этой категории морфологию (рис. 6.3).

Призматические (3 экз.). Представлены: карандашевидным нуклеусом (рис. 6.7), «нуклеусом-дрилем» (рис. 6.6), и двухплощадочным нуклеусом (рис. 6.4).

Один микронуклеус (рис. 6.5) утилизировался как торцевой нуклеус, на одной латерали сохранился тщательно зашлифованный участок, вероятно, изделие переоформлено из шлифованного орудия.

Нуклеусы для производства отщепов 16 экз. Для заготовок использовались плитки аргиллита. Фиксируются как моно и бифронтальные варианты. По размерам изделия демонстрируют значительную вариативность, два нуклеуса имеют очень крупный

⁵ Калибровка образца сделана по кривой IntCal20 в программе OxCal 4.4.

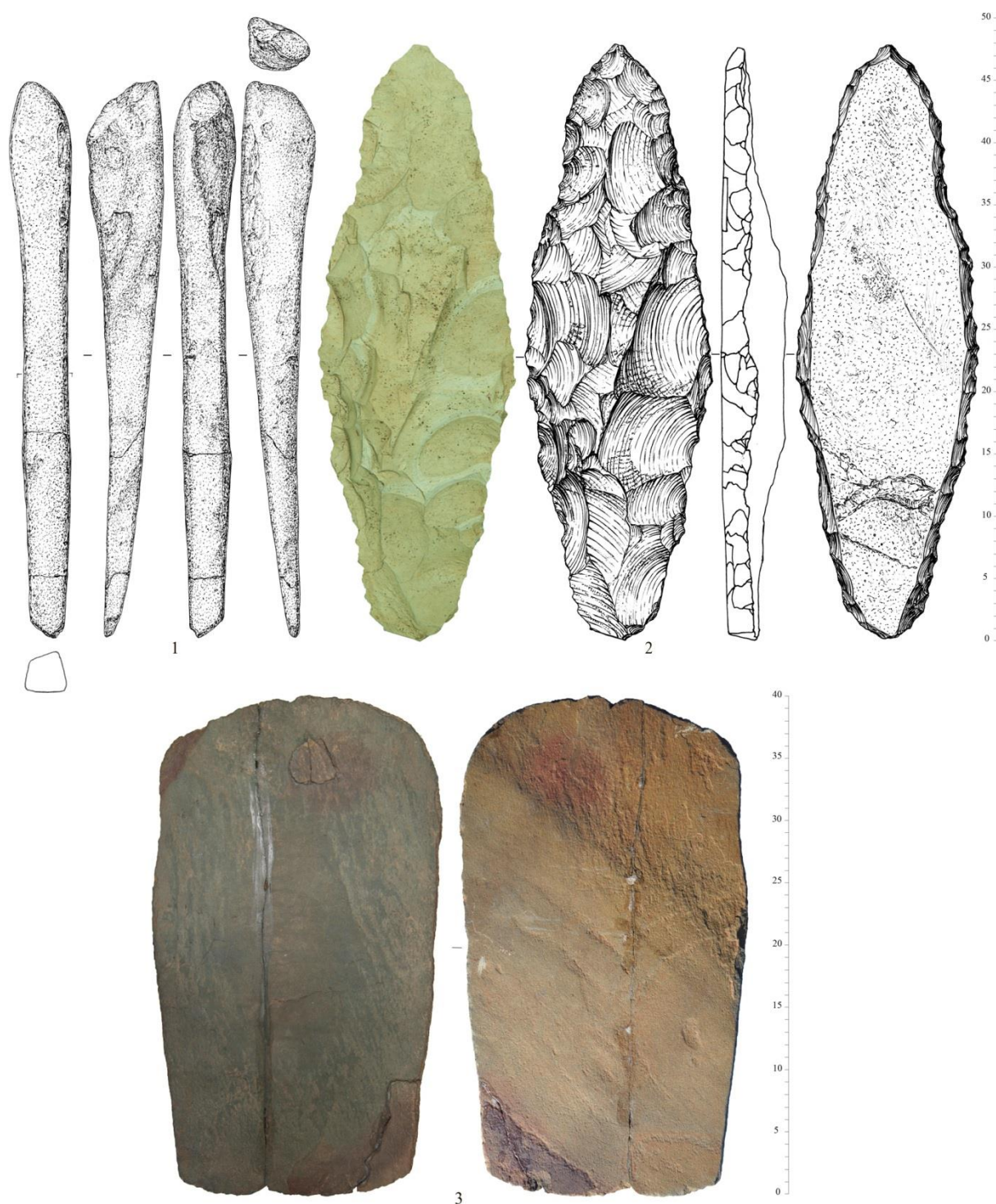

Рис. 5. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век, материалы скопления: 1 – палица; 2 – нуклеус для производства отщепов, окремненный аргиллит; 3 – палетка

Fig. 5. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age, findings of concentration: 1 – club; 2 - silicified argillite core for flake production; 3 - palette

размер: один монофронт (рис. 5.2), второй бифронтальный (рис. 6.10). Остальные меньших размеров, большая часть из них является фрагментами истощенных плитчатых нуклеусов (рис. 6.11–13), их морфология в ряде случаев повторяет форму крупных нуклеусов. У некоторых на контрфронте фиксируется

поверхность шлифовки (резания). Предметы имеют характерные для данного типа элементы: фронт скалывания с многочисленными негативами снятий отщепов, круговые (замкнутые) ударные площадки, оформленные с фронта скалывания под углом, позволяющим производить сколы укороченных пропор-

Рис. 6. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век: 1, 2 – заготовки нуклеусов; 3–7 – нуклеусы для отжима микропластинок; 6 – нуклеус-дрель; 8, 9 – микропластинки; 10–13 – нуклеусы для производства отщепов

Fig. 6. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age: 1, 2 - core preforms; 3-7 - microblade pressure cores; 6 - drill core; 8, 9 - microblades; 10-13 - cores for flake production

ций, скалывание которых производилось по естественной слоистой структуре плитчатого аргиллита.

Колотые плитки аргиллита со следами резания на плоских поверхностях представлены в количестве 7 экз., вероятно, часть из них является фрагментами плитчатых нуклеусов.

Продукты расщепления камня представлены 1322 экз. В составе: различные сколы, включающие такие категории как отщепы, обломки колотых плиток и галек, осколки, чешуйки (1299 экз. – 98,1 %); пластины (шириной 15–27 мм, 8 экз.), пластинки (шириной 7–9 мм, 8 экз.), микропластинки (шириной 3–6 мм, 7 экз.) (рис. 6.8,9), в совокупности доля сколов с морфологией пластин составляет 1,7 %. Первичные сколы от общего количества дебитаж составляют 14,6 %, в большинстве сколоты с плиток аргиллита.

По характеру использованного субстрата отмечается преобладание местного аргиллита (85,7 %), ороговиковый аргиллит, являющийся производным аргиллитового пласта 0,7 %, кремний составляет 8,9 %. Часть кремня галечного происхождения, часть кремня, вероятно, также происходит из аргиллитового пласта. Значительно в меньшем количестве использовались такие субстраты как гранит-порфир (0,86 %), кварцит (0,88 %), долерит (0,68 %), жильный кварц (0,6 %), сливной микрокварцит (0,6 %), кварц-горный хрусталь (0,33 %), кремнистый сланец (0,25 %), халцедон (0,17 %), туфо-базальт (0,09 %), шиферный сланец (0,08 %).

Орудийный набор

Скребки представлены – 36 экз. По характеру использования субстрата 16 экз. (44,5 %) выполнены из кремня; 10 экз. (27,7 %) выполнены из аргиллита; 6 экз. (16,7 %) из сливного микрокварцита; 2 экземпляра (по 5,6 %) выполнены из жильного кварца, фиксируются скребки (по 1 экз.) из прозрачного халцедона и серицит кварцевого сланца (по 2,8 %). В качестве заготовок в основной массе использовались отщепы, в одном случае использована плитка сланца. По типу большую часть 22 экз., можно классифицировать как концевые, среди которых: скребок с плечиком (рис. 7.25) и черешком (рис. 7.13), укороченный скребок (рис. 7.17), скошенные скребки (по 1 экз.) в правую и левую сторону (рис. 7.18, 22). Скребки с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра представлены 7 экз. (рис. 7.7), с ретушью по периметру 3 экз., дисковидный скребок с альтернативным располо-

жением лезвий (1 экз.) и скребок с носиком (рис. 7.3, 35), фрагменты скребков с поперечно-выпуклыми лезвиями представлены 2 экз. (рис. 7.26, 29). Большой частью лезвия скребков оформлялись дорсальной субпараллельной ретушью (рис. 7.10). На части скребков по вентралу фиксируются участки уплощения орудия ретушью.

Скребло и скобель (по 1 экз.). Скребло выполнено на гальке метапесчаника (рис. 7.4). Скобель имеет «орнитоморфную» морфологию в плане, вогнутое лезвие скобеля сформировано отвесной ретушью по широкой части отщепа (рис. 7.2).

Абразивные инструменты коллекции 21 экз. Из них 11 экз. представлены фрагментами брусков желобчатых абразивов (рис. 8.4–11). В трех случаях проточки фиксируются на различных по форме кусках песчаника (рис. 8.14). Ширина проточек абразивов варьируются от 6 мм до 10 мм, в большинстве 9 мм, глубина 1,5 до 4 мм. По форме желобка преобладают округлые, но также фиксируются и V-образные проточки. Для инструментов использовался кварцпалеошпатовый песчаник. Кроме желобчатых абразивов из данного сырья найдено еще три предмета.

Первый и второй, вероятно, являются лишь фрагментами абразивных брусков (рис. 8.12,13). Третий предмет является крупным абразивным орудием, подпрямоугольной формы в плане и шестигранной в поперечном сечении (рис. 8.2).

Кроме абразивных инструментов, выполненных из песчаника, для шлифовки использовались гальки вытянутой формы из долерита и метапесчаника, диагностировано 4 экземпляра. Три имеют близкие размеры (длину 160–190 мм). Классифицированы, как бруски на удлинённых плоских гальках. У одного рабочие поверхности шлифовки сформированы на узких краях (рис. 8.3), у двух наоборот на плоской стороне. Третий предмет является комбинированным орудием и отличается от первых массивностью (рис. 8.1).

Наконечники стрел, как абразивные орудия и скребки, являются одной из ведущих категорий орудий (23 экз.), часть из них является заготовками и фрагментами орудий. По характеру использованного субстрата 16 экз. (69,6 %) выполнены из аргиллита, 6 экз. из кремня (26,1 %) и 1 экз. из окремненного туффита (4,3 %). В качестве заготовок использовались отщепы, в меньшем количестве тонкие плитки

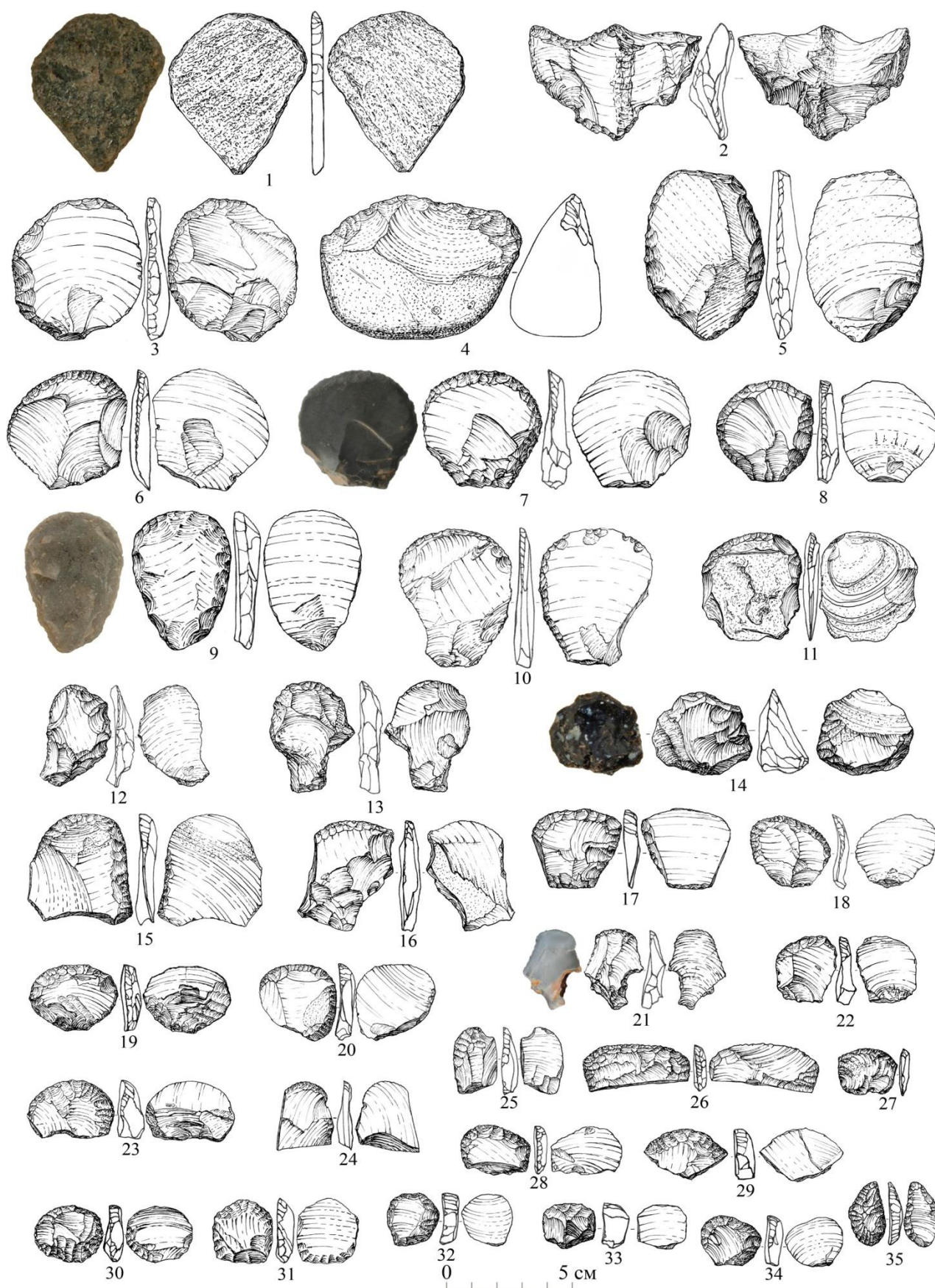

Рис. 7. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век: 1, 3, 5–35 – скребки; 2 – скобель; 4 – скребло

Fig. 7. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age: 1, 3, 5-35 – end-scrapers; 2 - concave scraper; 4 - large side-scraper

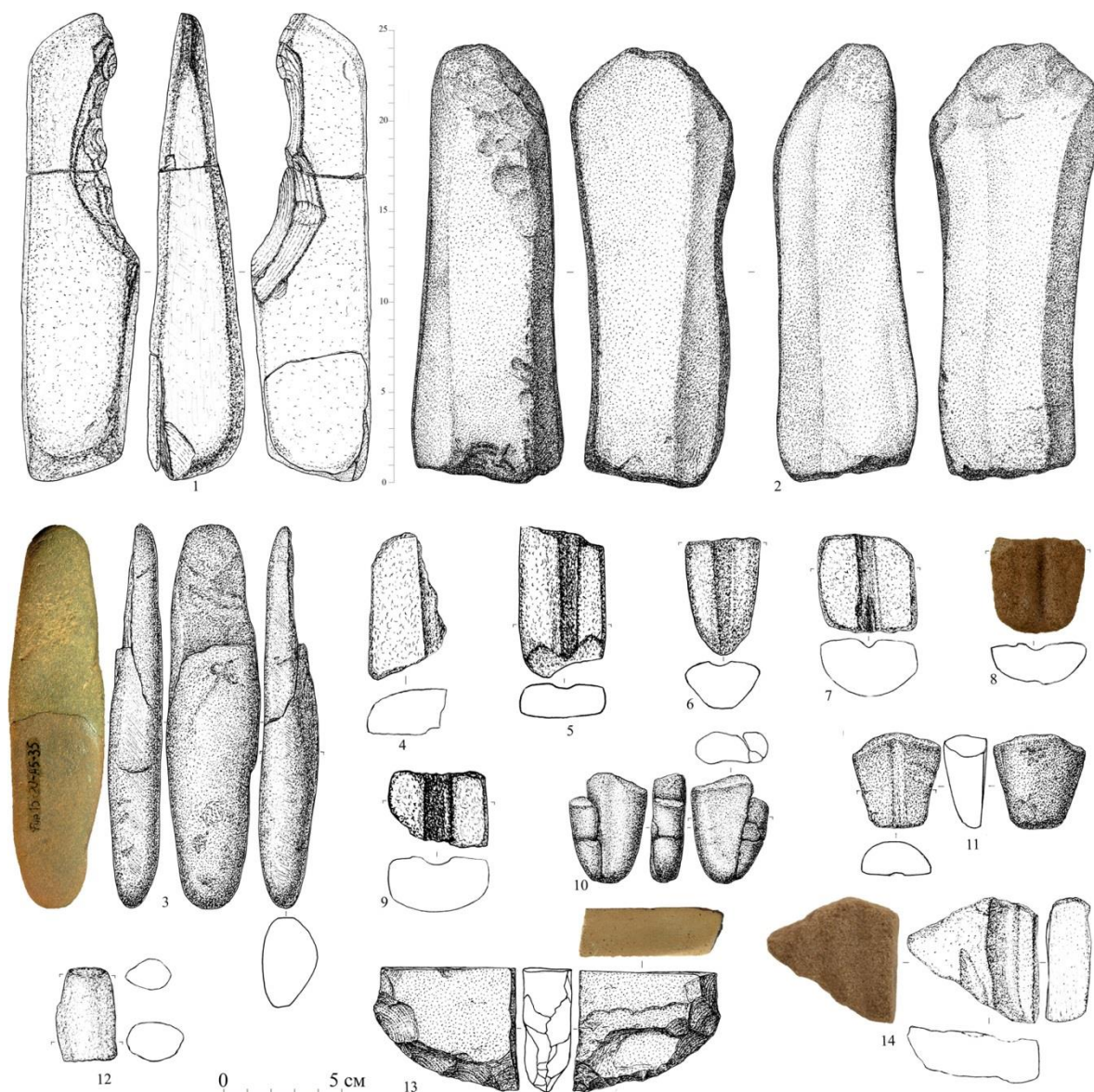

Рис. 8. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век: 1–14 – абразивные инструменты
 Fig. 8. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age: 1-14 - abrasive tools

аргиллита. По характеру насада преобладают (57,9 % от общего количества с сохранившимся элементом) черешковые 11 экз. (рис. 9.1–12), наконечники с округлым насадом (миндалевидные – 31,6 %) представлены 6 экз. (рис. 9.13–17), 2 экз. (10,5 %) имеют вогнутый насад (рис. 9.19–20). У четырех форма насада не диагностируется (рис. 9.21–24).

В одном экземпляре присутствует плоский асимметричный «кинжаловидный» остроконечник (шлифованный нож-бифас). Орудие оформлено на плитке аргиллита. В плане имеет листовидную асимметричную форму, прямой продольный профиль. Оба фаса орудия пришлифованы, выпуклые края по периметру оформлены приострающей ретушью (рис. 9.25).

В одном экземпляре присутствует остроконечник на кремневом отщепе. Острые орудия сформировано дорсальной краевой нерегулярной мелкофасеточной ретушью (рис. 10.14).

Фрагменты плоских ножей-бифасов представлены 6 экземплярами. Два по характеру оформления и морфологии рабочих краев, вероятно, представляли схожий с остроконечниками, плоский в сечении тип орудия. Первое выполнено из кварцита (рис. 9.35), второе – на плитке аргиллита (рис. 9.30). Третий фрагмент ножа полусегментовидный по форме, в плане, вероятно, являлся фрагментом сегментовидного ножа (рис. 9.37). Остальные предметы являются фрагментами плоских бифасов, два из которых выполнены из аргиллита, один из кварцита (рис. 9.34).

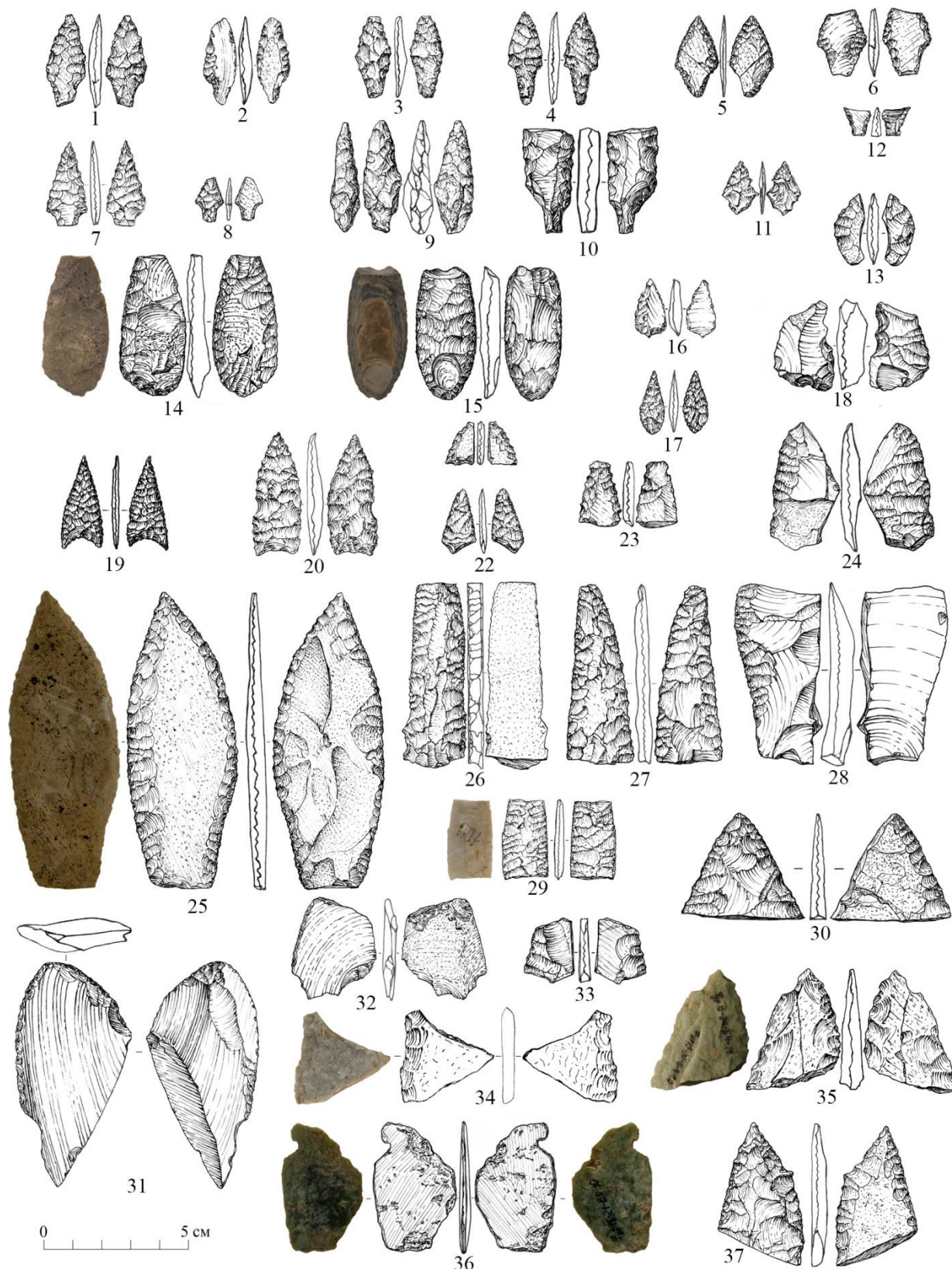

Рис. 9. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век: 1–24 – наконечники стрел и их фрагменты; 25 – плоский асимметричный «кинжаловидный» остроконечник (шлифованный нож-бифас); 30, 34, 35, 37 – фрагменты плоских ножей-бифасов; 31, 32 – ножи-унифасы; 27, 29, 33 – вкладыши; 36 – Шлифованный нож (кварцит); 31, 32 – ножи на отщепе

Fig. 9. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age: 1-24 - arrowheads and their fragments; 25 - flat asymmetrical "dagger-like" point (ground bifacial knife); 30, 34, 35, 37 - fragments of flat bifacial knives; 31, 32 - unifacial knives; 27, 29, 33 - inserts; 36 - polished knife (quartzite); 31, 32 - flake knives

Рис. 10. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век: 1, 3 – проколки; 2, 4, 5 – провёртки; 7, 8 – жала провёрток; 6 – клювовидное острие; 9–12 – резцы; 13 – долотовидное орудие; 14 – остроконечник; 15 – резчик на отщепе; 16, 17 – шлифованные тесла (кварцит); 18 – долотовидное орудие (заготовка) выполненное из кварцита; 19, 20 – фрагменты шлифованных орудий из кварцита; 21 – отщеп шлифованный по дорсалу (ороговиковый аргиллит)
Fig. 10. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age: 1, 3 - perforators; 2, 4, 5 - borers; 7, 8 - drill tips; 6 - beak-shaped point; 9-12 - burins; 13 - chisel-like tool; 14 - pointed tool; 15 - burin on a flake; 16, 17 - polished adzes (quartzite); 18 - chisel-like tool (preform) made of quartzite; 19, 20 - fragments of polished quartzite tools; 21 - flake polished on the dorsal side (hornfelses argillite)

В единственном экземпляре представлен бифасиально тщательно отшлифованный нож из зеленого кварцита (рис. 9.36).

Ножи-унифасы представлены 2 экз. Первый выполнен на аргиллитовой плитке. Представлен двулезвийным «кинжаловидным» вариантом ножа (рис. 9.26). Второй нож однолезвийный, выполнен на крупном аргиллитовом сколе (рис. 9.28).

Ножи на отщепе (2 экз.). В качестве субстрата в обоих случаях выступал окремненный аргиллит (рис. 9.31,32).

Вкладыши – 3 экз. Первый из кремня (рис. 9.29). Второй из аргиллита (рис. 9.27). Третий, предположительно, фрагмент вкладыша, в продольном сечении тонкий, прямой, бифасиально ретушированный (рис. 9.33).

Провёртки и проколки представлены 7 экземплярами. В качестве субстрата в шести случаях использован окремненный аргиллит (85,7 %) и лишь в одном кремнь (14,3 %). В качестве заготовок орудий в трёх случаях использовались отщепы, в двух – краевые сколы с ребра плитки, у 2 экз. исходная заготовка не диагностируется.

К категории проколов отнесены 2 экз. При общем сходстве категорий, они отличаются от провёрток более тонкими и менее интенсивно оформленными жалами, как следствие использования более тонкой исходной заготовки (рис. 10.1, 3). В обоих случаях на проколках выделяются плечико, жало в одном случае длинное, во втором – короткое.

Провёртки (5 экз.) характеризуются более толстыми, в четырех случаях, бифасиально оформленными жалами. Одна двойная с плечиком, ее жала выделены ретушированными выемками с разных фасов по антитезе (рис. 10.4). Остальные – одинарные, с одним (рис. 10.2) и двумя плечиками (рис. 10.5). Две представлены только жалами провёрток, бифасиально оформленными по всей длине (рис. 10.7,8).

В единственном экземпляре зафиксировано «клювовидное острие» с бифасиально оформленной рабочей частью (рис. 10.6).

Резцы – 4 экз. В качестве субстрата использованы твердые породы в 3 случаях сливной микрокварцит (75 %), в одном кремнь (25 %), в качестве заготовок в трех случаях использовались сколы с пропорциями отщепов, в одном – бифасиальная заготовка. По характеру исполнения один представлен

комбинированным типом – трансверсальным и угловым резцом, выполненным на бифасиальной преформе (рис. 10.12). Одинарные трансверсальные резцы представлены 2 экз., у обоих головки резцов оформлялись с левого маргинала. Уплотнение основания – точки насада, в обоих случаях осуществлялось по дорсальному фасу (рис. 10.10,11). Оформляющая контуры орудия маргинальная краевая ретушь фиксируется только у одного резца, покрывает только один, левый маргинал и сужает орудие к насадку (рис. 10.10). В единственном экземпляре представлен скошенный резец, отличающийся от остальных резцов тонкостью (рис. 10.9).

По 1 экз. зафиксированы орудия: резчик на аргиллитовом отщепе, рабочий участок которого выделен дорсальной и вентральной ретушью (рис. 10.15), бифасиальная заготовка орудия из кремня – выемчатое орудие, оформленное на обломке плитчатого кремня.

Долотовидные орудия представлены 2 экз. Первое, небольшого размера, тонкое в продольном сечении, выполнено на сколе желтого кремня с пропорциями пластины (рис. 10.13). Второе, более крупного размера, из темно-зеленого кварцита с волокнистой структурой, предмету задана подпрямоугольная форма; резким схождением двух сторон под углом 40° сформировано тупое лезвие. Предмет, вероятно, является заготовкой орудия, требующего доводки шлифованием (рис. 10.18).

Шлифованные тесла представлены 2 экз. В качестве субстрата в обоих случаях использовался зеленый кварцит. Одно тесло укороченное, трапециевидное по форме в плане (рис. 10.16). Второе тесло, по размерам сопоставимо с первым, по форме в плане ромбовидное. Оба фаса предмета тщательно оформлены шлифовкой (рис. 10.17).

Фрагменты шлифованных предметов представлены 8 экз.: фрагментом тела тесла или топора из кварцита (рис. 10.19); небольшим фрагментом орудия из зеленого кварцита (рис. 10.20). Также в слое найдено 6 отщепов «сколов декорткации», из ороговикового аргиллита, сколотых со шлифованного орудия (рис. 10.21).

Отщепы с ретушью и фрагменты орудий на отщепе представлены 15 экз. По большей части это предметы, которые сложно отнести к какой-либо категории орудий. Выделяется группа поперечно фрагментированных отщепов с дорсальным оформлением

лезвий приостряющей ретушью на правом маргинале заготовки, с ретушированными участками по вентральному и дорсальному фасам заготовки. В единственном экземпляре фрагмент пластины с ретушью на продольном крае, в качестве субстрата использован зеленый сливной микрокварцит. Отщепы с ретушью утилизации представлены 20 экз., на предметах фиксируется нерегулярная краевая ретушь.

Категория предметов, вероятно, неутилитарного назначения, представлена 3 изделиями.

Первое изделие: керамическая рыба (рис. 11.1,2). Скульптурка имеет наибольшее сходство с налимом. Фигурка сохранилась не полностью, отсутствует правый фрагмент головы, наличие хорошо сохранившейся левой части головы позволяет смоделировать ее облик полностью (рис. 11.1).

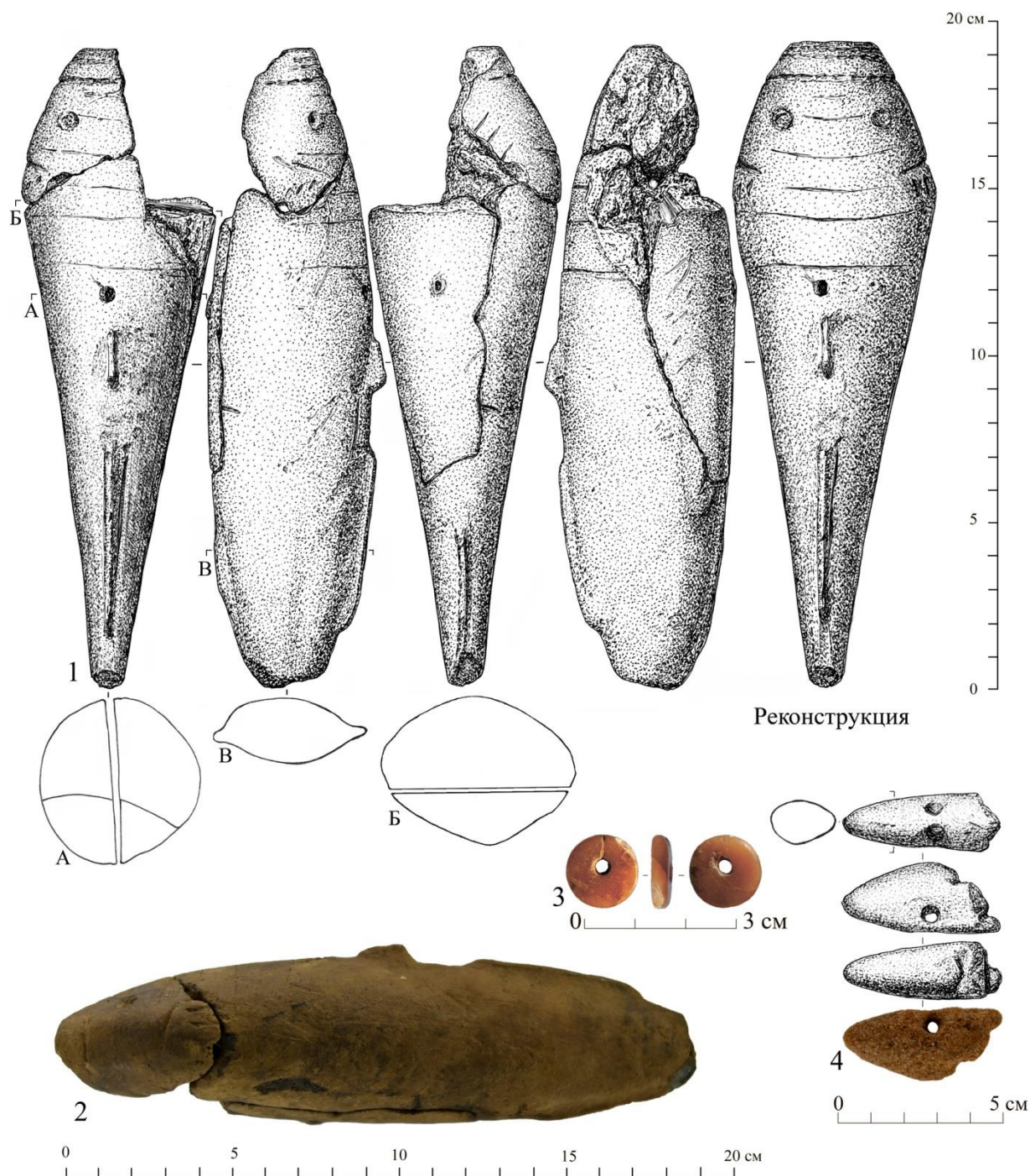

Рис. 11. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век: 1-2 – терракотовая скульптурка «налимообразной» рыбы; 3 – подвеска из агальматолита; 4 – фрагмент скульптурки « сигаобразной» рыбки-приманки
 Fig. 11. Cultural layer No. 2, Late Neolithic – Early Bronze Age: 1-2 - terracotta figurine of a "burbot-shaped" fish; 3 - agalmatolite pendant; 4 - fragment of a "whitefish-shaped" fish figurine - a fishing lure

Кроме фрагмента головы у изображения, возможно, отсутствует и часть хвоста. В склеенном виде рыба имеет следующие размеры: длина – 195 мм, ширина в самой широкой части, у основания жабер – 59 мм, средняя высота – 50 мм (максимальная с плавником 54 мм). Фигурка рыбы выполнена в реалистичной манере, тело вытянутое, каплевидное по форме, от головы сужается к хвосту, уплощенное по соотношению ширины к высоте, к хвосту тело становится приплюснутым по бокам. Голова уплощённая, занимает почти 1/3 всей длины изделия. Носовая часть притупленная, в 25 мм от неё к хвосту располагаются широко посаженные, продавленные, округлые по форме глаза, жабры выделены по краям головы одной косой глубокой поперечной линией и тремя короткими продольными косыми параллельными линиями. В основании жабер выполнено поперечное сквозное отверстие, горизонтально-симметричное относительно тела рыбы, от которого в 30 мм по телу к хвосту оформлено еще одно вертикальное сквозное отверстие, проходящее сквозь всё тело от спины к правой части брюха рыбы с легким смещением. Голова рыбы в верхней части от ноздрей до спинного плавника украшена шестью поперечными неглубокими субпараллельными линиями, непосредственно носовая часть выделена тремя рядами продольных параллельных линий, оформленных симметричными, один к одному пунктирными вдавлениями овального стека (гребенчато-роликовый штамп). Со стороны брюха в основании головы фиксируются три косых параллельных коротких ряда линий, выделяющих место раскрытия жабер. От средней части к хвосту, выделены спинные плавники, первый короткий, второй длинный. Анальный плавник менее длинный около 1/3 длины. Верхний спинной плавник не соединяется с хвостом, нижний к месту слома хвоста сужается, вероятней всего, также не соединялся с ним.

Второе изделие. Фрагмент скульптурки рыбы из среднезернистого песчаника (рис. 11.4). Изделие представлено лишь головной частью рыбы с овально-уплощенным телом, вытянутой остроконечной по форме головой, сужающейся к морде. На расстоянии 25 мм от остро оформленного конца морды, со смещением к одному из краев просверлено сквозное отверстие, имитирующее место расположения глаз (Ø 3–4 мм). Ниже глазного отверстия в двух местах, на 12 мм ниже по спине и по диагонали в месте

расположения грудного плавника рыбы просверлены сквозные отверстия, по которым произошел слом изделия. Исходя из остаточной морфологии, можно предположить, что данный предмет имитировал морфологию «сигообразной» рыбки-приманки.

Третье изделие. Округлая по форме и уплощенная в сечении подвеска из агальматолита (Ø 14 мм, «h»–3,5 мм). В центральной части подвески фиксируется сквозное отверстие, на одной из сторон которой от отверстия к краю предмета сделан неглубокий пропиловый бороздка в том месте, где отверстие смещено от центра к краю изделия (рис. 11.3).

Характеристика керамики

По морфологии керамика разделена на две хронологические группы: керамика раннего бронзового века и керамика позднеолитическая. Также отдельно представлена керамика без четкой хронологической привязки и, условно, отнесенная к периоду ПН – РБВ.

Группа керамики раннего бронзового века

К данной группе отнесены фрагменты венчиков и тулов более 10 гладкостенных сосудов, а также сосудов с отпечатками «рубчатой лопатки» (отпечатки горизонтальные, косые, разнонаправленные, накладывающиеся). Общими для группы являются: преобладание тонкостенных сосудов открытой/прямой формы, орнаментация бортиков косо-параллельными вдавлениями ногтем/насечками, пальцевыми зажимами; наличие «жемчужин» (несквозные округлые вдавления с внутренней стороны фрагментов ниже края бортика); по тулову – прочерченные линии и непрерывные наколы (рис. 12).

Позднеолитическая группа керамики

К данной керамике отнесены фрагменты венчиков и тулов сетчатых и гладкостенных сосудов с пунктирно-гребенчатым штампом.

Сетчатая керамика

Данная керамика представлена фрагментами более чем от 10-ти сосудов. Четыре экземпляра – это сосуды открытой формы с утолщенными венчиками и прямыми широкими плоскими бортиками, орнаментированными разнонаправленными косо-параллельными насечками, ниже бортиков – горизонтальные ряды несквозных округлых вдавлений, иногда огибаемых тонко прочерченной ломаной линией (рис. 13.1, 2).

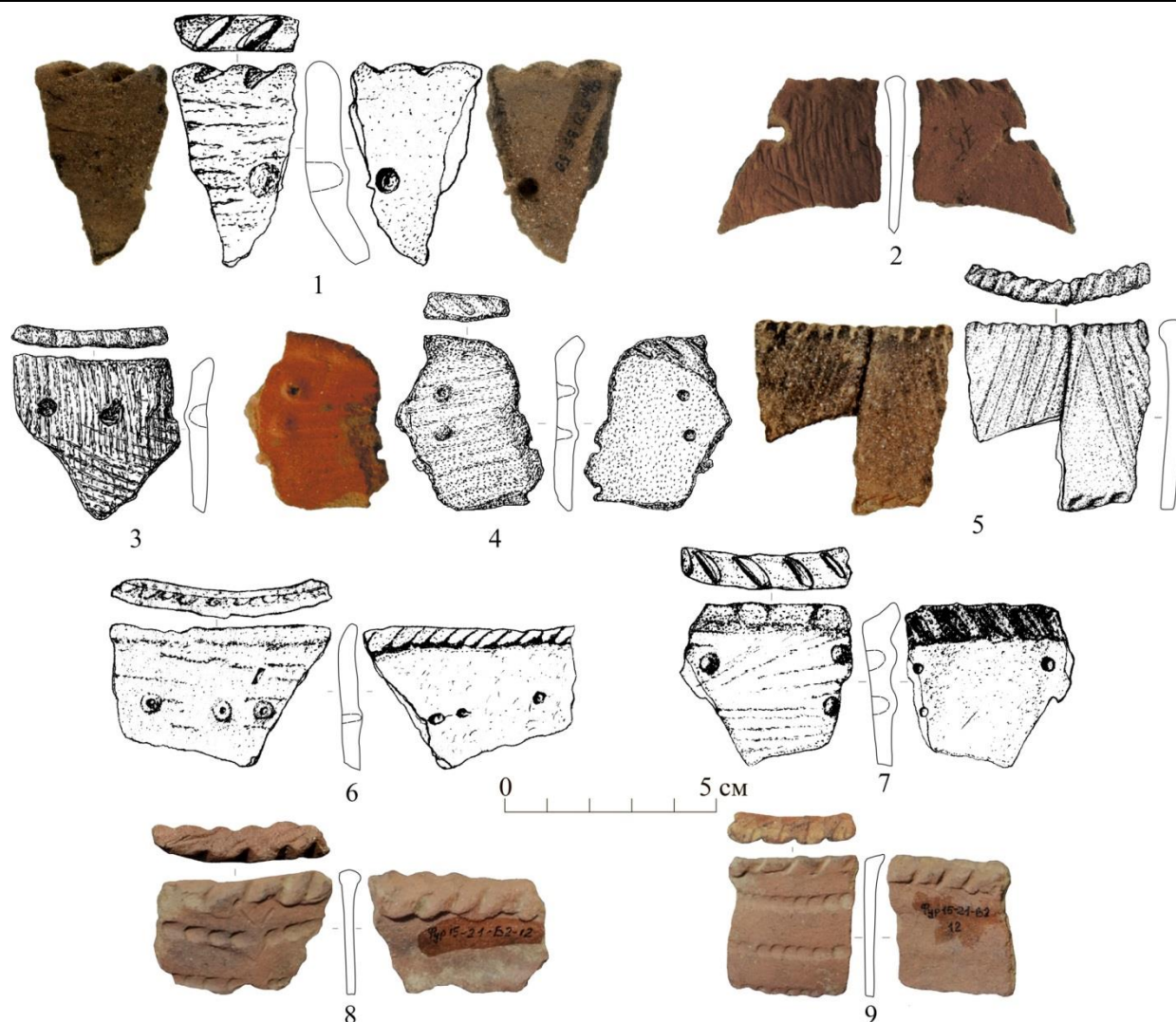

Рис. 12. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век, группа керамики раннего бронзового века

Fig. 12. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age, Early Bronze Age ceramic assemblage

Прочие фрагменты (6+ сосудов) имеют тонкостенные прямые венчики с плоскими бортиками, у 2 экз. бортики оформлены косо-параллельными отступающими узкими вдавлениями.

Пунктирно-гребенчатая керамика

Наиболее многочисленная группа (около 40 сосудов), по оформлению венчиков и тулов разделена на 4 подгруппы.

1 подгруппа. Гладкостенные среднестенные сосуды открытой формы (Ø 10–27 см), имеющие прямые бортики, оформленные косо-параллельными отступающими вдавлениями зубчатого стека (бортики иногда без оформления); венчики с внешней стороны имеют плавные «карнизы» (высотой до 1,5 см), оформленные вертикальными рядами вдавлений многозубчатого стека; под «карнизами» 2–4 горизонтально-параллельных ряда, каждый из кото-

рых выполнен прерывистыми или непрерывными отступающими вдавлениями многозубчатого стека (рис. 13.3–8).

2 подгруппа. Гладкостенные сосуды открытой формы (Ø 23–30 см), имеющие ниже внешнего края бортика наклепные валики (1–3 шт., толщ. 4–10 мм); края бортиков и поверхности валиков оформлены косо-параллельными отступающими вдавлениями зубчатого стека (часто встречного направления); под валиками непрерывно отступающим зубчатым стеком выполнены 1–2 горизонтальных ряда. Присутствуют фрагменты тулов со сложным зигзагообразным орнаментом (рис. 13.9–14).

3 подгруппа. Сосуды открытой формы, среднестенные, асимметричные (19 шт., Ø 20–30 см), имеют плоские бортики, оформленные косо-параллельными глубокими вдавлениями зубчатого

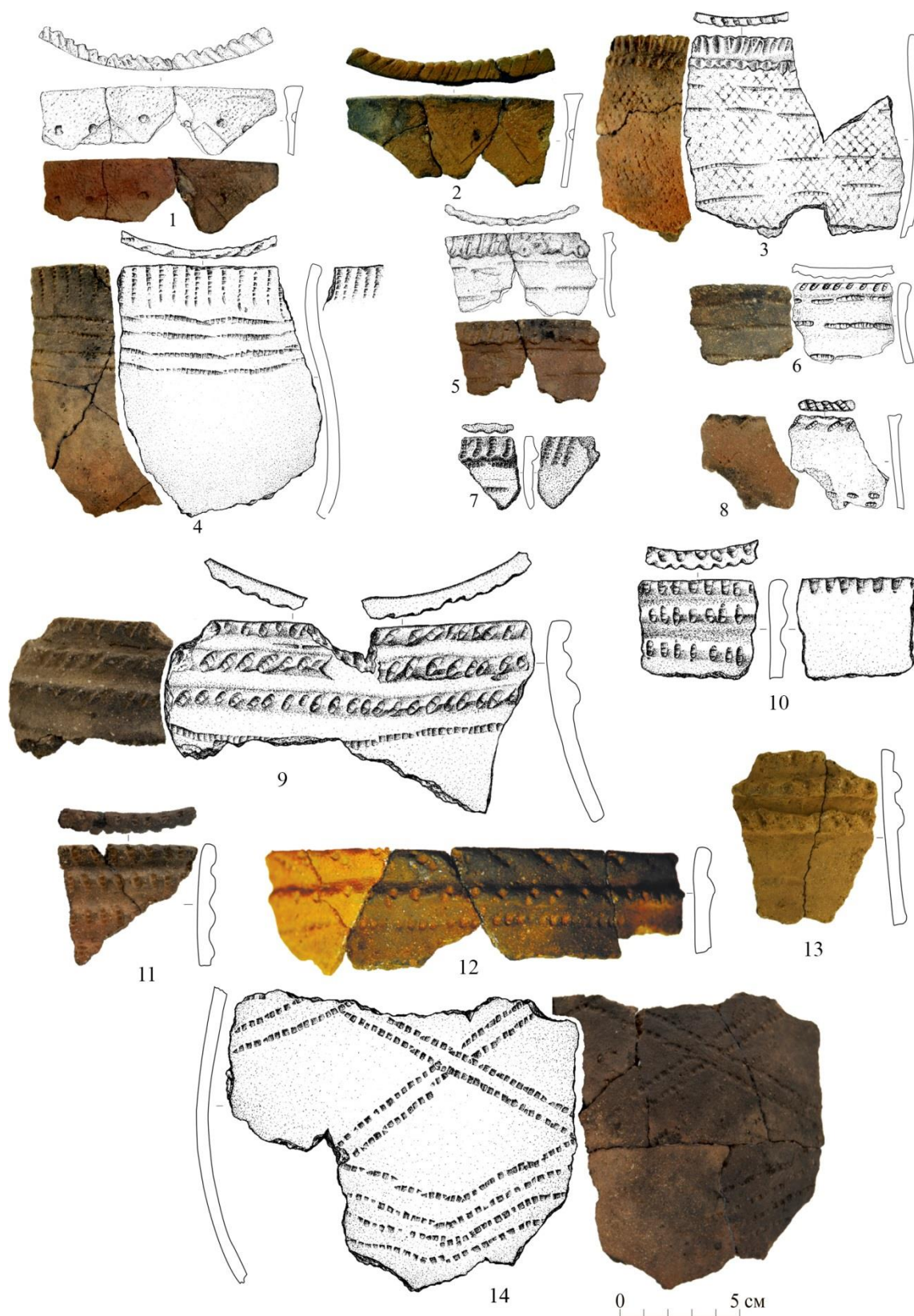

Рис. 13. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век, поздненеолитическая группа керамики

Fig. 13. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age, Late Neolithic ceramic assemblage

стека; внешняя сторона венчиков орнаментирована вертикально-параллельными рядами, также выполненными зубчатым стеклом. Аналогично орнаментированы внешние поверхности тулов, где зубчатые

наколы рядные (5–7 рядов), горизонтальные, непрерывные (рис. 14.1–6).

4 подгруппа. Гладкостенные сосуды (6 шт., Ø 22–34 см), открытой формы, средне- и тонкостен-

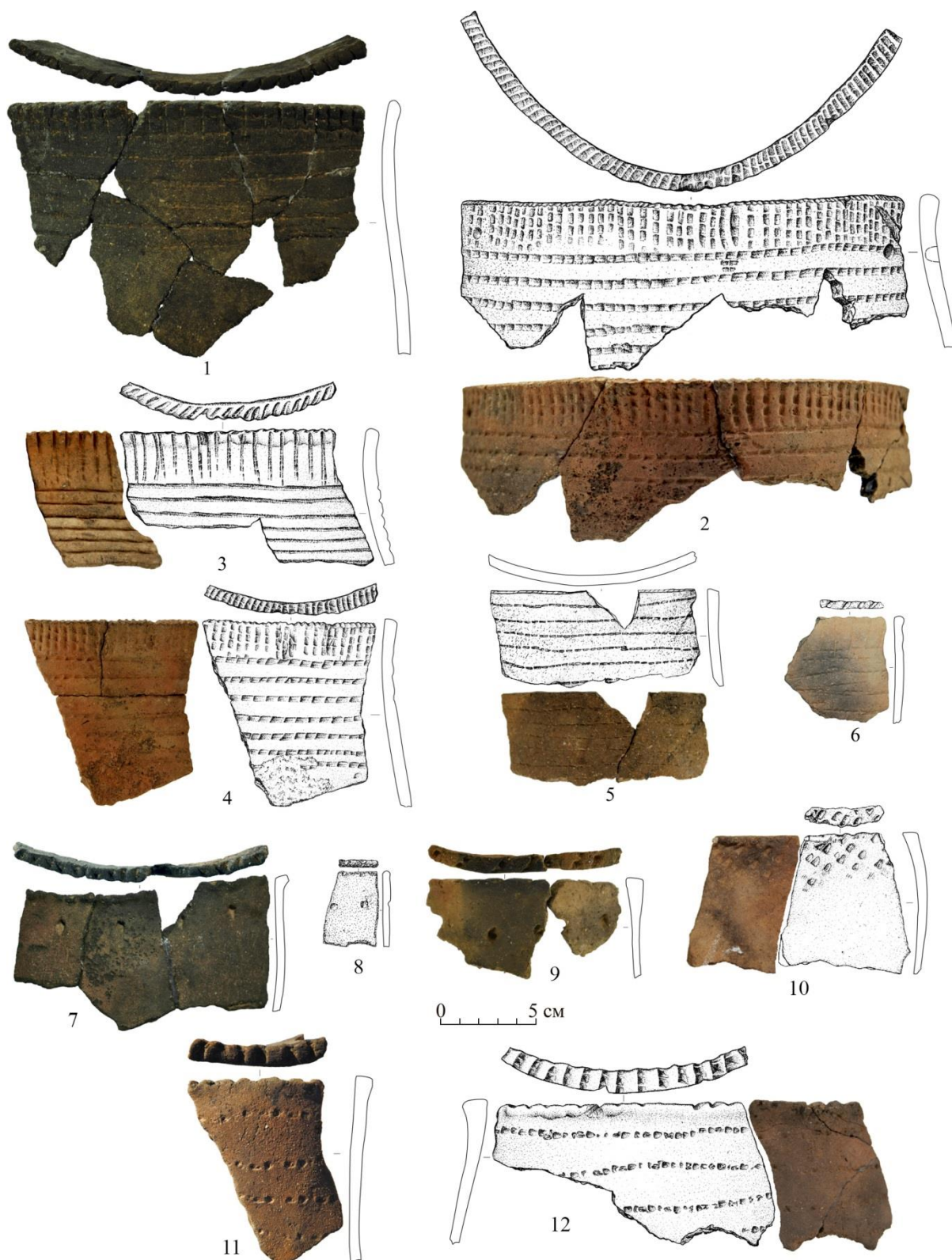

Рис. 14. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век, поздненеолитическая группа керамики

Fig. 14. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age, Late Neolithic ceramic assemblage

ные, имеют округлые, плоские или прямоугольные бортики, оформленные косо-параллельными глубокими вдавлениями зубчатого или широкого приотстрённого стека; с внешней стороны венчики и частично поверхности тулов орнаментированы горизонтально-параллельными рядами, оформленными отступающими разряженными или непрерывными наколами зубчатых, прямоугольных или округлых стеков (в некоторых случаях, тулово сосуда без орнаментации) (рис. 14.7–12).

Группа керамики позднего неолита – бронзового века

Группа представлена 7-ю гладкостенными сосудами. Общие черты: открытая форма, венчики утолщены налепами (кроме 2-х сосудов), бортики оформлены глубокими вдавлениями (преимущественно прямоугольным/зубчатым стеком, часто косо- или вертикально-параллельными рядами), орнаментация внешней стороны тулова отсутствует или представлена горизонтально-параллельными рядами, выполненными округлым или узким стеком в технике отступания (1–3 ряда) (рис. 15).

Подводя итог описанию керамики слоя, необходимо отметить фиксацию фрагментов донцев от 8-ми сосудов: семь фрагментов – гладкостенные (сосуды круглодонные), один фрагмент приотстрённого донца с отпечатками «рубчатой лопатки».

Обсуждение

Рассматривая коллекцию местонахождения Фурманова в целом, важно отметить, что материалы культуросодержащего слоя 1 представлены:

- керамикой, из горизонта, датируемого поздним железным веком – средневековым (рис. 3);
- керамикой, крицей и плитками сланца с включением рудного материала – из горизонта, датируемого ранним железным веком (рис. 4).

Каменный инвентарь в стратиграфической связи с материалами железного века – средневековья отсутствует и соотносится исключительно с к. с. 2, датируемым поздним неолитом – ранним бронзовым веком (рис. 5–15).

Керамический комплекс местонахождения разделён на пять хронологических групп:

Группа 1 (поздний железный век – средневеко-

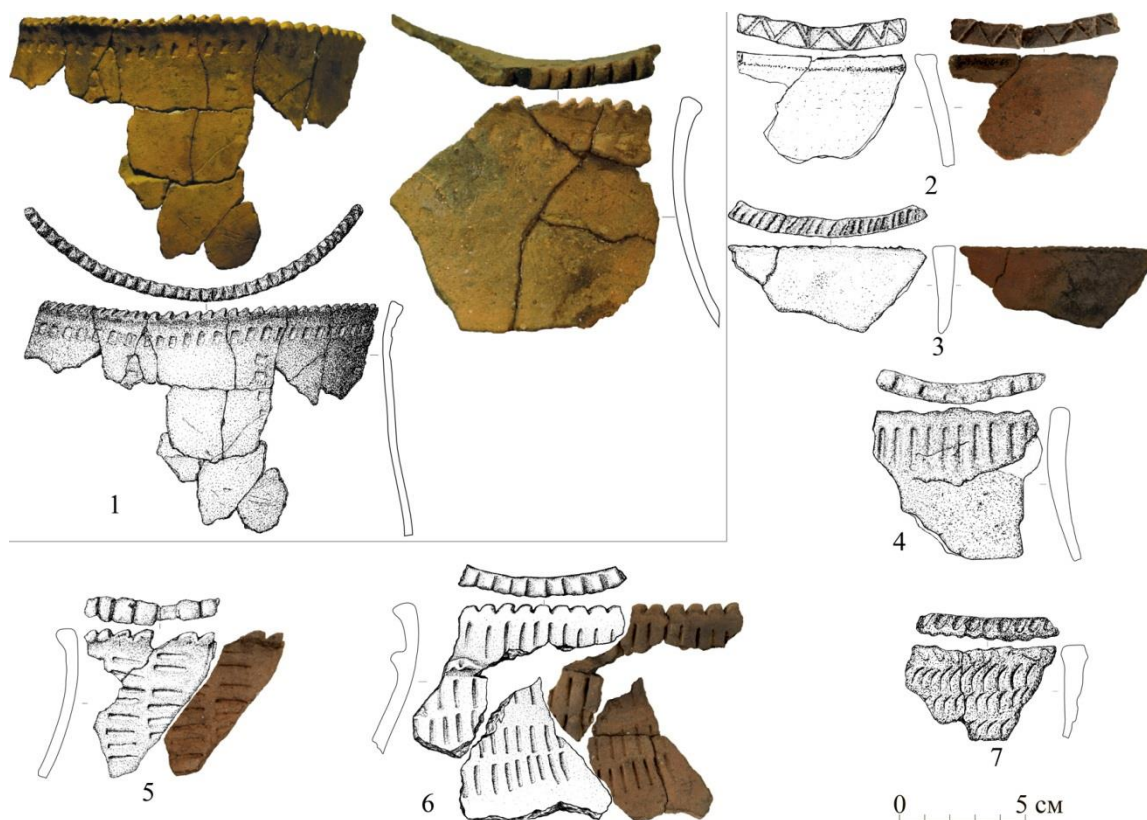

Рис. 15. Культуросодержащий слой № 2, поздний неолит – ранний бронзовый век, группа керамики позднего неолита – бронзового века

Fig. 15. Cultural layer No. 2, Late Neolithic - Early Bronze Age, Late Neolithic - Bronze Age ceramic assemblage

вые (II–I тыс. л. н.), представленная 5 гладкостенными сосудами, выполненными без применения гончарного круга. Сосуды орнаментированы прочерченными линиями, иногда образующими «решётку». Отличительная черта – состав формовочной массы: слабоожеlezнённая глина средней запесоченности с мелкими фракциями дресвы (<1 мм). Черепки в изломе очень плотные и однородные, цвет – от серого до светло-серого, что контрастирует с преобладающими в комплексе красноватыми и тёмно-серыми (чёрными) оттенками. На площади раскопа эта керамика фиксировалась единичными фрагментами и небольшими скоплениями, вероятно, исключительно утилизировалась на территории стоянки (рис. 3).

Группа 2 (ранний железный век (III–II тыс. л. н.)), представлена 2 сосудами. Сосуды имеют профилированные венчики; бортики оформлены частыми косо-параллельными узкими вдавлениями, внешние поверхности венчиков – круглыми вдавлениями и прочерченными линиями. Аналоги в материалах стоянок Байкальской Сибири не известны. По нагару получена дата по C14: 1953±29 лет BP (GV-5177) (рис. 4).

Группа 3 (ранний бронзовый век (IV–III тыс. л. н.)), представлена гладкостенными сосудами и сосудами с отпечатками «рубчатой лопатки». Сосуды орнаментированы непрерывно отступающими округлыми вдавлениями в виде горизонтально-параллельных рядов, иногда ломанных (рис. 12.1–4, 6–7). Характерная черта – оформление венчиков несквозными круглыми вдавлениями с внутренней стороны «жемчужины». Аналоги широко представлены в поселенческих комплексах Байкальской Сибири и сопредельных территорий: стоянки Абакан-18 (Сенотрусова, 2015), Стародумный Бык (Фокин, 2009, Фокин, 2015) в Нижнем Приангарье; Генералова (Абрашина, 2022) в долине р. Чуны; Макарово 1, Усть-Ямная, Турука (Зубков, 1982)⁶ на Верхней Лене; памятники Канско-Рыбинской котловины (Тимошенко, Савельев, 2013).

Группа 4 (поздний неолит V–IV тыс. л. н.), представленная сосудами, оформленными пунктирно-гребенчатым штампом (рис. 13.3–14; 14). По результатам многолетних исследований данная кера-

мика датируется поздним неолитом (~5850–4300 кал. л. н.). Представлена на стоянках: Улан-Хада, слой IX (Хлобыстин, 1964); Саган-Заба II, слой IV (Новиков, Воробьева и др., 2023) – северо-западное побережье Байкала; Нижесерёдкино (Окладников, Абрамова, 1978; Синицына, 1985) – нижнее течение Ангары; Поповский Луг – Верхняя Лена (Зубков, 1982)⁷.

Наряду с пунктирно-гребенчатой керамикой в слое встречаются сосуды с отпечатками «сетки-плетёнки» (Бердников, Уланов, Соколова, 2017; Новиков, Горюнова, Долганов, 2020), которые представлены фрагментами простых сосудов с утолщёнными налёпами венчиками (рис. 13.1–2). Внешние стороны венчиков обычно оформлены пояском округлых вдавлений в сочетании с ломаной прочерченной линией. Один сосуд сочетает сетчатую поверхность с пунктирно-гребенчатым орнаментом. Вероятно, эти сосуды также относятся к поздне-неолитическому комплексу.

Группа 5 (поздний неолит – ранний бронзовый век (V–III тыс. л. н.)) включает фрагменты от 7 гладкостенных сосудов. Бортики венчиков оформлены косо-параллельными отступающими вдавлениями плоского стека (один случай – ломаной линией). Внешние поверхности венчиков пяти сосудов орнаментированы горизонтальными или вертикальными рядами аналогичным стеком (один случай – прямоугольным стеком: горизонтальный ряд с присоединяющимися вертикальными); у двух – гладкие. У одного сосуда лента венчика присоединена под сильным давлением, образовав своеобразный «карниз» (рис. 15).

Керамический комплекс 2 к. с. наибольшие аналогии имеет в материалах стоянок и поселений позднего неолита: это в первую очередь присутствие «пунктирно-гребенчатой» керамики и наличие керамики с оттисками затертой «сетки-плетёнки». Керамику с отпечатками «рубчатой лопатки» строго соотносить с этим временем затруднительно, так как в различных вариациях она присутствует в комплексах бронзового века, но и фиксируется на Байкале в горизонте позднего неолита Саган-Забы II, слой IV (Новиков, Воробьева и др., 2023).

Каменная индустрия культуросодержащего слоя 2 характеризуется преобладанием местного

⁶ Зубков В.С. Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены : дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1982. 179 с.

⁷ Там же.

плитчатого аргиллита и его производных (>85 % сырья). Доминирует отщеповая стратегия расщепления; доля сколов с пропорциями пластин/микропластин составляет лишь 1,7 %. Стратегия реализовывалась утилизацией нуклеусов на аргиллитовых плитках; орудия, независимо от субстрата, изготовлены преимущественно на отщепах или плитках.

В использовании сырья для орудий выявлены функциональные предпочтения. Резцы и шлифованные тесла изготовлены из прочных пород: сливного микрокварцита и высококачественного кремня (резцы), зеленого кварцита (тесла). Скребки также преимущественно из прочных пород: сливного микрокварцита, кремня, жильного кварца, халцедона, серицит-кварцевого сланца, единично – метапесчаника; местный окремнённый аргиллит использован в 27 % случаев. Орудия из прочных субстратов, вероятно, приносились в готовом виде, о чём свидетельствует отсутствие на площади сколов декортации из этих материалов.

Наконечники стрел (наряду с нуклеусами для отщепов, абразивами и скребками – наиболее массовые орудия стоянки), проколки, провёртки, часть ножевидных изделий, отщепы с ретушью и фрагменты орудий преимущественно изготовлены из местного аргиллита (70 % наконечников, 85,7 % проколок/проверток, ~90 % других перечисленных форм). Эти орудия, вероятно, оформлялись на месте, о чём говорят нуклеусы на плитках и сколы их декортации.

Проведенный петрографический анализ кандидатом геолого-минералогических наук А.П. Секе-риным дает основания предполагать, что зафиксированные в слое шлифованные орудия: тесла, ножевидное орудие и два фрагмента орудий (рис. 9.36; 10.16–20) выполнены из зеленого кварцита, а не из сырья, традиционно относимого к нефриту. Кроме шлифованных орудий, изготовленных из этого сырья, зафиксировано нешлифованное долотовидное орудие (рис. 10.18), возможно, являющееся, заготовкой предмета, требующего доводки шлифованием, в раскопе оно залегало рядом с крупным абразивным изделием из песчаника, которым, вероятно, и производилось шлифование (рис. 8.2). Сюжет обнаружения шлифованных орудий из кварцита требует отдельного более широкого регионального рассмотрения и сравнения с материалами стояночных и погребальных комплексов этого времени.

Кроме упомянутого выше сюжета со шлифованными орудиями, отмечено изготовление нуклеуса из шлифованного орудия, нуклеус из ороговикоподобного аргиллита и сколы со шлифованными поверхностями из этого же по петрографии сырья имели распространение на большей части раскопной площади.

На фоне общего распространения продуктов расщепления аргиллита и взаимосвязи предметов культуросодержащего слоя 2, на площади раскопа отмечается значительное количество аппликаций материалов керамического комплекса: склеивающиеся между собой фрагменты сосудов в ряде случаев происходят с участков, удалённых друг от друга на значительные расстояния. На некоторых участках раскопа фиксируются пятна локализации взаимосвязанных предметов, вероятно, зоны обработки и ремонта орудий. Одно локализовалось в юго-восточной части раскопа: в составе находок – аргиллитовый нуклеус для производства отщепов; два черешковых наконечника стрелы из аргиллита; два острия провёрток из аргиллита; желобчатый абразив на плитке песчаника с овальными проточками (шириной до 9 мм); скребок из полосчатого кремня и аргиллитовые сколы. Вероятней всего, участок является местом, где произошел полный цикл изготовления орудий, скалывание заготовок с нуклеуса, изготовление из сколов наконечников и провёрток, в процессе скалывания и изготовления орудий для подправки использовался абразивный инструмент. Второе пятно располагалось в центральной части раскопа, сходный по составу набор орудий, локализовался рядом с кострищем № 1. В целом связь улавливается между всеми участками – пятнами локализации материалов по характеру использования местного и принесённого сырья, орудийному набору и характеру их оформления. В совокупности обнаруженные взаимосвязи позволяют предполагать культурно-хронологическое единство данного стояночного комплекса с наличием индивидуального компонента, который в большей степени проявляется в использовании местного аргиллитового субстрата.

Присутствие в комплексе наконечников стрел с черешковым насадом и листовидных ножей-бифасов, которые в поселенческих комплексах Приольхонья появляются с периода позднего неолита, вероятно, определяет нижнюю хронологическую

границу культурного слоя 2 (Новиков, Горюнова, Долганов, 2020).

Наличие терракотовой скульптурки налимообразной рыбы не противоречит предполагаемому возрасту основного комплекса и скорее даже подкрепляет его, исходя из анализа контекстов встречаемости данных изделий. На территории Прибайкалья найдено только две глиняные рыбки, обнаруженные на побережье озера Байкал. Одна в поздне-неолитическом слое многослойного местонахождения Улан-Хада и представлена фрагментом нижней части (хвоста) налима, по одной из сторон которого плотно нанесен пунктирный орнамент (Окладников, 1936; Окладников, 1950). Вторая зафиксирована в VI к. г. многослойного местонахождения Катунь 1, датированного развитым неолитом (в пределах 5,5–4,3 тыс. л. н.), представлена фрагментами головной и около хвостовой части налимообразной по форме рыбки (Номоконова, Горюнова, 2004). Скульптурка с Фурманова наиболее хорошо сохранившаяся, что позволило смоделировать полный облик изображения рыбы (рис. 11.1,2). Важно отметить, что в оформлении глиняных изображений рыб с местонахождения Фурманова и Улан-Хады фиксируется схожий пунктирный орнамент, позволяющий предполагать их связь в хронологическом и, возможно, в культурном плане с пластом пунктирно-ребенчатой керамики (Савельев, 1989)⁸. Таким образом, глиняные изображения рыб в регионе обнаруживались исключительно на стояночных комплексах и связаны с культурными слоями развитого – позднего неолита, в погребальных и стояночных комплексах бронзового века данные предметы не фиксировались.

Кроме глиняной скульптурки рыбы найден фрагмент головы «сигообразной» рыбки из песчаника. В регионе «сигообразные» фигурки рыб фиксировались в виде фрагментов в неолитических горизонтах местонахождения Улан-Хада на Байкале, также характерны для серовских погребений Прибайкалья и поселений позднего неолита (Окладников, 1950; Новиков, Горюнова, Долганов, 2020; Новиков, Воробьева и др., 2023).

⁸ Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: история основных идей и современное состояние проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Савельев. Новосибирск, 1989. 25 с.

Примечательным является, что из общего количества каменных рыб, найденных в Прибайкалье, представительная сборка происходит с территории предместья Глазкова, найденных еще в начале XX века М.П. Овчинниковым (Окладников, 1936). В последние годы коллекция была дополнена одной налимообразной рыбкой из песчаника, найденная при раскопках стоянки Приют Сукачева 2, расположенной в 650 м на ЮВ от Фурманова (Бердникова и др., 2019).

Вероятно, рассматриваемый стояночный комплекс, датируемый поздним неолитом – ранним бронзовым веком, не был связан с могильниками в устье реки Иркут (рис. 1). Выше по склону расположен погребальный комплекс раннего неолита, а ниже – могильник с преобладанием ранне-неолитических захоронений и единичными погребениями периода бронзового века (Базалийский, Савельев, 2008). Последний (нижний могильник) был значительно разрушен при строительстве Кругобайкальской железной дороги, что безвозвратно повлияло на полноту археологического контекста в этой местности.

Заключение

Несмотря на небольшое количество археологического материала, полученного в результате исследований местонахождения Фурманова, очевидна его информативность и научная значимость. Тафономия материалов этого комплекса неравнозначно осложнена длительной историей хозяйственного освоения территории, характерной для многих археологических памятников, расположенных в городской среде.

На местонахождении выделено 2 культуросодержащих слоя.

Первый слой датирован железным веком – средневековьем (III–I тыс. л. н.) и зафиксирован локально в подошве антропогенно нарушенного гумусированного суглинка и частично к кровле средне-поздне голоценовых красно-бурых суглинков. В составе слоя на основании анализа керамического материала выделено 2 культурных горизонта:

– 1-й к. г. датирован поздним железным веком – средневековьем (II–I тыс. л. н.);

– 2-й к. г. отнесен к раннему железному веку (III–II тыс. л. н.), по нагару керамического сосуда получена дата: 1953±29 лет BP (GV-5177).

Второй слой зафиксирован на обширной площади, предварительно датирован поздним неолитом – ранним бронзовым веком (V–III тыс. л. н.). Находки этого слоя распространяются локально, с невысокой концентрацией и небольшим разбросом по высоте. Особенности горизонтального и вертикального залегания культурного слоя, многочисленные аппликации, сырьевые предпочтения и общий облик каменной индустрии указывают на то, что материальные остатки стоянок отложились за короткий промежуток времени. Целостная картина седиментации материалов осложнена неравнозначными техногенными нарушениями, что не позволяет стратиграфически разделить культуросодержащий слой на группы временных стоянок. Но на основании сравнительно-типологического анализа керамического материала в слое выделено 2 культурных горизонта: 1-й отнесён к раннему бронзовому веку (IV–III тыс. л. н.) и 2-й – к позднему неолиту (V–IV тыс. л. н.).

Список источников

Абрашина М.Е. Опыт предварительной типологии рубчатой керамики Северного Приангарья (по материалам стоянки Генералова) // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий) : материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984), Санкт-Петербург, 07–11 ноября 2022 г. СПб. : Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2022. С. 92–95. DOI: 10.31600/978-5-6047952-5-5.92-95. EDN: YTIYBC.

Базалийский В.И., Савельев Н.А. Могильник эпохи раннего неолита Локомотив (особенности ритуала захоронений) // Известия Лаборатории древних технологий. 2008. Вып. 6. С. 7–27. EDN: WEASOL.

Базалийский В.И., Тетенькин А.В., Харинский А.В. Иркутск археологический // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 8–27. EDN: WAGYVL.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Крутикова К.А., Абрашина М.Е., Золотарёв Д.П., Абдулов Т.А. Новые данные по мезолиту Южного Приангарья (по материалам местонахождения Приют Сукачева 2) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 3–24. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.3. EDN: NDBKOS.

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 2. С. 275–300. EDN: YNCUNH.

Материалы раскопок на местонахождении Фурманова показали, что данная территория (участок левого берега р. Ангары и правая устьевая поверхность р. Иркут в пределах восточного склона Кайской горы) непрерывно и с разной степенью интенсивности осваивалась человеком, служила базой для его жизнедеятельности, начинаясь с позднего неолита, охватывая бронзовый и железный века, средневековье, и продолжается в настоящее время.

Яркие проявления древней материальной культуры, выраженные в «стандартных» и ранее не известных уникальных изделиях из камня и глины, отражают непрерывное технологическое и творческое развитие человека, что бесспорно дополняет наши знания о социальной эволюции обществ, проживавших на территории Прибайкалья в период позднего неолита – средневековья.

References

Abrashina M.E. (2022) An experience of a preliminary typology of ribbed pottery in the North Angara region (based on Generalov site materials). *Eurasia from the Eneolithic to the Early Middle Ages (Innovations, Contacts, Transmission of Ideas and Technologies). Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 120th Anniversary of the Birth of the Outstanding Researcher of the Antiquities of Southern Siberia and Central Asia, Mikhail Petrovich Gryaznov (1902–1984). St. Petersburg, 7–11 November 2022.* St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. P. 92–95. (In Russ.). DOI: 10.31600/978-5-6047952-5-5.92-95. EDN: YTIYBC.

Bazaliiskii V.I., Savel'ev N.A. (2008) Necropolis Lokomotiv of Early Neolithic (specifics of ritual of the graves). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Iss. 6. P. 7–27. (In Russ.). EDN: WEASOL.

Bazaliiskii V.I., Teten'kin A.V., Kharinskii A.V. (2016) Irkutsk archaeological. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* Vol. 16. P. 8–27. EDN: WAGYVL.

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Ulanov I.V., Krutikova K.A., Abrashina M.E., Zolotarev D.P., Abdulov T.A. (2019) New data on the Mesolithic of the Southern Angara Region (based on materials of the Priyut Sukacheva 2 site). *News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology.* Vol. 29. P. 3–24. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.3. EDN: NDBKOS.

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Sokolova N.B. (2017) Neolithic pottery of the Baikal-Yenisei Siberia: technological tradition in the territorial and chronological context. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology.* No. 2. P. 275–300. (In Russ.). EDN: YNCUNH.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1889. Т. XX. № 1. С. 1–42.

Генералов А.Г., Медведев Г.И., Заграфский С.И., Слагода Е.А., Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Каменный век Южного Приангарья. Иркутский георхеологический район / Путеводитель Международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии», 1–9 августа 2001 г., г. Иркутск. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2001. Т. 1. 84 с.

Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Вебер А.В. Многослойный георхеологический объект Саган-Забя II на Байкале: археология и палеоэкология : монография. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2023. 278 с. DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Долганов В.А. Поздний неолит Приольхонья (по материалам поселений и погребений) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 24–42. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-24-42. EDN: KZXJMA.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 117–123. EDN: VYXGAF.

Овчинников М.П. Материалы для изучения древностей в окрестностях г. Иркутска // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1904. Т. XXXV. № 3. С. 62–76.

Окладников А.П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // Советская археология. 1936. № 1. С. 215–245.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1–2. 412 с. (МИА № 18).

Окладников А.П., Абрамова З.А. Неолитическое поселение Нижнесерёдкино на Ангаре // Древние культуры Приангарья. Новосибирск : Наука, 1978. С. 96–112.

Сенотрусова П.О. Стоянка Абакан-18 – новый памятник бронзового века в Нижнем Приангарье // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2015. Вып. VII. С. 52–58. EDN: VMEOJJ.

Синицына Г.В. Неолитическая керамика поселения Нижнесерёдкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек. Новосибирск : Наука, 1985. С. 35–46.

Тимошенко А.А., Савельев Н.А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 19–27. EDN: RBSFHB.

Фокин С.М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее : материалы Международной конференции, посвященной 75-летию Красноярского края, Красноярск,

Vitkovskii N.I. (1889) Traces of the Stone Age in the Angara River Valley. *News of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society*. Vol. XX. No. 1. P. 1–42. (In Russ.).

Generalov A.G., Medvedev G.I., Zagrafskii S.I., Slagoda E.A., Bazaliiskii V.I., Turkin G.V., Tyutrin A.A. (2001) The Stone Age of the Southern Angara Region. The Irkutsk Geoarchaeological District. *Guidebook of the International Symposium "Modern Problems of Eurasian Paleolithic Studies"*, August 1–9, 2001, Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk Univ. Vol. 1. 84 p. (In Russ.).

Novikov A.G., Vorob'eva G.A., Goryunova O.I., Veber A.V. (2023) The Multilayered Geoarchaeological Site Sagan-Zaba II on Lake Baikal: Archaeology and Paleoecology: monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 278 p. (In Russ.). DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Novikov A.G., Goriunova O.I., Dolganov V.A. (2020) Late Neolithic of Olkhon region (based on settlements and burials material) // *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 24–42. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-24-42. EDN: KZXJMA.

Nomokonova T.Yu., Goryunova O.I. (2004) Neolithic complexes of multilayer settlement Katun'-I (Chivyrkuiskiy bay, lake Baikal). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 2. P. 117–123. (In Russ.). EDN: VYXGAF.

Ovchinnikov M.P. (1904) Materials for the Study of Antiquities in the Vicinity of Irkutsk. *Proceedings of the VSORGO*. Vol. XXXV. No. 3. P. 62–76. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1936) Stone Fish (Towards the Study of Neolithic Art Monuments in Eastern Siberia). *Soviet Archaeology*. No. 1. P. 215–245. (In Russ.).

Okladnikov A.P. (1950) The Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region. A Historical and Archaeological Study. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. 1–2. 412 p. (MIA No. 18). (In Russ.).

Okladnikov A.P., Abramova Z.A. (1978) Neolithic Settlement of Nizhneseredkino on the Angara River. *Ancient Cultures of the Angara Region*. Novosibirsk: Nauka. P. 96–112. (In Russ.).

Senotrusova P.O. (2015) The Abakan-18 Site – A New Bronze Age site in the Lower Angara Region. *Antiquities of the Yenisei Siberia: collection of scientific works*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Iss. VII. P. 52–58. (In Russ.). EDN: VMEOJJ.

Sinityna G.V. (1985) Neolithic Pottery of the Nizhneseredkino Settlement on the Angara River. *Archaeological Research in New Development Areas*. Novosibirsk: Nauka. P. 35–46. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Saveliyev N.A. (2013) The Bronze Age of the Kansk-Rybinsk Basin (Current State of the Problem). *Journal of Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. Vol. 12. Iss. 5: Archaeology and Ethnography. P. 19–27. (In Russ.). EDN: RBSFHB.

Fokin S.M. (2009) Preliminary Results of the Archaeological Study of the Strelkovsky Archaeological Microcomplex. Krasnoyarsk Krai: Past, Present, Future: Materials of the International Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, November 19–21. In 2 vol.

19–21 ноября 2009 года: в 2-х т. Красноярск, 2009. Т. 1. С. 164–167.

Фокин С.М. Новый голоценовый памятник Нижнего Приангарья – поселение-могильник Скородумный Бык // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы Международной науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. Иркутск : Оттиск, 2015. С. 102–109.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хад на Байкале (по материалам раскопок Б.Э. Петри) // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1964. Вып. 97. Памятники первобытного общества на территории СССР. С. 25–32.

Информация об авторах

Песков Сергей Александрович,
главный специалист отдела подготовки и реализации мероприятий по охране объектов культурного наследия (археология),
Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области,
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2, Россия,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Молчанов Дмитрий Николаевич,
сотрудник учебно-научно-исследовательской лаборатории археологии, этнологии, проблем палеоэкологии и эволюции человека,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

Савельев Николай Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
30.03.1946 г. – 04.09.2024 г.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 мая 2025 г.; одобрена после рецензирования 4 сентября 2025 г.; принята к публикации 8 сентября 2025 г.

Krasnoyarsk. Vol. 1. P. 164–167. (In Russ.).

Fokin S.M. (2015) New Golotsenovy monument of Lower Angara region - the settlement-burial ground the Skorodumny Bik. Current Issues in the Archaeology and Ethnology of Central Asia: Proceedings of the International Scientific Conference, Ulan-Ude, April 7–8, 2015. Irkutsk: Ottisk. P. 102–109. (In Russ.).

Khlobystin L.P. (1964) The Multilayered Settlement of Ulan-Khada on Lake Baikal (Based on Excavations by B.E. Petri). Brief Communications of the Institute of Archaeology. Moscow: Nauka. Iss. 97. Sites of the Prehistory Society on the Territory of the USSR. P. 25–32. (In Russ.).

Information about the authors

Sergey A. Peskov,
Leading specialist of the Department of Preparation and Implementation of Measures for the Protection of Cultural Heritage (Archaeology),
Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region,
2, 5th Army St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: ippeskov@mail.ru

Dmitrii N. Molchanov,
Employee educational and research Laboratory of Archaeology, ethnology, problems of paleoecology and human evolution,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: dmi_molchanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

Nikolai A. Saveliev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Scientific Research Center “Baikal Region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
March 30, 1946 – September 4, 2024

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 20, 2025; approved after reviewing September 4, 2025; accepted for publication September 8, 2025.

Научная статья

УДК 902.2+069.51|637|(571.512)"1958/1959"

EDN: EEOGML

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-35-46>

Археологические материалы памятников Нижнего Енисея в фондах Енисейского музея-заповедника (по материалам работ Р.В. Николаева, 1958–1959 гг.)

К.В. Бирюлева^{1, 2}

¹ Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, Енисейск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. В статье анализируются результаты археолого-этнографической экспедиции, проводившейся на севере Красноярского края в 1958–59 гг. Археологические работы осуществлялись под руководством научного сотрудника Красноярского краевого музея Р.В. Николаева. Были обследованы стоянки Серково, Сухая Тунгуска, Сургутиха, Подкаменная Тунгуска, кетское селище в п. Старый Суломай и селище неолита – раннего бронзового века в местности Высокий на р. Кети. Большинство этих памятников не были ранее известны. Анализ результатов работ экспедиции проведен с привлечением полевых дневников и отчетов Р.В. Николаева, хранящихся в архивах Красноярского краевого краеведческого музея и Енисейского музея-заповедника, значительная часть информации публикуется впервые. Полученная археологическая коллекция была поделена между двумя музеями – Красноярским краевым и Енисейским. В рамках данной публикации описаны датированные находки, переданные в фонды Енисейского музея. В их числе – фрагменты керамических сосудов, близкие по облику посуде серовской культуры, обнаруженные при раскопках землянки в местности Высокий на р. Кети, керамика усть-ковинского типа раннего Средневековья со стоянки Подкаменная Тунгуска, сосуды и железный пластинчатый браслет лесосибирской культуры XI–XIV вв., а также железный нож, относящийся, вероятнее всего, к материальной культуре кетов. Привлеченные материалы дополняют имеющиеся представления о культурном облике таежного населения Нижнего Енисея в различные хронологические периоды и могут стать первым шагом к восстановлению всего объема данных, полученных археолого-этнографической экспедицией 1958–59 гг. в долинах р. Кети, Енисея, Курейки и Подкаменной Тунгуски.

Ключевые слова: Нижний Енисей, Кеть, Подкаменная Тунгуска, Курейка, Сургутиха, серовская культура, лесосибирская культура, усть-ковинский тип керамики, кеты

Для цитирования: Бирюлева К.В. Археологические материалы памятников Нижнего Енисея в фондах Енисейского музея-заповедника (по материалам работ Р.В. Николаева, 1958–1959 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 35–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-35-46. EDN: EEOGML.

Archaeology

Original article

Archaeological materials of the sites of the Lower Yenisei region in the funds of the Yenisei Museum-Reserve (based on the works of R.V. Nikolaev, 1958-1959)

Ksenia V. Biryuleva^{1, 2}

¹ Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov, Yeniseysk, Russia

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article analyzes the results of an archaeological and ethnographic expedition, which conducted in the north of Krasnoyarsk Krai in 1958-59. Archaeological work was realized under the supervision of R.V. Nikolaev, a researcher at the Krasnoyarsk Regional Museum. The following sites were surveyed: Serkovo, Sukhaya Tunguska, Surgutikha, Podkamennaya Tunguska, a Ket settlement in the village of Stary Sulomay, and a Neolithic - Early Bronze Age settlement in the Vysoky area on the Ket' River.

Most of these sites were previously unknown. The analysis of the expedition results was carried out using R.V. Nikolaev's field diaries and reports, which stored in the archives of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History and the Yenisei Museum-Reserve; a significant part of the information is published for the first time. Archaeological collection was divided between two museums - the Krasnoyarsk Regional Museum and the Yenisei Museum. This publication describes the dating items, which transferred to the funds of the Yenisei Museum. Among them are fragments of ceramic vessels similar the pottery of the Serovo culture, discovered during excavations of a dwelling in the Vysoky area on the Ket' River, ceramics of the Ust-Kova type of the early Middle Ages from the Podkamennaya Tunguska site, vessels and an iron plate bracelet of the Lesosibirsk culture of the 11th-14th centuries AD, as well as an iron knife, most likely related to the material culture of the Kets. These materials supply the existing ideas about the material culture of the taiga population of the Lower Yenisei in various chronological periods and can become the first step towards restoring the entire volume of data obtained by the archaeological and ethnographic expedition of 1958-59 in the valleys of the Ket', Yenisei, Kureika and Podkamennaya Tunguska rivers.

Keywords: Lower Yenisei, Ket', Podkamennaya Tunguska, Kureika, Surgutikha, Serovo culture, Lesosibirsk culture, Ust-Kova type of ceramics, Ket

For citation: Biryuleva K.V. (2025) Archaeological materials of the sites of the Lower Yenisei region in the funds of the Yenisei Museum-Reserve (based on the works of R.V. Nikolaev, 1958-1959). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 35-46. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-35-46. EDN: EEOGML.

Введение

Культурно-исторические процессы, происходившие на территории тайги Нижнего Енисея в древности и Средневековье, представляют несомненную важность в контексте формирования общего представления о материальной культуре таежного населения Средней Сибири. Вместе с тем слабая изученность региона и недостаточность имеющихся научных публикаций делают каждый памятник этого района важным для построения схем смены культур и выявления хронологических маркеров. Обнаруженные археологические материалы зачастую описаны в научных публикациях суммарно, результаты отдельных полевых исследований остаются неопубликованными. В рамках данной работы будет рассмотрен один из эпизодов научного обследования археологических памятников долины нижнего течения р. Енисей – археолого-этнографическая экспедиция 1958–59 гг.

Экспедиция была проведена силами четырех учреждений – Институтом этнографии АН СССР (Ленинградское отделение), Музеем антропологии и этнографии, Енисейским и Красноярским музеями. От Института этнографии в экспедицию входили Е.А. Алексеенко и Р.Ф. Итс¹. Археологические работы осуществлялись под руководством научного сотрудника Красноярского музея Р.В. Николаева.

Результаты археологических полевых работ были частично опубликованы самим Р.В. Николаевым. Наиболее информативной является статья, посвященная работам 1958 г. Она содержит сведения о расположении памятников, объеме проведенных вскрытий, в ней дано подробное описание материала, представлены рисунки некоторых предметов (Николаев, 1963b). Работы 1959 г. представлены в научных публикациях не так полно. Подробно описаны только раскопки в местности Высокий на р. Кети (Николаев, 1963a). Исследования, проведенные экспедицией 1959 г. на других памятниках, в научных публикациях подробно не описаны. Краткое упоминание результатов двухлетних работ встречается в исследованиях автора, посвященных этногенезу сибирских народов (Николаев, 1960b. С. 66; Николаев, 1980. С. 21). Помимо этого, отдельные сведения упомянуты и в ряде более поздних статей (Алексеенко, 1967. С. 20; Баташев, Вдовин, Макаров, 2001. С. 165; Макаров, Баташев, Вдовин, 2013. С. 71; Андреев, 2019. С. 5; др.), однако культурные слои и находки в них не анализируются.

Все полученные экспедицией археологические материалы были поделены между двумя музеями – Красноярским и Енисейским, при этом коллекция 1959 г. была разделена таким образом, что фрагменты одних керамических сосудов оказались в двух разных учреждениях. В Красноярском краевом краеведческом музее находки 1958 г. хранятся в составе коллекции Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) ОФ 3523, 1959 г. – КККМ ОФ 221. В рамках данной публикации будут рас-

¹ Экспедиционные поездки Е.А. Алексеенко в фотоиллюстративных материалах отдела Сибири МАЭ РАН // Сибирский сборник-2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. СПб. : МАЭ РАН, 2010. С. 66–67.

смотрены подробно те предметы, которые были переданы в Енисейский музей.

Источники

Деятельность экспедиции отражена в полевых дневниках и научных отчетах Р.В. Николаева. Дневники 1958 г. переписаны и проиллюстрированы А. Соколовской (в 1958 г. – временный сотрудник Енисейского музея). В них приведены как записи разговоров с кетами, описания устройства их жилищ и сказки, так и результаты археологических полевых работ. Существуют два варианта дневников экспедиции, хранящихся в Красноярском и Енисейском музеях. Они отличаются по объему и количеству рисунков.

Дневник 1958 г., хранящийся в архиве Красноярского краевого краеведческого музея – тетрадь в клетку, в которой заполнены 105 страниц, приведены текстовые описания проводимых работ, чертежи и рисунки предметов. Записи продатированы, первая обозначена 6 июля 1958 г., последняя относится к 4 сентября. Описания археологических исследований чередуются с записями, посвященными быту и поверьям кетов². Дневник, хранящийся в архиве Енисейского музея-заповедника, написан этим же почерком. В тетради в клетку заполнены 79 страниц. Рисунки в обоих дневниках идентичны, а детали на чертежах (стратиграфических колонках, топопланах) отличаются. Также различается расположение записей и рисунков. В Енисейском варианте отсутствуют записи от 20, 21, 24, 27 и 30 июля, 10 и 13 августа, отсутствуют некоторые чертежи и рисунки³. Судя по всему, для Енисейского музея была подготовлена копия дневника, где была собрана только часть информации.

Существует также два экземпляра полевых дневников 1959 г., хранящихся в архивах Енисейского и Красноярского музеев. Вариант дневника, хранящийся в Красноярске, записан в тетради в клетку, заполнено 176 страниц. Первая запись датирована

31 июля 1959 г., последняя – 14 сентября⁴. Енисейский вариант дневника написан другим почерком, в тетради в клетку заполнен 171 лист⁵. Расположение планов и чертежей в них также различается. В варианте Красноярского музея отсутствует часть чертежей, в том числе профиль котлована у Воскресенской церкви в г. Енисейске, план землянок в местности Высокий, и др. По тщательности отрисовки планов и аккуратности почерка можно предварительно предположить, что в архиве Енисейского музея хранится изначальный вариант дневника, который был впоследствии скопирован и передан в архив Красноярского музея. В данной работе описан только предварительный анализ документов, для формирования окончательных выводов требуется отдельное исследование.

Дневниковые записи легли в основу научных отчетов Р.В. Николаева за 1958 и 1959 г.⁶, однако в отчетах отсутствует часть рисунков и чертежей (в отчете 1958 г. планы не приведены, к отчету 1959 г. приложены только чертежи, относящиеся к работам на р. Кети), поэтому сбор информации осуществлялся как в отчетах, так и в полевых дневниках. Приведенная в них информация позволяет подробно восстановить маршрут и деятельность экспедиции, а также сопоставить зарисовки предметов с материалами коллекций музеев.

Маршрут разведок и обследованные памятники

Экспедиция длилась два полевых сезона. За это время были проведены работы на нескольких археологических памятниках, большая часть из них была открыта впервые (рис. 1). В 1958 г. маршрут разведки проходил от п. Серково в среднем течении р. Курейки (на севере) до станка Подкаменная Тун-

⁴ Полевой дневник археолого-этнографической экспедиции 1959 г. // Научный архив КККМ. № п/п 691. Оп. 5. Д. 87.

⁵ Дневник археолого-этнографической экспедиции Енисейского районного музея в Енисейский и Туруханский районы Красноярского края. Полевой сезон 1959 г. // Научный архив ЕМЗ. ОФ 5142. Д. 1100–3.

⁶ Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1958 г. // Научный архив КККМ. Ф. 1. О. 5. Д. 74. Л. 9.; Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1959 года в г. Енисейске, на р. Кеть и р. Подкаменная Тунгуска // Научный архив КККМ. № п/п 680. О. 5. Д. 76. Л. 18.

² Соколовская А. Дневник археолого-этнографической северной экспедиции Красноярского музея под руководством Р.В. Николаева, 1958 г. // Научный архив КККМ. № п/п 690. Оп. 5. Д. 86.

³ Соколовская А. Дневник археолого-этнографической северной экспедиции 1958 года // Научный архив ЕМЗ. ОФ 4477. Д. 1100–1.

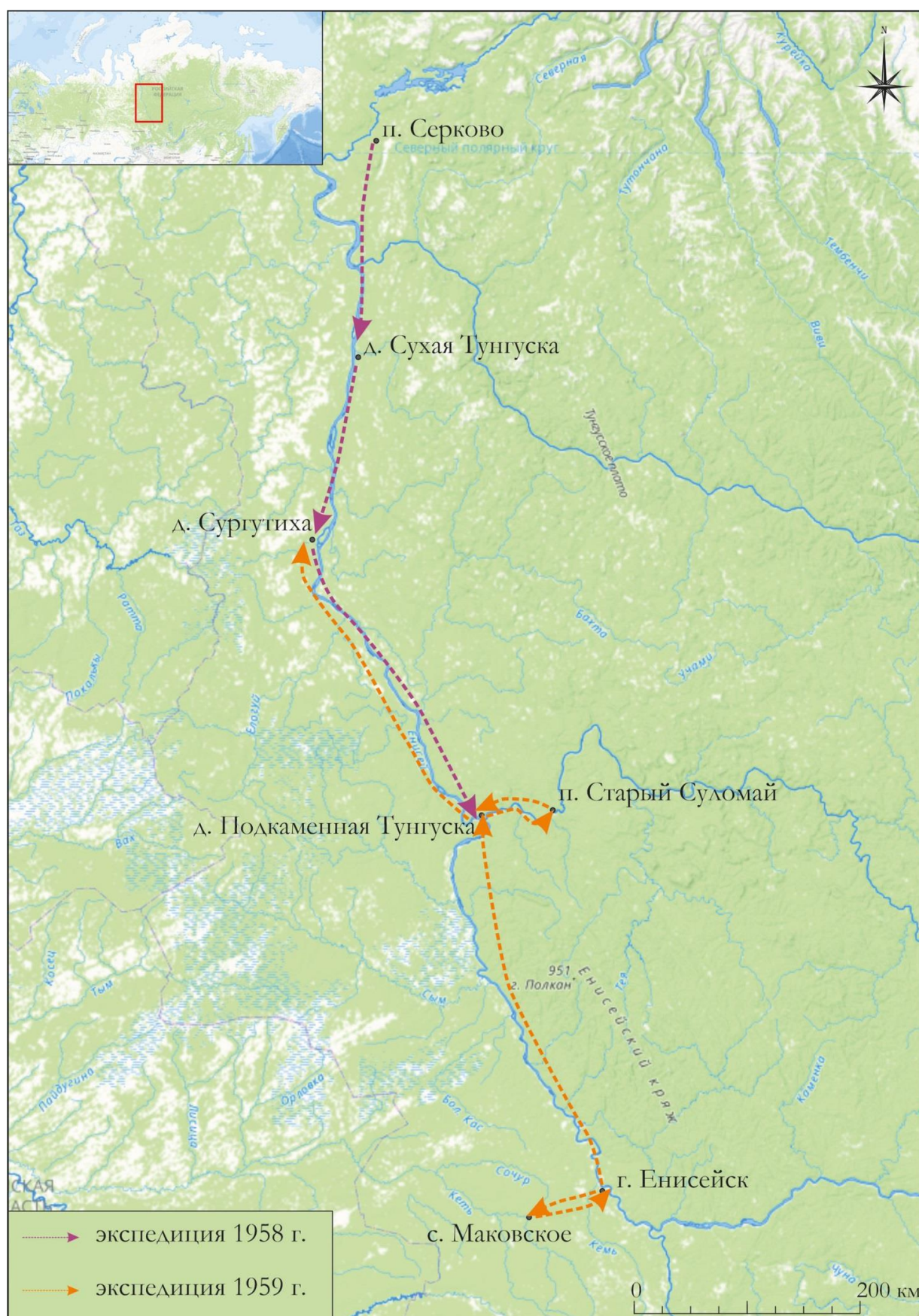

Рис. 1. Маршрут археолого-этнографической экспедиции 1958–59 гг.
Fig. 1. Route of the archaeological and ethnographic expedition of 1958-59

гуска в устье одноименной реки (на юге). Во время работы были обследованы стоянки Серково, Сухая Тунгуска, Сургутиха и Подкаменная Тунгуска.

Экспедиция 1959 г. началась в г. Енисейске. Р.В. Николаевым были описаны орнаменты на дугах (?) из с. Плотбище Енисейского района. В самом г. Енисейске исследователем были осмотрены берега р. Мельничной. В начале августа 1959 г. были проведены работы в районе с. Маковского на р. Кети. Романа Викторовича интересовало место расположения Маковского городища XVII в., о чем он узнавал у местных жителей (разговоры описаны в дневнике). Также исследователь расспрашивал о быте и обрядах местных остяков и эвенков. Раскопки были проведены в местности Высокий, в 12 км от села. Здесь полевые работы были закончены 9 августа, а уже 17-го экспедиция прибыла на стоянку Подкаменная Тунгуска (были осмотрены террасы правого берега в районе одноименного станка). Позже экспедиция работала в п. Суломай, а затем вернулась в устье р. Подкаменной Тунгуски для проведения археологических раскопок. В последующем были проведены исследования на территории станка Сургутиха. Далее будет приведено описание для каждого памятника.

Серковская стоянка. Памятник открыт Р.В. Николаевым в 1958 г. Культурный слой обнаружен на левом берегу р. Курейки, в 65 км от устья, на территории п. Серково. Культурный слой залегал в гумусовом горизонте, разделен песчаной прослойкой на два уровня⁷. В верхнем найден фрагмент керамики, «напоминающий тагарскую». В нижнем культурном слое обнаружены находки эпохи неолита. Найдены обломок ножевидной пластины (1,8×0,8 см), обломок каменного тесла прямоугольной формы со следами шлифовки (9,5×3,7×2,3 см), а также несколько сколов. На пашне рядом обнаружен скребок «палеолитического типа» размерами 3,1×2,1 см и обломок каменного орудия. Находки, судя по всему, относятся к двум хронологическим периодам. Каменные изделия могут относиться к эпохе неолита, тогда как керамика скорее всего Нового времени. Сравнение ее с тагарской вызывает

сомнения, так как в столь северных районах обнаружение этой посуды неизвестно. Места хранения предметов, обнаруженных на Серковской стоянке, неизвестны.

Стоянка Сухая Тунгуска. Памятник расположен на правом берегу р. Енисей в 300–400 м от дер. Сухая Тунгуска, выше устья одноименного ручья. Памятник открыт Р.В. Николаевым в 1958 г. Здесь подобраны бифасиально обработанное орудие⁸ и каменный скел. Археологические вскрытия на стоянке не проводились. Орудие предварительно может быть широко датировано каменным веком, местонахождение предметов неизвестно. Интерес к данному месту у Р.В. Николаева был связан с находкой в этой местности, «в 1 км выше станка по Енисею», бронзового ножа карасукского облика, который был передан в Красноярский музей⁹.

Стоянка Сургутиха. Памятник расположен на левом берегу р. Сургутихи (левый приток Енисея) в районе деревни того же названия, на второй надпойменной террасе. Памятник открыт Р.В. Николаевым в 1958 г. Культурный слой обнаружен в осыпях террасы, в пределах села. У южного края деревни отмечены размыты позднего кетского могильника, действовавшего до 20–30 гг. XX в.¹⁰. В ходе подъемных сборов у подножия второй террасы собраны четыре фрагмента лепной керамической посуды с личиночным орнаментом и фрагменты, «чрезвычайно напоминающие тагарскую керамику»¹¹.

На памятнике проведены раскопки. В дневнике упоминаются 9 участков (в терминологии автора – «квадратов») различных размеров. Их общая площадь, судя по чертежам, составила 59 кв. м (в статье указана общая площадь 51 кв. м (Николаев, 1963b. С. 127)). Находки обнаружены в диапазоне глубин 8–29 см. Среди них упоминаются голубая пастовая бузина, железный нож-«донь» (рис. 2.2), согнутая бронзовая пластинка размерами 2,2 × 3,9 см, шлак. Фрагменты керамики орнаментированы вдавления-

⁸ Там же. Л. 45.

⁹ Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1958 г. // Научный архив ККМ. Ф. 1. О. 5. Д. 74. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 18.

¹¹ Соколовская А. Дневник археолого-этнографической северной экспедиции Красноярского музея под руководством Р.В. Николаева, 1958 г. // Научный архив ККМ. № п/п 690. Оп. 5. Д. 86. Л. 51.

⁷ Соколовская А. Дневник археолого-этнографической северной экспедиции Красноярского музея под руководством Р.В. Николаева, 1958 г. // Научный архив ККМ. № п/п 690. Оп. 5. Д. 86. Л. 32.

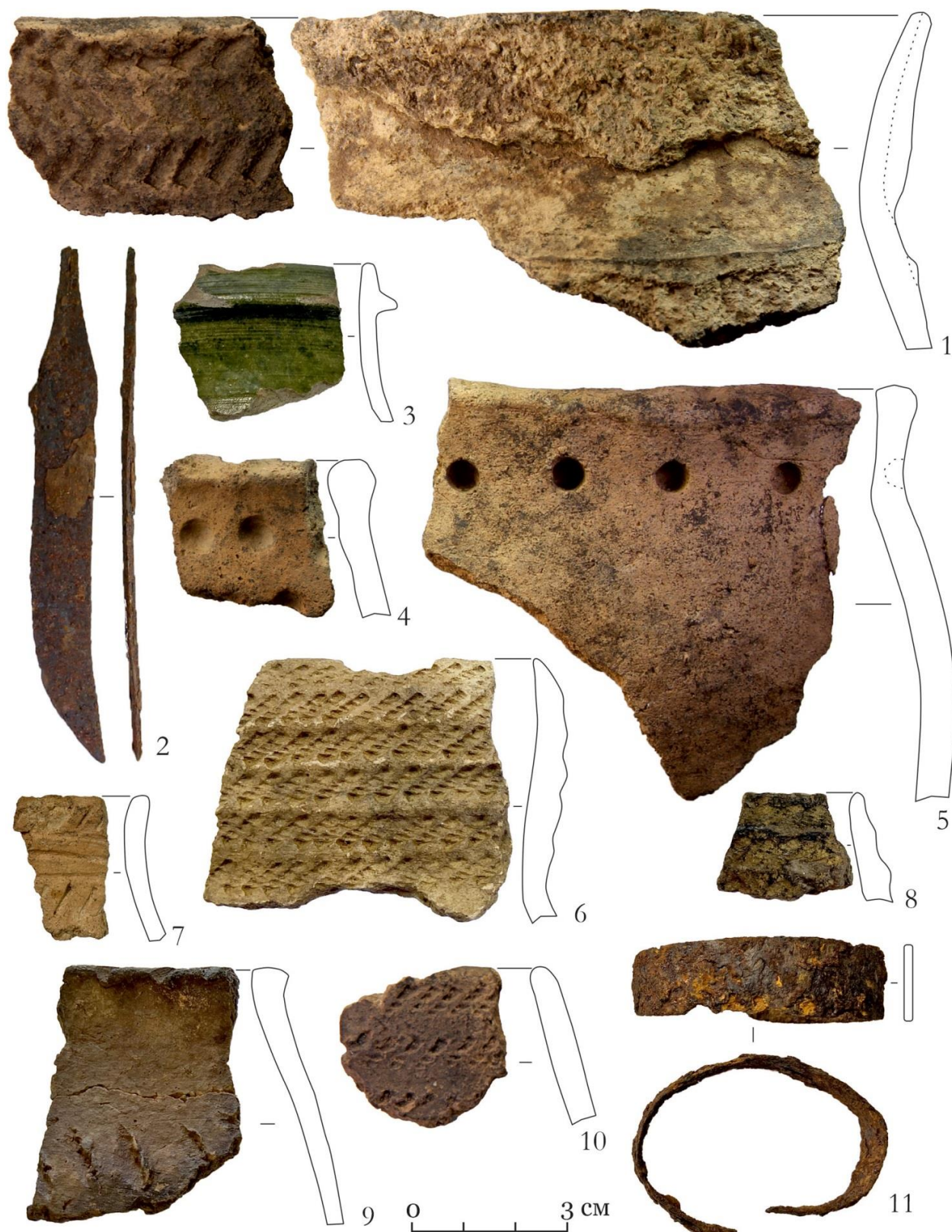

Рис. 2. Материалы археолого-этнографической экспедиции 1958–59 гг. в фондах Енисейского музея-заповедника:
1, 9, 11 – стоянка Подкаменная Тунгуска; 2, 6, 8, 10 – стоянка Сургутиха; 3 – Маковское (?), 4–5, 7 – местность Высокий.
1, 3–10 – керамика, 2, 11 – железо

Fig. 2. Materials of the archaeological and ethnographic expedition of 1958-59 in the collections of the Yenisei Museum-Reserve:
1, 9, 11 - Podkamennaya Tunguska site; 2, 6, 8, 10 - Surgutikha site; 3 - Makovskoye (?), 4-5, 7 - Vysokiy locality. 1, 3-10 - ceramics,
2, 11 - iron

ми, подтреугольными и овальными оттисками, гребенчатыми наколами (рис. 2.8, 10). Обнаруженные на стоянке фрагменты керамики были разделены Р.В. Николаевым на 4 типа (Там же. С. 130). Для первого характерно украшение внешней поверхности гусенично-гребенчатым штампом. Керамика второго типа представлена только фрагментами стенок (описание типа не приведено; возможно, имеются в виду горшки без орнамента). К третьему типу принадлежит только один фрагмент стенки сосуда, для которого характерен орнамент в виде оттисков подтреугольного штампа, расположенных горизонтальными рядами. Керамика 4-го типа орнаментирована рядами оттисков и также, видимо, представлена только фрагментами стенок. Р.В. Николаев предварительно датировал полученные материалы эпохой бронзы. Одним из аргументов такой датировки является обнаружение в слое бронзовой пластины и медных шлаков. Однако сам автор отмечает, что шлаки, вероятно, попали в слой случайно¹².

В 1959 г. работы в окрестностях п. Сургутиха продолжались. Было осмотрено кетское мольбище, расположенное в 500–700 м выше поселка¹³. В южной части поселка, на краю террасы в процессе подъемных сборов были обнаружены несколько фрагментов керамики от сосуда закрытой формы, украшенного в верхней части налепным валиком (место хранения неизвестно, в дневнике приведен рисунок, но типологическую привязку по нему установить сложно)¹⁴. В месте обнаружения находок был заложен раскоп площадью 32 кв. м. Зафиксированный культурный слой приурочен к пашне. Обнаружены шлаки, фрагменты керамики, в том числе венчика сосуда с гребенчатыми оттисками (рис. 2.6), отщеп, железный вильчатый срезень и лапчатая подвеска, названная в дневнике «булынь». Подвеска хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея¹⁵. Местонахождение наконечника

неизвестно. К северу от первого вскрытия был заложен раскоп № 2 площадью 8 кв. м. В слое обнаружен только один отщеп. Расположение раскопа № 3 площадью 16 кв. м. относительно других вскрытий на памятнике не обозначено. Он не указан на топоплане. В слое вскрытия предметы археологии не обнаружены.

Стоянка Подкаменная Тунгуска (Подкаменская стоянка). Памятник расположен в устье р. Подкаменной Тунгуски, на правобережной террасе высотой 60–80 м, у одноименного станка, в северо-восточной части деревни, у нефтебазы аэропорта. На территории стоянки в прошлом была построена церковь с погостом¹⁶. Памятник был открыт в 1921 г. Я.А. Тугариновым. Тогда были обнаружены шлифованное тесло из светло-серой яшмы, две ножевидные пластинки, два обломка каменных орудий (скребка и острокопечника (?)), 259 обломков сосуда с двумя рядами круглых вдавлений и зигзагообразным орнаментом на тулове и 7 фрагментов от другого сосуда, без орнамента (Николаев, 1960а).

В ходе разведки 1958 г. был проведен сбор подъемного материала и заложен раскоп. Подъемными сборами обнаружено большое количество каменных сколов, а также фрагменты каменных наконечников стрел, наконечник копья, обломок небольшого тесловидного орудия и скребка. В другом месте найдены фрагменты керамики без орнамента.

Раскоп заложен у обрыва террасы в 11 м восточнее фундамента старой церкви. Он был поделен на 10 «квадратов», каждый из которых имел размеры 2 × 2 м или чуть менее, если располагался на краю обрыва¹⁷. Археологические материалы зафиксированы в диапазоне глубин от 5 до 60 см, отмечены как в гумусовой почве, так и подстилающем его слое светло-коричневого песка. Разделение материалов по культурным слоям не проводилось. Можно предположить переотложенный характер культурного слоя, так как разновременные находки залегают на одном уровне.

¹² Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1958 г. // Научный архив КККМ. Ф. 1. О. 5. Д. 74. Л. 34.

¹³ Полевой дневник археолого-этнографической экспедиции 1959 г. // Научный архив КККМ. № п/п 691. Оп. 5. Д. 87. Л. 139–141.

¹⁴ Там же. Л. 142.

¹⁵ Подвеска шаманская. КККМ КПА 221/49. № 49945341 по ГК // Госкаталог.рф [Официальный сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=50185727> (дата обращения 09.06.2025).

¹⁶ Соколовская А. Дневник археолого-этнографической северной экспедиции Красноярского музея под руководством Р.В. Николаева, 1958 г. // Научный архив КККМ. № п/п 690. Оп. 5. Д. 86. Л. 80.

¹⁷ Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1958 г. // Научный архив КККМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 74.

Обнаруженные материалы могут быть отнесены к трем хронологическим периодам. Антропологические останки относятся к Новому времени и периоду функционирования прихода и погоста в этом месте. В восточной части квадрата № 2 обнаружено нарушенное позднейшими перекопами детское погребение¹⁸. Среди костей найден медный нателный крест (место хранения его неизвестно). К этому же периоду, вероятно, относятся неорнаментированные толстостенные фрагменты керамики и обломок льячки. Другие находки, судя по описанию и приведенным рисункам, относятся к эпохе Средневековья и неолиту. Обнаруженная в раскопках керамика была поделена Р.В. Николаевым на четыре типа (Николаев, 1963b. С. 130). К первому типу отнесена керамика с «выпуклостями» по венчику. Ко второму типу отнесен фрагмент стенки с личиночным орнаментом. Сосуд третьего типа тонкостенный, с отогнутым наружу венчиком, украшенным тремя рядами наклонно поставленных оттисков. Сосуд 4-го типа орнаментирован «широкими полосками зигзагообразного орнамента по стенке» – обмазочными валиками.

В 1959 г. работы на стоянке были возобновлены. Первоначально был осмотрен правый берег р. Подкаменной Тунгуски в районе бывшего аэропорта. Культурный слой отмечен в обрывах 2 надпойменной террасы. У нефтебазы аэропорта было собрано большое количество каменных отщепов (127 ед.).

На 12-метровой террасе реки, юго-восточнее фундамента здания аэропорта был заложен раскоп площадью 20 кв. м. Отмечены 144 фрагмента керамики, в том числе венчики от двух сосудов (рис. 2.1,9), железный пластинчатый браслет (рис. 2.11) и продукты расщепления камня. Позднее исследователем была осмотрена приустьевая часть левого берега р. Подкаменной Тунгуски. В ходе подъемных сборов в осыпи ямы обнаружен отщеп¹⁹.

Местность Высокий (селище). Памятник расположен в 12 км от села Маковское, ниже р. Кети, на надпойменной правобережной террасе высотой 20–30 м, на краю обширного болота. Здесь обнаружены

около десятка древних жилищ²⁰, они подробно описаны в дневнике с приведением замеров²¹.

Раскопом площадью 32 кв. м была изучена землянка № 2, по контуру которой сформирован массивный вал. Размеры внутренней площадки – 10 × 5 м (Николаев, 1963a. С. 50). Очаг жилища представлял собой углубление в земляном полу, обложенное битым галечником и обмазанное глиной²². В раскопе обнаружены фрагменты от нескольких сосудов, а также немногочисленные каменные орудия и продукты расщепления камня, в т. ч. обломок ножа и наконечник стрелы²³, которые подробно описаны в статье, посвященной раскопкам землянки (Там же). Р.В. Николаев датировал жилище эпохой неолита – ранней бронзы на основании орнаментации керамических сосудов и облика каменных изделий (Там же. С. 53).

Кетское селище на Старом Суломае. В рамках экспедиции 1959 г. Р.В. Николаевым были осмотрены землянки на 2 правобережной террасе р. Подкаменная Тунгуса в 2 км выше п. Старый Суломой (заброшенного)²⁴. Были отмечены котлованы от 7 землянок подпрямоугольной формы. Внутреннее пространство землянки № 3 (бангуся) было изучено раскопом площадью 16 кв. м. В раскопе обнаружены кости, береста, обломки фарфоровой чашечки, бутылки из под рыбьего жира, носок кожаной обуви, железный предмет, шлак (последний хранится в Енисейском музее, местонахождение остальных предметов неизвестно). По сохранившимся бревнам изучена конструкция землянки²⁵. Два разведочных вскрытия были заложены и на

¹⁸ Там же. Л. 44.

¹⁹ Полевой дневник археолого-этнографической экспедиции 1959 г. // Научный архив КККМ. № п/п 691. Оп. 5. Д. 87. Л. 134–138.

²⁰ Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1959 года в г. Енисейске, на р. Кеть и р. Подкаменная Тунгуска // Научный архив КККМ. № п/п 680. О. 5. Д. 76. Л. 8.

²¹ Полевой дневник археолого-этнографической экспедиции 1959 г. // Научный архив КККМ. № п/п 691. Оп. 5. Д. 87. Л. 30–34.

²² Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе Красноярского краевого музея в полевой сезон 1959 года в г. Енисейске, на р. Кеть и р. Подкаменная Тунгуска // Научный архив КККМ. № п/п 680. О. 5. Д. 76. Л. 11.

²³ Полевой дневник археолого-этнографической экспедиции 1959 г. // Научный архив КККМ. № п/п 691. Оп. 5. Д. 87. Л. 37.

²⁴ Там же. Л. 75–80.

²⁵ Там же. Л. 80–89.

территории поселка Старый Суломай. Обнаружены находки только недавнего прошлого²⁶.

Таким образом в полевой сезон 1958–1959 гг. Р.В. Николаевым были открыты пять ранее неизвестных археологических памятников и обследована стоянка у станка Подкаменная Тунгуска, известная с 1921 г. Исследователю удалось получить представительный археологический материал, дополняющий знания о развитии материальной культуры таежного населения в различные периоды дописьменной истории региона, а также собрать сведения о материальной культуре и поверьях кетов. Вместе с тем неполная публикация материалов не позволяет в полной мере осознать их научный потенциал для осуществления культурно-хронологических реконструкций. Отчасти это связано с разделением коллекции и хранением материалов в фондах двух музеев. Ниже будут рассмотрены те датирующие вещи, которые хранятся в фондах Енисейского музея, отчасти это позволит восполнить обозначенный недостаток.

Анализ материалов в фондах Енисейского музея-заповедника

Большая часть переданных в фонды Енисейского музея материалов – фрагменты тулова керамических сосудов без орнамента и продукты расщепления камня. Вместе с тем в коллекции есть и датирующие вещи, позволяющие дать характеристику изученным памятникам, определить культурную и хронологическую принадлежность культурных слоев стоянок.

Среди материалов стоянки Сургутиха наиболее представительны фрагменты венчиков лепных керамических сосудов и железный нож. Сосуды закрытой формы, для них характерно украшение горизонтальными рядами наклонно поставленных гребенчатых оттисков. Два сосуда (рис. 2.8, 10) простой закрытой формы, у одного – вертикальная, слегка выпуклая шейка (рис. 2.6). Керамика датируется развитым Средневековьем и относится к лесосибирской культуре XI–XIV вв. (Сенотрусова, Мандрыка, 2020; Мандрыка, Сенотрусова, 2022). Сосуд, близкий по форме горшку с вертикальной шейкой, отмечен в материалах Лесосибирского городища (Мандрыка, 2003). Посуду такой формы предложено называть

горшками в форме «матрешки». Такие сосуды известны в тайге Среднего Енисея на Мокрушинском поселении, в Нижнем Приангарье – на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино (Сенотрусова, Мандрыка, 2020. С. 101. Рис. 5.2, 8).

Железный нож назван в дневнике Р.В. Николаева «донь» (нож – кетск.). Он черешковый, со слегка выгнутой спинкой и дугообразным лезвием, выраженными лезвийным и обушковым уступами, размерами 9,7 × 1,2 × 0,2 см. Заточка левосторонняя. Обнаружение ножа в культурном слое стоянки Сургутиха можно связать с существованием поселка, в котором к середине XX в. проживало, в том числе кетское население (Алексеев, 1967. С. 39). Ножи подобной формы известны у коренных сибирских народов, в том числе юкагиров Колымы и Чукотки, там они использовались для финальной обработки деревянных изделий (Жукова, 2017. Рис. 2д).

Из коллекции предметов стоянки Подкаменная Тунгуска в Енисейский музей были переданы фрагменты двух керамических сосудов эпохи Средневековья и железный пластинчатый браслет. Все предметы обнаружены в ходе раскопок 1959 г. Горшок с наклепной лентой, украшенной рядами наклонно поставленных оттисков (на рисунке слева представлен отслоившийся фрагмент ленты этого сосуда), и тонкими валиками (видны на фрагменте справа) (рис. 2.1) может быть отнесен к посуде усть-ковинского типа раннего Средневековья (Бирюлева, 2018; Бирюлева, Гревцов, Гурулёв, 2025. С. 107–108); сосуд с зубчатыми наколами (близкий по облику сосудам ладейской культуры) (Фокин, 2009) (рис. 2.9) и железный пластинчатый браслет (рис. 2.11) относятся к периоду развитого Средневековья. Более подробный анализ этих находок был проведен ранее в отдельной публикации (Бирюлева, 2025).

Особого внимания заслуживают находки, полученные в результате обследования окрестностей с. Маковского и селища в местности Высокий на р. Кети. В коллекции Енисейского музея хранятся фрагменты 4 керамических сосудов, из которых один – гончарный, покрыт зеленой поливой, с валиком в верхней части шейки (рис. 2.3). В дневниках нет упоминаний о контексте обнаружения этого черепка. Вероятнее всего, он был подобран при осмотре территории с. Маковского. Эти работы, связанные с поиском Маковского острога, упомянуты в

²⁶ Там же. Л. 99.

полевым дневнике в записях от 4 и 10 августа 1959 г.²⁷.

Остальные фрагменты керамики обнаружены при раскопках землянки в местности Высокий. Два сосуда однотипны (рис. 2.4, 5). Они закрытой формы, с невысокой вертикальной шейкой, украшены по венчику и в верхней части тулова рядами ямок. По форме и простоте орнамента эти сосуды близки керамике серовской культуры позднего неолита (Горюнова, 1996. С. 8; Бердников, 2013, Леонтьев, 2025. Рис. 88). Другой горшок имеет небольшую профилированную шейку, украшенную тремя прочерченными линиями, сверху и снизу от которых нанесены короткие диагонально расположенные отрезки (рис. 2.7). Фрагменты тулова от этого сосуда не зафиксированы. Сосуды со слабопрофилированной шейкой, украшенные в верхней части диагональными прочерченными линиями, также известны в материалах серовской культуры Прибайкалья и Приангарья (Горюнова, 1996. С. 22; Леонтьев, 2025. Рис. 91). В целом предложенная Р.В. Николаевым датировка землянки неолитом – ранним бронзовым веком (с учетом других материалов раскопок) может считаться актуальной.

Заключение

Представленные в рамках исследования материалы важны в контексте изучения культур неолита

²⁷ Полевой дневник археолого-этнографической экспедиции 1959 г. // Научный архив ККМ. № п/п 691. Оп. 5. Д. 87. Л. 17.

Список источников

Алексеев Е.А. Кеты: историко-этнографические очерки. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1967. 262 с.

Андреев Г.И. Исследования археологов к северу от Енисейска // Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. Вып. X. С. 5–8. EDN: OLRRIS.

Баташев М.С., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Роман Викторович Николаев – исследователь истории и культуры народов Приенисейского края // Народы Приенисейской Сибири. История и современность : материалы научно-практической конференции, Красноярск, 01–02 декабря 2000 года. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет, 2001. С. 164–172. EDN: YRVDWP.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху

– Нового времени памятников севера Красноярского края. Анализ полевых дневников Р.В. Николаева позволил дополнить сведения о характере культурных слоев стоянок, проведенных археологических работах, датировке и культурной принадлежности обнаруженных находок. Часть артефактов, хранящаяся в фондах Енисейского музея-заповедника, была впервые введена в научный оборот.

Рассмотренные материалы относятся к нескольким хронологическим эпохам. Артефакты эпохи позднего неолита обнаружены на р. Кети при раскопках землянки в местности Высокий. Находки раннего Средневековья (керамика усть-ковинского типа) – в устье р. Подкаменной Тунгуски. Развитое Средневековье представлено в материалах стоянок Подкаменная Тунгуска и Сургутиха. Это керамика лесосибирской и, возможно, ладейской культур, а также железный пластинчатый браслет, подобный изделиям, существовавшим на территории Нижнего Приангарья в монгольское время. Отдельного внимания заслуживает железный нож, который предвзительно можно датировать Новым временем и связать с материальной культурой коренного кетского населения Нижнего Енисея.

Данная публикация является первым шагом к восстановлению полноценного представления о материалах, полученных в ходе археолого-этнографической экспедиции 1958–59 гг. Полноценная публикация находок в фондах Красноярского краевого краеведческого музея и этнографических материалов смогут дополнить представленные в данном исследовании сведения.

References

Alekseenko E.A. (1967) Kets: historical and ethnographic essays. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 262 p. (In Russ.).

Andreev G.I. (2019) Archeological research to the North of Yeniseisk. *Ancients of Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Iss. X. P. 5-8. (In Russ.). EDN: OLRRIS.

Batashev M.S., Vdovin A.S., Makarov N.P. (2001) Nikolaev Roman Viktorovich - researcher of the history and culture of the peoples of the Yenisei region. *Peoples of Yenisei Siberia. History and Modernity*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. P. 164-172. (In Russ.). EDN: YRVDWP.

Berdnikov I.M. (2013) Key aspects of historical and cultural procedures in southern part of middle Siberia during the

неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 203–229. EDN: QBKEHV.

Бирюлева К.В. Вариативность орнаментации керамики усть-ковинского типа Нижнего Приангарья // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. № 7. С. 304–311. EDN: OLPFCN.

Бирюлева К.В. Средневековые материалы стоянки Подкаменная Тунгуска тайги Средней Сибири (по материалам работ Р.В. Николаева 1958–1959 гг.) // Проблемы археологии и этноистории Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии: сб. тр. конференции, посвящ. 140-летию С.И. Руденко (1885–1969) и 100-летию его фундаментального труда «Башкиры. Опыт этнологической монографии» (1925). Уфа, 2025 (в печати).

Бирюлева К.В., Гревцов Ю.А., Гурюлев Д.А. Валиковая керамика стоянок чиридинской группы в Нижнем Приангарье (по материалам работ 2010 и 2011 гг.) // Древности Приенисейской Сибири : сборник научных трудов. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2025. С. 98–114. EDN: QVPSGE.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 112 с.

Жукова Л.Н. Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменных индустрий к изделиям из железа // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 22–28. DOI: 10.24866/1997-2857/2017-4/22-28. EDN: ZWYUJ.

Леонтьев С.Н. Керамические комплексы археологических памятников острова Сергущин (Северное Приангарье): Эпоха неолита и бронзы. Кемерово : Примула, 2025. 191 с.

Макаров Н.П., Баташев М.С., Вдовин А.С. Археологические коллекции раннего железного века и Средневековья Красноярского севера в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи : материалы Всероссийской научно-археологической конференции, Сургут, 1–4 октября 2013 г. Екатеринбург – Сургут : Изд-во Магеллан, 2013. С. 71–75. EDN: UJADCF.

Мандрыка П.В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2003. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. С. 89–91. EDN: YKFSVL.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера IV на Ангаре. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2022. 364 с. (Труды Богучанской археологической экспедиции; т. 3.)

Николаев Р.В. Археологические находки на севере Красноярского края // Советская археология. 1960а. № 1. С. 254–256.

Николаев Р.В. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского севера // Краткие сообщения Институ-

Neolithic (based on pottery complexes). *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. No. 1. P. 203–229. (In Russ.). EDN: QBKEHV.

Biryuleva K.V. (2018) Variability of ornamentation of ceramics of the Ust-Kovinsky type of the Lower Angara region. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures*. Irkutsk: Irkutsk State University. No. 7. P. 304–311. (In Russ.). EDN: OLPFCN.

Biryuleva K.V. (2025) Medieval materials from the Podkamennaya Tunguska site in the taiga of Central Siberia (based on the works of R.V. Nikolaev in 1958–1959). *Problems of Archaeology and Ethnohistory of Eastern Europe, Siberia, and Northeast Asia*. Collection of Conference Papers Dedicated to the 140th Anniversary of S.I. Rudenko (1885–1969) and the 100th Anniversary of His Fundamental Work “Bashkirs: An Ethnological Monograph” (1925). Ufa (in press). (In Russ.).

Biryuleva K.V., Grevtsov Yu.A., Gurulev D.A. (2025) Ceramics with cordons ornament from the sites of the Chiridinskaya group in the Lower Angara region (based on the materials of the 2010 and 2011 fieldworks). *Ancients of Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 98–114. (In Russ.). EDN: QVPSGE.

Goryunova O.I. (1996) Serov burials in Priolkhonye (Lake Baikal). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. 112 p. (In Russ.).

Zhukova L.N. (2017) Traditional forms of knives among the indigenous population of Kolyma and Chukotka: from stone to iron items. *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. No. 4. P. 22–28. (In Russ.). DOI: 10.24866/1997-2857/2017-4/22-28. (In Russ.). EDN: ZWYUJ.

Leont'ev S.N. (2025) Ceramic complexes of archaeological sites of Sergushkin Island (Northern Angara region): the Neolithic and Bronze Age. Kemerovo: Primula. 191 p. (In Russ.).

Makarov N.P., Batashev M.S., Vdovin A.S. (2013) Archaeological collections of the early Iron Age and the Middle Ages of the Krasnoyarsk north in the funds of the Krasnoyarsk regional museum. *Archaeology of the Russian North: from the Iron Age to the Russian Empire: Proceedings of the All-Russian Scientific Archaeological Conference, Surgut, 1–4 October, 2013*. Yekaterinburg - Surgut: Magellan. P. 71–75. (In Russ.). EDN: UJADCF.

Mandryka P.V. (2003) Medieval settlement in the Yenisei taiga. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. Vol. 2. Iss. 3: Archaeology and Ethnography. P. 89–91. (In Russ.). EDN: YKFSVL.

Mandryka P.V., Senotrusova P.O. (2022) Medieval burial ground Prospikhinskaya Shivera IV on the Angara. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Vol. 3. Proceedings of the Boguchany Archaeological Expedition. 364 p. (In Russ.).

Nikolaev R.V. (1960a) Archaeological finds in the north of the Krasnoyarsk region. *Soviet Archeology*. No. 1. P. 254–256. (In Russ.).

Nikolaev R.V. (1960b) Some issues of ethnogenesis of the peoples of the Krasnoyarsk north. *Brief Communications*

та этнографии. 1960b. Вып. XXXIV. С. 61–68.

Николаев Р.В. Древние жилища у села Маковского // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1963а. С. 49–53.

Николаев Р.В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1963b. С. 127–131.

Николаев Р.В. Археологические находки из Туруханского района как источники по этногенетическим процессам на севере Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1980. Вып. 11. С. 20–26.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Керамическая посуда лесосибирской культуры: вопросы типологии и генезиса // Поволжская Археология. 2020. № 2 (32). С. 93–106. DOI: 10.24852/pa2020.2.32.93.106. EDN: QQHYRH.

Фокин С.М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городищ // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Сборник, посвященный юбилею Людмилы Александровны Чиндиной. Томск : Изд-во Агаф-Пресс, 2009. С. 124–130.

Информация об авторе

Бирюлева Ксения Викторовна,
научный сотрудник-археолог,
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
им. А.И. Кытманова,
663180, г. Енисейск, ул. Ленина, 106, Россия;
старший научный сотрудник Лаборатории археологии
Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, Россия,
e-mail: KBiryuleva@sfu-kras.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Вклад автора

Бирюлева К.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 3 августа 2025 г.; принята к публикации 11 августа 2025 г.

from the Institute of Ethnography. Iss. XXXIV. P. 61-68. (In Russ.).

Nikolaev R.V. (1963a) Ancient dwellings near the village of Makovsky. *Materials and Research on Archeology, Ethnography and History of Krasnoyarsk Krai*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 49-53. (In Russ.).

Nikolaev R.V. (1963b) Materials for the archaeological map of the north of Krasnoyarsk Krai. *Materials and Research on Archeology, Ethnography and History of Krasnoyarsk Krai*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 127-131. (In Russ.).

Nikolaev R.V. (1980) Archaeological finds from the Turukhansk region as sources for ethnogenetic processes in the north of Siberia. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: Kemerovo State University. P. 20-26. (In Russ.).

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. (2020) Pottery of Lesosibirsk culture: typology and genesis issues. *Volga Region Archaeology*. No. 2 (32). P. 93-106. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2020.2.32.93.106. (In Russ.). EDN: QQHYRH.

Fokin S.M. (2009) Medieval materials of the Ladeya and Ermolaev settlements. *Problems of Archeology and History of Northern Eurasia*. The collection is dedicated to the anniversary Lyudmily Aleksandrovny Chindinoi. Tomsk: Agaf-Press. P. 124-130. (In Russ.).

Information about the author

Ksenia V. Biryuleva,
Researcher-Archaeologist,
Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named
after A.I. Kytmanov,
106, Lenin St., Yeniseisk 663180, Russia;
Senior Researcher at the Laboratory of Archeology of Yenisei
Siberia,
Siberian Federal University,
79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: KBiryuleva@sfu-kras.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Contribution of the author

Biryuleva K.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 16, 2025; approved after reviewing August 3, 2025; accepted for publication August 11, 2025.

Научная статья
УДК 902.035/903.7
EDN: ETPGXA
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-47-59>

Горные перевалы как источники информации о путях проникновения людей на территорию Окинского плоскогорья в Саянских горах

В.И. Ташак¹, Б.Д. Шарастепанов²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

² Орликская средняя общеобразовательная школа, Орлик, Россия

Аннотация. Окинское плоскогорье, окружённое горными хребтами, является частью Саянской горной системы, доступ в которую затруднён. Труднодоступность этого плоскогорья сохраняла актуальность с глубокой древности до середины XX в. В этой связи, на протяжении длительного времени, важное значение имели горные перевалы как наиболее значимые места на путях следования людей. В данной статье показана перспектива исследований перевалов на предмет оставленных следов материальной культуры и духовной деятельности человека с целью установить время и направление движения человеческих коллективов применительно к Окинскому плоскогорью. Рассмотрено три конкретных перевала. На примере одного из них прослежены коммуникации человеческих коллективов внутри Окинского плоскогорья, сформировавшиеся ещё в каменном веке. На примере кургана, сооружённого на перевале в верховьях речки Сайлаг, зафиксирован один из путей проникновения человека на территорию Окинского плоскогорья из Приангарья. При этом пока не установлено время возведения кургана и не выявлен его характер. Рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с самым известным на сегодняшний день перевалом Нуху-Дабан на пути, ведущем из Тункинской долины к верховьям реки Оки и далее к Окинскому котловине. Этот перевал приобрёл статус исторического объекта, потому что несколько раз детально описан в записях путешественников и учёных в XIX в., что вызывает интерес к этому объекту и сегодня. В настоящее время выдвинуты предположения, что отверстие в скале на перевале имеет искусственное происхождение. Проведённые исследования показывают, что отверстие в скале образовано природными процессами.

Ключевые слова: археология, каменный век, плейстоцен, голоцен, каменная индустрия, культовые места, курганы, горные перевалы, Восточный Саян, Окинское плоскогорье

Благодарности. Работа выполнена в рамках НИР ИМБТ СО РАН (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» № 121031000241-1).

Для цитирования: Ташак В.И., Шарастепанов Б.Д. Горные перевалы как источники информации о путях проникновения людей на территорию Окинского плоскогорья в Саянских горах // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 47–59. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-47-59. EDN: ETPGXA.

Archaeology

Original article

Mountain passes as sources of information about routes of human penetration into the territory of Oka Plateau in the Sayan Mountains

Vasily I. Tashak¹, Bair D. Sharastepanov²

¹ Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

² Orlik Secondary Comprehensive School, Orlik, Russia

Abstract. The Oka Plateau surrounded with mountain ridges is the part of the Sayan Mountain system which is difficult to access. The inaccessibility of this plateau has held the relevance from the ancient times till the middle of the XX century. In this relation for a long time mountain passes had special significance as the more important places on the paths of the people's routs. This

study shows the perspective of the mountain passes investigations in terms of left traces of material culture and not utilitarian intellectual activities. The purpose is determining the time and trend of the human groups' movement in the frames of the Oka Plateau. The study considers the three mountain passes. The first of them is an example of the human groups' communication inside the Oka Plateau territory formed as far back as Stone Age. On the example of the stone mound built on the mountain pass in the Sailag riverhead, we can say about one of the paths of the human penetration to the territory of the Oka Plateau from the Angara Region. At the same time the questions concerning the age of installing this stone mound and its purpose remained unsolved. The authors consider argumentative issues related with the most known for the present days mountain pass Nuhu-Daban, which is located on the path leading from Tunka River valley to the Oka riverhead and further to the Oka River basin. This mountain pass was several times described in details in the records of travelers and researchers in XIX century that attracts the interest to this place even today. Nowadays there are suggestions about artificial character of the hole in the rock at the pass. Occurred investigations show the hole in the rock originated by the natural process.

Keywords: archaeology, Stone Age, Pleistocene, Holocene, stone industry, cult places, mounds, mountain passes, Eastern Sayan Mountain, Oka Plateau

Acknowledgements. This article was carried out within the framework of the state task (project "Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states", № 121031000241-1).

For citation: Tashak V.I., Sharastepanov B.D. (2025) Mountain passes as sources of information about routes of human penetration into the territory of Oka Plateau in the Sayan Mountains. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 47-59. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-47-59. EDN: ETPGXA.

Введение

Окинское плоскогорье занимает центр современного Окинского района Республики Бурятии. Географически это часть Саянской горной системы, окружённая хребтами – с востока Восточным Саяном и с запада Большим Саяном. Долины рек, глубоко врезавшиеся в тело плоскогорья, являются и являлись в разное время основными территориями, осваиваемыми жителями этих мест. Активизация археологических исследований Окинского плоскогорья, начавшаяся с 2017 г., позволила сделать выводы о начале освоения этой территории, как минимум, в финальном палеолите. В связи с этим встают вопросы о путях проникновения человеческих групп в речные долины плоскогорья. Единственная крупная река, которая проходит через центр Окинского плоскогорья и выходит в Приангарье – это Ока (Аха) или Ока Саянская, долина которой могла бы рассматриваться как удобный путь из Приангарья в центр Саян, но она изобилует теснинами, препятствующими такому продвижению. В настоящее время в центральную часть Окинского района ведёт автомобильная дорога, проложенная вдоль верховьев Иркуты и Оки. Ещё в первой половине XX в. этой дороги не было, а современный вид она стала приобретать только в 90-е годы XX в.

Если исключить вариант зимних переходов по покрытой льдом Оке, или вверх на лодках по этой же быстрой горной реке, то во всех остальных случаях важное место в решении вопросов о путях про-

никновения человека на территорию Окинского плоскогорья займут горные перевалы, которые необходимо было преодолеть на пути в центр Окинского плоскогорья. Нередко перевалы, являясь узким местом на горных путях, обрастают легендами или хранят материальные следы, оставленные людьми при проходе через них. Цель предлагаемой к рассмотрению статьи показать перспективность такого направления исследований как поиск следов человеческого пребывания на перевалах для масштабных реконструкций путей освоения Окинского плоскогорья. Также в статье показаны наработки в этом направлении, полученные в ходе археологических исследований на данной территории.

Общие вопросы

Окинская котловина, находящаяся в северной части Окинского плоскогорья (Выркин, 2018; Выркин, Масютина, 2017), предстаёт как часть долины Оки с наиболее широкими и плоскими участками, что издревле привлекало сюда население. Здесь известны наиболее крупные археологические объекты, определённые как могильники бронзового и железного веков с ритуальными конструкциями, возведёнными в различное время (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). Также на этой территории сосредоточены известные археологические стоянки каменного и бронзового веков (Ташак, 2021). Здесь же зафиксированы единичные наскальные рисунки, известные на территории Окинского плоскогорья

(Антонова, Миягашев, 2013). Анализ археологических материалов и естественно-научных данных показывает, что активное освоение территории Окинской котловины начиналось в финале плейстоцена и продолжалось на протяжении раннего и среднего голоцена (Ташак, 2022а; Ташак, 2024). Археологические материалы указывают на связь стоянок каменного века с подобными материалами из Приангарья (Там же). Естественно-научные данные показывают, что в финале плейстоцена значительная часть речных долин Восточного Саяна была покрыта ледниками (Олюнин, 1965; Гросвальд, 1965), в том числе ледники широко распространились и на территории Окинского плоскогорья (Аржанников, Броше и др., 2015). В связи с этим сформировалось мнение, что ледники препятствовали освоению речных долин в финальном плейстоцене, и человек проникает сюда только в начале голоцена (Аржанников, Инешин и др., 2010). Новейшие археологические исследования показали, что речные долины Окинского плоскогорья начинают осваиваться человеком, как минимум, в позднем плейстоцене (Ташак, 2021; Ташак, 2024).

Анализ наземных конструкций погребальных и ритуальных памятников археологии позволил уточнить, что в их составе присутствует курган-керексур (Харинский, Кичигин и др., 2022), а ближайшее место их концентрации находится в Северной Монголии, в 150 км южнее, с южной стороны Большого Саянского хребта. Также была прослежена взаимосвязь изученного погребения в долине Жомболока с погребениями на территории Монголии (Харинский, Кичигин, 2024). Все эти данные указывают на различные направления, по которым в Окинскую котловину прибывали люди с других территорий, начиная с древнейших времён. Исследование перевалов на предмет оставленных следов материальной культуры и духовной деятельности может помочь в установлении времени и направления движения человеческих коллективов.

Другой вопрос, который может рассматриваться при изучении перевалов, это взаимодействие человека с окружающей средой в форме организации коммуникаций в зависимости от конкретных природных условий, сложившихся в каком-либо крупном или мелком территориальном районе. Даже на примере современного этапа хозяйственной деятельности человека на территории Окинского плоскогорья видно, что долины рек при всей види-

мости удобства для передвижения по ним, не всегда являются путями перемещения или не только они являются таковыми путями. Например, поднятие уровня воды в реках затрудняет, а порой и делает невозможным продвижение по долинам. В таких случаях перемещение осуществляется через массивы плато или локальные хребты с учётом рельефа и пр. Речь идёт о пеших или конных тропах.

Объекты исследования и их обсуждение

В данной статье рассмотрено три перевала (рис. 1), два из которых действуют в настоящее время, но с минимальной нагрузкой. Они демонстрируют следы присутствия человека в прошлом. Третий перевал известен по письменным источникам XIX в., действовал ещё в первой половине XX в., но в настоящее время представляет интерес только как туристический объект.

Первый из рассматриваемых объектов расположен на правобережье Оки в зоне Окинской котловины, он соединяет два урочища: Обота на востоке и Номто-Гол на юго-западе (рис. 2.2). Кратчайшее расстояние от перевала до правого берега Оки немногим более 500 м в северо-западном направлении. На данном участке правый берег Оки представлен крутыми отвесными скалами, препятствующими проходу вдоль берега. Серия исследований археологических местонахождений на левом берегу Оки в местности Зун Номто-Гол показала, что, начиная с финала плейстоцена, здесь образовалось озеро в связи с появлением гигантской естественной запруды, формирование которой было вызвано выходом лавовых потоков из долины Жомболока – притока Оки (Аржанников, Иванов и др., 2013; Аржанников, Иванов и др., 2017). Лава перекрыла долину Оки, чем и было вызвано образование подпрудного озера. В финале плейстоцена и в раннем голоцене по берегам озера появились поселения людей (Ташак, 2022b). Часть современного урочища Номто-Гол была скрыта под водой озера, а путь в урочище и из него был возможен только через перевалы. Оптимальным местом перехода через горные отроги, для того чтобы попасть в широкое и протяжённое урочище Обота, был рассматриваемый перевал (рис. 3). В 2020 г. на перевале были обнаружены археологические материалы, среди которых микропластинки, пластинки, краевые реберчатые сколы, маркирующие начало расщепления клиновидных торцовых

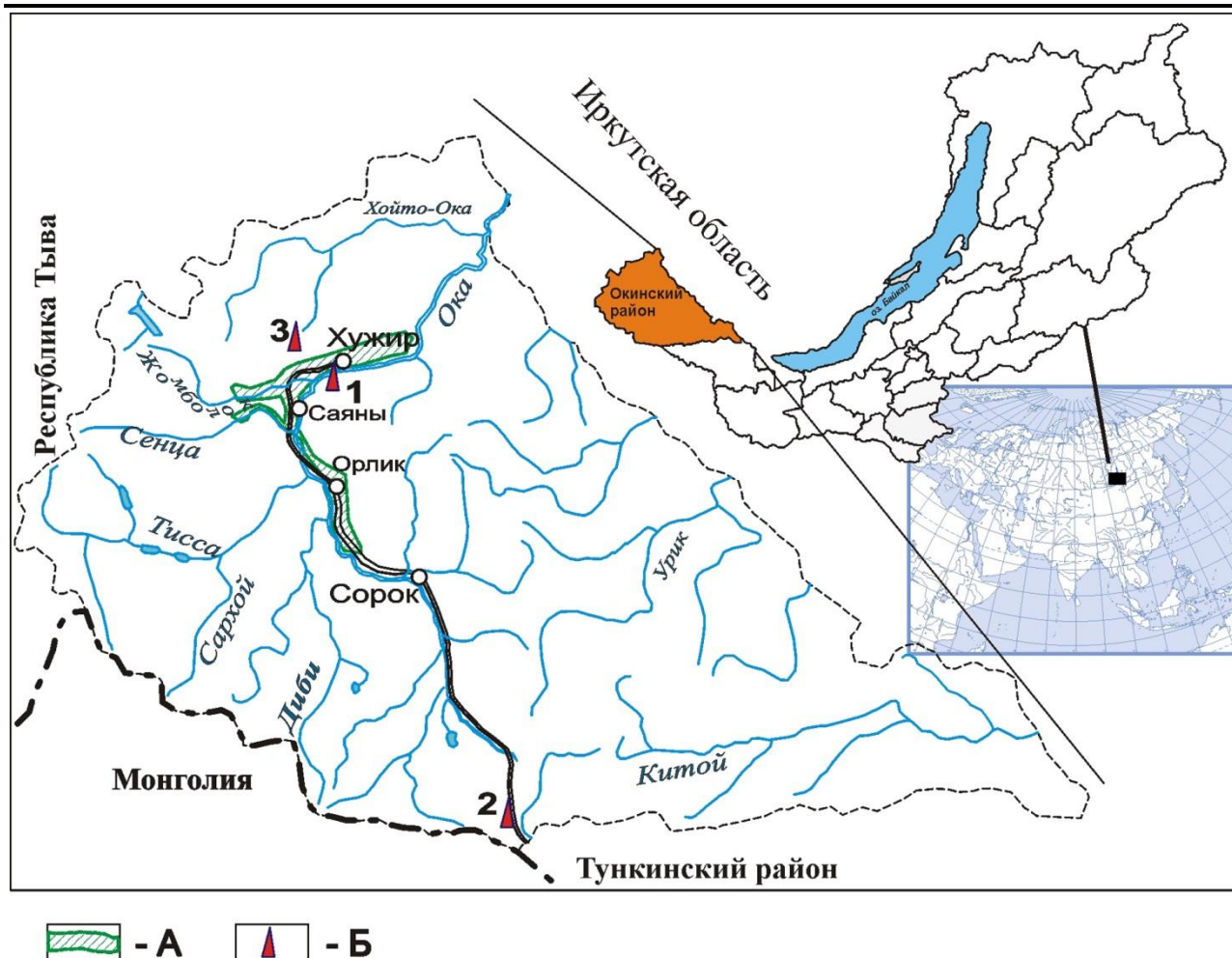

Рис. 1. Схема расположения рассматриваемых в статье перевалов в Окинском районе Республики Бурятия:
А – границы Окинской котловины; Б – перевалы. Цифрами обозначены: 1 – перевал между урочищами Номто-Гол и Обота; 2 – перевал Нуху-Дабан; 3 – Сайлагский перевал

Fig. 1. Scheme map of location of the considered in the article mountain passes' in Oka Region of Buryatia Republic: A - Oka depression boundaries; B - mountain passes. Numbers indicate: 1 - mountain pass between Nomto-Gol and Obota areas; 2 - Nuhu-Daban Mountain pass; 3 - Sailag Mountain pass

нуклеусов. Такой набор типичен для нижних уровней ряда известных стоянок Окинской котловины, датированных финалом плейстоцена или ранним голоценом (Ташак, 2024). Сразу же после завершения спуска с перевала, в южной части урочища Обота, обнаружено местонахождение с каменными артефактами. Таким образом, археологические материалы на перевале и стоянка у подножия горы демонстрируют отрезок древней линии коммуникации, существовавшей на удалении от правого берега реки, как минимум, в эпоху неолита (Ташак, 2022b). В настоящее время перевал изредка используется местным населением. Используется, потому что других удобных путей перехода из Номто-Гола в Оботу нет, а изредка, потому что в зоне Окинской котловины на правом берегу Оки нет постоянных

поселений. На этом перевале организовано современное обоо, указывающее на проведение обрядов на перевале, связанных с почитанием духов данного места.

Второй объект – наиболее известный на сегодня перевал в Окинском районе, хотя по пути, который венчает этот перевал, в настоящее время ходят только туристы. Перевал называется Нуху-Дабан (Нухэн-Дабан) – дыра-перевал или перевал с дырой, в связи с тем, что рядом с тропой, ведущей через перевал, находится скала с крупным отверстием, заваленным скальными обломками. Есть здесь и отверстие поменьше. Перевал расположен в 2,2 км на северо-запад от места впадения реки Белый Иркут в реку Иркут, возвышаясь над Иркутом более чем на 400 м (рис. 4).

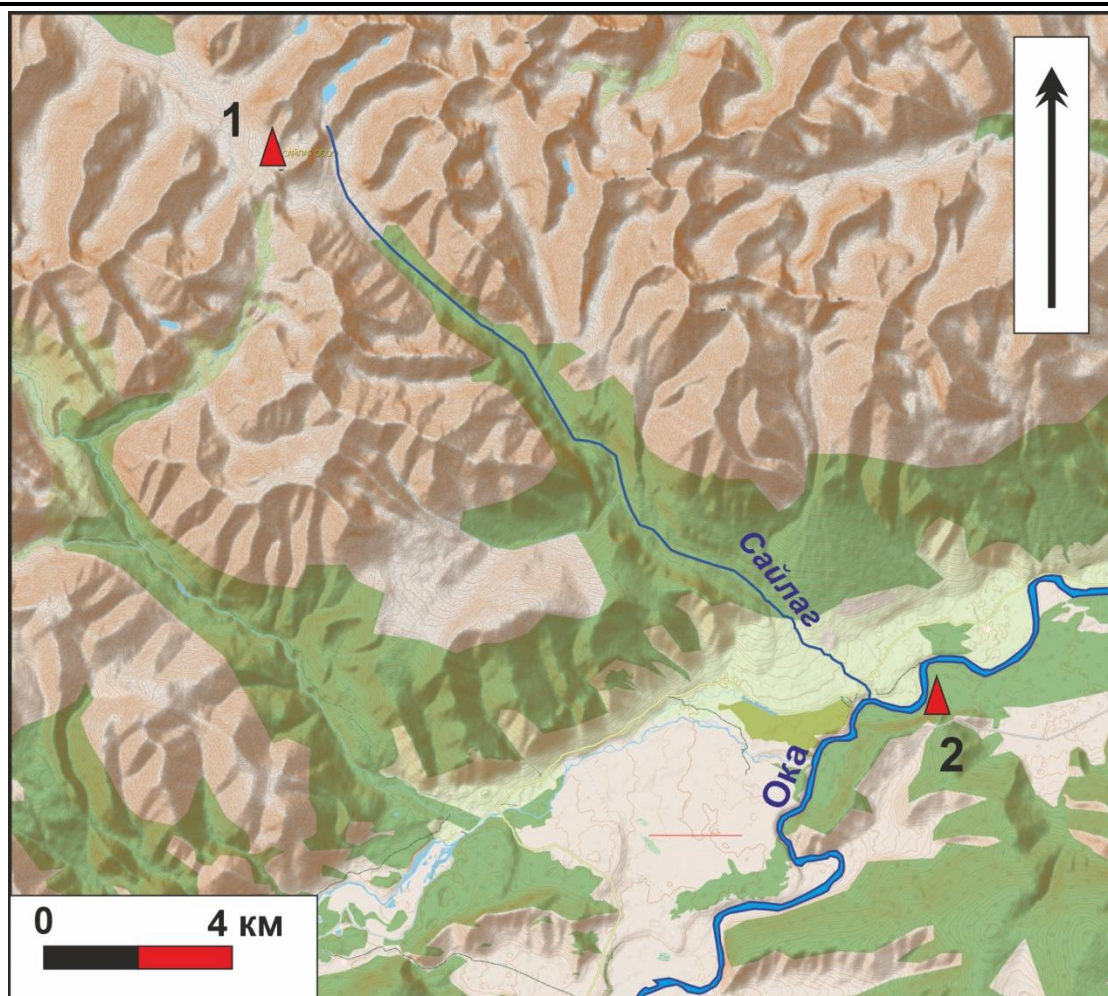

Рис. 2. Карта-схема расположения перевалов. Цифрами обозначены: 1 – Сайлагский перевал; 2 – перевал между урочищами Номто-Гол и Обота

Fig. 2. Scheme map of the mountain passes' location. The numbers indicate: 1 - Sailag Mountain pass; 2 - mountain pass between Nomto-Gol and Obota areas

Дорога с перевалом Нуху-Дабан, ведущая из Тункинской долины в долину Оки, активно использовалась значительную часть XX в. Некоторые путешественники XIX в. в своих записках подробно описывают этот перевал. Например, П.А. Кропоткин в отчёте об экспедиции 1865 г. на территорию Окинско-го плоскогорья дал детальное описание перевала, а также известковой скалы с дырой (Кропоткин, 1867. С. 32, 33). Он указал на то, что у горы с известковой скалой были и другие названия, но поскольку уже было опубликовано указанное название, в частности Г.И. Радде, то следует придерживаться его. Также П.А. Кропоткин сообщил о том, что на перевале находится часовня, «в которой сходятся русский и бурят» (Там же. С. 34), чтобы попросить защиты у высших сил перед природной стихией, перед которой, здесь, в горах люди чувствуют себя беззащитными.

Побывавший здесь в 1859 г. российский географ Г.И. Радде дал более детальное описание функционирования этой часовни. Он писал: «На её вершине воздвигнута часовня, в которой набожные проезжие и прохожие оставляют мелкие монеты, а по неимению денег какой-нибудь старый лоскуток сукна или пуговицу. Осенью же, по окончании охоты, тамошние охотники жертвуют по паре беличьих шкурок, за что от священников получают по освящённой свече» (Путешествие по Амуру..., 1868. С. 120, 121). Следует заметить, что П.А. Кропоткин и Г.И. Радде хорошо знали о таких культовых объектах как обоо и описывали их в своих работах, но в конкретном случае обоо не упоминается, а речь идёт о часовне, которая соединила в себе функции православного культового места и культового места шаманистов. Такое сочетание православия и шаманизма вполне объяснимо на тот момент. Г.И. Радде пи-

Рис. 3. Перевал между урочищами Номто-Гол и Обота. обозначен стрелкой, вид с севера. Фото Д.В. Кобылкина
Fig. 3. Mountain pass between Nomto-Gol and Obota areas. Indicated by arrow, view from the north. Photo by D.V. Kobylkin

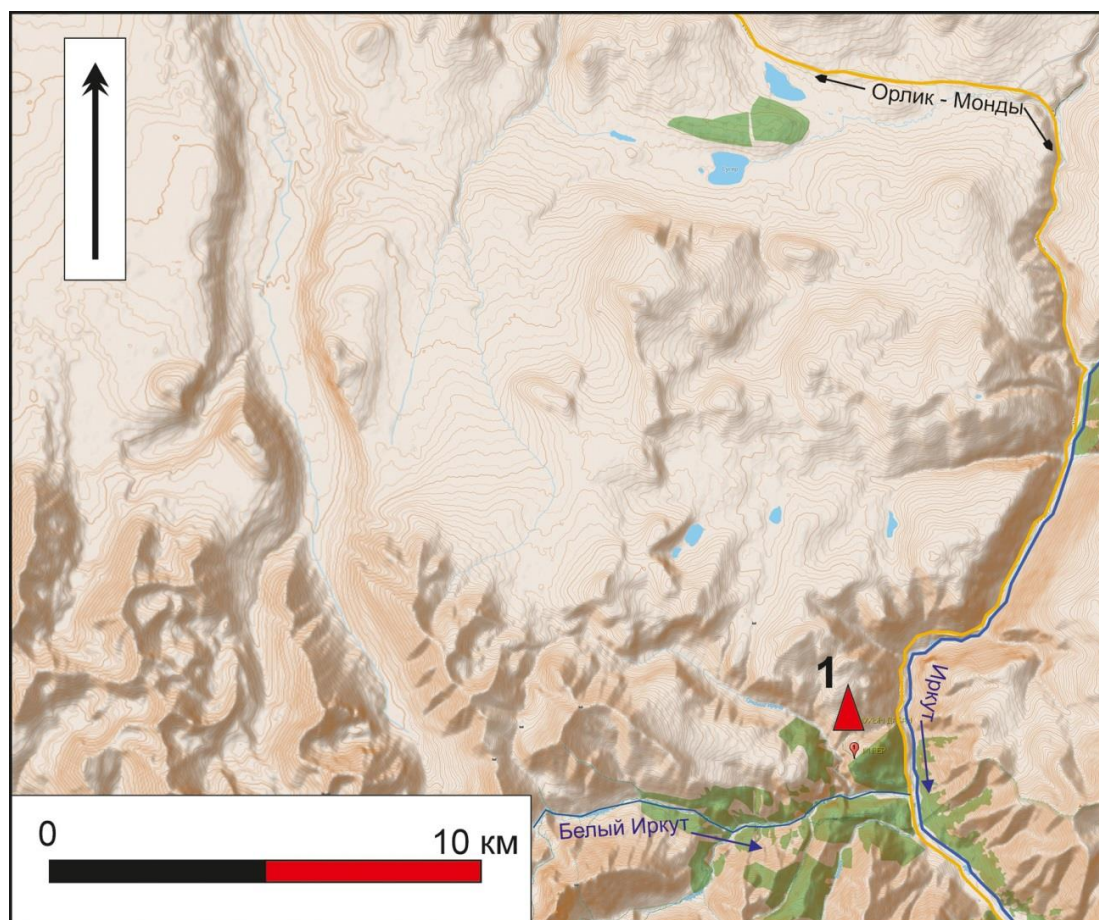

Рис. 4. Карта-схема расположения перевала Нуху-Дабан. Обозначен на схеме цифрой 1
Fig. 4. Scheme map of the Nuhu-Daban mountain pass's location. Number 1 indicates it on the scheme

сал, что значительную часть населения здесь составляют сойоты. Их религиозное мировоззрение он описывал так: «Большую частью, сойоты крещены, но имеют лишь очень поверхностное понятие об евангелии. ... Сойот не понимает сущности христианства и остается, наравне с большей частью тунгусских племен, в действительности идолопоклонником, ...» (Там же. С. 114). Побывавший здесь через шесть лет П.А. Кропоткин указывал на то, что сойоты всё больше сливаются с бурятами и принимают буддийскую веру. Можно предположить, что это было вызвано терпимостью буддизма к шаманизму, в частности. А вот эксперимент слияния православия и шаманизма, в виде подношений местным духам в часовне на перевале Нуху-Дабан, не удался, поскольку православная церковь отрицательно относится к идолопоклонству. Тем не менее, на наш взгляд, такие попытки заслуживают внимания специалистов по религиоведению.

Значительно позже перевал Нуху-Дабан стал фигурировать как пространственный элемент в легендарной истории монголов. По всей видимости, основой для такого толкования стали сведения Рашид-ад-Дина о древней родине монголов, окружённой горами – Эргунэ-Куна, и о том, как монгольские племена, став многочисленными, решили выйти из пределов Эргунэ-Куна. Согласно передаваемой Рашид-ад-Дином легенде, монголы с помощью огня и огромных кузнечных мехов расплавили гору, тем самым открыв выход из горных теснин (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 154). Судя по опубликованным сведениям, сама идея о связи скалы Нуху-Дабана с горой, расплавленной монголами, была высказана в 2011 г. Бат-Очиром, занимающимся вопросами, связанными с поиском легендарного Эргунэ-Куна (Дугаров, 2022. С. 92, 93). По его мнению, скала на перевале Нуху-Дабан и есть та гора, которую расплавили монголы для выхода из Эргунэ-Куна. Через образовавшийся в скале проход проходили племена вместе со своим скотом.

Эта идея была поддержана сторонниками западной локализации Эргунэ-Куна. В частности её сторонником стал один из авторов этой статьи – Б.Д. Шарастепанов. По мнению В.И. Ташака (также автора статьи), это всего лишь попытка связать природное явление с легендарными сведениями. Аргументы против этой идеи достаточно убедительны. Первое – автор первоисточника Рашид-ад-Дин писал,

что сама гора изобиловала железом и рядом с горой были поселения, специализирующиеся по обработке железа (Рашид-ад-Дин, 1952. С. 154). Вот эти специалисты и соорудили большие кузнечные меха, развели огромный костер и расплавили гору, попутно добыв много железа и славу. Нуху-Дабан сложен известняками, о чём упоминали ещё путешественники XIX в., ни железа, ни следов обработки железа здесь нет. Второе – всякий наблюдатель при внимательном осмотре скалы на перевале Нуху-Дабан увидит, что большое (нижнее) отверстие образовано в стене шириной несколько метров в основании и немногим более одного метра в верхней части (рис. 5.1). За этой стеной следует вертикальная «шахта» с заваленным скальными обломками дном, шириной несколько метров и глубиной более 10 м, далее следует сплошной массив известковой скалы, также частично заваленный (рис. 5.2). Если очистить нижнее отверстие от каменных осыпей, то пройти можно будет только в эту шахту, поэтому путь через отверстие в стене выглядит более чем сомнительно. Третье – отверстие в скале Нуху-Дабана не исключительное явление в этой части Саянских гор. Например, на высоко расположенных скалах, обрамляющих долину реки Забит по её правому борту, представлен прекрасный образец таких «ворот» в виде огромной арки с высоким и широким проходом без скальных завалов (рис. 6). Сквозь проход под этой аркой может пройти масса народа со скотом, но здесь, как и в случае с Нуху-Дабаном, сразу за проходом стоит массив скалы в виде вертикальной стены. Кроме этого, в скальных массивах по бортам той же долины реки Забит насчитывается около десятка гротов с поврежденным или разрушающимся сводом, которые в перспективе образуют такие же арочные проходы, упирающиеся в вертикальные стенки скал.

Третий объект – это перевал между верховьями Сайлага – небольшого левого притока Оки и Хойто-Оки, также левого притока Оки, но более крупного и огибающего большой горный массив, прежде чем влиться в Оку в 60 км северо-восточнее устья Сайлага (см. рис. 2.1). Ранее Б.Д. Шарастепановым от охотников и собирателей ягод и трав были получены сведения, что на этом перевале находится большой каменный курган. В 2011 г., в ходе небольшой экспедиции, организованной сторонниками западной локализации Эргунэ-Куна, Б.Д. Шарастепанов высказал своё предположение об этом кургане (в то вре-

1

2

Рис. 5. Перевал Нуху-Дабан: 1 – известковая скала с отверстиями; 2 – вид на вертикальную шахту в скале на перевале.
Фото В.И. Ташака

Fig. 5. Nuhu-Daban mountain pass: 1 - calcareous rock with holes; 2 - view to the vertical mine in the rock at the pass. Photo by V.I. Tashak

мя экспедиция не достигла перевала). По его мнению, курган создан древними монголами, когда они уходили из Приангарья в Саяны по Хойто-Оке (Дугаров, 2022. С. 94).

В ходе совместных экспедиций, организованных Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (руководитель В.И. Ташак) и Орликской средней школой (руководитель Б.Д. Шарастепанов) неоднократно ставилась задача посещения Сайлагского перевала, но осуществить её удалось только в сентябре 2024 г. Большую помощь в организации экспедиции в верховья Сайлага ока-

зал А.В. Шарастепанов – местный предприниматель, который на своём вездеходе доставил нашу небольшую экспедицию на перевал (рис. 7).

От впадения Сайлага в Оку до Сайлагского перевала 17 км по прямой линии. Около 1000 м превышение перевала над долиной Оки, в среднем высотные показатели нижних отметок долины Оки в районе устья Сайлага составляют 1250 м и около 2250 м высота перевала. Перевал находится выше зоны лесной растительности.

На самом перевале находится курган (рис. 8.1), возведённый из скальных обломков различных раз-

Рис. 6. Правобережье реки Забит, арочный проход в скале. Фото В.И. Ташака
Fig. 6. Zabit River right bank, arc-shaped way in the rock. Photo by V.I. Tashak

Рис. 7. Участники экспедиции на Сайлагский перевал
Fig. 7. Participants of the expedition to the Sailag Mountain pass

меров на небольшой возвышенности, образованной скальным основанием, которое здесь оголено (рис. 8.2). Курган имеет вытянутую форму по линии север-юг. Длина кургана при измерении у основания составляет 9,8 м, ширина в северной части 6 м, ширина в южной части 6,2 м. В среднем высота кургана около 2 м, но она различается с западной и восточной сторон. С западной стороны скальное основание, на котором возведён курган, слабо наклонено на запад, а с восточной стороны резко уходит вниз. Поэтому с восточной стороны визуально курган выглядит значительно выше. Если измерения производить от места, где скальная поверхность начинает

выравниваться, то высота кургана будет составлять 4 м. В целом, при возведении кургана в расчёт была взята выпуклость скальной поверхности, расположенной примерно в середине седловины перевала. В связи с этим курган выглядит значительно выше, чем только насыпь высотой до 2 м.

Со стороны долины Оки к перевалу ведёт дорога, точнее колея, местами подправленная бульдозером. Дорога, созданная в середине XX в. в ходе геологических разведок, заброшена, местами завалена осыпями и размыта, но она даёт интересную информацию. Вывороченные бульдозером каменные обломки выглядят значительно «свежее», чем кам-

1

2

Рис. 8. Курган на Сайлагском перевале: 1 – вид с северо-запада; 2 – вид с севера. Фото В.И. Ташака
Fig. 8. The stone mound on the Sailag Mountain pass: 1 - view from the northern-west; 2 - view from the north. Photo by V.I. Tashak

ни, которыми сложен курган. Современное местное население обоо такого типа не возводит, да и бывают местные жители здесь редко, только охотники, браконьеры и собиратели трав и ягод. Для Окинско-го района такой курган уникален, среди всех сооружений подобного типа. Какой-либо датирующий материал рядом с курганом не найден.

По всей видимости, курган возводился как маркер местности или ориентир на местности. В настоящее время его стали использовать как обоо, но каково было его первоначальное назначение пока не ясно. На местах старых обоо в Западном Забайкалье, например, начала XX в. всегда встречаются монеты или различные предметы, которые подносились местным духам. Рядом с рассматриваемым курганом таких вещей нет. Каких-либо сведений об этом кургане у местного населения нет, кроме того, что этот курган есть на перевале.

Своими размерами Сайлагский курган напоминает крупные обоо в Северной Монголии, также расположенные на перевалах, но между Монголией и Сайлагским перевалом похожих курганов нет. Есть сведения, что на перевале в верховьях речки Обтой, это в 3 км на юго-запад от Сайлагского перевала, находится похожий курган, но эти сведения не проверены.

Заключение

В статье рассмотрены перевалы как объекты исследования на предмет выявления следов человеческой активности и установления древних путей миграций людей в ходе переселений и линий коммуникаций при хозяйственном освоении локальных территорий внутри Окинско-го плоскогорья. Установлена перспективность исследований древних коммуникаций на территории Окинско-го плоскогорья путём поиска материальных свидетельств пребывания человека на перевалах. Археологические материалы,

найденные на перевале на правом берегу Оки, показывают, что здесь организовывались кратковременные стоянки при перемещении между урочищами.

На примере Сайлагского перевала устанавливаются факт и место перемещения людей на большие расстояния, например, с территории Приангарья в Окинскую котловину. В случае с Сайлагским перевалом остаётся нерешённым вопрос о времени такого перемещения. Сам факт возведения такого крупного кургана в местах не обитаемых, а только временно посещаемых, вызывает ряд вопросов. Для одномоментного строительства такого кургана необходимо большое количество людей. Если курган возводило небольшое число строителей, то им требовалось время, в течение которого они должны были жить на перевале. Третий вариант, это постепенное строительство кургана людьми, перманентно проходящими через перевал. Мы уже упоминали одну рабочую версию, высказанную Б.Д. Шарастепановым в 2011 г. о том, что курган на Сайлагском перевале был возведён древними монголами. В качестве дополнительной, к уже предложенной рабочей версии, можно предположить, что курган был возведён в годы Гражданской войны каким-либо отрядом из противоборствующих армий, как ориентир на местности. В настоящее время все эти вопросы остаются нерешёнными.

Путь через перевал Нуху-Дабан уже в силу того, что неоднократно описан путешественниками и учёными XIX в., приобрёл статус исторического объекта. В настоящее время этот перевал стал обрастать приписываемыми ему данными о якобы искусственном происхождении большого отверстия в скале и связи происхождения этого отверстия с легендарной историей монголов. Такие предположения не находят подтверждения в исторических источниках. Анализ скалы с отверстиями показывает, что и скала, и отверстия в ней – результат природных процессов.

Список источников

Антонова Ю.Е., Миягашев Д.А. Шамхаг-Байсан как культовый объект древности в долине р. Ока (запад Бурятии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 103–107. EDN: QAILQX.

Аржанников С.Г., Броше Р., Жолите М., Аржанникова А.В. К вопросу о позднеплейстоценовом оледенении юга Восточного Саяна и выделении конечных морен MIS 2 на основе бериллиевого датирования (^{10}Be) ледниковых комплексов // Геология и геофизика. 2015. Т. 56. № 11. С. 1917–1933. DOI: 10.15372/GIG20151101. EDN: UXQTUV.

References

Antonova Yu.E., Miyagashev D.A. (2013) Shamhag-baisan as a sacral object of antiquity in the Oka River valley (Western Buryatia). *Tomsk State University Journal. History*. No. 3 (23). P. 103-107. (In Russ.). EDN: QAILQX.

Arzhannikov S.G., Arzhannikova A.V., Braucher R., Jolivet M. (2015) Late Pleistocene glaciations in southern East Sayan and detection of MIS 2 terminal moraines based on beryllium (^{10}Be) dating of glacier complexes. *Russian Geology and Geophysics*. Vol. 56. No. 11. P. 1509-1521. DOI: 10.1016/j.rgg.2015.10.001. EDN: VAKRFL.

Аржанников С.Г., Иванов А.В., Аржанникова А.В., Демонтерова Е.И. Долина вулканов в Восточном Саяне // Наука из первых рук. 2013. № 5–6 (53–54). С. 66–83. EDN: RVVRSP.

Аржанников С.Г., Иванов А.В., Аржанникова А.В., Демонтерова Е.И., Жоливе М., Воронин В.И., Буянтүев В.А., Осколков В.А. Возраст Жомболокского лавового поля (Восточный Саян) по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным // Геология и геофизика. 2017. Т. 58. № 1. С. 27–47. DOI: 10.15372/GiG20170103. EDN: XIPDCN.

Аржанников С.Г., Инешин Е.М., Аржанникова А.В., Снопков С.В. Палеогеографическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенца) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2010. Вып. 8. С. 291–302. EDN: XWZRQV.

Выркин В.Б. Рельеф и экзогенные процессы Окинской котловины (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2018. Т. 23. С. 43–50. DOI: 10.26516/2073-3402.2018.23.43. EDN: ELHVZO.

Выркин В.Б., Масютина Ю.А. Геоморфологическое районирование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2017. Т. 19. С. 32–47. EDN: YIEKAD.

Гросвальд М.Г. Развитие рельефа Саяно-Тувинского нагорья (Оледенения, вулканизм, неотектоника). М. : Наука, 1965. 166 с.

Дугаров Б.С. Эргунэ-Кун: путь Буртэ-Чино и Окинский край // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 89–101. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-89-101. EDN: GWBTIF.

Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. Книжки IX и X. С. 1–94.

Олюнин В.Н. Неотектоника и оледенение Восточного Саяна. М. : Наука, 1965. 127 с.

Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи. С прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. Санкт-Петербург; Москва: Изд-во книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868. [4], IV, 351 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 222 с.

Ташак В.И. Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 9–19. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-9-19. EDN: AVZVIW.

Ташак В.И. Неолит Окинского плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, -2, -3 // Известия Лаборатории древних технологий. 2022а. Т. 18. № 1. С. 15–33. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-15-33. EDN: BEBHZC.

Ташак В.И. Люди и вулканы Окинского плоскогорья в древности: влияние вулканической деятельности на выбор мест организации поселений // Теория и практика

Arzhannikov S.G., Ivanov A.V., Arzhannikova A.V., Demonterova E.I. (2013) Valley of volcanoes in the Eastern Sayan. *Science First Hand*. No. 5-6 (53-54). P. 66-83. (In Russ.). EDN: RVVRSP.

Arzhannikov S.G., Ivanov A.V., Arzhannikova A.V., Demonterova E.I., Jolivet M., Voronin V.I., Buyantuev V.A., Oskolkov V.A. (2017) Age of the Jombolok lava field (East Sayan): evidence from dendrochronology and radiocarbon dating. *Russian Geology and Geophysics*. Vol. 58. No. 1. P. 20-36. DOI: 10.1016/j.rgg.2016.07.001. EDN: YVDIMB.

Arzhannikov S.G., Ineshin E.M., Arzhannikova A.V., Snopkov S.V. (2010) Paleogeographic environment of the human habitation in valleys of rivers of Okinsky Plateau in Eastern Sayan (on the data of valley of River Sentsa). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 8. P. 291-302. (In Russ.). EDN: XWZRQV.

Vyrkin V.B. (2018) Relief and Exogenous Processes on the Okinskaya Depression (Eastern Sayan). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*. Vol. 23. P. 43-50. (In Russ.). DOI: 10.26516/2073-3402.2018.23.43. EDN: ELHVZO.

Vyrkin V.B., Masyutina Yu.A. (2017) Geomorphological Regionalization of Okinskoe Highland (Eastern Sayan). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*. Vol. 19. P. 32-47. (In Russ.). EDN: YIEKAD.

Grosval'd M.G. (1965) Development of relief in the Sayan-Tuva highland. Moscow: Nauka. 166 p. (In Russ.).

Dugarov B.S. (2022) Ergune-Kun: path of Burte-Chino and Okinsky region. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 89-101. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-89-101. EDN: GWBTIF.

Kropotkin P. A. (1867) The journey to the Oka Guarding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = The notes of the Siberian branch of the Imperial Russian geographical society*. Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 1-94. (In Russ.).

Olyunin V.N. (1965) Neotectonics and Glaciation of the Eastern Sayan. Moscow: Nauka. 127 p. (In Russ.).

(1868) Traveling on the Amur and Eastern Siberia of A. Michi: with the addition of articles from travel G. Radde, R. Maak and others. St. Petersburg; Moscow, M.O.Wolf. [4], IV. 351 p. (In Russ.).

Rashid-ad-Din. (1952) Compendium of Chronicles. Moscow - Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. Book 1. 222 p. (In Russ.).

Tashak V.I. (2021) Prospects of researching the oldest stages of human settlement on the Oka plateau territory (Eastern Sayan). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 9-19. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-9-19. EDN: AVZVIW.

Tashak V.I. (2022a) Neolithic of the Oka Plateau: the sites Trope Kropotkina -1, -2, -3. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 15-33. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-15-33. EDN: BEBHZC.

Tashak V.I. (2022b) People and Volcanoes of the Oka Plateau in Ancient Times: the Influence of Volcanic Activity on the Choice of Settlement Sites. *Theory and Practice of Ar-*

археологических исследований. 2022b. Т. 34. № 4. С. 117–136. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(4).-07. EDN: BXLRBH.

Ташак В.И. Этапы освоения человеком территории Окинского плоскогорья (Саянские горы) в финале плейстоцена и раннем голоцене // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. № 4. С. 156–175. DOI: 10.14258/tpai(2024)36(4).-10. EDN: DFLBEY.

Ташак В.И., Харинский А.В., Портнягин М.А. Древние ритуальные объекты Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 4. С. 132–156. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(4).-08. EDN: PTGIZE.

Харинский А.В., Кичигин Д.Е. Погребение монгун-тайгинского типа в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. № 1. С. 114–136. DOI: 10.14258/tpai(2024)36(1).-07. EDN: MYWNNR.

Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М.А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–75. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-50-75. EDN: AKXMAB.

Информация об авторах

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
e-mail: tvi1960@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

Шарастепанов Баир Дашеевич,
кандидат географических наук, директор Орликской средней общеобразовательной школы,
Орликская средняя общеобразовательная школа,
671030, Окинский район, с. Орлик, ул. Обручева, 2А,
Россия,
e-mail: shbd60@mail.ru

Вклад авторов

В.И. Ташак и Б.Д. Шарастепанов выполнили исследовательскую работу, В.И. Ташак на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 17 июля 2025 г.; принята к публикации 28 июля 2025 г.

archaeological Research. Vol. 34. No. 4. P. 117–136. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2022)34(4).-07. EDN: BXLRBH.

Tashak V.I. (2024) Stages of the Human Inhabiting the Territory of the Oka Plateau (Sayan Mountain) in the Final Pleistocene and Early Holocene. *Theory and Practice of Archaeological Research*. Vol. 36. No. 4. P. 156–175. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2024)36(4).-10. EDN: DFLBEY.

Tashak V.I., Kharinskii A.V., Portnyagin M.A. (2021) Ancient ritual objects of the Oka plateau (Eastern Sayan). *Theory and Practice of Archaeological Research*. Vol. 33. No. 4. P. 132–156. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2021)33(4).-08. EDN: PTGIZE.

Kharinskii A.V., Kichigin D.E. (2024) Mongun-Taiga Type Burial from the Valley of the Zhombolok River (the Okinsky District of the Republic of Buryatia). *Theory and Practice of Archaeological Research*. Vol. 36. No. 1. 114–136. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2024)36(1).-07. EDN: MYWNNR.

Kharinsky A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Portnyagin M.A. (2022) Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 50–75. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-50-75. EDN: AKXMAB.

Information about the authors

Vasily I. Tashak,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia,
e-mail: tvi1960@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>

Bair D. Sharastepanov,
Cand. Sci. (Geography), Director of the Orlik Secondary Comprehensive School,
Orlik Secondary Comprehensive School,
2a, Obruchev St., Orlik, Okinsky district 671030, Russia,
e-mail: shbd60@mail.ru

Contribution of the authors

V.I. Tashak and B.D. Sharastepanov carried out a research work, V.I. Tashak based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 15, 2025; approved after reviewing July 17, 2025; accepted for publication July 28, 2025.

Научная статья
УДК 94(47).048
EDN: GGCBQY
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-60-73>

Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (2 часть)

Е.А. Багрин¹, А.В. Громов², В.И. Трухин³

¹ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия

² Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, Россия

³ Независимый исследователь, Благовещенск, Россия

Аннотация. Статья посвящена артиллерии Нерчинска и Нерчинского уезда во 2-й половине XVII – начале XVIII в. Структурно исследование разделено на три части. В первой на основании изучения архивных документов авторы показывают, как развивался артиллерийский парк Нерчинска от момента основания города до 1710 г. На начальном этапе этого развития (1658–1684) в Нерчинский уезд поступило только около 7 орудий (в т. ч. пушки медные и железные затинные пищали). В 1684–1685 гг. в связи с угрозой начала вооруженного конфликта с Китаем число пушек, направляемых в Забайкалье, увеличилось, значительная их часть предназначалась для последующей отправки в Албазин в Приамурье. Все эти орудия имели малый калибр и вес. В 1686 г. из Москвы на юг Дальнего Востока в составе полка Ф.А. Головина направили мортиру и 20 полковых пушек, калибром 2 фунта. Эти орудия в совокупности с артиллерией, возвращенной в Нерчинск из Албазина, составили вооружение Нерчинского уезда в 1690–1710 гг. Также представлена информация о нерчинских пушкарях и материальной базе, необходимой для обслуживания мортиры. Во второй части статьи рассматриваются пушки XVII в. из коллекции ВИМАИВИС, привезенные в Санкт-Петербург из Нерчинска в XIX в. (в т. ч. в последствие утраченные). Большая часть из них представляет собой двухфунтовые медные орудия, входившие в состав артиллерии полка Ф.А. Головина. Описаны и уникальные образцы: пищаль мастера Якова XV века, пушка медная Якимы Никифорова, вероятно, участвовавшая в обороне Албазина 1685 г., венецианские корабельные пушечки и др. Сравнение данных из исторических документов и музейных описаний позволяет соотнести часть реальных образцов с документальными упоминаниями. В третью часть включена публикация документа «Приемный список разным военным снарядам и запасам Нерчинского, Теленбинского и Еравинского острогов» (1690 г.).

Ключевые слова: история, Россия, XVII–XVIII века, артиллерия, пушка, пушкарь, Сибирь, Нерчинск, Албазин

Для цитирования: Багрин Е.А., Громов А.В., Трухин В.И. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (2 часть) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 60–73. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-60-73. EDN: GGCBQY.

History

Original article

Artillery of Nerchinsk District in 1658-1710 (Part 2)

Egor A. Bagrin¹, Andrey V. Gromov², Vladimir I. Trukhin³

¹ Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

² Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps, Saint-Petersburg, Russia

³ Independent Researcher, Blagoveshchensk, Russia

Abstract. The article is devoted to the artillery of Nerchinsk fortress and Nerchinsk District in the second half of the 17th - early 18th centuries. Structurally, the study is divided into three parts. In the first part, based on a study of archival documents, the authors show how the artillery park of Nerchinsk developed from the time of the foundation of city until 1710. At the initial stage of development (1658-1684), only about 7 pieces (including "copper cannons" and iron wall guns) arrived in Nerchinsk District. In 1684-1685, due to the threat of a military conflict with China, the number of cannons sent to Transbaikalia increased sharply (about 18 pieces), a significant part of them, including one mortar, were intended for subsequent shipment to the Albazin fortress in the Amur region. All these guns had a small caliber and weight. In 1686, a mortar and 20 regimental guns, with a caliber of 2 pounds, were sent from Moscow to the south of the Far East as part of F.A. Golovin's regiment. These pieces, together with the artillery

transported to Nerchinsk from Albazin, constituted the armament of the Nerchinsk District in 1690-1710. In addition to the data directly on the guns, the article provides information on the material base necessary for servicing the mortar, as well as supplies for the manufacture of explosives for its grenades. Data on the Nerchinsk gunners is also provided. The second part of the article examines 17th century cannons from the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering and Signals Troops collection, brought to St. Petersburg from Nerchinsk in the 19th century (including those subsequently lost). Most of them are 2-pound "copper" cannons, which probably were part of the artillery of F.A. Golovin's regiment. In addition, unique examples are described, such as the 15th-century arquebus by master Yakov, the copper cannon of Yakim Nikiforov, which probably participated in the defense of Albazin in 1685, Venetian ship cannons, etc. Comparison of data from historical documents and museum descriptions allows us to correlate some of the real samples with documentary references. For example, the 3-pound cannon of Ivan Novgorodets with one of the two guns that became the first artillery of Nerchinsk in 1658. The third part includes the publication of the document "Reception list of various military equipment and supplies of the Nerchinsk, Telenbinsk and Eravinsky forts" (1690).

Keywords: history, Russia, XVII-XVIII centuries, artillery, cannon, gunner, Siberia, Nerchinsk, Albazin

For citation: Bagrin EA., Gromov A.V., Trukhin V.I. (2025) Artillery of Nerchinsk district 1658-1710 (Part 2). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 60-73. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-60-73. EDN: GGCBOY.

Орудия из Нерчинской крепости в собрании АИМ / ВИМАИВиВС¹

Ничуть не менее интересным моментом в истории Нерчинской крепостной артиллерии может считаться и современное (в т. ч. и музейное) бытование сохранившихся от нее образцов. Судя по документам, имеющимся в архиве ВИМАИВ и ВС (бывшего Артиллерийского Исторического Музея), до наших дней в его коллекции сохранилась одна 2 ½-пуд. мортира (1689 г.) (Каталог материальной части..., 1961. С. 143. № 251)² и 9 небольших русских пищалей (калибр по 2–3 гривенки ядро), отлитых по большей части, в 1679 и 1681 гг. (Каталог материальной части..., 1961. С. 39–40. № 4; С. 88. № 128, 129; С. 93–96. № 142, 143, 144, 145, 146, 147; С. 100. № 156)³.

Среди пищалей и мортир отечественного литья, самым старым из орудий в крепости Нерчинска, дошедших до наших дней, остается т. н. «пищаль мастера Якова», ошибочно датированная Н.Е. Бранденбургом 1485 годом.

По описанию его в т. н. «Красных книгах»⁴, «орудие представляет конструкцию совершенно своеобразную: оно не имеет ни цапф, ни дельфинов, ни торели. На срезанной плоско казенной части заметны остатки железа, по всей вероятности, сердечника, вставленного в форму для образования канала во время отливки; на дульном возвышении небольшая медная мушка для наводки орудия, а на казенной части видна прорезь, в которую, по всей вероятности, вставлялся прицел (в виде трубки или пластинки с отверстием); запал расположен в квадратной углубленной раковине. Длина орудия 54,25 д., вес 4 п. 26 ф., калибр 2,6 д.» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. Л. 212 об. – 214. № 1307).

Однако данная датировка была весьма убедительно опровергнута еще в 1940 г. А.П. Лебедевской. Дата, рассчитанная Н.Е. Бранденбургом, как 1485 г.⁵, на самом деле должна читаться как «1492». Поскольку буквенное обозначение даты отливки пушки, если читать его, как «СЦЧГ» (т. е. – 6993 г.) не совпадает со второй датой – по годам правления Великого князя Ивана III в той же надписи. Тридцатый год правления последнего приходится как раз на 1492 г. – т. е. на 7000 г. старого стиля (т. е. «СЦЧІ», где буква «І» дана в начертании с верхней точкой)⁶, с учетом не мартовского, а сентябрьского исчисления той эпохи (Лебедевская, 1940а. С. 62–67).

С этой же датировкой «пищали Якова» согласно и большинство современных исследователей – в

¹ АИМ – Артиллерийский исторический музей; ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

² Каталог материальной части отечественной артиллерии // Каталоги Артиллерийского исторического музея / сост. В.П. Вышенков, Л.К. Маковская, Е.Г. Сидоренко; под общ. ред. А.А. Бумагина. Л.: Издание Артиллерийского исторического музея, 1961. 424 с.

³ Каталог материальной части отечественной артиллерии // Каталоги Артиллерийского исторического музея / сост. В.П. Вышенков, Л.К. Маковская, Е.Г. Сидоренко; под общ. ред. А.А. Бумагина. Л.: Издание Артиллерийского исторического музея, 1961. 424 с.

⁴ Рукописный каталог музея за 1883–1917 гг.

⁵ В буквенном обозначении: «СЦЧГ» (соответствует 6993 г. старого стиля).

⁶ Т. е. – не «СЦЧГ», а «СЦЧі» (= 6990 г. + 10), что соответствует сентябрю 1492 г.

т. ч. А.Н. Лобин (Лобин, 2019. С. 54) и др. Поэтому и в современной картотеке ВИМАИВиВС и в тексте «Каталога материальной части...» 1961 г. это орудие датируется 1492 г., а его надпись, вылитая на казенной части (слева, вдоль центра оси ствола) сегодня выглядит так: «ПО ВЕЛЕНИЮ БЛ[А]ГОВЕРНАГ[О]и Х[РИСТОЛЮБИВАГО] КН[Я]ЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИ[ЧА] ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РОУСИ ЗДЕЛАНА БЫ[СТЬ] СΙΑ ПИЩАЛЬ В Л[Е]ТЕ 7000 М[ЕСЯ]ЦА СЕНТЯБ[РЯ] 30 ЛЕ[ТА] ГОСПОДАРСТВА ЕГО А ДЕЛА[Л] ЯКОВ».

Рядом с указанной надписью (поперек ствола) выбито: «ВЕ[СУ] 4 пу. 26 фу»; запал в раковине; на казенном срезе прорезь для целика. Сам образец и в описании Н.Е. Бранденбурга, и в «Каталоге...» 1961 г. описывается довольно четко и адекватно. В обоих случаях он обозначен, как ствол бронзовой пищали, «слегка конусообразный», без дельфинов и цапф, с плоской (без винграда и торели) казенной частью. Диаметр канала ствола – 66 мм; длина – 137 мм; вес – 76 кг (Каталог материальной части..., 1961. С. 39–40. № 4)⁷. Кроме того, на дульной части упомянуто наличие кольцевого дульного утолщения, а также мушка, хотя последняя, вопреки этим двум описаниям, вовсе не «медная» – цельнолитая вместе с самим стволом, а железная кованая, треугольной формы, помещенная в небольшом пазе на дульном срезе орудия.

В каком году это орудие поступило в С.-Петербург из г. Нерчинска – неизвестно. По крайней мере, по документам из Оренбурга (отчеты гарнизонных командиров в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации) это орудие, по состоянию на 1756 г., вместе с другими достопамятными предметами все еще находилось при Оренбургской гарнизонной артиллерийской команде (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборных дел. Д. 3095. Л. 56–58; рисунки самих пищалей – там же: Л. 61; Лебедеванская, 1940b. С. 252–253). В самом же Нерчинске (по состоянию на 1764 г.) находились лишь два орудия: 2-фун. пушка и 12-лотовый фальконет.

Еще какое-то количество орудий, в т. ч. связанных и с историей Нерчинска, было разбросано по небольшим крепостям и редутам по Оренбургской

линии (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 1686. Л. 110, 111 об. – 112). Но проследить перемещения и судьбу отдельных «нерчинских» мортир и пищалей между 1710 г. и попаданием их в арсенал г. Казани, через который они в итоге были доставлены в С.-Петербург, на сегодняшний день крайне сложно. Так как, по-видимому, орудия неоднократно перемещались с места на место, а промежуточной документации по ним за 1710–70-е гг. в архивах пока не выявлено.

Мортир (обе работы мастера литейщика Харитона Иванова), судя по сохранившимся в музее архивным данным (табл. 8), из Нерчинска пришло две: одна поменьше (2-пуд. калибра) – участница героической обороны Албазина в 1686–1689 гг., и вторая – калибром в 2 ½-пуд. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. Л. 74 об. – 76. № 911 и 912).

Таблица 8. Мортиры русского литья из Нерчинска по т. н. «Красным книгам» АИМ
Table 8. Mortars of Russian casting from Nerchinsk according to the so-called “Red Books” of the AIM (Artillery Historical Museum)

№ по «Красным книгам»	Калибр	Длина ствола	Диаметр канала	Диаметр каморы	Длина каморы	Вес
№ 911	2-пуд.	30 д.	9,3 д.	4 д.	7 д.	20 п. 31 ф.
№ 912	2 ½-пуд.	29 д.	11 д.	5 д.	8 д.	28 п. 1 ф.

К большому сожалению, по современным документам музея, именно первая (достопамятная) мортира сейчас не числится, и ее участь после эвакуации 1918–1923 гг. нигде более не прослеживается. Вторая «нерчинская» мортира, напротив, благополучно пережила и вторую эвакуацию 1941–1944 гг. (на ж/д станцию Инская, Новосибирской области), и в наши дни находится на экспозиции (Маковская. 2004. С. 84–89). По современному описанию в учетных карточках ВИМАИВиВС это орудие представляет собой короткий бронзовый ствол калибром 280 мм, имеющий цилиндрическую камору, на дульной части которого вылит (буквами) год отливки: «189» (=1681 г.), а на казенной части вылит «ЛИ[Л]МАСТЕ[Р] ХАРИТОН ИВАНОВ» (рис. 1).

⁷ Каталог материальной части отечественной артиллерии // Каталоги Артиллерийского исторического музея / сост. В.П. Вышенков, Л.К. Маковская, Е.Г. Сидоренко; под общ. ред. А.А. Бумагина. Л. : Издание Артиллерийского исторического музея, 1961. 424 с.

Рис. 1. Мортира из Нерчинска мастера Харитона Иванова (ВИМАИВиВС, инв. № 9/132)
Fig. 1. Mortar from Nerchinsk by master Khariton Ivanov (VIMAIViVS, inv. No. 9/132)

Одновременно с этими мортирами в музей пришли и все остальные нерчинские орудия – в основном пищали русской (московской) отливки 1679 и 1681 гг. Согласно описи, составленной И.Д. Талызиным, в 1862 г. в музее числились (табл. 9).

Таким образом, из составленных нами сводных таблиц можно видеть, что из пищалей Осипа Иванова в собрании ВИМАИВиВС уцелело лишь две (№ МЧА 9/81 и 9/82). Пищали же Евсевия Данилова (рис. 2; 3) сохранились в полном составе: 9/61, 9/83, 9/84 и 9/85 (последняя с изображением и подписью «Соловей»).

Традиционное (и типовое) описание одного из таких орудий дает в своих «Красных книгах...»

Н.Е. Бранденбург. Под № 1351, к примеру, значится: «Пищаль медная, калибром 2,6 д. длина до торели 60,3 д.; с торелью и винградом 65,6 д.; весом 11 п. 5 ф. На казенной части литая, дурно выделанная надпись: «Лил мастер Яким Мики[форов]». Далее Николай Ефимович указал старый номер пушки по шнуровым книгам. При этом пищаль датирована XVII в., временем царствования Михаила Федоровича.

Таблица 9. Нерчинские пищали русского литья по каталогу И.Д. Талызина (1862 г.)

Table 9. Nerchinsk pischals of Russian casting according to the catalog of I.D. Talyzin (1862)

№ по старым книгам	Вес	№ МЧА	Фигура на дульной части	Имя мастера
1160; 2-фун. (2 д. 6 лин.); 1677 г.	22 п. 4 ф. 22 п. 25 ф. 23 п. 24 ф. 23 п. 27 ф. 24 п. 3 ф.	9/82 – – – 9/81	бегущий лев	Осип Иванов
1160; 2-фун. (2 д. 6 лин.); 1681 г.	21 п. 33 ф. 23 п. 3 ф. 23 п. 6 ф. 28 п. 7 ф.	9/61; 9/83; 9/84 9/85	бегущий лев соловей	Евсевий Данилов
1143; 2-фун. (2 д. 6 лин.)	10 п. 28 ф.	9/106	нет	Яким Никифоров
1144; 3-фун. (3 д. 1 лин.)	28 п. 38 ф.	9/107	нет	Иван Новгородец
1146; 2-фун. (2 д. 6 лин.)	9 п. 12 ф.	9/120	нет	Тимофей [Феоктистов]
Всего: 12 шт.	Сейчас в наличии: 9 шт.			

Рис. 2. Пушка из Нерчинска мастера Евсевия Данилова (ВИМАИВиВС, инв. № 9/84)
Fig. 2. Cannon from Nerchinsk by master Evsevy Danilov (VIMAIViVS, inv. No. 9/84)

Рис. 3. Нерчинская пушка мастера Евсевия Данилова (инв. № 9/84). Надпись на казенной части
Fig. 3. Cannon from Nerchinsk by master Euseviy Danilov (inv. No. 9/84). The inscription on the breech

Как видим из указанной таблицы (табл. 10), три пищали русского литья из двенадцати, поступивших в С.-Петербург из Нерчинска (транзитом через Казань), до наших дней не дожили. И, к сожалению, установить последующую участь, ввиду заметной неточности указания массы и габаритов одних и тех же орудий в аутентичных архивных ведомостях в данный момент невозможно.

По замечанию сотрудника музея Л.П. Рудаковой, «Вполне вероятно, что эта пушка Якима Никифорова в числе других орудий прибыла в Албазин с отрядом А.И. Бейтона и участвовала в героической многомесячной обороне крепости. После заключения Нерчинского договора 1689 г. была вывезена русскими из Албазина в Нерчинскую крепость и находилась там до 1829 г.» (Рудакова, 2013. С. 88–103). Это орудие, получившее новый инв. № 9/106, было впоследствии включено и в «Каталог материальной части отечественной артиллерии», изданный в 1961 г., где полу-

чило уже новое, современное описание: «Ствол 2-х гривенковой пушки, бронзовый, отлит в XVII в. мастером Акимом Никифоровым; диаметр ствола 65 мм, длина 154 см, вес 182 кг, ствол украшен литыми поясами; на средней части ствола цапфы и дельфины; на казенной части нацарапано: «Вес 11 пуд. 5 гривенок ядром 2 гри[венки], ниже – литая надпись: «Лил мастер Аким Мики[форов]; запал в литой раковине, рядом выбито: № 386. В 1948 г. был произведен химический и металлографический анализ металла пушки, в результате которого было установлено, что ствол отлит из однородной бронзы (Каталог материальной части, 1961. С. 100)⁸. Эта же пушка упоминается и в обширном труде Н.Н. Рубцова «История литейного производства в СССР» (Рубцов, 1962. С. 239).

Еще одна из нерчинских полковых пищалей русской отливки мастера Тимофея (Феокистова) № МЧА 9/120 (см. табл. 10) несет на себе кроме надписей и литые стандартизованные изображения в ярко выраженном христианском стиле, типичные для всей русской полковой артиллерии 1630-х–1650-х гг. (Лобин, 2022. С. 61–66, 106–111). В частности, символ «креста с Голгофой» изображен и на нерчинской пушке мастера Тимофея. Орудия с подобной же символикой встречаются и в других гарнизонах Сибири в 1750–60-х гг. (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборных дел. Д. 3095. Л. 64) (рис. 4).

Остальные орудия, поступившие в фонд музея из Нерчинска, – совершенно обычные двухгривенковые пищали, с литым двуглавым орлом и «травчатым» стандартным орнаментом. Пищали такого типа весьма подробно описаны А.Н. Лобиним и их можно встретить также в собраниях музеев Москвы (Лобин, 2022. С. 65–66, 106–111).

Но есть среди подборки нерчинских пищалей и одно весьма необычное полевое орудие (№ МЧА 9/107), подписанное именем «Тимофей Новгородец», и не имеющее на стволе вообще никакой символики, типичной для артиллерии, отлитой в Москве центральным правительством. Ствол не имеет ни гербов, ни титулатуры, ни имени правящего монарха. На нем нет никаких литых орнаментов, характерных для артиллерии времен царя Алексея Михайловича.

⁸ Каталог материальной части отечественной артиллерии // Каталоги Артиллерийского исторического музея / сост. В.П. Вышенков, Л.К. Маковская, Е.Г. Сидоренко; под общ. ред. А.А. Бумагина. Л. : Издание Артиллерийского исторического музея, 1961. 424 с.

Таблица 10. Сводные данные об орудиях, поступивших из Нерчинска (АИМ и ВИМАИВиВС)
Table 10. Summary data on the guns received from Nerchinsk (AIM and VIMAViVS)

№ по И.Д. Талызину (1862 г.)	№ по «Красной книге»	Оп. 92/1	№ по «Каталогу ма- териальной части...»	Примечания	№ МЧА
992 20 п. 7ф. ⁹	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 912	Д. 21. Л. 128	252 1681 г.	Мортира 2 ½-пуд. Харитон Иванов 28 п. 1 ф. 7189 г.	9/132
	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 911	Д. 21. Л. 128	Нет	Мортира 2 ½-пуд. Харитон Иванов 20 п. 31 ф. 7189 г.	Нет
1144 28 п. 38 ф.	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1352	–	128 (без даты)	Иван Новгородец 29 п. 18 ф.	9/107 3-я!
1146 9 п. 12 ф.	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1353	–	129 (без даты)	Тимофей 9 п. 8 ф. (в Нерчинск пришла в 18 в. из Тана- лыкской крепости Оренбургской линии) – см.: АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборных дел. Д. 3095. Л. 64.	9/120
1160 (5-я). 24п. 3 ф.	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1342	Д. 8. Л. 370– 371	142 1679 г.	Осип Иванов 24 п. 3 ф. 7187 г.	9/81
1160 (1-я). 22 п. 4 ф.	–	Д. 8. Л. 370– 371	143 1679 г.	Осип Иванов 22 п. 5 ф. 7187 г.	9/82 19-я!
1160 (2-я). 22 п. 25 ф.	Нет		1679 г.	Осип Иванов (?)	Нет
1160 (3-я). 23 п. 24 ф.	Нет		1679 г.	Осип Иванов (?)	Нет
1161	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1346	Д. 8. Л. 371.	144 1681 г.	Евсевий Данилов 23 п. 31 ф. 7189 г.	9/84
1161	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1344	–	145 1681 г. «Соловей»	Евсевий Данилов 22 п. 30 ф. 7189 г.	9/85 17-я!
1161	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1345 1-я	–	146 1681 г.	Евсевий Данилов 23 п. 15 ф. 7189 г.	9/83 16-я!
1161	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1345 2-я	–	147 1681 г.	Евсевий Данилов 23 п. 15 ф. 7189 г.	9/61
1143 10 п. 28 ф.	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1351	Д. 8. Л. 364.	156 XVII в.	Яким Никифоров 11 п. 5 ф.	9/106
1130	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1307		4 1491 г.	«Пищаль Якова»	9/37
1160 23 п. 27 ф. (4-я)	Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. № 1343		Нет 1679 г.	Осип Иванов 23 п. 30 ф. 7187 г.	Нет
1199 Откуда – не указано	Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. № 809		Нет	Венецианская	09/2
1199 Откуда – не указано	Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. № 809		Нет	Венецианская	09/3

⁹ По каталогу Талызина на № 992 записана только одна мортира (см.: Талызин. 2006.С. 101). Но в «Красных книгах» на этом номере почему-то обе.

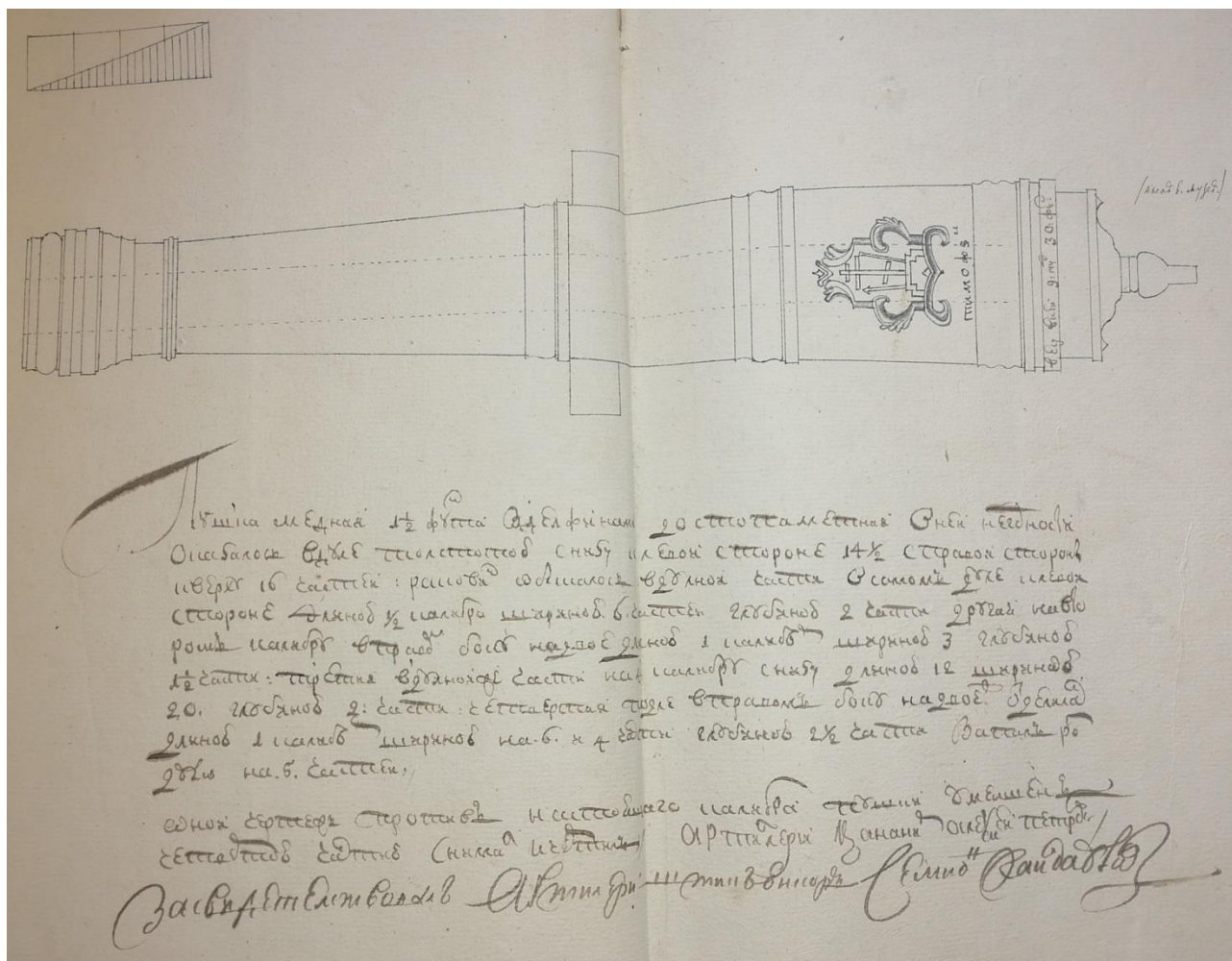

Рис. 4. Чертеж полковой пушки мастера Тимофея Феоктистова (Архив ВИМАИВУС)
Fig. 4. Drawing of the regimental cannon by master Timofey Feoktistov (Archive of VIMAIIVUS)

Кроме того, единственная высеченная на нем надпись «ИВАН НОВГОРОДЕЦ» выбита по направлению к казенной, а не к дульной части орудия, что вызывает массу вопросов. Наконец, что самое интересное, мастера с таким именем ни в XVI в., ни в XVII в. в России не зафиксировано. Его упоминаний в письменных аутентичных источниках не приводится ни в одном из исследований А.Н. Лобина, ни равным образом в более ранних отечественных исследованиях на эту тему. Его упоминаний нет в Московской пушечной избе, что заставляет задуматься о периферийном происхождении данной пушки. Но и литейщики с периферии – с Русского Севера и из Сибири этого времени (т. е. XVI–XVII вв.), очевидно, известны еще не все. По крайней мере, в документах, относящихся к гарнизону Нерчинской крепости, известно лишь два пушкаря с прозвищем «Новгородец»: Козма Новгородец, и Гаврила Новгородец (См. 1 часть статьи) (рис. 5).

Еще один немалозначимый момент, который стоит отметить при описании данной пушки – это заметный архаизм в ее отливке. На стволе нет следов наличия дельфинов; казна орудия отлита совершенно плоской и ровной (без выступающей за нее торели), а сам винград ее (вероятно, обломанный) крайне тонок и незначителен (рис. 6). Нечто подобное можно видеть лишь на орудиях, датированных эпохой Смутного времени из альбомов Я.Ф. Телотта. В виде примера здесь можно вспомнить бронзовую пищаль 7116 г. (= 1607/1608 г.), отлитую малоизвестным русским мастером Богданом Блекановым в эти годы (Лобин. 2021.С. 115). За незначительными отличиями, эти орудия роднит между собой отсутствие дельфинов, литых украшений, плоский (без выраженной торели) срез казенной части, остаточный рудиментарный винград, надпись насечкой (а не литьем) – без отдельной литой виньетки и проч. В обоих случаях очевидно намерение

Рис. 5. Казенная часть пушки из Нерчинска мастера Ивана Новгородца (ВИМАИВuBC, инв. № 9/107)
Fig. 5. The breech of the cannon from Nerchinsk by master Ivan Novgorodets (VIMAIViVS, inv. No. 9/107)

Рис. 6. Пушка Ивана Новгородца (ВИМАИВuBC, инв. № 9/107). Надпись на казенной части
Fig. 6. The cannon of Ivan Novgorodets (VIMAIViVS, inv. No. 9/107). The inscription on the breech

мастера упростить производство и обработку ствола орудия максимально возможным образом.

Кроме того, большой вопрос вызывает и то, что запал этой странной со всех точек зрения 3-х гривенковой пищали *заклепан наглухо большим железным гвоздем* (sic!) со следами сверления рядом с ним. Трудно представить себе, чтобы это могло случиться во время нерчинского периода его бытования. Осторожно можно предположить, что заклепать орудие могли либо в период его хранения где-нибудь в гарнизоне Оренбургского края – до отправления всех нерчинских пушек в Казань (и оттуда – в С.-Петербург). И еще менее вероятно, что факт заклепывания запала орудия состоялся в мирное время, на арсенале, когда орудия устаревшего образца уже были полностью списаны. Самым логичным в этом случае представляется предположение, что орудие № 9/107 было заклепано где-нибудь в гарнизоне на Оренбургской оборонительной линии в ходе восстания Пугачева (1773–1775 гг.), причем последнее могло быть сделано как силами лояли-

стов (чтобы оно не досталось противнику в исправном виде), так и повстанцами.

Но в любом случае, перед нами либо оружие, изготовленное во время Смуты (когда сама личность правителя в Москве была неопределенной и неизвестной), либо оружие периферийной – т. е. не московской отливки, что заставляет задуматься о дальнейшем его изучении или, во всяком случае, о попытке установить личность мастера. В любом случае, это уникальный предмет в собраниях отечественных музеев, достойный более тщательного исследования.

И, наконец, еще одно оружие московской отливки, связанное с Нерчинском и с героической обороной Албазина (1685 г.), стало оружие, доставленное в музей в 1901 г. из Квантунской крепостной артиллерии. При подавлении т. н. Боксерского восстания в Маньчжурии и Китае русским войскам досталось значительное количество трофейных китайских орудий (в т. ч. – иностранной выделки). По самым скромным подсчетам, в числе трофеев оказалось не менее 271 орудия, взятых в боях и стычках с повстанцами на поле боя, 110 орудий из Гиринского арсенала и еще некоторое (весьма значительное) число орудий, взятых в Пекине. Хотя последние и не всегда отражены в русских ведомостях «за неуказанием числа оных» (Громов 2022. С. 8; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 230).

Реализация программы сбора и сортировки трофеев, определения их дальнейшей участи (продажи, передачи в музеи или сдачи в металл) была поручена находящимся на местах полковнику А.Н. Нищенкову, квантунской крепостной артиллерии штабс-капитану Н.Н. Моллеру и гвардии капитану П.В. Экстену (Громов, 2022. С. 9). Именно ими и была выявлена среди прочих взятых трофеев русская пушка (пищаль), изначально определенная, как медный гладкоствольный единорог, заряжающийся с дула весом 6 пудов 15 фунтов со славянской надписью (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 33).

Поскольку среди взятых у китайцев орудий действительно находилось несколько русских единорогов сист. 1805 и 1838 гг. (подаренных русскими для войск Цин в 1860 г. и находившихся в разных местах в Маньчжурии) (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 118 об. – 121; Громов, 2022. С. 46, 52), то поначалу упоминание в документах еще одного такого орудия не привлекало к себе внимания.

Но уже в ходе полноценного осмотра трофеев, произведенного П.В. Экстеном, оказалось, что именно это оружие представляет собой настоящую историческую реликвию.

Судьба этого удивительного трофея была впервые по-настоящему исследована старшим научным сотрудником музея Л.П. Рудаковой в 2013 г. Как выяснилось по документам архива ВИМАИВиВС, ствол изначально был отправлен из Китая в Одессу (на пароходе «Петербург»), а после – уже по железной дороге в столицу империи. После чего уже 22 марта 1901 г. это оружие поступает на временное хранение в Санкт-Петербургский артиллерийский склад (Рудакова, 2013. С. 94–95).

На складе пушка была осмотрена и тщательно изучена представителем Артиллерийского комитета и членом Комиссии по перевооружению полевой артиллерии, выпускником Михайловской артиллерийской академии, полковником А.Э. Керном, «большим знатоком старинных орудий» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 4. Л. 1016–1018; Рудакова, 2013. С. 95).

В его докладе в Главное артиллерийское управление от 24 мая 1901 г. было указано, что данное оружие представляет собой русскую, заряжающуюся с дула гладкоствольную пушку, отлитую из бронзы. Упоминалось также, что на казенной части орудия перед запальным отверстием имеется выпуклая надпись славянской вязью: «Лил мастер Яким Никифоров», а у дельфинов, на средней части, выгравировано славянскими буквами: «Длина 2 аршина 20 гривенок». В итоге это привело его к выводу о датировке орудия именно допетровской эпохой. Кроме того, данное обстоятельство натолкнуло его на мысль, что оружие это попало в руки китайцев именно в ходе боев при Албазине в 1685 г., и нигде иначе. Ибо известно, что при процессе официальной передачи Албазинской крепости властям Цин в 1689 г., все имущество крепости и ее гарнизона (включая припасы, орудия и т. д.) было немедленно вывезено русской стороной на свою территорию (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 182. Л. 54). По результатам этого исследования, по указанию товарища генерал-фельдцейхмейстера М.Г. Альфатера от 5 августа 1901 г., данное достопамятное оружие (т. н. «албазинская пушка») была передана в Артиллерийский музей (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 92. Д. 61. Л. 68).

По ранее уже упоминавшимся «Красным книгам» музея это орудие значится под № 472 и о нем говорится следующее: «Пищаль медная XVII ст. с дельфинами, цапфами и небольшим винградом, без мушки; запал в квадратной раковине. Поверхность орудия украшена фризами, а на средней и казенной части – литыми травами; торель сделана в виде чешуи. На казенной части вылита надпись: “Лил мастер Яким Никифоров”, а выше начеканены размеры: “Длина 2 аршина ядро без четверти гривенка 6 пуд. 20 гривенок весу”. Калибр 2 дм., длина до торели 5 ф. 8 ¼ дм; с торелью и винградом 5 ф. 10 ¼ дм. Вес 6 пуд. 15 ф.» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 8. Л. 134 об. – 135. № 472).

При поступлении в музей это орудие было выставлено на экспозиции в зале древних русских памятников XIV–XVII вв. и привлекало внимание посетителей своей примечательной историей. Кроме того, оно упоминается и в «Кратком систематическом указателе главнейших предметов, хранящихся в Артиллерийском историческом музее», изданном в 1903 году – к 200-летию юбилею АИМ при участии Общества ревнителей военных знаний. Это издание вышло в свет под редакцией полковника Генерального штаба Е.Ф. Новицкого и артиллерии капитана Д.П. Струкова, возглавлявшего тогда сам музей. Среди разнообразных памятников русской воинской славы т. н. «албазинская пушка» была представлена под № 30 (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 67. Л. 154/2 об.; Рудакова, 2013. С. 96–97).

Она же числится (№ 68) в «Путеводителе по Артиллерийскому историческому музею», составленному Д.П. Струковым в 1912 г. При описании исторического памятника, Дмитрий Петрович свидетельствовал, что ствол был отбит у китайцев во время военных действий в 1900 г. при овладении русскими войсками г. Айгунь. «Весьма вероятно, что это русское орудие попало в руки китайцев при захвате ими в 1685 г. крепости Албазин» (Струков, 1912. С. 27)¹⁰.

В последний раз это орудие появляется на страницах музейных описей уже в 1930-е годы. Тогда, при составлении обновленного рукописного каталога музея, т. н. «Черных книг», албазинская пищаль была записана так: «Пищаль XVII в. медная с дельфинами, гладкоствольная с дула заряжающая-

ся. Калибр 50,8 мм. Длина с ост. винграда 1 м 47,5 см. Вес – ? Прицела и мушки нет. Запал в квадратной раковине, справа его щиток. Винград частью отбит. Ниже дельфа на казенной части надпись по-славянски: «Лил мастер Яким Никифоров», ниже литые орнаменты». Из записи видно, что отсутствует информация о времени поступления пушки в фонды музея и не вписан номер, под которым она значилась ранее (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 112. Д. 4. Л. 128. № 370). Это последние данные, встречающиеся в архивных документах ВИМАИВиВС об этой пушке, и ее дальнейшая судьба неизвестна (Рудакова, 2013. С. 98).

Вообще 20-е и 30-е годы XX в. стали одной из самых неблагоприятных страниц в истории отечественного музейного дела. В т. ч. это относится в полной мере и к артиллерийским коллекциям Артиллерийского исторического музея (основы будущего ВИМАИВиВС). В это тяжелое для страны время часть артиллерийских орудий была сдана в металлолом. Кроме того, в период после окончания Великой Отечественной войны музей передавал в разрушенные войной краеведческие и во вновь создаваемые военно-исторические музеи значительное количество памятников русской воинской славы (Рудакова, 2013. С. 98–99).

Просмотр документов по сдаточным спискам не помог выявить «албазинскую пушку», т. к. в списках передаваемых из музея предметов указывалось обычно лишь общее количество стволов, материал их отливки (чугун, бронза, сталь), габариты и общий вес без указания их инвентарных номеров и каких-либо индивидуальных особенностей. Поэтому есть вероятность, что это орудие все же могло сохраниться до наших дней, и, возможно, хранится сейчас безвестно в одном из небольших отечественных музеев вместе с другими орудиями допетровской эпохи.

Кроме перечисленных выше отечественных пушек в коллекции ВИМАИВиВС два небольших «медных» орудия представляют собой типичные западноевропейские (венецианские) *petriere da mascolo* – с вкладной зарядной камерой и поперечным запирающим клином¹¹. О поступлении их в фонды музея в данный момент судить пока затруднительно. Так, например, по рукописному каталогу 1883–1914 гг. – т. н. «Красным книгам», обе подпи-

¹⁰ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. [2], 155 с.

¹¹ №: МЧА 09/2 и 09/3.

саны как поступившие из Нерчинска в неизвестный период времени (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. № 809. – оба орудия на одном номере). Что вызывает на сегодняшний день ряд вопросов.

Все дело в том, что по рукописному же каталогу Достопамятного зала (предшественника АИМ), составленному в 1862 г. его тогдашним заведующим И.Д. Талызиным, Нерчинск в контексте данных пищалей не упомянут вовсе (Талызин, 2006. С. 6. № 1199 – также две пушки на одном номере). По современному их описанию в учетных карточках ВИМАИВиВС оба орудия представляют собой вертикальные (корабельные) пушки, калибром 84 и 80 мм соответственно. На первой выбито: «4 пу. 24 фу.», на второй: «4 пу. 19 фу.» и на казенной части: «6 пу. 30 фу.». Длина орудий – без вставных железных правил (винградов) составляет 115 и 112 см. На дульной части обеих пушек – литой гербовый щит без изображений, вместо которых на первой пушке выбито: «LA», а на второй «IV», что, вероятно, означает инициалы их изначальных прежних владельцев. Вклад-

ные каморы, как и железные кованые винграды в виде правил на обоих орудиях не сохранились, но, вероятно, оба орудия по калибру и габаритам, могут входить в категорию иностранных («немецких») или малокалиберных русских пищалей (см.: табл. 6). Хотя, к большому сожалению, разброс по массогабаритным данным одних и тех же орудий в ведомостях Нерчинской крепостной артиллерии XVII–XVIII вв. не позволяет определить это с большей степенью достоверности. По меньшей мере, некоторые малокалиберные пищали небольших габаритов, значащиеся по ведомостям, как «медные», теоретически, совпадают с вышеописанными орудиями. Но, к сожалению, часть документов, на которые опирался Н.Е. Бранденбург при создании нового рукописного каталога АИМ, не пережили печально известную эвакуацию фондов музея в 1918–1923 гг. (Рудакова, 2015). Поэтому в ряде случаев небольших размеров орудия не всегда можно сопоставить с материалами приведенных выше таблиц артиллерии г. Нерчинска XVII–XVIII вв.

Список источников

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Артемов А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб. : Нестор-История, 2013а. 284, [3] с.

Багрин Е.А. Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды IV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. В 4 ч. СПб. : Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2013б. Ч. 1. С. 184–199.

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-161-175. EDN: BIMRYQ.

Багрин Е.А. Вооруженные силы России в Давурии (1649–1727 гг.). СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 771 с.

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 335 p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2013a) Warfare of the Russians on the eastern border lands of Russia in the 17th century: Tactics and armament of military personnel in the Baikal region, Transbaikalia and the Amur region. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 284, [3] p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2013b) Russian artillery in Eastern Siberia in 1640-1715. War and weapons. New research and materials. In 4 pt. Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15-17 maya 2013 g. = War and Weapons. New Research and Material: Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 15-17, 2013. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops. Pt. 1. P. 184-199. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2020) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-161-175. EDN: BIMRYQ.

Bagrin E.A. (2024). The Russian Armed Forces in Dauria (1649-1727). St. Petersburg: Publishing House of SPbSETU "LETI". 771 p. (In Russ.)

Баранович П.Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. С. 65–95. URL: http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (дата обращения 04.12.2015).

Баранович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск: Литерапринт, 2019. 304 с. EDN: NJRITZ.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Тип. Воскового Хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. V, 232 с.

Громов А.В. Трофейная комиссия Главного Артиллерийского управления в Маньчжурии и Китае в 1901–1903 гг. Фотографии и документы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2022. 70, [1] с.

Зуев А.С. Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 122–132. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132. EDN: NDUQQP.

Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 109–110.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы»; Репроцентр А1, 2008. 378 с. EDN: QKIQWH.

Лебедянская А.П. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Вып. I. Л.-М., 1940а. С. 57–84.

Лебедянская А.П. «Репорт» 1757 года о «достопамятных» орудиях в Оренбургском округе (из материалов Архива Артиллерийского Исторического Музея РККА) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Вып. I. Л.-М., 1940б. С. 252–257.

Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Яуза: Эскмо, 2019. 318, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки Смуты: русская артиллерия 1584–1618 гг. М.: Яуза: Эскмо, 2021. 237, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки первых Романовых: русская артиллерия 1619–1676 гг. М.: Яуза: Эскмо, 2022. 284, [1] с.

Маковская Л.К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир: Военно-историческое приложение к информационно-публицистическому журналу «Вооружение. Политика. Конверсия». № 16. 2004. С. 84–93.

Barakhovich P.N. (2015). The "Fiery outfit" of the Yenisei and Krasnoyarsk counties in the 17th century. *History of Military Affairs: Research and Sources. Special Issue VI. The Russian "God of War": Research and Sources on the History of Russian Artillery*. Pt. I. P. 65-95. Available from: http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (Accessed 04.12.2015) (In Russ.).

Barakhovich P.N. (2019) Yeniseisk in the XVII-XVIII centuries. Little-known pages of history. Krasnoyarsk: Literaprint. 304 p. (In Russ.). EDN: NJRITZ.

Vasil'ev A.P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Chita: Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo Pravleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska. Vol. 1. V, 232 p. (In Russ.).

Gromov A.V. (2022) Trophy commission of the Main Artillery Directorate in Manchuria and China in 1901-1903. Photos and documents. St. Petersburg: VIMAIViVS. 70, [1] p. (In Russ.).

Zuev A.S. (2023) Description of the Transbaikali and the Amur Region in 1681. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 22. No. 1: History. P. 122-132. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132. EDN: NDUQQP.

Kradin N.P. (1992) The murals of Albazino, 1684. *Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 2. P. 109-110. (In Russ.).

Krasnoshtanov G.B. (2008) Nikifor Romanov Chernigovskii: a documentary narrative. Irkutsk: GUK AEM "Tal'tsy"; Reprocenter A1. 378 p. (In Russ.). EDN: QKIQWH.

Lebedyanskaya A.P. (1940a) Essays on the history of cannon production in Muscovite Rus'. *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya Krasnoi Armii = Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army*. Leningrad-Moscow. Iss. I. P. 57-84. (In Russ.).

Lebedyanskaya A.P. (1940b) "Report" of 1757 about "memorable" guns in the Orenburg District (from the materials of the Archive of the Artillery Historical Museum of the Red Army). *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya Krasnoi Armii = Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army*. Leningrad-Moscow. Iss. I. P. 252-257. (In Russ.).

Lobin A.N. (2019) Artillery of Ivan the Terrible. Moscow: Yauza: Eskmo. 318, [1] p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2021) Cannons of Time of Troubles: Russian artillery 1584-1618. Moscow: Yauza: Eskmo. 237, [1] p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2022) Cannons of the first Romanovs: Russian artillery 1619-1676. Moscow: Yauza: Eskmo. 284, [1] p. (In Russ.).

Makovskaya L.K. (2004) Artillery Historical Museum during the Great Patriotic War of 1941-1945. *Bombardir: Voenno-istoricheskoe prilozhenie k informacionno-publicisticheskemu zhurnalu «Vooruzhenie. Politika. Konversiya» = Bombardier: Military-historical Supplement to the Information and Journalistic Magazine "Armament. Policy. Conversion"*. No. 16. P. 84-93. (In Russ.).

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. История города Албазина: извлечено из сочинений г. Миллера, дополнено с сохранившихся до ныне устных преданий, с присовокуплением официальных бумаг, изображающих подробности истории города Албазина и дела русских на реке Амуре с 1654 по 1687 год, или до времени мирного торгового договора, заключенного с китайцами в г. Нерчинске. М.: в Типографии Николая Степанова, 1844. Ч. 2. 208 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.). СПб.: Алетея, 2010. 432 с. EDN: QPОНВВ.

Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М.: Государственное научно-техническое изд-во машиностроительной литературы, 1962. Часть I. 288 с.

Рудакова Л.П. Албазинская пищаль – забытый памятник воинской славы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г., в 4 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 88–103.

Рудакова Л.П. Памятники Артиллерийского исторического музея в эвакуации. Ярославль 1917–1925 годы // Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. X. СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. С. 458–471.

Суханов А.С. Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 58–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала до-стопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб.: ЦОП ГУ ВИМАИВиВС, 2006. 120 с.

Трухин В.И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых: Сборник научных трудов. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. 2020. Вып. 5. С. 200–215. EDN: IABUJS.

Фаистов Т.Н., Татауров С.Ф. Артиллерия Тарской крепости в 1594–1689 гг. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 180–182. EDN: TNBAPL.

Parshin V.P. (1844) A trip to the Trans-Baikal Territory. The history of the town of Albazin: extracted from the writings of G. Miller, supplemented from extant oral traditions, with the addition of official papers depicting the details of the history of the city of Albazin and the Russian case on the Amur River from 1654 to 1687, or until the time of the peaceful trade agreement concluded with the Chinese in Nerchinsk. Moscow: In the printing house of Nikolai Stepanov. Pt. 2. 208 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2010) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th - 17th centuries). St. Petersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.). EDN: QPОНВВ.

Rubcov N.N. (1962) History of foundry production in the USSR. Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo mashinostroitel'noi literatury. Pt. I. 288 p. (In Russ.).

Rudakova L.P. (2013) Albazin arquebus - a forgotten monument of military glory. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013 g. v 4 ch. = War and Weapons. New Research and Materials: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, May 15-17, 2013, in 4 pt.* St. Petersburg: VIMAIViVS. Pt. 4. P. 88-103. (In Russ.).

Rudakova L.P. (2015) Monuments of the Artillery Historical Museum in evacuation. Yaroslavl 1917-1925. *Sbornik issledovaniy i materialov voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi = Collection of Research and Materials of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Troops.* St. Petersburg. Iss. X. P. 458-471. (In Russ.).

Sukhanov A.S. (2024) Artillery of Western Siberia in the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 20. No. 4. P. 58-66. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Talyzin I.D. (2006) Description of the artillery hall of memorable and unmemorable objects of 1862. St. Petersburg: Operational Printing Center of the State Institution Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps. 120 p. (In Russ.).

Trukhin V.I. (2020) Albazin ostrog: from one “description lists” to another “description lists”. *History of Russia, Hungary and China in the Research of Modern Scientists. Collections of the Presidential Library. Series "Electronic Archive".* St. Petersburg: Presidential Library. Iss. 5. P. 200-215. (In Russ.). EDN: IABUJS.

Faistov T.N., Tataurov S.F. (2014) Artillery of Tara fortress in 1594-1689 years. Culture of Russians in Archaeological Research: Collection of Scientific Articles Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan. Vol. I. P. 180-182. (In Russ.). EDN: TNBAPL.

Информация об авторах

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,

Information about the authors

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and
Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,

190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Громов Андрей Владимирович,

старший научный сотрудник,
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных
войск и войск связи,
197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 7,
Россия,
e-mail: schnurrig@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9658-0887>

Трухин Владимир Ильич,

независимый исследователь,
675000, г. Благовещенск, Россия,
e-mail: tru_vi@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>

Andrey V. Gromov,

Senior Researcher,
Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal
Corps,
7, Alexandrovsky Park, Saint-Petersburg 197046, Russia,
e-mail: schnurrig@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9658-0887>

Vladimir I. Trukhin,

Independent Researcher,
Blagoveshchensk 675000, Russia,
e-mail: tru_vi@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.; одобрена после рецензирования 19 мая 2025 г.; принята к публикации 2 июня 2025 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 18, 2025; approved after reviewing May 19, 2025; accepted for publication June 2, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(571.6)
EDN: ITFZRX
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-74-84>

Формирование представлений центра Российской Империи о транспортном освоении Дальнего Востока (на примере «Известий Императорского Русского географического общества»)

К.Д. Леонов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия

Аннотация. Рассматриваются представления центра Российской Империи о транспортном освоении российского Дальнего Востока рубежа XIX–XX вв. Источником для исследования служат «Известия Императорского Русского географического общества», опубликованные в период с 1884 по 1903 гг. Актуальность работы обусловливается незавершённостью в регионе процесса транспортного освоения и важной ролью представлений в нём. Научная новизна статьи заключается во введении в научный оборот некоторых новых источников и материалов. Объектом исследования являются представления центра Империи, слагавшиеся в процессе взаимодействия правительства и общественности столиц из воззрений, свойственных этим группам – в том виде, в каком они предстают на страницах «Известий Императорского Русского географического общества» за 1884–1903 гг. Цель работы – выявление отражения данных представлений о транспортном освоении российского Дальнего Востока в «Известиях Императорского Русского географического общества» за 1884–1903 гг. Главным инструментом проводимого изучения является сравнительно-исторический метод. Отмечено, что главное внимание уделялось тем путям сообщения, которые были полезны для создания транзитных перевозок и требовали соответственных мероприятий по их улучшению. В этом отношении в первую очередь рассматривались водные способы транспортировки: речные и морские. При этом первые обсуждались чаще всего, как наиболее перспективные подъездные пути для транзитной железной дороги. Делается заключение, что меры, предлагавшиеся относительно разных видов сообщений, зависели от общей правительственной политики в регионе. Отмечается целесообразность дальнейшего изучения представлений о транспортном освоении российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: представления, транспортное освоение, транзит, железные дороги, водные сообщения, сухопутные сообщения, российский Дальний Восток, рубеж XIX–XX вв., «Известия Императорского Русского географического общества»

Благодарности. Исследование проведено под научным руководством доктора исторических наук, профессора Л.М. Медведевой.

Для цитирования: Леонов К.Д. Формирование представлений центра Российской Империи о транспортном освоении Дальнего Востока (на примере «Известий Императорского Русского географического общества») // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 74–84. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-74-84. EDN: ITFZRX.

History

Original article

Formation of the representations of Russian Empire's center on the mastering of the Far East through the means of transport (based on the “News of the Imperial Russian Geographical Society”)

Konstantin D. Leonov

Institute of History, Archaeology and Ethnology Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

© Леонов К.Д., 2025

Abstract. The article examines the ideas of the center of the Russian Empire about the transport development of the Russian Far East at the turn of the 19th and 20th centuries. The source for the study is the "News of the Imperial Russian Geographical Society", published between 1884 and 1903. The relevance of the work is due to the incompleteness of the transport development process in the region and the important role of representations in it. The scientific novelty of the article lies in the introduction of some new sources and materials into scientific circulation. The object of the study is the representations of the center of the Empire, which were formed in the process of interaction between the government and the public of the capitals from the views characteristic of these groups - in the form in which they appear on the pages of the "News of the Imperial Russian Geographical Society" for 1884-1903. The purpose of the work is to identify the reflection of these ideas about the transport development of the Russian Far East in the "News of the Imperial Russian Geographical Society" for 1884-1903. The main tool of the study is the comparative historical method. It is noted that the main attention was paid to those communication routes that were useful for the creation of transit transportation and required corresponding measures to improve them. In this regard, water transport, namely river and sea transport, was considered first and foremost. It was they who were most often spoken of as the most promising access routes for the transit railway. It is concluded that the measures proposed in relation to different types of transport depended on the general government policy in the region. It is noted that it is expedient to further study the representations about the transport development of the Russian Far East.

Keywords: representations, mastering through the means of transport, transit, railways, water communications, land communications, the Russian Far East, turn of the 19th and 20th centuries, "News of the Imperial Russian Geographical Society"

Acknowledgements. The study was conducted under the scientific supervision of Doctor of Historical Sciences, Professor L.M. Medvedeva.

For citation: Leonov K.D. (2025) Formation of the representations of Russian Empire's center on the mastering of the Far East through the means of transport (based on the "News of the Imperial Russian Geographical Society"). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 74-84. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-74-84. EDN: ITFZRX.

Укрепление позиций России на Дальнем Востоке продолжается, и транспорт в этом процессе играет далеко не последнюю роль. При этом первые подходы власти и общественности центра к транспортному освоению региона складывались в период наибольшего внимания к будущности окраины. Этот период охватил промежуток с 1884 г. (год учреждения Приамурского генерал-губернаторства) по 1903 г. (последний мирный год перед Русско-японской войной, которая многое изменила, заставив правительство снова сосредоточиться на европейских делах). Именно тогда стали формироваться представления власти и общественности центра о методах такого освоения, его целях и задачах. Такой опыт актуален сейчас, когда российский Дальний Восток снова привлекает особое внимание. Ведь именно представления о целях деятельности и допустимых методах задают рамки воплощения устремлений. Только осознав эти аспекты прошлого, можно понять суть допущенных тогда упущений и избежать подобных проблем на новом витке развития.

«Известия Императорского Русского географического общества» («Известия ИРГО»/«Известия») видятся для выдвижения гипотез относительно данных представлений достаточно подходящим материалом, поскольку обладают двумя чертами. Во-первых, им свойственна достаточная широта охвата

аудитории, а во-вторых, они отражают ситуацию взаимодействия власти и общественности Европейской России.

Следует заметить, что в XIX в. географические изыскания привлекали особое внимание публики. Даже неспециализированные газеты и журналы активно предлагали читателям путевые очерки, а порой и прямо научные тексты, посвященные географии Отечества. Не случаен был и выпуск под конец века таких изданий как «Живописная Россия» и «Полное географическое описание нашего отечества». Русское общество пыталось определить свою идентичность, и тексты, посвященные географии России, служили для того одним из самых действенных средств. Важность географического фактора для понимания самоощущения русского общества периода XIX – начала XX вв. осознаётся исследователями и привлекает особое внимание к этому аспекту (Шенк, 2016; Брэдли, 2012). Высокая степень интереса общества Империи к изысканиям в сфере географии и ведущее положение в этой сфере ИРГО позволяют говорить о значимой ширине охвата аудитории, свойственной «Известиям».

Это центральное издание знакомило общественность центра с исследованиями, которые эксперты выполняли, в том числе и по заказу местной высшей администрации или правительства. Вместе с

тем исследователи могли высказывать не только позицию властей, но и свою собственную, являвшуюся чем-то средним между взглядами заказчиков и публики. Как отмечалось в историографии, научные общественные организации в поздней Империи претендовали на роль «посредников между властью и всё более активно набиравшим политический вес народом» (Брэдли, 2012. С. 436).

ИРГО и отдельные аспекты его деятельности изучались неоднократно. Основательный обзор таких работ был предпринят Е.А. Базылевой (Базылева, 2007). С момента издания её статьи процесс изучения не остановился, но продвигался в рамках тех же тенденций. Выходят работы об актуальной жизни общества (Красильникова, 2014; Лаженцев, 2015). Публикуются и обзорные труды по его истории (Павлов, 2010. С. 4–8). Вместе с тем чаще всего оказываются в зоне внимания отдельные аспекты деятельности ИРГО. Акцент делается на сочетании тематического и регионального компонентов. Характерными примерами этого являются работы Е.Г. Вертмана, О.В. Кырнышёвой и А.Н. Кузьмина (Верتمان, 2013; Кырнышева, 2020; Кузьмин, 2018). Именно применительно к российскому Дальнему Востоку наблюдается сосредоточение внимания на трёх основных аспектах. Это лица, связанные с ИРГО, деятельность его отделений и его участие в конкретных событиях (Хисамутдинов, 2016; Зуляр, 2012; Базылева, 2009; Барбенко, Дмитриевская, Штука, 2018; Титаренко, 2015; Болдырева, 2011). При этом обнаружить работы, посвящённые изучению представлений о транспортном освоении российского Дальнего Востока на страницах «Известий Императорского Русского географического общества» в 1884–1903 гг. не удалось. Этим определяется научная новизна работы. Выявление же указанных представлений в рамках данного издания – вполне актуальная цель.

Объект изучения – представления центра Империи, слагавшиеся в процессе взаимодействия правительства и общественности столиц из воззрений, свойственных этим группам, – в том виде, в каком они предстают на страницах «Известий Императорского Русского географического общества» за 1884–1903 гг.

Цель исследования – выявление отражения данных представлений о транспортном освоении российского Дальнего Востока в «Известиях Импера-

торского Русского географического общества» за 1884–1903 гг.

Основным средством изучения является сравнительно-исторический метод исследования. При рассмотрении материалов, обладающих некоторой общностью, именно он позволяет увидеть суть этой общности. В данном случае через него открывается путь к искомым представлениям в их статичном виде. Также этот метод позволяет обнаружить изменчивые элементы общности, динамику рассматриваемого.

Разумеется, для решения поставленной задачи подходят лишь те тексты из «Известий», которые затрагивают российский Дальний Восток. Таковых было обнаружено 26. Стоит отметить, что сюда включены и публикации, касающиеся сопредельных с Приамурским генерал-губернаторством территорий (Прибайкалье и озеро Байкал, Маньчжурия и Корея). Разумеется, при условии, что в данных материалах, так или иначе, затронут рассматриваемый регион. Конечно, особое место заняли публикации о Маньчжурии, относящиеся ко времени надежд, связанных с КВЖД.

Наибольшее количество публикаций относится к 1897–1900 гг., периоду особого увлечения маньчжурскими проектами. При этом чаще всего в фокусе рассмотрения оказывалась Маньчжурия. В популярности ей уступала южная часть Приамурского генерал-губернаторства. Менее всего интерес вызывали северные округа Приморской области. Следует отметить: большинство авторов провели в регионе более года, что позволяло им понять положение дел на месте лучше, чем при спешном проезде или краткосрочной командировке. Вместе с тем данные работы в любом случае были ориентированы на власть и общественность центра, хотя некоторые исследователи и были весьма тесно связаны с краем. Именно эта нацеленность делает «Известия Императорского Русского географического общества» ценным источником для выдвижения гипотез о представлениях центра Империи.

Следует однако оговориться: наиболее информативными из этих текстов при рассмотрении вопроса о транспортном освоении региона являются 11. При этом 6 авторов (А.А. Ресин, И.П. Надаров, А.В. Елисеев, Ф.К. Дриженко, В.Е. Тимонов, С.П. Илинский), совокупно создавшие 7 публикаций, пребывали на той или иной государственной службе. Причём лишь в 4 таких работах (в текстах

А.А. Ресина, Ф.К. Дриженко и В.Е. Тимонова) отражено выполнение правительственного задания. 3 человека (В.Л. Комаров, Н.В. Латкин, Э.В. Бретшнейдер), за чьим авторством было написано 4 текста, являлись частными лицами. При этом один из данных текстов (работа В.Л. Комарова «Условия дальнейшей колонизации Амура») был посвящён выполнению автором государственного задания. Это лишний раз демонстрирует сложность рассматриваемого поля взаимодействия власти и общественности. Официозную позицию и взгляд активных членов общества Империи в нём можно было бы выделить лишь очень условно. Вместе с тем, здесь хорошо видно именно то, что проявлялось при взаимодействии власти и общественности в центре страны, представления, свойственные для такого взаимодействия.

Под целью транспортного освоения края во взятых работах понималось его экономическое развитие. Все остальные воздействия и эффекты от путей сообщения представляли лишь чем-то вспомогательным для этого главного результата. Последствием же экономического развития должно было стать укрепление положения Империи: упрочение и улучшение ситуации на уже имеющихся территориях и/или расширение сфер влияния.

Вначале (до 1890 г. включительно) подразумевалось именно развитие в интересах закрепления региона за Россией. Тут требовалось обеспечить сообщения для местного населения, поощрять колонизацию, соединить край с центром. Так А.В. Елисеев, указывая меры для колонизации территории, но замечая, вместе с тем, что они более касаются общих нужд региона, заявлял: «Отдалёнейшая окраина наша висит буквально на конце тонкой коммуникационной и колонизационной линии, проходящей через всю Сибирь, на половину по самой границе с Китаем; два раза в год эта линия сообщений совершенно прерывается на несколько недель, и тогда Южно-Уссурийский край бывает разобщён даже с остальными частями Приамурской области. ... Необходимо для края также постоянное, более определённое и срочное морское сообщение с Одессой... потребности края достаточно велики, чтобы поддерживать ежемесячные рейсы... Весьма полезно было бы также установить правильные сообщения с Китаем, Японией и Кореей... Вытеснение крупных иностранных фирм из торговых оборотов

края, который в экономическом отношении находится совершенно в руках немецких и английских капиталистов, могло бы прийти само собою, раз русским коммерсантам и товарам был облегчен морской или сухопутный путь» (Елисеев, 1890. С. 350–351). Данные размышления были представлены автором внутри путевого очерка, описывавшего его путешествие в край в качестве врача вместе с группой переселенцев и возвращение обратно. В этой связи акцент на вопросах колонизации вполне естественен. И тем характернее, что комплекс указанных проблем и мер больше связан с обеспечением уже имеющегося населения, чем с доставкой новых лиц. Приамурскому генерал-губернаторству остро не хватало путей сообщения, что затрудняло всякое управление им и снабжение обитателей региона.

Экономические и стратегические соображения относительно края в рассмотренных текстах переплетались весьма значительно. Это наглядно показано завершением доклада И.П. Надарова и работой В.Е. Тимонова (Надаров, 1889. С. 228; Тимонов, 1898. С. 341–342). Первый был сотрудником приамурского генерал-губернатора и, предлагая в 1889 г. описание Южно-Уссурийского края, продвигал идею о его важности и нужности для страны, необходимости дальнейшего освоения. В.Е. Тимонов в 1898 г. участвовал в изысканиях для выработки решения о желательном месте размещения конечного порта Транссибирской магистрали. Примечательно, что в текстах обоих исследователей, решавших столь различные задачи и находившихся в настолько неодинаковых условиях, экономические и стратегические соображения оказались неразрывно связаны.

С середины 1890-х гг. в центре внимания авторов оказалась идея транзитного экономического развития. Они отзывались на проект соединения Европы и Восточной Азии железнодорожной магистралью. Россия становилась (по мысли идейных вдохновителей проекта) главным хранителем этого транзита. Более того, этим создавалась бы возможность для развития торговли Европейской России с перспективными рынками Китая и Японии. Россия, как предполагалось, сможет сбывать свою продукцию (не в последнюю очередь текстиль) в Азию и получать оттуда местные ресурсы и товары (применительно к Китаю, конечно, в первую очередь чайные грузы). Изначально весь железнодорожный путь предполагалось провести по российской терри-

тории, то есть и по Приамурью, но затем концепция поменялась. В историографии отмечалось, что к концу XIX в. «в политике России на Дальнем Востоке обозначились два направления: первое заключалось в углублении процесса социально-экономического освоения региона и укреплении обороноспособности восточных рубежей, второе – в экспансии в Северо-Восточный Китай и Корею» (Медведева, 2021. С. 1435). Надо отметить, что с увлечением проектами экспансии в Манчжурии, всё меньше внимания уделялось собственным нуждам Приамурья, хотя полного их забвения всё же не происходило. Акцент явно делался на втором из двух данных направлений. Ввиду дальнейшего развития событий трудно определённо сказать, должна ли была Манчжурия войти в русскую сферу влияния или и вовсе быть присоединённой в качестве новой части российского Дальнего Востока. Точно известно лишь, что смещение внимания на проекты вроде КВЖД, Порт-Артура и порта Дальнего, несколько осложнило положение земель уже бывших русскими владениями.

Можно сказать, что изменения середины 1890-х гг. в представлениях центра Империи вполне соотносились с такими метаморфозами государственной политики. В рамках рассмотренных работ регион в этой связи предстал лишь частью транспортного коридора. Хотя укоренение магистрали в крае (и экономическое развитие самой территории) оставалось желательным, но эта задача оказывалась вторичной.

Главным для авторов становилось обеспечение благополучия рельсового пути, его обслуживание. Тут характерен отрывок из работы Ф.К. Дриженко 1902 г., косвенно касающейся Забайкалья. Автор проводил изыскания именно в связи с проведением Сибирской железной дороги, потому огромное озеро и рассматривалось им как приложение к рельсовому пути: «Байкал по своему географическому положению всегда играл важную роль в жизни края как удобный и почти единственный ... путь ... пролегающий по местности, почти совершенно лишённой всяких иных путей ... Но главное значение Байкала – это сообщение вдоль его, как по подъездному пути к Сибирской железной дороге. При нынешних условиях значение Байкала в этом смысле – ещё дело более или менее отдалённого будущего в зависимости от экономического роста самого прибайкальского края в тесном смысле слова. Но дело принимает совершенно иной вид при некоторых

усилиях к искусственному продолжению Байкала, как подъездного пути... Знатоки местной экономической жизни уже давно заметили этот самой природой указываемый путь, ожидающий только исследования и некоторого приложения искусства, чтобы серьёзнейшим образом изменить и поднять благополучие этого края» (Дриженко, 1902. С. 267).

На первый план для авторов выходило экономическое развитие региона с точки зрения его участия в макроэкономических процессах. Теперь край был интересен центру в той мере, в какой он был необходим для обеспечения большого транзитного проекта. Так, например, реки Приамурского края рассматривались именно как «звено, являющееся безусловно необходимым дополнением к экстерриториальной Китайской железной дороге» (Тимонов, 1898. С. 365). Характерно, что многие мероприятия по развитию территорий (в том числе реализовывавшиеся в ходе устройства Транссиба) оказывались при таком взгляде сугубо вспомогательными для достижения главной цели. Примечательно и то, что военно-стратегическое значение Сибирской железной дороги и её ответвлений, на деле бывшее весьма значимым, при рассматриваемом взаимодействии власти и общественности центра оказывалось на периферии внимания.

Для всего рассматриваемого периода характерно, что авторами именно государство рассматривалось как главное действующее лицо транспортного освоения региона. Хотя соответствующие проекты и могли вызываться местными условиями, но их поддержка правительством оказывалась совершенно необходимой (Дриженко, 1902. С. 269; Тимонов, 1898. С. 321). Современная историография вполне солидарна с таким взглядом: даже в случаях особого внимания исследователя к деятельности частных лиц и компаний и руководителем, и исполнителем при транспортном освоении региона оказывается в первую очередь государство (Илларионов, 2019).

По мнению авторов работ, опубликованных в «Известиях», главными мерами, которые следовало предпринять, оказывались улучшение существующей сети путей и её дальнейшее расширение. Это должно было и улучшить положение региона, и способствовать обустройству транспортного коридора (Комаров, 1896. С. 485; Тимонов, 1898. С. 365). Особенно недостаток путей сообщения подчёркивался для северной части Приморской области, где это

действительно было постоянной проблемой. В принципе, для оценки положения этой составляющей края характерно следующее замечание: «Обыкновенных дорог, какие под этим именем принято понимать, в крае не существует» (Ресин, 1888. С. 146). При этом особое внимание уделялось вопросам соединения различных транспортных путей. При устройстве Сибирской железной дороги именно установление связей между разными способами перемещения обрело значение. Оно обеспечивало непрерывность транзитного пути и позволяло укоренить магистраль в регионе: расширить её влияние на край и привлечь к дороге местные товары. Так вопросу установления таких связей оказались посвящены работы Ф.К. Дриженко и В.Е. Тимонова (Дриженко, 1897; Дриженко, 1902; Тимонов, 1898).

Примечательно, что у авторов из всех видов путей сообщения наибольшим вниманием пользовались речные и морские. Первые как чрезвычайно важные подъездные пути к Сибирской железной дороге. Впрочем, так же как и морские, в общем плане, они оказывались необходимой составной частью транзитного пути. Увлечение вопросами транзита иллюстрирует один отзыв на труд В.Е. Тимонова «Очерк главнейших водных путей Приамурского края». Автор рецензии (предприниматель и исследователь) считал эту работу особо своевременной ввиду того, что как раз открывались возможности использования сибирских рек (к которым он причислял и водные артерии Приамурья) для связи с Европой (Латкин, 1897. С. 490).

Морские пути к тому же (более до 1890 г.) выступали как средство связи частей региона между собой и с Европейской Россией (а также обеспечения окраины) (Ресин, 1888. С. 187–192; Надаров, 1889. С. 222–224). Такой фокус внимания едва ли удивителен, учитывая, что это взгляд из центра и для центра. При этом изменение акцентов вполне объясняется продвижением дела с проведением Транссибирской магистрали, которое сняло вопрос о соединении края с Европейской Россией и выдвинуло проблему экономической выгоды этого пути. А как уже отмечалось в историографии, при освоении региона в конце XIX в. водные пути вообще требовали наименьших затрат, чем привлекали к себе особое внимание (Бардадь, 2020. С. 155).

Примечательно отображение разных видов путей сообщения. Так авторы не сомневались в мощи

железных дорог. В их глазах эти средства сообщения были способны кардинально изменить положение области своего прохождения. Например, В.Л. Комаров, обозревавший Амурский край и Маньчжурию в связи с проектами по устройству здесь железнодорожных путей, подчёркивал благотворное влияние, которое должно было бы оказать на Амурскую область проведение по ней рельсового пути (Комаров, 1896. С. 459, 496, 504). Характерно, что при проектировании транзитного пути внимание правительства сместилось на Маньчжурию, из-за чего проект проведения части Сибирской дороги по Амурской области оказался отложен, но автор всё равно счёл нужным изложить своё видение проблемы.

Надо вместе с тем отметить, что для авторов железные дороги пребывали отнюдь не в фокусе внимания. Они служили скорее обязательным фоном и обещали экономическое развитие и процветание территориям прохождения. Рекомендаций относительно улучшения железных дорог в рассмотренных текстах давалось отнюдь немного. Видимо, оттого что сделанного и запланированного, как казалось исследователям, будет почти достаточно, а правительство не склонно было искать совета по этому вопросу. Высшая власть того времени, вообще настолько была склонна держать процесс железнодорожного планирования и строительства под своим контролем, избегая излишних дискуссий, что в историографии присутствует даже мнение, согласно которому именно в этом крылись причины неэффективности Сибирской железной дороги (Marks, 1997. Р. 218–219).

Гужевые сообщения привлекали немного внимания со стороны авторов работ, опубликованных в «Известиях». Отмечалось значение этих дорог для благополучия местного населения, но более основательно они рассматривались как потенциальные подъездные пути для магистрали. Однако главным препятствием (по-видимому, непреодолимым) тут мыслилась необходимость внушительных затрат на проведение новых и улучшение существующих дорог. Так В.Е. Тимонов подчёркивал: «...очевидно, что устройство сухопутных подъездных к сибирской железнодорожной магистрали путей заставит себя ждать ещё очень долго, за отсутствием для столь дорогих сооружений средств» (Тимонов, 1898. С. 320). Это не удивительно, учитывая, что для всех составляющих региона авторы давали весьма невы-

сокую оценку существующих гужевых сообщений (Бретшнейдер, 1900. С. 422; Комаров, 1898. С. 118; Ресин, 1888. С. 146).

Дороги действительно оставались слабым местом региона и именно из-за необходимости серьёзных затрат для поддержания и развития дорожной сети. Положение дел было таково, что замедлялся даже процесс колонизации, казалось бы, бывший одной из основ государственной политики в регионе. Как показал А.А. Илларионов, на юге региона ситуация стала несколько исправляться лишь при начале столыпинской политики аграрных переселений в 1906 году (Илларионов, 2021).

Речные сообщения привлекали наибольшее внимание авторов и в первую очередь как подъездные пути для магистрали. Через них можно было обеспечить большую доступность края для влияния рельсового пути и в свою очередь подвоз местных товаров к железной дороге, обеспечение той необходимостью обслуживанием. Отмечалось произошедшее изменение значения речных сообщений: «С устройством железной дороги до р. Имана значение водного сообщения по р. Сунгаче и оз. Ханка умалится. Тем не менее р. Сунгача и оз. Ханка, как подъездные пути к железной дороге из наиболее заселённых и способных к наибольшей производительности местностей Уссурийского края, будут приобретать всё большее и большее значение» (Тимонин, 1898. С. 330).

Преимущество речных путей виделось в том, что, хотя им и требовались улучшения, но, в противовес гужевым сообщениям, тут затраты обещали быть намного меньшими. При этом ознакомление с такими сообщениями оставалось важной задачей. В данном случае наблюдается частное проявление общей тенденции: применительно к Транссибу реки вообще рассматривались именно как подъездные пути, а не самостоятельные транспортные артерии (Шильникова, 2023).

Морские сообщения представляли в рассматриваемых текстах, в первую очередь, как средство транзита. Характерно замечание С. Илинского, оценивавшего арендованные Россией в Маньчжурии земли, что «из нового же приобретения России, Порт-Артур всё-таки самый ценный пункт в настоящее время как база флота, как выход железной дороги на берега Тихого океана и, быть может, в недалёком будущем большой военный и лучший порт»

(Илинский, 1900. С. 390). В этой связи возможность соединить части региона, разрозненные большими расстояниями и практически отсутствием во многих местностях сухопутных сообщений, посредством морского транспорта постепенно отходила на второй план. Всё более важным для авторов оказывался вопрос, как обустроить конечный пункт Сибирской железной дороги и его взаимодействие с иностранными портами.

Наиболее желательными мерами относительно морских сообщений авторам казались улучшение и расширение. При этом ознакомление с возможностями обустройства и использования перевозок по морю оставалось важной задачей. Так при оценке работы С. Илинского по описанию арендованных в Маньчжурии земель Э. Бретшнейдер особо отметил «острова, представляющие самую важную часть его исследований» (Бретшнейдер, 1900. С. 406).

Важно отметить: существование отечественных морских сообщений в регионе традиционно основывалось на государственной помощи и постоянно нуждалось в ней. Иначе этот способ транспортировки оказывался всецело в руках иностранцев, что, конечно, было крайне нежелательно в стратегическом смысле. Примечательно, что этот аспект не нашёл сколь-нибудь значительного отражения в рассмотренных текстах.

На основании изученного материала можно сделать некоторые предположения относительно тех представлений о транспортном освоении российского Дальнего Востока, которые были характерны при взаимодействии властей и общественности центра Империи в период 1884–1903 гг.

Во-первых, целью такого освоения мыслилось экономическое развитие региона. Вместе с тем, если сначала оно требовалось для закрепления положения России в крае, то чем дальше, тем больше – для подготовки территории к роли транспортного коридора.

Во-вторых, главными мерами для достижения этой цели представляли улучшение и расширение существующей сети путей сообщения, организация связей различных видов транспорта. При этом главным действующим лицом тут выступало правительство.

В-третьих, при рассматриваемом взаимодействии акцент делался на речных и морских сообщениях, как на путях, требующих наибольших усилий для устройства транспортного коридора. Гужевые

сообщения виделись в этом смысле бесперспективными, а железные дороги – не требующими изменений сверх запланированного.

В-четвёртых, рельсовые пути оставались всецело прерогативой правительства, будучи мощным средством изменения экономического положения как отдельно взятого края, так и всей страны.

В-пятых, речные сообщения рассматривались в первую очередь как наиболее удобные, по простоте и дешевизне устройства, подъездные пути к транзитной железной дороге и потому привлекали наибольшее внимание.

В-шестых, гужевые сообщения признавались необходимыми для нужд населения, но внимания на них обращалось мало: в роли подъездных путей они могли быть заменены реками, а высокая стоимость проведения и улучшения обеспечивала незаинтересованность участников взаимодействия.

В-седьмых, морские сообщения, чем дальше, тем больше воспринимались не как средства связать между собой части края и обеспечить их контакт с центром, а как продолжения транзитного пути. В этой связи внимание к ним было велико.

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что представления о транспортном освоении российского Дальнего Востока в рассматриваемый временной период в центре Империи выстраивались таким образом, что ключевым оказывалось решение стратегических задач укрепления положения страны посредством экономического развития региона. Само это развитие оставалось константой, менялись лишь расставляемые акценты. В зависимости от перемен

государственной политики представления о должном освоении Дальнего Востока трансформировались от идей развития региона самого по себе до восприятия его как приложения к транзитному пути. Вероятно, это можно воспринимать как преобладание гражданской, а не военной тематики при своеобразном взаимодействии власти и общественности в центре. Конечно, в данных представлениях и их трансформациях отобразилась вся сложность взаимосвязей между вопросами транзитного сообщения, развития транспорта и колонизации. И, разумеется, этими проблемами отнюдь не исчерпываются темы, которые следует принимать во внимание при соответствующем рассмотрении. Вместе с тем достаточно ясно видна и некоторая односторонность выявленной системы представлений, тот факт, что она не вполне совпадала с действительным положением дел на Дальнем Востоке. Предположения о будущих эффектах не всегда оправдывались (не в последнюю очередь из-за изменений обстановки в регионе и государственной политики). Что из этих расхождений представляемого и реального вызвано нахождением участников рассмотренного диалога в столицах, а что самим фактом взаимодействия между властью и общественностью, а значит деформацией изначальных позиций его участников – вопрос для дальнейших изысканий. Для сколько-нибудь глубоких выводов по поводу представлений о транспортном освоении российского Дальнего Востока требуются дальнейшие изыскания: изучение иных уровней этих представлений и других хронологических отрезков.

Список источников

Базылева Е.А. Императорское Русское географическое общество и книга (к историографии вопроса) // Вестник Омского университета. 2007. № 4 (46). С. 103–107. EDN: KYRPYT.

Базылева Е.А. Издательская деятельность Общества изучения Амурского края // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 1 (143). С. 152–158. EDN: LASZXH.

Барбенко Я.А., Дмитриевская О.Н., Штука В.И. Сучанско-Судухинская экспедиция ОИАК 1896 г. // Известия Восточного института. 2018. № 3 (39). С. 103–119. DOI: 10.24866/2542-1611/2018-3/103-119. EDN: VMVJOC.

Бардаль А.Б. Этапы развития транспортной системы Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 152–164. DOI: 10.31857/S013128120009895-5. EDN: XFBZWP.

References

Bazyleva E.A. (2007) Imperial Russian geographical society and Book (historiography of the question). Herald of Omsk University. No. 4 (46). P. 103-107. (In Russ.). EDN: KYRPYT.

Bazyleva E.A. (2009) Publishing activities of the Society for the Study of the Amur Region. *Bulletin of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (143). P. 152-158. (In Russ.). EDN: LASZXH.

Barbenko Ya.A., Dmitrievskaya O.N., Shtuka V.I. (2018) OIAK's Suchan-Sudukne expedition, 1896. *News of the Eastern Institute*. No. 3 (39). P. 103-119. (In Russ.). DOI: 10.24866/2542-1611/2018-3/103-119. EDN: VMVJOC.

Bardal' A.B. (2020) Stages of development of the transport system of the Russian Far East. *Problems of the Far East*. No. 2. P. 152-164. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013128120009895-5. EDN: XFBZWP.

Болдырева Н.Л. А.З. Федоров – исследователь средневековых памятников г. Никольска-Уссурийского // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 83–86. EDN: OOWZNL.

Бретшнейдер Э. По поводу статьи Подполковника Илинского о Гуань-дунском полуострове // Известия Императорского Русского географического общества. 1900. Т. XXXVI. С. 405–432.

Брэдли Д. Общественные организации в царской России : Наука, патриотизм и гражданское общество / пер. с англ. яз. М.Н. Карпец. Москва: Новый хронограф, 2012. 447, [2] с. EDN: QXSLDL.

Вертман Е.Г. Русское географическое общество и охрана памятников природы и истории Сибири // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. Барнаул : Азбука, 2013. Вып. 18–19. С. 66–69.

Дриженко Ф.К. Рекогносцировка Байкальского озера в 1896 году // Известия Императорского Русского географического общества. 1897. Т. XXXIII. С. 210–241.

Дриженко Ф.К. Гидрографическое исследование Байкала // Известия Императорского Русского географического общества. 1902. Т. XXXVIII. С. 228–271.

Елисеев А.В. Отчёт о поездке на Дальний Восток // Известия Императорского Русского географического общества. 1890. Т. XXVI. Вып. V. С. 333–379.

Зуляр Ю.А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (к итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 1. С. 73–85. EDN: OYXDSR.

Илинский С. О новой пограничной линии России с Китаем и об островах, отошедших во владение России на Корейском и Ляодунском заливах // Известия Императорского Русского географического общества. 1900. Т. XXXVI. С. 379–404.

Илларионов А.А. Укрепление транспортных связей в Приамурье во второй половине XIX – начале XX в. : проблема взаимодействия бизнеса с государственной властью // Известия Восточного института. 2019. № 1 (41). С. 21–36. DOI: 10.24866/2542-1611/2019-1/21-36. EDN: PWMFBW.

Илларионов А.А. Дорожное дело в Приморье в начале XX в.: правовые аспекты, ресурсное обеспечение и механизм принятия управленческих решений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2 (57). С. 60–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/60-66. EDN: KHWEQK.

Комаров В.Л. Условия дальнейшей колонизации Амура // Известия Императорского Русского географического общества. 1896. Т. XXXII. С. 457–509.

Boldyrev N.L. (2011) A.Z. Fedorov - researcher of medieval sites of the city of Nikolsk-Ussuriysk. *Humanities in Siberia*. No. 4. P. 83-86. (In Russ.). EDN: OOWZNL.

Bretshneider E. (1900) Regarding the article by lieutenant colonel Ilnsky about the Guandong Peninsula. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXVI. P. 405-432. (In Russ.).

Bradley, Joseph Voluntary associations in tsarist Russia. London : Harvard university press, 2009. (Russ. ed: Bredli D. (2012) Public organizations in tsarist Russia: science, patriotism and civil society. Moscow: New chronograph. 447, [2] p. (In Russ.). EDN: QXSLDL.

Vertman E.G. (2013) Russian geographical society and the protection of natural and historical monuments of Siberia. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya : Materialy XVIII i XIX regional'nykh nauchno-prakticheskikh konferentsii = Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai territory. Proceedings of the XVIII and XIX Regional Scientific and Practical Conferences*. Barnaul: Azbuka. Iss. 18-19. P. 66-69. (In Russ.).

Drizhenko F.K. (1897) Reconnaissance of Lake Baikal in 1896. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXIII. P. 210-241. (In Russ.).

Drizhenko F.K. (1902) Hydrographic study of Baikal. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXVIII. P. 228-271. (In Russ.).

Eliseev A.V. (1890) Report on a trip to the Far East. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXVI. Iss. V. P. 333-379. (In Russ.).

Zulyar Yu.A. (2012) On the periodization of history of the Eastern-Siberian department of the Russian geographical society (outcomes of the department's activity over 160 years). *Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*. No. 1. P. 73-85. (In Russ.). EDN: OYXDSR.

Ilnskii S. (1900) On the new border line of Russia with China and on the islands that have passed into Russian possession in the Korean and Liaodong Gulfs. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXVI. P. 379-404. (In Russ.).

Illarionov A.A. (2019) Strengthening of transport links in the Amur river basin in the second half of the 19th - early 20th century: the factor of public-private partnership. *Oriental Institute Journal*. No.1 (41). P. 21-36. (In Russ.). DOI: 10.24866/2542-1611/2019-1/21-36. EDN: PWMFBW.

Illarionov A.A. (2021) Roads in Primorye at the beginning of the XX century: legal aspects, resource provision and managerial decision-making mechanism Road construction in Primorye at the beginning of the 20th century: legal aspects, resource provision and mechanism for making management decisions. *Oikumena. Regional Studies*. No. 2 (57). P. 60-66. (In Russ.). DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/60-66. EDN: KHWEQK.

Komarov V.L. (1896) Conditions for further colonization of the Amur. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXII. P. 457-509. (In Russ.).

Комаров В.Л. Манджурская экспедиция 1896 года // Известия Императорского Русского географического общества. 1898. Т. XXXIV. С. 117–184.

Красильникова И.Н. Русское географическое общество: от съезда к съезду // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2014. № 5. С. 81–85. EDN: TPTCEP.

Кузьмин А.Н. Некоторые вопросы изучения этнографии, истории и археологии Западно-Сибирским отделом Русского географического общества в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 113–117. DOI: 10.14258/izvasu(2018)2-19. EDN: UQRBVE.

Кырнышева О.В. Роль Императорского Русского географического общества в публикации материалов о зырянах в периодических изданиях XIX века // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2020. № 1 (13). С. 28–39. EDN: ZAGRTZ.

Лаженцев В.Н. География и Русское географическое общество // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 2 (22). С. 104–109. EDN: TXJHPL.

Латкин Н.В. Приложение к журналу заседания 18-го ноября 1897 г. Отзыв о труде д. чл. В.Е. Тимонова «Очерк главных водных путей Приамурского края» // Известия Императорского Русского географического общества. 1897. Т. XXXIII. С. 490.

Медведева Л.М. Китайско-Восточная железная дорога как средство реализации дальневосточной политики России в конце XIX – начале XX века // Былые годы. 2021. № 16 (3). С. 1433–1442. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1433. EDN: UEZSZI.

Надаров И.П. Южно-Уссурийский край в современном его состоянии // Известия Императорского Русского географического общества. 1889. Т. XXV. Вып. III. С. 197–228.

Павлов К.А. Русское географическое общество: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 1. С. 4–8. EDN: KZVEQN.

Ресин А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана // Известия Императорского Русского географического общества. 1888. Т. XXIV. С. 121–198.

Тимонов В.Е. О главных водных путях Приамурского края в связи с вопросом об избрании места для Тихоокеанского коммерческого порта Сибирской железной дороги // Известия Императорского Русского географического общества. 1898. Т. XXXIV. С. 317–366.

Титаренко А.С. Знатоки Китая: восточный сосед в исследованиях представителей военно-дипломатической и интеллектуальной элиты России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 81–89. EDN: TYCSKV.

Хисамутдинов А.А. У истоков дальневосточной науки: энтузиасты из Уссурийска // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2016. № 3 (187). С. 95–102. EDN: XDFTLN.

Komarov V.L. (1898) Manchurian expedition of 1896. News of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. XXXIV. P. 117-184. (In Russ.).

Krasil'nikova I.N. (2014) Russian geographical society: from congress to congress. *Bulletin of Pskov State University. Series: Natural and Physical-Mathematical Sciences*. No. 5. P. 81-85. (In Russ.). EDN: TPTCEP.

Kuz'min A.N. (2018) Some issues of studying ethnography, history and archaeology by the West Siberian department of the Russian geographical society in the end of the 19th century - the beginning of the 20th century. *News of the Altai State University*. No. 2 (100). P. 113-117. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2018)2-19. EDN: UQRBVE.

Kyrnysheva O.V. (2020) The role of the Imperial Russian geographical society in the publishing of materials about Zyrians in the periodicals of the 19th century. *Bulletin of Syktivkar university. Humanitarian Sciences Series*. No. 1 (13). P. 28-39. (In Russ.). EDN: ZAGRTZ.

Lazhentsev V.N. (2015) Geography and the Russian geographical society. *News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 2 (22). P. 104-109. (In Russ.). EDN: TXJHPL.

Latkin N.V. (1897) Appendix to the meeting minutes of November 18, 1897. Review of the work of member V.E. Timonov "Essay on the main waterways of the Amur region". *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXIII. P. 490. (In Russ.).

Medvedeva L.M. (2021) Chinese Eastern railway as a means of implementing Russia's Far Eastern policy in the late 19th - early 20th centuries. *Bylye gody*. No. 16 (3). P. 1433-1442. (In Russ.). DOI: 10.13187/bg.2021.3.1433. EDN: UEZSZI.

Nadarov I.P. (1889) The South Ussuri region in its current state. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXV. Iss. III. P. 197-228. (In Russ.).

Pavlov K.A. (2010) Russian Geographical Society: history and modernity. *Modern Problems of Service and Tourism*. No. 1. P. 4-8. (In Russ.). EDN: KZVEQN.

Resin A.A. (1888) Essay on the aliens of the Russian Pacific coast. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXIV. Iss. III. P. 121-198. (In Russ.).

Timonov V.E. (1898) On the main waterways of the Amur region in connection with the question of choosing a site for the Pacific commercial port of the Siberian railway. *News of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XXXIV. P. 317-366. (In Russ.).

Titarenko A.S. (2015) Experts in China: eastern neighbor in studies of military-diplomatic representatives and intellectual elite of Russia (second half of XIX - early XX centuries). *Bulletin of the Vyatka State for the Humanities University*. No. 1. P. 81-89. (In Russ.). EDN: TYCSKV.

Khisamutdinov A.A. (2016) At the origin of Far East science: Ussuriysk enthusiasts. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 3 (187). P. 95-102. (In Russ.). EDN: XDFTLN.

Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / авторизованный пер. с нем. М. Лавринович. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 573, [3] с.

Шильникова И.В. Обсуждение маршрутов будущей Транссибирской магистрали в российских научно-технических обществах в 1870-х – начале 1890-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 18–27. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39611. EDN: KQQUZ.

Marks S.G. Road to power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1997. xxi + 240 p. (In Eng.).

Информация об авторе

Леонов Константин Дмитриевич,
аспирант, Отдел истории Дальнего Востока России,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
690000, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: leonkotja@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2111-4418>

Вклад автора

Леонов К.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 13 сентября 2025 г.; принята к публикации 22 сентября 2025 г.

Shenk F.B. (2016) Train to modernity. Mobility and social space of Russia in the age of railways. (Russ. ed.: Lavrinovich M. (2016) Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog Moscow: New literary review. 573, [3] p.).

Shil'nikova I.V. (2023) Discussion of the routes of the future Trans-Siberian railway in Russian scientific and technical societies in the 1870s - early 1890s. *Historical Journal: Scientific Research*. No. 1. P. 18-27. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39611. EDN: KQQUZ.

Marks S.G. Road to power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1997. xxi + 240 p. (In Eng.).

Information about the author

Konstantin D. Leonov,
Postgraduate student, Department of History of the Russian Far East,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690000, Russia,
e-mail: leonkotja@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2111-4418>

Contribution of the author

Leonov K.D. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 25, 2025; approved after reviewing September 13, 2025; accepted for publication September 22, 2025.

История

Научная статья
УДК 623.8.093; 623.8.094
EDN: JKCXYV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-85-96>

К сравнению размещения среднекалиберной артиллерии на кораблях эпохи броненосцев. Взгляд через столетие

К.В. Хромов

Независимый исследователь, Сочи, Россия

Аннотация. В статье проведено рецензирование материала независимого исследователя Д.Ю. Пустозерова «Из истории корабельной артиллерии. Среднекалиберная артиллерия: казематы или башни?» Преимущества и недостатки» и проводится разбор приведённой аргументации о выборе русским Морским Ведомством схемы размещения артиллерии среднего калибра на эскадренных броненосцах флота для Программы 1898 г. и выводов, сделанных автором на их основе. Актуальность обзора основана на том, что в рецензируемой статье автором неверно поставленная проблема (выбор схемы размещения орудий среднего калибра) аргументируется абстрактными рассуждениями, не основанными на фактическом историческом материале. Кратко разобрана терминология, используемая рецензируемым автором, с приведением фактической, действовавшей на то время. Сделан критический разбор сведений, приведённых автором рецензируемой статьи, проведено рассмотрение действительных оснований к выбору типа эскадренного броненосца русского флота с казематным или башенным размещением артиллерии среднего калибра. Методом исследования в виде сравнения получены результаты, опровергающие саму проблему выбора и аргументацию. В статье не подтверждаются выводы рецензируемой работы Д.Ю. Пустозерова и опровергается тезис о постройке некоего «технологичного и простого в постройке и эксплуатации и ремонте казематного броненосца» для русского флота. Так как сами по себе, такие проекты были реализованы для Балтийского флота серия броненосцев «Бородино» и их развитие – «Император Павел I». Для Черноморского флота «Потёмкин» и его развитие – «Иоанн Златоуст». Как вывод: предлагается в исследованиях обоснованно ставить проблему, тщательно подбирать исходный материал, вводить обоснованный инструментарий исследования и, делая выводы, подтверждающие или опровергающие поставленный вопрос, придерживаться фактов.

Ключевые слова: броненосец, средний калибр, орудийная башня, орудийный каземат, «Бородино», «Микаса», «Орёл», Русско-японская война, проектирование, Костенко, модернизация, бронирование

Для цитирования: Хромов К.В. К сравнению размещения среднекалиберной артиллерии на кораблях эпохи броненосцев. Взгляд через столетие // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 85–96. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-85-96. EDN: JKCXYV.

History

Original article

Toward a comparison of the placement of medium caliber artillery on battleship era ships. A look through a century

Konstantin V. Khromov

Independent Researcher, Sochi, Russia

Abstract. The article reviews the material of independent researcher D.Y. Pustozarov “From the history of naval artillery. Medium-caliber artillery: casemates or towers? Advantages and disadvantages” and the analysis of the above arguments about the choice of the Russian Naval Department of the scheme for the placement of medium-caliber artillery on squadron battleships of the fleet for the 1898 Program and the conclusions drawn by the author on their basis is carried out. The relevance of the review is based on the fact that in the reviewed article the author incorrectly stated the problem (the choice of the layout of medium-caliber guns) is argued by abstract reasoning not based on factual historical material. The terminology used by the reviewed author is

briefly analyzed, with an indication of the actual terminology in force at that time. A critical analysis of the information provided by the author of the reviewed article was carried out, and the valid grounds for choosing the type of squadron battleship of the Russian Navy with casemated or turret-mounted medium-caliber artillery were considered. The research method in the form of a comparison has obtained results that refute the very problem of choice and argumentation. The article does not confirm the conclusions of the reviewed author and refutes the thesis about the construction of a certain “technological and easy-to-build, operate and repair casemate battleship” for the Russian Navy. Since such projects themselves were implemented for the Baltic Fleet, the Borodino series of battleships and their development, the Emperor Paul I. For the Black Sea Fleet “Potemkin” and its development “John Chrysostom”. As a conclusion, it is suggested that in research it is reasonable to pose a problem, carefully select the source material, introduce sound research tools and, making conclusions confirming or refuting the question posed, adhere to the facts and not apply personal attitude to the compared material.

Keywords: battleship, medium caliber, gun turret, gun casemate, Borodino, Mikasa, Orel, Russian-Japanese War, design, Kostenko, modernization, reservation

For citation: Khromov K.V. (2025) Toward a comparison of the placement of medium caliber artillery on battleship era ships. A look through a century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 85-96. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-85-96. EDN: JKCXYV.

К настоящему времени вопросы, связанные с историей проектирования боевых кораблей разных эпох и стран, в целом разобраны более-менее подробно. Глубина проработки материала в основном зависит от доступности необходимых источников у авторов. В основном используются уже опубликованные материалы из отечественной и зарубежной литературы (в переводе разной степени качества) и их переработка. Максимально достоверные сведения и глубина проработки вопросов проектирования кораблей присутствуют у авторов, которые используют данные соответствующих Российских архивов. Доступ к ним, конечно, ограничен, но и результат получается наилучшим. В принципе на любой интересующий вопрос или техническую проблему, связанные с постройкой кораблей или их конструкции, можно найти информацию, с той или иной глубиной проработки.

Но, несмотря на это, с искажением достоверно известных фактов очень даже можно встретиться. Причины, по которым авторы идут на искажение установленных фактов и формирование искажённой картины, могут быть различны. И здесь только знание предмета позволяет найти истину и прийти к верным результатам рассуждений.

В этом отношении показательным примером является рассматриваемая статья «Из истории корабельной артиллерии. Среднекалиберная артиллерия: казематы или башни? Преимущества и недостатки» автора Д.Ю. Пустозерова¹ (далее – автор). В

статье проводится исследование о правильности выбора русским Морским ведомством башенного расположения артиллерии среднего калибра (СК) в проектах эскадренных броненосцев Программы 1898 г., кораблей, которые в последствие участвовали в Русско-японской войне 1904–1905 гг., с приведением обоснований на принятых автором трактовках исторического материала. Однако сразу следует отметить, что внушительный перечень литературы для исследования автор компенсирует не внимательным и избирательным их прочтением, а трактовками и выводами, сделанными из них, прямо противоречащими историческим данным.

В проблеме исследования автором поставлен вопрос о выборе типа размещения артиллерии среднего калибра (СК) в башенных установках или казематном расположении для основного боевого корабля. В авторской постановке проблема сформулирована в том виде, что «не всё было так очевидно, когда в Российской Империи выбирался прототип для линкоров Программы 1898 г.». И уже в самом начале своего исследования автором не задана используемая методика исследования, не заданы исходные данные, нет инструментария расчётов. Читателю не раскрывается, в каком состоянии Русский флот подошёл ко времени разработки «Программы» (хотя об этом в аннотации указано), нет качественного сравнения кораблей, находящихся в строю со схемами размещения СК. Не установлены критерии, по которым автор собирается это сделать и на их основании отдать предпочтение той или

¹ Пустозеров Д.Ю. Из истории корабельной артиллерии. Среднекалиберная артиллерия: казематы или башни? Преимущества и недостатки // Известия Лаборатории

древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 153–169. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-153-169. EDN: AZCCQU.

иной схеме. Не сделан в этой части анализ проектов кораблей, разрабатываемых для «Программы». А между тем, при выборе конструкции будущего броненосца Морским Ведомством всё же проводился анализ между башенными проектами (французским «Цесаревичем») и казематными проектами (американский «Ретвизан») (Грибовский, 1995. С. 4).

Второй исходный посыл, это в понимании автора, констатация того, что «за достаточно короткое время с момента принятия метода Перси Скотта (английская система обучения наводчиков скорострельной артиллерии конца XIX века) до вступления в строй кораблей принципиально нового проекта «all-big-gun» (дредноутного типа), среднекалиберная артиллерия становится главной на корабле в силу своей меткости (до 80–90 % попаданий в цель) и скорострельности (5–10 выстрелов в минуту)». Ключевые данные здесь «меткость» и «скорострельность», и таким образом автор констатирует правильность предложенной им идеи о преимуществе СК над более тяжёлыми калибрами по этим параметрам, прямо скажем, основным. При этом не определено, какой калибр автором отнесён к СК, так как в то время (конец XIX в. – начало XX в.) во флотах ведущих стран в него включались орудия калибром от 120 мм до 234 мм.

Автором не приведено, в каких условиях такой процент попаданий получен. В источнике (Военное обозрение)² такие данные приведены в отношении крейсера 2-го класса «Сцилла» под командованием самого Перси Скотта: 80 % даже при наличии лёгкой зыби. В 1901 г., так же под командованием П. Скотта крейсер «Террибл» на призовых стрельбах в Китае продемонстрировал точность попаданий для 234 мм из 22 выстрелов 14 попаданий, для 152 мм – 102 попадания из 128 выстрелов (Глазов, 1902. С. 175). Автором не уточнено, что 234 мм установлены в башнях, против которых и проведено его исследование, а 152 мм установлены в казематах, преимущество которых обосновывается.

В части скорострельности, 5–10 выстрелов в минуту, автор так же не уточняет, какая она приводится. Есть практическая, без учёта внешних факторов, она разная и зависит от калибра орудия. При-

ведём данные по СК русского флота (Широкоград, 1997): для 152 мм орудия на станке Канэ она составляла 10 выстрелов/мин, для 120 мм той же системы – 12 выстрелов/мин. Это заявляемые проектировщиком данные. Но есть ещё боевая скорострельность, т. е., в условиях боя и зависит она от многих факторов: качка, наведение орудия, время на зарядание, которое в русском флоте итак было достаточно большим, ожидание приведения цели в сектор огня (маневрирование стреляющего корабля). В упомянутых призовых стрельбах в Китае, скорость стрельбы составляла для крейсера «Handy» 10 выстрелов в минуту, для крейсера «Тэлбот» (который был стационаром в Чемульпо, в 1904 г.), 152 мм – 8,7 выстрела в минуту. Но, отдадим должное, у кораблей с прибором «dotter» П. Скотта стрельба была с большой быстротой и давала 4,25 попадания в минуту («Barfleur»), далее у кораблей его не имевших, от 3,5 до 1,91 попаданий.

Но автор не уточняет, что метод П. Скотта отлично работал на дистанциях стрельб около 1 500 ярдов (1 372 м), для призовой стрельбы в Китае 1902 г. дистанция стрельбы составляла 1300–1800 м, когда наводчик мог отчетливо наблюдать падения своих снарядов. Через 3 года, в тех же водах, условия стрельб для русского и японских флотов уже были существенно иными.

Для сравнения приведём данные по стрельбам, проведённым уже в 1905 г. на учениях броненосцем "Кинг Эдуард VII":

12-дюймовые орудия добились 10 попаданий из 11 выстрелов (91 %);

9,2-дюймовые орудия добились 15 попаданий из 31 выстрела (48 %);

6-дюймовые орудия добились 26 попаданий из 71 выстрела (37 %).

Всего: 51 попадание из 113 выстрелов (45 %).

Результаты стрельб броненосцем «Эксмут»:

12-дюймовые орудия добились 15 попаданий из 16 выстрелов (94 %);

6-дюймовые орудия добились 49 попаданий из 96 выстрела (51 %).

Всего: 64 попадания из 112 выстрелов (57 %) (Военное обозрение)³. Даже сам П. Скотт немного

² Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/214097-revolucionnoe-razvitie-metodiki-strelby-anglijskogo-flota-na-rubezhe-xix-xx-vv.html> (дата обращения 01.02.2025).

³ Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/214097-revolucionnoe-razvitie-metodiki-strelby-anglijskogo-flota-na-rubezhe-xix-xx-vv.html> (дата обращения 01.02.2025).

был разочарован в таких результатах. Так какие данные нам предлагает автор для обоснования лидирующей позиции СК в период с 1905 г. по 1906 г. в части меткости стрельбы и скорострельности?

Конечно, такой метод обучения был действительно передовым и необходимым. Но, обратим внимание, что П. Скотт опробовал свой метод в период 1898–1902 гг., начал он вводиться с 1904–1905 гг., только после того как в 1904 году Джон Фишер стал первым лордом адмиралтейства. Сам «Дредноут», в концепции «all-big-gun», вступил в строй в декабре 1906 г. (Виноградов, 1996. С. 22). Когда СК, по версии автора, в приведённых им параметрах стал главным к 1906 г.?

Далее можно проследить особенность рассматриваемых схем размещения СК и их преимуществ. Но утверждать, как это делает автор, что данный вопрос разработан в нашей литературе вскользь, между делом, это значит пойти против истины. В работе (Виноградов, 2011. С. 9) отмечается: «Следует отметить, что в оценке вопроса целесообразности избрания именно проекта «Цесаревича» в качестве образца для «броненосцев № 4–8» среди историков кораблестроения и флота до сих пор нет единого мнения – они, наоборот, зачастую крайне полярны. В.Ю. Грибовский отмечает, что французский проект «отличался рациональной и мощной защитой корпуса и артиллерии», и заключает: «Сравнение кораблей типа «Цесаревич» и «Бородин» с броненосцами иностранных флотов показывает, что российское Морское ведомство при выборе типа серийного линейного корабля в 1898 г. вполне обоснованно отказалось от отечественных вариантов развития «Пересвета». Все пять этих вариантов – эскизных проектов – броненосцев водоизмещением от 12 700 до 13 447 т предусматривали только частичную защиту ватерлинии и казематное расположение 6-дюймовых орудий». С этими выводами не согласен другой продуктивный автор: Р.М. Мельников в свойственной ему эмоциональной манере осыпает упрёками руководителей Морского министерства за то, что они «своей угодливой готовностью одобрили чуждый и даже вредоносный» проект, утверждая, что «навязанный бюрократией русскому судостроению французский “чудо-проект” был неудобен и для флота и для судостроения. Флот... нуждался в скорейшем пополнении кораблями привычного [?–Авт.] типа с казематным рас-

положением 152-мм орудий» (о том, что в это время достраивались и передавались флоту целых 4 броненосца с 6-дюймовыми орудиями в башнях, он умалчивает)».

Значит, вопрос уже был известен и его рассмотрение уже проводилось. Новизна поставленной проблемы автором не может быть признана таковой.

История формирования схемы размещения главного калибра (ГК) в казематах автором указывается с появления их во Франции и Англии в 1860-е годы, забывая, умышленно или по не знанию, что 8–9 марта 1862 г. в реальном бою сошлись казематный и башенный броненосцы «Вирджиния» и «Монитор» во время Гражданской войны Севера и Юга в США. Такие схемы размещения орудий применялись в последующем в разных странах, постоянно совершенствуясь. Точно так же автором умалчивается, что размещение главной артиллерии на броненосце «Редутабль» 1878 г. состояло из 8 274-мм (4 в каземате и 4 на верхней палубе, 2 в барбетах, 1 под полубаком и 1 на корме) и как-то они в казематах разместились (Якимович, 2012). А до этого такая же схема была на броненосце «Кольбер». И каким образом казематы вдруг «сохранились» к началу XX века, если они уже вошли в конструкцию кораблей основных классов по умолчанию, как само собой разумеющееся, на уровне стандартной конструкции?

Так же никак нельзя принять тезис автора, что каземат стал напоминать стальной дот. Кому он стал напоминать? Участникам событий тех лет вообще не было известно о существовании сооружения «дот», кроме как ассоциаций с крепостной архитектурой, термины которой и использовались, тот же «барбет» и «каземат», кстати. Вообще, с терминологией автор очень свободно обращается. Термины «линкор» и «броненосец», и якобы «дискуссионность» терминов в их применении. На то время никакой «дискуссионности» в этом не было, а сам термин «линейный корабль» для броненосцев появился, примерно, через 10 лет. В отношении первоначально «броненосца» «Андрея Первозванного» классификация как «линкор» проведена в 1907 г. (Афонин, Кузнецов, 1996. С. 14), когда уже в Англии были построены первые серии дредноутов.

И далее, термин «броневая башня» («бронешашня») в авторской терминологии, хотя всегда указывались во всех документах «орудийными башнями». Здесь применение терминов, которые в техни-

ческой документации называются «не допустимый термин». Точно так же в отношении шаровых опор, по которым башня вращалась, не обязательно они были шаровые, были и роликовые, на «Ретвизане» – конические.

В терминах автор объединяет номер орудийного расчёта «наводчик» и «канонир». Но в русском флоте «наводчик» это «комендор», но никак не «канонир». Когда в расписании орудийного расчёта «комендор» стал «канониром»? «Объяснительный морской словарь» В.В. Вахтина 1894 г. издания, стр. 124, термин «Комендор» раскрывает следующим образом: «Комендор – номер, распоряжающийся действием орудия; он наводит орудие и производит выстрел. Это собственно 1-й комендор, а второй комендор стоит рядом с первым по правую сторону, и заведует клином, или подъёмным винтом. На обязанности комендора лежит исправное содержание орудия со всею принадлежностью»⁴.

В отношении количественных величин автор отходит от безусловно необходимых для сравнения параметров и приводит обобщённое значение «снижение практической скорострельности в 2–2,5 раз». От каких величин? Какие исходные данные использовал? И какие конкретно типы башенных установок сравнивал? Практическая скорострельность была такая, какая была фактически. Пусть медленная, это всем известно, это существенный недостаток материальной части русского флота в период, предшествовавший 1904 г. Автор подводил абстрактные данные по одному ему известному принципу, под необходимые ему выводы. Точно так же в отношении параметра «меньший удельный вес» каземата, в его сравнении с башней, который в таком виде вообще бессмысленно применять, если не приводится расчёт массы броневых плит на основании схемы распределения по каземату? Термин «удельный вес» в данном случае автору можно рекомендовать применять в виде «удельной мощности», т. е. число тонно-метров дульной энергии отнесённой к одной тонне веса башни, без вращающейся и неподвижной брони (Гончаров, 1932.

С. 15)⁵. В этом фундаментальном труде вопросы артиллерии и её воздействия на корабль разобраны очень подробно, понятным языком. При этом отметим, что опыт морских сражений Первой мировой войны уже был осмыслен и внедрялся в проекты новых тяжёлых кораблей.

Как задачи казематных орудий отличались от башенных на рубеже XIX–XX веков? За исключением, пожалуй, задач ПВО на кораблях проектов 30-х гг. и уже Второй мировой войны. Вот из таких деталей и состоит вся рассматриваемая статья – «исследование». Автор очень слабо знает историю материальной части артиллерии того времени. До Второй мировой дожили как проекты 1914–1916 гг. с казематным размещением СК («Ройял Соверен» и «Куин Элизабет», японские линкоры и линейные крейсера), так и вошли в неё и новые. Например, французский «Жан Бар», для которого СК был спроектирован универсальным, в том числе, и тяжёлым зенитным. Но и в этом качестве зенитным он был условно – по недостаточной скорострельности и скорости наведения (Сулига, 1996. С. 8). На немецких «Бисмарках», «Шарнхорстах» СК был явно вспомогательным, но никак не противовоздушным (Сулига, 2002. С. 21–23). В японских «Нагато» и «Мутцу» сохранились казематы с 140 мм, по причинам сугубо японской индивидуальности. Но это не сказалось как недостаток в войне. Приведённое прямо не относится к рассматриваемому материалу, но исторические рамки, заданные автором, вынуждают сделать такое отступление.

В тезисе «в этой роли казематы сохранились вплоть до лет, предшествовавших Второй мировой войне, когда увеличившиеся дистанции боя, возросшая потребность в универсальной артиллерии (противоминной и зенитной) и требования механизации привели к тому, что вспомогательные орудия так же начали устанавливать в башнях», «усложнились задачи перед казематными пушками». То есть, автор предлагает, по смыслу тезиса, наделить казематных орудием и ещё о роли противовоздушной обороны? Что значит усложнились? Автор не приводит тот факт, что не только к 1904–1905 гг., но и ранее, в Японско-китайской войне, в сражении при Ялу, Испано-американской войне, уже увеличились

⁴ Вахтин В.В. Объяснительный морской словарь : (насто́льная книга для имеющих отношение к морскому делу). 2-е доп. изд. С.-Петербург : издание комиссионера Морского министерства Н.Г. Мартынова : Тип. В. Безобразова и К, 1894. X, 390, [13] с.

⁵ Гончаров Л.Г. Курс морской тактики. Артиллерия и броня. Л. : Воен.-морская акад. РККА им. т. Ворошилова, 1932. 390 с.

дистанции боя и механизация орудий активно внедрялась. В особенности, вывод о преимуществе СК над более тяжёлыми орудиями был сделан после Ялу. Но при этом не принималось во внимание, что сражение при Ялу было не совсем обычным. В эскадренном сражении сошлись в основном небронированные крейсера, которые по существу своему не предназначались для такого боя. Только стремление обоих адмиралов к ближнему бою и отсутствие брони сделало огонь среднекалиберной артиллерии столь эффективным. Наоборот, броня даже старых китайских броненосцев успешно выдержала огонь японских скорострельных среднекалиберных пушек, показав: даже тонкая броня заставляет чувствительные к удару снаряды взрываться раньше, чем они проникнут внутрь корабля (Смирнов, 1987. С. 65). Автор эти доводы не рассматривает совсем. При этом, в 1902 году инспектор артиллерии английского флота Мэй после кропотливых исследований пришел к выводам: оказывается, средняя артиллерия на линейных кораблях вообще не нужна, ибо она уничтожается главным калибром противника еще до того, как сможет сама начать стрельбу. По предложению Мэя, был спроектирован броненосец «Лорд Нельсон», вооружённый двенадцатью 12-дюймовыми орудиями, но в 1902 году идея Мэя показалась адмиралтейству чересчур рискованной, и было принято стандартное размещение артиллерии: четыре 12-дюймовых и десять 9,2-дюймовых пушек (Веселов, 1972). Таким образом, если и делать предположение о преимуществе СК в каких то параметрах, то не только в части размещения в казематах (которое никаким образом не обосновано), но что более актуально, в повышении калибра на проектируемых русских броненосцах со 152 мм до более крупного, минимум 203 мм, уже применявшегося на крейсерах («Россия», «Громобой», «Баян») и отработанного в производстве технологически. Такой вывод был бы наиболее осмысленным в исследовании автора.

Таким образом, все аргументы автора о главенстве СК на кораблях конца XIX начала XX века приведены в форме голословных утверждений.

Далее тезис автора о том, что русские корабли Программы «Для нужд Дальнего востока» создавались вдобавок японским (английским)? Российский долгострой всем известен, корабли серии «Бородино» опоздали постройкой к началу войны, но «Алек-

сандр III» вполне мог успеть в Порт-Артур, только его отправлять не стали. «Ретвизан» вступил в строй в 1901 г., «Цесаревич», хотя и начат постройкой 1898 г., но тоже едва успел. Вот и вошли в строй позже японских. Здесь вопрос другого плана, о способности самого Морского ведомства к руководству флотом. Но и этот вопрос уже давно подробно разобран. Здесь дело в том, что автору хотелось подогнать «очень сильные английские (японские) корабли», под то, что у них СК был с казематным расположением. Но при этом, в монографии С.А. Балакина «Броненосцы типа “Кинг Эдуард VII”» (Балакин, 2002. С. 3) в отношении обосновываемого автором преимущества СК прямо сказано: «Конечно, совершенствование брони и увеличение дальности артиллерийского боя делали скорострелки среднего калибра все менее и менее эффективными, но к столь революционному шагу, как отказ от них в пользу увеличения числа тяжёлых орудий, кораблестроители ещё не были готовы». А эти корабли были практически современниками построенных для Японии броненосцев. И как пример, в этой же работе приводится американский «Нью Джерси», у которого часть СК, причем разнокалиберного, была в башнях, а часть в казематах на батарейной палубе. Или итальянский «Бенедетто Брин», у которого так же разнокалиберный СК в казематах. И уж можно упомянуть французские броненосцы с их размещением даже СК в одноорудийных башнях. Как и английские «Кинг Эдуарды», у которых было вообще два калибра СК, 234 мм и 152 мм или более поздние «Нельсоны». В этих примерах как то не проглядывается обоснованный автором тезис о предпочтении казематного размещения над башенным. Идея однокалиберности не приняла ещё тогда всеобщее понимание, кроме теории у действительно незаурядных личностей и то в части ГК, и вот увеличивали СК в своём «не понимании». Но как это сказалось в боях Русско-японской войны, автор так же преподносит очень своеобразно.

Здесь сразу отметим, что концепция автора создания и применения броненосцев «Пересвет», которые создавались для задач крейсерской войны и обеспечения боевой устойчивости того же «Громобоя» и иже с ним, как констатация их слабости на фоне «Асахи», не может быть принята, и это заведомо ложный посыл. «Пересветы» использовались в тех условиях, на которые они просто не были рас-

считаны. Но вот переходим непосредственно к варианту схемы размещения СК, и так как у автора идёт первым «Ретвизан», с него и начнём.

Рассмотрим тезис: «Идея, заложенная в техническое задание для ЭБР проекта 1898 г. и отдававшая предпочтение казематному расположению орудий СК, была, по моему (автора «исследования») мнению, весьма рациональной». Поскольку автор приводит это в отношении ЭБР «Ретвизан» и в качестве источника своих доводов ссылается на воспоминания Э.Н. Щенсновича, командира «Ретвизана», но делает это так же странно и своеобразно. В самой работе, воспоминаниях, особо технических сведений по проектированию и каких либо идей не содержится, а вот в Приложении приводится Предварительная спецификация к договору на постройку корабля (Щенснович, 1999. С. 71). И вот что там содержится в части вооружения корабля:

«Приспособления должны быть сделаны с тем, чтобы возможно было принять следующую артиллерию, артиллерийские запасы и минное вооружение: 4 – 12-дюймовых орудий в 40 калибров, в закрытых, цилиндрических вращающихся башнях; возвышение орудийных осей над ватерлинией при углублении в 25 футов должно быть: у двух носовых 12-дюймовых орудий не менее 27 футов, у двух кормовых 12-дюймовых орудий может быть меньше, но с условием, чтобы в части кормы, находящейся выше ватерлинии, можно было устроить две палубы для помещения людей. 12 – 6-дюймовых орудий, в 45 калибров, защищенных броней, в отдельных казематах, если не все, как было бы желательно, то, по крайней мере, большая их часть». Так как было отмечено, СК уже во флоте США размещался.

То есть, не исключалось размещение части СК в орудийных башнях. То есть, Морское ведомство не отказывалось от размещения СК в башнях в проекте «Ретвизана» и можно предположить (вот тут надо изучать архивы), что выбор преимущественной схемы для СК отдавался на рассмотрение фирмы-строителя. Тогда каким образом, на каких расчетах автор признает рациональность размещения орудий СК в казематах? Никаких цифр, подтверждающих или опровергающих применение рассматриваемых схем, ни расчетов, ни источников автор не приводит, ни здесь, ни далее по статье. А между тем, схема броненосца с размещением орудий ГК в башнях, а орудий СК в казематах активно продвигалась Бал-

тийским заводом, строившим «Пересветы» (в проекте). Завод долго разрабатывал такую схему, подготавливал под неё схему бронирования. И в последствие, идеи завода нашли воплощение уже в самом «Ретвизане», строитель которого Чарльз Крамп использовал предоставленные ему Морским ведомством чертежи броненосцев «Пересвет» и «Потёмкин». В свою очередь строитель «Потёмкина» А.Э. Шотт учитывал и использовал чертежи «Пересвета» при разработке проекта «Потёмкина» (Мельников, 1980. С. 15). При наличии такой преемственности в отечественных проектах, на Балтийском море серийно (5 единиц) начали строить броненосцы типа «Бородино» по чертежам «Цесаревича».

И только при рассмотрении проекта «Цесаревича» автор привёл-таки сильный довод в отказе от башенного размещения СК: «как более трудозатратного и дорого в изготовлении и эксплуатации, и должно было рассматриваться в последнюю очередь». А цифры, подтверждающие этот довод, автор опять пропустил. Ну, что ж, давайте посчитаем: стоимость «Ретвизана» – от 8 268 840 руб. (Балакин, 2005. С. 15) до 12 211 440 руб. (при потонной стоимости «Ретвизана» 984 руб.); «Цесаревич» – 11,355 млн руб. (Мельников, 2000. С. 7); «Полтавы» от 9 225 309 руб. до 10,05 млн руб.; «Пересвет» – 10,54 млн руб.; тип «Бородино» – от 13,841 млн руб. до 14,573 млн руб.; для сравнения «Громобой» – 10 млн руб.; «Баян» – 7,5–7,6 млн руб.

То есть стоимость кораблей с башенным размещением СК не была много дороже остальных. А вот как раз боевая устойчивость такого корабля, была выше (к этому обоснованию ещё вернёмся). Ну а тезис «трудозатратность» автор вообще никак не раскрывает, потому что вообще не понимает, что означает это слово. Потому что с развитием производственной базы судостроительных и смежных предприятий она-то и снижалась. Таким образом, ни стоимость, ни трудозатратность, как и последующая эксплуатация не могут быть приняты в обоснование авторских доводов.

В сравнении недостатков башен автор выдвигает тезис «отсутствие намёка на унификацию установок (башенных СК), по причине их изготовления Металлическим и Путиловским заводами. Башни даже внутри «серийных» изделий одного завода были не взаимозаменяемы, практически штучного производства». Считаем: 5 кораблей типа «Бороди-

но» по 6 башен – 30; 4 крейсера типа «Богатырь» по 2 башни – 8. Итого 38 башен. По одному проекту. Какое «штучное» производство? При этом Р.М. Мельников в работе «Крейсер «Очаков» прямо указывает, что «конструкция и бронирование башен соответствовали проекту Металлического завода, разработанному для броненосцев типа «Бородино» (Мельников, 1986. С. 85); таким образом, предложение Балтийского завода обладало очень важным преимуществом – позволяло организовать серийную поставку столь важных и сложных изделий, как башни». Вот если Д.Ю. Пустозёров приводит в качестве источников Р.М. Мельникова, то необходимо рекомендовать более тщательное их изучение. При этом для ускорения постройки «Очакова» первые две башни Обуховского завода были запрошены для него: «главный командир Черноморского флота Н.И. Скрыдлов просил ГУКиС первые же две башенные установки, изготовленные Обуховским заводом, передать именно на «Очаков». Ну, в итоге их установили на «Олег». Постановка вопроса Д.Ю. Пустозеровым в его оригинальной формулировке очень характерна, так как нет ответственности за представляемые сведения. Говори, что вздумается, можно и неверные сведения приводить. Но так нельзя относиться к читателям.

И как завершение в этой части, с чего вдруг показательным стало именно Цусимское сражение в сравнении японских (английских) и русских броненосцев? Обратим особое внимание, что именно Цусимское. Никакое другое, ни сражение в Жёлтом море, ни у м. Коронель, ни Фолклендское, ни Ютландское. Опять на авторских ощущениях констатация. Без аргументов. Русско-японская война была, своего рода генеральной репетицией, а Первая мировая уже премьерой морских вооружений. Потому что опыт первой изучался всеми очень тщательно.

Теперь разберём приводимые достоинства и недостатки казематного и башенного размещения СК. Как можно оценить тезис «в бой можно идти, приведя в порядок только орудие и подачу, пробойны в броне каземата практически не влияют на боеспособность»? Зачем вообще тогда заморачиваться на ремонт, и ходили бы все так, с дырами в борту, ни на что же это не влияет. Волны в 4–8 метров пусть заливают каземат, какая разница. Рассмотрение тезиса в отношении казематного расположения артиллерии, что у них «более высокая живучесть.

Первоначально, с этим все понятно: один удачный снаряд в башню мог выводить из строя сразу все башенные орудия, а при всем желании, более одного, при попадании в одиночный каземат, уничтожить практически не возможно». А если такой удачный снаряд прилетит в каземат (как это и случилось)? И автор далее приводит в качестве примера повреждения «Микасы» в Цусимском сражении (причём, обратим внимание, именно в Цусиме, сражение в Жёлтом море автор не приводит и не анализирует), данные Кэмпбеллом, попадания 4 снарядов в него и отметив незначительность повреждений. При этом правда, отмечает слабое действие русских снарядов в Цусиме. Если автор попытался бы рассчитать возможный урон от снарядов должного качества, то получил бы какой-то вывод о том, каков был характер повреждений, и вот это было бы ценно. При этом автор не раскрывает саму конструкцию каземата СК на «Микасе», состоящей из единой батареи и размещения в ней большей части 152 мм орудий. В бою в Жёлтом море 28 июля 1904 г. «Микаса» получил достаточно серьёзные повреждения, при этом уже для самой идеи сравнения, отметим попадания в каземат или близко с ним (по открытым источникам, в переводе с японского) и полученные при этом повреждения. Вот тут действительно необходимо изучение японских первоисточников, которые, кстати, многое из событий тех лет описывают не в полной мере:

1. 19.30, 254-мм тяжёлый снаряд разорвался при попадании в 152-мм броню под орудийным портом 152-мм орудия № 14 (кормовое орудие левого борта на средней палубе), ближе к задней кромке брони. Броневая плита в месте попадания была смещена примерно на 100 мм. В результате повреждения броневой плиты орудие не могло стрелять на 20 и более градусов в корму от траверза (угол обстрела орудия – 90 градусов в корму от траверза, 30 градусов в нос от траверза). Осколками снаряда был разбит телескопический прицел, сделаны выбоины на нижней части ствола орудия, пробита обшивка борта в корму от каземата. Три человека прислуги получили ранения, из них один – тяжёлые.

2. Крупнокалиберный (254 мм) снаряд попал в нижнюю кромку верхнего 152-мм броневое пояса под 152-мм орудием № 14, примерно на 2 фута выше ватерлинии. Броневой пояс был пробит (пробой-

на диаметром 300 мм, плита вогнута (максимальная глубина вмятины около 60 мм, диаметр – 1,75 м).

3. 19.40–19.50 75-мм снаряд пробил среднюю палубу над казематом 152-мм орудия № 10 и разорвался в каземате, причём в каземате были ранены 5 человек из расчётов орудий № 10 и № 9. И это снаряд калибра 75 мм. Альтернативную историю городить не будем, что будь снаряд крупнее, то было бы вот так, но это характеризует концепцию автора «исследования».

При этом концентрация попаданий в «Микасу» в основном в носовую и кормовую часть, что характеризует взаимное маневрирование в бою русского и японского отрядов, на больших ходах на параллельных и потом встречных курсах. При этом анализ попаданий характеризует как раз значимость СК в распределении попаданий, так как обращает на себя внимание небольшое число попаданий 152-мм снарядами. И низкую точность не отнести на поломки подъёмных механизмов или отсутствие оптических прицелов русских кораблей. Возможно, высокая концентрация огня по «Микасе» в первый час второй фазы и проблемы с корректировкой стрельбы сказались в первую очередь на точности среднего калибра, что и подвигло (как гипотеза) в свою очередь ускорить работы по созданию «Дредноута» и его постройку (начат постройкой 2 октября 1905 г., но по сведениям С.Е. Виноградова едва ли не в апреле 1905 г., т. е. до Цусимского сражения), так как корректировка огня среди всплесков снарядов разного калибра затрудняется. И такое небольшое рассмотрение имеющихся сведений опровергает довод автора, размещённый им в самом начале «исследования», что до появления кораблей дредноутного типа средний калибр стал главным на кораблях. По количеству построенных кораблей с «главным» средним СК как то это не подтверждается. А через буквально два-три года такие корабли вообще ушли во вторую или третью боевую линию. Автором данный исторический факт не приводится.

Но дополним наши рассуждения ещё одним примером из не такого далёкого будущего (по отношению к 1904–1905 гг.) и приведём пример повреждений английского линкора «Малайя» в Ютландском бою, когда в её каземат 152 мм орудий попали два 305 мм снаряда и вывели из строя одно орудие правого борта, что вызвало пожар боезапаса, выведший в свою очередь из строя уже всю ба-

тарею вместе с прислугой. Но этот факт так же не прокомментирован автором. Поэтому вернёмся к повреждениям «Цесаревича» в части СК в бою в Жёлтом море:

1. Левая кормовая башня среднего калибра – разрыв между амбразурами чуть ниже орудий, не вызвавших существенных повреждений.

При этом «Цесаревич» получил 12–14 попаданий снарядами крупного, и еще 10 – среднего калибра. При этом ни разу не была пробита даже самая тонкая броня, не вышло из строя ни одно орудие, единственное подводное повреждение какой-либо опасности не представляло.

Рассмотрим броненосцы типа «Полтава», у которых и было смешанное размещение СК, 8 в башнях и 4 в среднем каземате. И в этом отношении прямо указывается, что оценить эффективность защиты каземата не представляется возможным, из-за отсутствия за всю войну попаданий в них (Сулига, 1993. С. 6).

Каким образом это подтверждает авторское «исследование» преимущества каземата над башнями?

Далее, автор отмечает как недостаток «высоко расположенный над водой дополнительный вес орудийных башен, снижающий остойчивость корабля». Уже ясно, что автор не понимает теорию корабля. Действительно, после катастрофы броненосца «Кэптен» (Кофман, 1991) были опасения в части высокого размещения бронированных башен. Но обстоятельства катастрофы «Кэптена» и причины (совмещение тяжёлых треногих мачт с парусами и башен при сильно зауженном корпусе и низком борте) были известны. Поэтому и стали проектировать корабли соответственно без мачт с парусным вооружением и высоким надводным бортом. Тот же «Девастейшен» (там же). Башни – это не дополнительная масса, они учитываются в расчёте весов корабля. Вот если бы над башнями поставили дополнительные башни (или что подобное), тогда и шла бы речь об уменьшении остойчивости корабля из-за дополнительного верхнего веса. Как, например, при проведении модернизации кораблей в ходе 2МВ ставили дополнительное вооружение и оборудование на верхнюю палубу и надстройки. И приходилось принимать меры к обеспечению остойчивости кораблей различными способами, часто через добавление бортовых булей.

Если говорить о кораблях не только ведущих стран, но и, к примеру, южноамериканских, то речь пойдет о достаточно знаменитом своей боевой карьерой чилийском броненосце «Капитан Пратт». В 1889 году чилийский броненосец был заложен на верфи Forges et Chantiers de la Méditerranée, по проекту А. Лаганя (будущего создателя «Цесаревича», к которому и прошёл путь от «Пратта» через «Жорегибери»), был спущен на воду 20 декабря 1890 года, передан чилийскому флоту в 1891 году и прибыл в Чили в мае 1893 года. В рамках наших исследований «Капитан Пратт» интересен тем, что удачным оказалась установка восьми 120-мм скорострелок в спаренных башнях с большими углами обстрела, получившая проверку в реальных боях (Кофман, 1992).

В заключение следует отметить приведённую автором модернизацию трофейного «Орла»/ «Ивами», доставшегося Японии после Цусимского боя, с демонтажом 6-дюймовых башен и установку вместо них 6 орудий 203-мм в казематах. Можно предположить, что это сделано как подтверждение верности авторского обоснования казематной схемы над башенной. При этом, рассматривая бронирование казематов «Орла» / «Ивами» после переоборудования, можно отметить следующее.

Четыре установленных ближе к оконечностям орудия получили полноценное бронирование, в то время как два орудия в середине корпуса бронёй не прикрывались. Для концевых орудий оборудовали индивидуальные бронированные казематы, подобные по форме и конструкции аналогичным помещениям для 6-дюймовых орудий на японских линкорах и броненосных крейсерах английской постройки. Эти казематы бронировались вертикальными плитами толщиной в 152 мм наружными и внутренними 76 мм. Средние 8-дюймовые орудия были лишены какой-либо защиты, не считая 76-мм кольцевых броневых щитов самих установок (здесь и далее). Таки образом, выведение бронирования казематов на «стандартный» уровень предыдущих проектов японцами не выдерживался, что косвенно не подтверждает идею автора. В свою очередь корабельный инженер В.П. Костенко, который на «Орле» участвовал в Цусимском сражении и на собственном опыте приобрёл тот бесценный материал в части важности бронирования кораблей, предложил проект модернизации «Славы» с заменой 75 мм и 152 мм на 8 120 мм в бортовых установках и

8 203 мм орудиями в орудийных башнях. И второе, в части не понятного сравнения боя «Славы» и линкоров Германии в Моонзундском сражении 1917 г. и понесённым ею повреждениях. Сравнить корабль уровня 1903 г. и линкор конструкции 1912 г. в принципе нельзя, это бессмысленно. При меньшей силе русских 12" орудий и более слабом уровне бронирования, русские корабли («Слава» и «Цесаревич»/«Гражданин», в сущности броненосцев), стоявшие на два поколения позади от линкоров типа «Кёнинг», противостоять им не могли в принципе.

Какое обоснование идеи автора приведённый пример модернизации «Орла»/ «Ивами» подтверждает в части преимуществ казематного расположения СК? Это ставит финальную точку в исследовании проблемы, которая сформулирована Д.Ю. Пустозёровым, чтобы сделать какие то выводы.

С точки зрения метода научного исследования, работы, связанные с изучением вопросов подобного уровня и задач, издаются на точных исторических сведениях, архивном материале, с использованием расчётных данных и их сравнении, которые подтверждают или нет заявленные в работе цели. Имеющихся источников по поставленной автором проблеме вполне достаточно. Дело за их анализом и расчётами и анализом результатов. При оценке броневой защиты можно было произвести расчёт по формуле Жакоб-Де-Мара, известной ещё с XIX века и применяемой для расчёта пробития брони снарядами. Калькулятор можно найти по адресу (Калькулятор расчёта бронепробития снарядов)⁶ или предложить свою методику. То есть, количественно оценить и подтвердить свои доводы. Но в работе автора этого не сделано. Точно так же нельзя делать серьёзные, в принципе, утверждения о том, что вопрос не рассматривался не только в наше время исследователями, но и в те времена, и получается, что выбор схемы размещения СК принимался как отвлёчёрный вопрос. И здесь можно привести обоснование, имевшее место уже к концу 1860-х годов XIX столетия, что «Башенная система установки орудий – вот наследство, оставленное миру этим сражением («Монитора» и «Меримака»), но принята не система Эриксона на центральном штыре, а система

⁶ Калькулятор расчёта бронепробития снарядов. URL: https://wiki.warthunder.ru/jacob_de_marre (Дата обращения 01.02.2025).

Кольза на погонах. Система эта в виде башни или барбета теперь повсеместно принята для тяжелых орудий; она дает большой угол обстрела при наименьшей толщине брони и наибольшей степени защиты орудийной прислуги и механизмов для заряжания (Вильсон, 2003. С. 23). Но так получалось, что в вопросах внедрения нового на флоте косность имела место не только в русском Морском ведомстве, но и в английском адмиралтействе. Например, расположенные 152 мм орудия в батарее на главной палубе на броненосцах типа «Кинг Эдуард VII», возвышались над водой на уровне 3,9 м. Поскольку в то время им так же отводилась роль ведения боя с такими же броненосцами, то использовать их в условиях волнения не всегда представлялось возможным. Такое расположение применялось и на

предыдущих проектах броненосцев (Балакин, 2002. С. 7). Традиция, своего рода.

И в заключение можно сделать вывод, что по своим личным причинам пишущий человек попадает в условия, когда «Человек Разумный» превращается в «Человека Дерзкого», который в погоне за количеством рациональной и эмоциональной информации теряет в её качестве» (А. и Б. Стругацкие «Волны гасят ветер»). Автор, вообще любой, не обязательно автор рассматриваемого исследования, несёт ответственность перед теми, до кого он доводит свои мысли. В противном случае использование приведённой им информации может дать негативный результат. Только добросовестное отношение автора к своей работе и, как следствие, к читателям в изложении достоверных и подтверждённых данных обуславливает ценность его работы.

Список источников

- Афонин Н.Н., Кузнецов Л.А. Линейный корабль «Андрей Первозванный». СПб. : Гангут. 1996. 39 с.
- Балакин С.А. Броненосцы типа «Кинг Эдуард VII» // Морская коллекция. 2002. № 3 (45). 32 с.
- Балакин С.А. Эскадренный броненосец «Ретвизан». М. : Коллекция : Яуза : ЭКСМО, 2005. 108 с.
- Веселов П. Проект «All-big-gun» 1884 // Техника-Молодёжи. 1972. № 7. С. 44–46.
- Вильсон Х. Броненосцы в бою : 1855–1895. М. : Издательство : ЭКСМО. 2003. 783 с.
- Виноградов С.Е. Линейный корабль «Дредноут» // Морская коллекция. 1996. № 6. 32 с.
- Виноградов С.Е. Броненосец «Слава» : Непобежденный герой Моонзунда. М. : Яуза. 2011. 175 с.
- Глазов. Последние успехи английского флота в деле стрельбы из орудий // Морской Сборник. 1902. Т. 310. № 5. Май. С. 175–178.
- Грибовский В.Ю. Эскадренный броненосец «Бородино». СПб. : Гангут, 1995. 40 с.
- Ковман В. Мониторы выходят в море // Моделист-Конструктор. 1991. № 10. С. 29–32.
- Ковман В. Роковой апрель «Аквидабана» // Моделист-Конструктор. 1992. № 9. С. 17–18 с.
- Мельников Р.М. Броненосец «Потёмкин». Л. : Судостроение, 1980. 287 с.
- Мельников Р.М. Крейсер «Очаков». Л. : Судостроение, 1986. 256 с.
- Мельников Р.М. «Цесаревич». СПб. : Истфлот, 2000. Ч. 1. Эскадренный броненосец, 1899–1906. 136 с.
- Смирнов Г.В. Корабли и сражения. М. : Дет. лит, 1987. 175 с.
- Сулига С.В. Броненосцы типа «Полтава». М. : Изд. журн. «Техника-Молодёжи». 1993. 32 с.

References

- Afonin N.N., Kuznetsov L.A. (1996) Line ship “Andrey Pervozvanny”. St. Petersburg: Gangut. 39 p. (In Russ.).
- Balakin S.A. (2002) Squadron battleship “King Edward VII”. Marine Collection. No. 3 (45). 32 p. (In Russ.).
- Balakin S.A. (2005) Squadron battleship “Retvizan”. Moscow: Kolleksiya; Yauza; EKSMO. 108 p. (In Russ.).
- Veselov P. (1972) Project “All-big-gun” 1884. Technica-Youth. No. 7. P. 44-46. (In Russ.).
- Wil’son X. (2003) Battleships in battle: 1855-1895. Moscow: Izografus, EKSMO. 783 p. (In Russ.).
- Vinogradov S.E. (1996) Linear ship “Dreadnought”. Marine Collection. No. 6. 32 p. (In Russ.).
- Vinogradov S.E. (2011) Battleship “Slava”. Undeclared hero of Moonsund. Moscow: Yauza. 175 p. (In Russ.).
- Glazov. (1902) The Last Successes of the English Fleet in the Firing of Guns. Marine Collection. Vol. 310. No. 5. May. P. 175-178. (In Russ.).
- Gribovskii V.Yu. (1995) Squadron battleship “Borodino”. St. Petersburg: Gangut. 40 p. (In Russ.).
- Kofman V. (1991) Monitors go to sea. Modelist-Konstruktor. No. 10. P. 29-32. (In Russ.).
- Kofman V. (1992) Fatal April “Aquidaban”. Modelist-Konstruktor. No. 9. P. 17-18. (In Russ.).
- Mel’nikov R.M. (1980) Battleship “Potemkin”. Leningrad: Sudostroenie. 287 p. (In Russ.).
- Mel’nikov R.M. (1986) Cruiser “Ochakov”. Leningrad: Sudostroenie. 256 p. (In Russ.).
- Mel’nikov R.M. (2000) “Tsesarevich”. St. Petersburg: Istflot. Pt. 1. Squadron Battleship, 1899–1906. 136 p. (In Russ.).
- Smirnov G.V. (1987) Ships and battles. Moscow: Det. Lit. 175 p. (In Russ.).
- Suliga S.V. (1993) Battleships of “Poltava” type. Moscow: Technika-Molodezhi. 32 p. (In Russ.).

Сулига С.В. Линейные корабли «Ришелье» и «Жан Бар». СПб. : Цитадель, 1996. 46 с.

Сулига С.В. Линкоры типа «Шарнхорст» // Морская коллекция. 2002. № 1. 75 с.

Широкопад А.Б. Корабельная артиллерия Российского флота 1867–1922 // Морская коллекция. 1997. № 2. 40 с.

Щенснович Э.Н. Плавание эскадренного броненосца «Ретвизан». 1902–1904 гг. СПб. : Изд-во альманаха «Цитадель», Галея-Принт, 1999. 75 с.

Якимович Д.Б. Броненосцы типа «Редутабль» // Морская коллекция. 2012. № 2. 32 с.

Suliga S.V. (1996) Battleships “Richelieu” and “Jean Bar”. St. Petersburg: Tsitadel'. 46 p. (In Russ.).

Suliga S.V. (2002) Battleships of “Scharnhorst” type. Marine Collection. No. 1. 75 p. (In Russ.).

Shirokorad A.B. (1997) Ship Artillery of the Russian Navy 1867-1922. Marine Collection. No. 2. 40 p. (In Russ.).

Schensnovich E.N. (1999) Voyages of the battleship “Retvizan”. 1902-1904 years. Citadel St. Petersburg: “Tsitadel’”; Galeya-Print. 75 p. (In Russ.).

Yakimovich D.B. (2012) Battleships of the type “Redoubtable”. Maritime Collection. No. 2. 32 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Хромов Константин Викторович,
независимый исследователь,
354000, г. Сочи, ул. Московская, 20, Россия,
e-mail: neocatapult@mail.ru

Information about the author

Konstantin V. Khromov,
Independent researcher,
20, Moscow St., Sochi 354000, Russia,
e-mail: neocatapult@mail.ru

Вклад автора

Хромов К.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Khromov K.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23 января 2025 г.; одобрена после рецензирования 20 февраля 2025 г.; принята к публикации 10 марта 2025 г.

Article info

The article was submitted January 23, 2025; approved after reviewing February 20, 2025; accepted for publication March 10, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(57).084.9
EDN: KAXLXM
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-97-107>

«Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие

А.В. Прокопьева

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье проведен анализ различных факторов адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии. Переселенцы были разных национальностей и религий, а объединяло их трудолюбие, свобода действий, любовь к земле. В Сибирь ехали, как правило, крестьяне со средним достатком, при этом, готовые много работать, чтобы получить хороший урожай. Данная реформа положительное влияние оказала на геополитическое состояние России, потому что сибиряки в годы Великой Отечественной войны проявили силу, отвагу и патриотизм как в самих сражениях, так и в тылу. К этому периоду выросли и дети переселенцев, которые пошли в Красную армию, однако голендров брали только в трудовую армию. Причины таких различий представлены в исследовании. Информаторы помогли описать положительный и отрицательный опыт их родственников в суровых климатических условиях Восточной Сибири. Кроме этого, представлена информация об особенностях строительства домов первых переселенцев, религиозных отличиях в сравнении со старожилами, культуре и духовной жизни голендров, белорусов и поляков, которые жили и до сих пор проживают в известных селах Иркутской области: Пихтинск, Тургеневка и Вершина. Анализ проведен как научных статей, так и интервью с информаторами в этих населенных пунктах, а также статей исследователей. Автор сделал вывод о том, что «переселенцы» не планируют уезжать из своих уже родных сибирских мест, наоборот, в разные периоды, молодежь готова жить и трудиться в сельской местности при условии наличия работы и жилья.

Ключевые слова: сельское хозяйство, переселенцы, голендры, поляки, белорусы, колхозы, трудовая деятельность, дома, духовная жизнь

Для цитирования: Прокопьева А.В. «Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 97–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-97-107. EDN: KAXLXM.

History

Original article

“Adjusting to Siberian life”: the historical experience of adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province and its contemporary legacy

Anna V. Prokopieva

The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. This article analyzes various factors affecting the adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province. The settlers were of various nationalities and religions, but they shared a spirit of hard work, freedom of action, and love for the land. Those who went to Siberia were typically peasants of average income, yet willing to work hard to achieve a good harvest. This reform had a positive impact on Russia's geopolitical situation, as Siberians demonstrated strength, courage, and patriotism during the Great Patriotic War, both in battle and on the home front. By this time, the children of the settlers had also grown up and joined the Red Army; however, the Golendry (Golden peasants) were recruited only into the labor army. The reasons for these differences are presented in the study. Informants helped to describe the positive and negative experiences of their relatives in the harsh climatic conditions of Eastern Siberia. Additionally, information is provided on the construction practices of the first settlers, particularly on differences with older settlers, as well as the culture and spiritual life of the Golendres (Dutch), Belarusian, and Polish peoples who

are still alive and residing in the well-known villages of Pikhtinsk, Turgenevka, and Vershina in the Irkutsk region. The analysis was conducted in both scholarly articles and interviews with informants in these villages, as well as in articles dedicated to the research. The author concluded that the "settlers" do not plan to leave their already native Siberian places; on the contrary, at various times, young people are ready to live and work in rural areas, provided that work and housing are available.

Keywords: agriculture, settlers, Dutch, Poles, Belarusians, collective farms, labor activity, houses, spiritual life

For citation: Prokopyeva A.V. (2025) "Adjusting to Siberian life": the historical experience of adaptation of peasant settlers in the Irkutsk province and its contemporary legacy. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 97-107. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-97-107. EDN: KAXLXM.

Цель данной статьи – провести краткий обзор научных выводов (представленных как в печатных изданиях, так и электронных ресурсах) об организации и историческом значении крестьянского переселения в Сибирь в начале XX века и ввести в научный оборот ключевые данные устных бесед лета 2025 г. с потомками переселенцев.

Столыпинское переселение – это период с 1906 года по 1917 год, когда в полной мере действовали инициативы П.А. Столыпина в аграрном вопросе страны. Он был уверен, что единоличная крестьянская собственность приведёт к подъёму сельского хозяйства (Рогачевская, Новикова, 2011. С. 184) и послужит «залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве». Однако в Сибири имперские власти сознательно сохраняли государственную собственность на землю, рассматривая крестьян как ее наследственных арендаторов. При этом государство содействовало переселению, активно и на регулярной основе шло соответствующее информирование (Российские реформаторы, 1995. С. 266). Например, выпускались брошюры с ценами в Сибири: стоимость коровы, лошади, условиях получения ссуд, информация о выставках, свободных местах на складах, а также прокатных пунктах. Кроме этого, был представлен обзор сельскохозяйственной жизни в Иркутской губернии «озимая рожь составляла 28,1 %; яровая рожь – 25,2 %; пшеница – 12,5 %; ячмень – 6,5 %; овес – 22,5 %; картофель – 2,5 %; прочие хлеба – 2,7 % (Черных, 1923. С. 20).

Государственная власть инициировала основание новых поселений. В них параллельно, насколько это было возможно, развивали инфраструктуру (церкви, школы, детские сады, больницы и пр.). Кроме этого, проводились исследования, направленные на изучение земельных угодий, состава почвы, флоры и фауны в Сибири. Для пересе-

ленцев были предусмотрены пособия, для каждой территории своя сумма. Так, если переселенец желал остановиться у железной дороги, то выплата на семью составляла 120 рублей. Если речь идёт об отдалённых районах, например, верховьях Лены, то размер пособия составлял 250 рублей (Прокопьева, 2016. С. 89). Кроме того, проводилась инвентаризация земель, у старожилов изымались излишки, создавались новые душевые наделы. Например, исследования «подтверждают полную пригодность этих земель для заселения и констатируют наличие среди них обширных еланей и открытых мест» (Успенский, 1907. С. 19).

Иркутская губерния воспринималась как лесная местность, поэтому поощрялось переселение из лесных территорий Смоленской губернии, Восточной Белоруссии, Могилевской, Гомельской, Витебской губерний. Необходимо отметить, что сначала в Сибирь отправляли ходаков (Дмитриев, 2020. С. 211). Они, как уполномоченные группы переселенцев, осматривали варианты заселения. Если место нравилось, то ходак вписывал душевые доли. После окончания Русско-японской войны Сибирь становится важным геополитическим фактором. Крестьяне стали проводниками имперской государственной политики. Сибирь – это запас настоящих и будущих защитников Родины, трудовой силы и мощи (Зобов, 1993. С. 22).

Для переселенцев Сибирь была испытанием. В 1889 г. был принят закон, который облегчал процесс переселения в Сибирь, однако на деле получилось, что люди приезжали на заросшие лесом участки, жили в землянках, пока обрабатывали территорию и строили дома. В дом заезжали в лучшем случае через два года после переселения. Денежной помощи, что выделяло государство, было недостаточно, поэтому положение семей оставалось тяжелым. При этом движение в Сибирь не заканчивалось, а наоборот росло, потому что в

1897 году был зарегистрирован «избыток» населения в европейской части страны на 35 %. Ехали за Урал, как правило, крестьяне со средним достатком. Они не боялись рисковать, умели много и продуктивно работать, однако в родной стороне не могли улучшить свое положение (Пьянков, Михалев, 2015. С. 44).

На государственном уровне формировались отделы, которые отвечали за бесплатное питание, медицинский осмотр переселенцев. На Сибирь выделяли 3 000 000 душевых долей, а на Якутию 6 000 000 душевых долей. По данным статистики, в Сибири на 1926 год проживало 5 000 000 населения и, примерно, столько же за период с 1906 года по 1914 год отправлено переселенцев. Наиболее привлекательными были: южная часть Томской губернии, Минусинская котловина в Енисейской губернии, южные районы Иркутской губернии. Так, из 3 054 000 переселенцев, которые приехали в Сибирь к 1913 г., порядка 2 млн чел. приходилось на западносибирский регион. Половина из них поселилась в Томской губернии (Пахомчик, Фракин, 2009. С. 34).

Называли населенные пункты сами чиновники, акцент делали на литературную тематику. Например, участок Шевченко, Короленко, Пушкинский, Тургеневский. В ходу были библейские названия, встречались названия из греческой мифологии. Необходимо отметить, что государство не принуждало, а всячески помогало крестьянам совершенствоваться в аграрной сфере. Это был осмысленный путь крестьян в освоении новых территорий. На западе крестьянин имел 5 га, а в Сибири в 8–12 раз больше. Например, в Нижнеудинском уезде, чье население с 1896 по 1914 гг. увеличилось как минимум в два раза, производительность выросла в 1,5 раза. Здесь рождались знаменитые воины-сибиряки, которые в годы Великой Отечественной войны станут надежной защитой СССР (Матвеев, 2018а. С. 129).

Старожилы по-разному встречали переселенцев. Об этом периоде описано в интервью Елены Новиковой¹, а также в научной статье А.К. Кириллова (Кириллов, 2019. С. 629). Итогом

знакомства новоселов и старожилов был обмен опытом. Так, переселенцы повлияли на развитие маслоделия, посева льна, сахарное производство (Лебедев, 1930. С. 7).

Значительные изменения в переселенческом деле начались с начала строительства железной дороги в Сибири. Рабочих не хватало, поэтому Западную часть страны мотивировали на переезд в Сибирь. Крестьяне со своими семьями шли за идеями, высокими пособиями и свободой. Была налажена относительно полная регистрация переселенцев, ходяков и обратников (Моисеенко, 2015. С. 89). Кроме этого, в строительстве железной дороги принимали участие солдаты, казаки, ссыльные. Так, если в 1891 году на этом направлении работало 9 600 человек, то в 1895–1897 годах трудилось уже 89 000 человек. Но на заключительном этапе строительства в 1904 году осталось только 5 300 человек².

Переселенцы наполнили Сибирь разными нациями и религиями. Крестьяне одной национальности старались селиться ближе друг к другу, чтобы сохранять свою культуру и обычаи. Постепенно они приспосабливались к особенностям сурового климата. Делились опытом между собой и с местными жителями. Старожилы вспоминают совместные праздники, трудовые будни, дни, когда плечом к плечу встали на защиту страны от врага в военные годы, затем проживали период совместного горевания потерь родных и друзей, а потом и великого восстановления страны после разрушений фашистами (Новиков, 2014. С. 36).

В период реализации столыпинской аграрной реформы в Иркутскую губернию прибывали голландцы – потомки голландских колонистов, мигрировавших в Восточную Европу в Средние века. Согласно распространенной точке зрения, данная этноконфессиональная группа обособилась в эпоху религиозных конфликтов, что обусловило формирование их уникальной социокультурной идентичности.

Голландцы имели немецкие имена и фамилии, изначально говорили на смеси украинского и белорусского языков, песни до сих пор поют на польском, а свои религиозные обряды совершают при

¹ Переселенцы. Сто двадцать лет спустя. URL: <https://tyumedia.ru/232302.html> (дата обращения 10.06.2025).

² П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь URL: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2002_09/Rogachevskaya.htm (дата обращения 10.06.2025).

помощи «ксёнки» – свода молитв и правил, изданного еще в позапрошлом веке в Польше. В шестидесяти километрах от Заларей, в таёжной местности располагаются три населённых пункта, представляющие собой последнюю территорию компактного проживания голендров. В настоящее время совокупная численность населения Пихтинска, Среднепихтинска и Дагника составляет около 300 человек.³

Голендры, как и другие переселенцы, ехали в Сибирь из-за недостатка земли дома, невозможности прокормить семью. Их поддерживала надежда прочно устроиться в Сибири. «Земли там было мало, – рассказывает Густав Михайлович Кунц, – ни земли, ни покосов, все помещичье. Корову на веревке пасли. А в Сибири землю свободно давали. Земля плодородная, все растёт. Конечно, яблок и груш нет, но без этого жить можно, а хлеб и все остальное есть. И свободная земля – сколько хочешь бери, где хочешь стройся».

Отличительной чертой в строительстве домов голендров были дома-комплексы. Заходишь в ограду справа – хозяйственная часть, а слева – дом. Жилую часть всегда белили снаружи и внутри. Таким образом, из хозяйственной части можно было по закрытому коридору перейти в дом и так обратно, минуя улицу. Дом состоял из кухни, куморы (прихожей или гостиной) и хаты (комната для отдыха). Такие комплексы строили в довоенное время, а после войны стали строить стандартные дома, как в Сибири. Стайки двигали по огороду: до 1990-х они были в конце огорода, а потом стали двигать ближе к дому, потому что скот воровали. Все дома стояли хозяйственной частью к дороге. Ветер с севера был, поэтому такое строительство жилую часть защищало от ветра. Солнце встает в одни окна, далее оно движется, попадает в следующие окна, а потом в третьи окна. Солнце весь день освещало дом. Свет у голендров загорелся в 1968 году.

Река Тагна – это кормилица для многих жителей близлежащих населённых пунктов. В ней ловили хариуса, тайменя, ленка, ельца и щуку. Мужчины занимались охотой и рыбалкой. Село Хор-Тагна

больше было промысловым, а Пихтинск славился рыбалкой.

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны те, кого призывали в 1940 году на службу в Красную армию на западе СССР, участвовали в боях, а тех, кто служил на востоке, отчисляли из рядов Красной армии и направляли в трудовую армию. Туда же из деревень мобилизовали наиболее трудоспособных мужчин и женщин. Трудармейцы возвращались домой только в 1950-х годах. В послевоенный период пихтинские голендры могли стать октябрятами, пионерами, комсомольцами и затем переходили в коммунистическую партию. С этого времени они стали жить, как обычные сибиряки.

Из воспоминаний современных голендров, в трудовой армии парни знакомились с девушками и привозили их домой. Однако мамы были против такого выбора, молодые люди должны были жениться на «своих». В некоторых семьях мамы «невест с чужих мест» провожали обратно на Родину, а сыновья шли свататься к деревенским девушкам.

В Дагнике, во время Великой Отечественной войны, был колхоз «Мичурин», он в этот сложный период для всей страны тоже переживал не лучшее время, по словам старожил, он «существовал». В деревне была школа, работала учителем женщина с высшим образованием агронома. Даже из ближайших деревень привозили учеников к ней на занятия.

Позитивные воспоминания у голендров связаны с периодом 1950–1989 гг. В Дагнике было построено 20 новых домов. С 1910 года по 1917 год как построили свои первые дома, так строительство остановилось. Такая тенденция наблюдалась по всей Иркутской губернии (Матвеев, 2018b. С. 43). Новая волна началась в 1952 году, когда правительство снова уделило внимание аграрному сектору. В совхозах появилась современная техника. Соответственно, из городов вернулись парни, которые после школы пошли в армию и потом переехали в город из-за того, что в деревне не было работы и домов для создания своих семей.

Совхоз «Таежный» в этот период определил для себя кормозаготовительное направление. Готовили много сена, витаминно-травяной муки, силоса. Зимой готовили даже хвойную сечку, ее продавали в три ближайших района, вывозили из Пихтинска, начиная с ноября, заканчивали в марте.

³ Заблудившиеся в Сибири. URL: <https://travel.drom.ru/82218/> (дата обращения 10.06.2025).

Цена за эту «витаминку» была, как за комбикорм: 18 рублей за 1 кг. Кроме этого, производили конные сани в зимний период. Их делали из деревянных полозьев, по 120 рублей продавали, а себестоимость была 10–12 рублей. В совхозе платили за качественную работу, доплачивали сверхнорму, выплачивали 13-ю зарплату, предоставляли бесплатные квартиры.

В совхозе «Таежный» появилась работа, а также возможность решения жилищного вопроса: нарезали новые улицы, выделили брус. Чтобы ускорить строительство, стали собирать по соседним деревням срубы, тогда молодые специалисты могли в течение года построить дом и войти в него жить. Делаем вывод о том, что совхоз решал жилищный вопрос, поэтому молодежь охотно оставалась на селе и с радостью развивала здесь жизнь. Построили клуб, сельский совет, дорогу отремонтировали. Появилась дорога от Хор-Тагны до Пихтинска. Автобус стал возить учеников. Сначала один раз в неделю, тогда дети жили в интернате, а потом и каждый день. Решили вопрос с детским садом, парни стали привозить невест из других деревень и городов, родители уже были не против «чужих» невест.

Мужчинам работа в совхозе нашлась, а у женщин были только домашние хлопоты, тогда было решено открыть швейный цех – филиал фабрики г. Черемхова. Пятнадцать женщин сразу пошли работать. В планах была восьмилетняя школа, но ее не успели построить, СССР распался.

В начале 80-х все мелкие совхозы объединили в колхозы, стали сеять пшеницу, открыли молочную ферму. Была проведена оптимизация хозяйства, деревни голендров снова выросли, завезли новую технику: МТЗ, ГАЗ-53, ЗИЛ-130, комбайны, сушильный комплекс АВМ-0,65 для создания витаминной муки.

Начиная с 1950-х годов и до конца 1980-х директором совхоза «Таежный», а потом и колхоза был Григорий Михайлович Гайдуков. Он приехал к голендрам по направлению и эффективно решал задачи, поставленные перед ним руководством губернии. Благодаря ему появилась центральная усадьба (сельский совет) в Тагне. Открылись магазины во всех деревнях. Построили здание пекарни, сделали двухярусную печь, завезли оборудование. Но СССР распался и на этом развитие остановилось.

Самым известным пихтинским голендром считается Иван Зигмунтович Зелент. Иван Зигмунтович был комсомольцем, потом три года служил в армии, затем вернулся в Тулун и начал путь в политике – сначала Тулунского района, а потом и всей Иркутской области.

Люди являются не только двигателем хозяйственной деятельности в селе, но и проводниками духовной культуры. Духовная жизнь передавалась из поколения в поколение. Так, в деревне Пихтинск было сформировано лютеранское общество, сюда приезжал лютеранский пастор. В 1914 году хотели построить церковь, подготовили и в Иркутске утвердили документы, но началась Первая мировая война, и все это остановилось. Старожилы вспоминают, как в 1982 году стали строить клуб, пришел дедушка, старейшина села, и сказал: «Смотрите, место здесь священное, оно предназначалось для общества, и это время пришло». Он собирал людей, читали молитвы на польском языке. Сегодня читают на русском, потому что мало кто знает польский язык.

Кладбища голендров отличаются от других сибирских тем, что на могиле ставится крест в голову с одной перекладиной. Оградки стали делать только сейчас, раньше этого не было. До 1950-х годов на кресте писали на польском языке, а потом на русском. Поминки на кладбище не делали и соблюдают эту традицию до сих пор.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что голендры принесли в Иркутскую губернию свою лютеранскую веру, любовь к свободе, трудолюбие и уважение к старшим.

Еще одна деревня Иркутской губернии появилась в 1907 году, назвали ее Васильевкой, а в 1909 появилась деревня Тургеневка, в 1910 году – деревня Даниловка. В них стали жить и трудиться белорусы. Смысл ехать так далеко у них был: семье давали по 10 гектаров плодородной земли в Прибайкалье⁴. Обустраивались капитально, трудились тяжело. По архивным данным, белорусы заселили 124 участка только в Тулунском районе, им также выделили большие участки в Тайшетском, Куйтунском, Зиминском и Слюдянском районах. Кажется,

⁴ Первичные итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Вып. 5. Иркутск, 1921. С. 1–33.

совсем не было белорусов на севере Иркутской области: Мамско-Чуйский, Бодайбинский, Катангский районы⁵.

Белорусы строительство поселений начинали с плана. Улицы должны были быть широкими и ровными. Через каждые шесть домов формировали переулок, возле каждого дома строили палисадник, в котором обязательно сажали рябину. Стены домов строили из лафета, бревна, обтесанного со всех сторон (Миротворцев, 1923. С. 22). Для коренных жителей Сибири было странным, что белорусы покрывали крыши домов соломой. Они строили, как их учили отцы, которые жили в мягком, по сравнению с Сибирью, климате. Конек и карниз крыши делали из бруса, наносили на них резные узоры. Наличники тоже украшали резьбой, ворота чаще расписывали разными красками, могли менять рисунки каждый год. Декоративное украшение изб в деревнях началось благодаря белорусам, которые показали местным жителям это направление в оформлении своего жилища. Окна в избах выпиливали так, чтобы весь день ее освещало солнце и видно было калитку и людей, которые пришли. В каждой избе был погреб, который копали таким образом, чтобы по нему пройти до соседей. Во дворе рубили сараи и амбары, а ближе к реке – баню. В ней мылись один или два раза в неделю (Татарникова, Загороднюк, 2018. С. 151).

В хате у белорусов углы и стены имели свои названия. Подполье или погреб относились к нижнему миру (тьма, черти, загробный мир и темнота), чердачное помещение – это мир прави, мир Богов, Высших сил и Вселенной. Хата, в которой живут, кушают, разговаривают люди – это мир яви (мир «здесь и сейчас»). Порог, пол и потолок – это границы между мирами, а окна и дверь были связью внутреннего и внешнего мира. Белорусы верили в то, что эти «связи» опасны, потому что через них может пройти нечистая сила и принести беду. Одним из главных атрибутов хаты была печь, которую строили у входа, а ее устье должно было быть направлено к длинной боковой стене. Печь занимала четвертую часть хаты, потому что в ней готовили

пищу, варили корм для скота, она обогревала помещение, а также зимними вечерами грелись на печи, спали и сушили одежду. По диагонали от печи располагался красный угол. В нем размещали иконы и вербу на красивых салфетках (их вышивали, ткали или вязали).

Белорусы принесли с собой лен. Его первыми в Сибири стали выращивать именно они. Собиралось несколько семей, чтобы собрать лен, а затем изготовить из него льняные ткани и масло (Лойко, 2017. С. 366).

Для того чтобы оперативно сеять, пахать, молотить и собирать урожай в деревне, нужны были помощники, как правило, это были дети, поэтому семьи у белорусов были большими. Ни свои, ни чужие дети не становились препятствием для заключения повторных браков вдовами или вдовцами. Весьма характерную ситуацию отражает следующий рассказ информатора: «У нашего деда семь детей было. Померла баба. Дед жанился – взял с двумя детьми. Еще троя нажили. Тоже померла. На третьей бабке жанился, сам вперед помер...». Подобные рассказы – свидетельство представления о детях как о безусловной ценности, на них смотрели как на опору, надежду и утешение в старости, залог вечной памяти в последующих поколениях. Неслучайно родильно-крестильная обрядность хранила множество заветов, рекомендаций, обычаев, способствующих благополучному развитию ребенка в утробе матери, облегчению родов, рождению здорового и «пригожего» дитя. В Сибири, как и в Белоруссии, горестным считалось существование бездетных родителей, к которым все сельское общество проявляло сочувствие, а также особое внимание и заботу. Многодетные семьи обладали большей защищенностью, чем малодетные (Трелин, 1926. С. 16).

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны из белорусских общин было эвакуировано 1,5 млн человек в Сибирь, часть из них после окончания войны не стала возвращаться в Белоруссию. В послевоенное время белорусы работали на освоении целинных земель, в 1954–1962 годы на строительстве автомобильных дорог. Белорусские миграции в Сибирь в 50–80-е годы прошлого века были связаны, в первую очередь, с крупнейшими сибирскими стройками. Меняется социальный статус переселенцев, приезжающих в Сибирь: отныне это не жители деревни, а квалифи-

⁵ За землей – в Сибирь. Как белорусские крестьяне искали лучшей доли. URL: https://gulevich.net/statiy.files/za_zemley_v_sibir.htm (дата обращения 10.06.2025).

цированные рабочие и представители интеллигенции. И переселение идет не в сельскую местность, как ранее, а преимущественно в города и места новостроек. Однако, как только совхозы и колхозы получали новую технику и предлагали вакантные места, то молодежь переезжала в село.

В годы становления советской власти в каждой деревне образовались свои колхозы, которые просуществовали до середины 60-х годов. И только после объединения, когда был организован колхоз «Путь Ленина», крестьяне почувствовали, каково это жить в достатке. Например, имя председателя колхоза Александра Перевалова в Васильевке до сих пор произносят с придыханием. Именно при нем в деревне появились современная школа, детский сад, столовая, клуб, баня, общежитие, поликлиника. Он вывел коллективное хозяйство в передовые, обустроил первые в области механизированные коровники и телятники, обеспечил людей достойным заработком. «Путь Ленина» собирал урожай зерна по 40 ц с га при средней урожайности по стране 20–25 ц. Дойное стадо тогда превышало 800 голов, а надои били все мыслимые рекорды.

Духовная сфера белорусов была связана с православной верой, соблюдением постов и религиозных традиций. Бабушки и дедушки готовили «смертное» заранее. Если речь в семье заходила о смерти, то в лексике использовали выражение «пути-дороги», как будто человек готовится к дальней дороге. Переодевание умершего в новую одежду означало приобретение им нового состояния и статуса в «другой жизни». Например, у женщин комплект одежды состоял из «станушки» (рубахи), сарафана и «запона» (передника), а также головного убора, пояса и вязанных чулок. На голову обязательно повязывали два платка (Фурсова, 2011. С. 81). Пока были живы старики, гробы делали долбленые, однако в настоящее время таких умельцев почти не осталось. Сохранилась память, что «законным» является гроб-«долблёнка», а не гроб из досок, который называют «с тёсу». Колоды и кресты заготавливают впрок. На колоде, как и на кресте, вырезали фамилию, имя, отчество, годы рождения и смерти. Обязательным блюдом на поминальном столе были кутья и квас.

Таким образом, белорусы принесли в Иркутскую губернию умение планировать свой быт и производство льна. Ужиться со старожилами им

было проще в том, что традиции с русскими во многом совпадали, а с бурятами их объединяла любовь к охоте.

Далее рассмотрим историю польских переселенцев в Иркутской губернии. Л.К. Островский писал о том, что польские крестьяне-переселенцы были рассеяны на огромной территории Сибири. Как и у многих других национальных меньшинств, проживавших в Сибири, у поляков не было резко очерченных границ национальной территории. Они жили вперемешку с другими национальностями (Островский, 2009. С. 40).

В 1910 году была образована деревня Вершина, в которой стали жить поляки. Хотя прибыли они сюда добровольно в погоне за лучшей долей и землей, которую им пообещал знаменитый российский реформатор Столыпин, осуществивший свой грандиозный план по переселению народов (Соколов, 1924. С. 28). Необходимо заметить, что и до того в Сибири было довольно много поляков, попавших сюда по итогам нескольких восстаний за независимость. Деревня отличалась от прилегающих деревень тем, что в ней имелся костёл, свой ксендз, присланный из Польши⁶.

Поляков-мужчин приехало в Иркутскую губернию больше, чем женщин, поэтому распространение получили межнациональные браки. Чаще женились на русских или бурятских девушках. При этом парни гордились тем, что они поляки, хоть их жены и дети не говорили на польском языке. Такое положение данной диаспоры подтверждает И.Ю. Заринов: «Многие из оказавшихся в Сибири поляков были вынуждены вступать в браки с представителями других народов, вот почему можно встретить якутские или бурятские семьи с чисто польскими фамилиями: Заборовские, Мицкевичи, Левандовские, Кшижановские, Козицкие, Ружанские и т. п.». (Заринов, 2010. С. 28).

Кроме материальных предметов, польские крестьяне-переселенцы привезли с собой в Сибирь собственную систему ценностей, прежде всего, веру (подавляющее большинство было католиками), а также связанные с ней календарные и се-

⁶ В музее «Тальцы» строят улицу переселенцев времен столыпинской аграрной реформы. URL: <https://www.irk.ru/news/20211222/museum/> (дата обращения 10.06.2025).

мейные обычаи, трудовой культ (*etos pracy*), эстетические и пищевые привычки, также влиявшие на восприятие их старожилами, их взаимоотношения и защиту идентичности (Ольшевски, 2021. С. 269).

Поляки научили местных жителей готовить колбасу, стряпать сладкие печенья, владеть плотницким делом, а также рассказали о польских трактирах и гостиницах, которые имели красивое оформление и качественное обслуживание. Поляки отличались своей учтивостью, сдержанностью, тактом и гуманным отношением к людям. У коренных жителей они переняли приемы скотоводства и земледелия в сложных климатических условиях.

В годы Великой Отечественной войны поляков призывали в Красную армию, а те, кто оставался в деревне держались дружно с местными жителями: делились мукой, вместе стряпали хлеб, работали и забирали к себе детей, осиротевших в это тяжелое время для всей страны.

Для поляков, переселившихся в Сибирь, одной из главных была проблема сохранения родного языка и религии. С целью сохранения языковой, конфессиональной идентичности и самобытности польская диаспора должна была адаптироваться к новым условиям жизни. В сложных условиях адаптации на чужой территории была велика роль церкви. Сохранение этнических традиций у польских переселенцев в условиях Сибири проявлялось, прежде всего, в религиозной сфере. Среди элементов этнической культуры важнейшим для польской диаспоры являлся язык (Метляева, 2016. С. 20).

Для того чтобы сохранить польский язык и традиции на сибирской земле, в школе преподавали польский язык, затем построили часовню. Когда закончилась Великая Отечественная война, отменили изучение польского языка в школе, закрыли костел, правительство пропагандировало отказ от религии. Возобновление польской религии и связи с родными из Польши началось с конца 1980-х годов XX века, тогда в Вершину стали приезжать польские учителя и министры, а затем и польские туристы.

Дома поляки в Сибири начинали строить не сразу, а через два-три года после переселения. Все это время они жили в землянках, поэтому большая часть умерла в первые два года после переселения. Дома строили с двухскатными крышами и колонным крыльцом, а в остальном они были похожи на сибирские дома начала XX века. В последний

путь поляков провожали и продолжают это делать по католическим традициям. Таким образом, поляки смогли в суровой Сибири подружиться со старожилами и сохранить до наших дней традиции и религию католиков.

Среди польских деревенских переселенцев были кузнецы, плотники, столяры и даже сапожники. Многие из них основывали в Сибири процветающие впоследствии собственные предприятия, например мельницы, кирпичные заводы, лесопилки, бондарные, плотницкие, столярные, сапожные мастерские, кузницы, заводы по производству масла, обработке кожи (обслуживавшие не только поселения, где проживали поляки), а также образцовые скотоводческие хозяйства (Leończyk, 2017. С. 140–141, 149, 151, 154–155).

Анализ переселения во времена Столыпинской реформы на примере голендров, белорусов и поляков показал, что многие из представителей этих народов не смогли адаптироваться к суровым условиям сибирской жизни, поэтому кто-то погибал от мороза и голода, а кто-то возвращался домой. Следующим периодом оттока этих народов был развал СССР, когда люди возвращались на свою Родину, а молодежь уезжала в город, потому что в деревне не было работы и жилья. Однако пандемия COVID-2019 мотивировала городских жителей вспомнить свои «таежные» дома и вернуть в них жизнь. Например, в Тургеневке две семьи получили гранты на развитие фермерского хозяйства⁷. Пихтинские голендры тоже возвращаться никуда не хотят, им в Сибири хорошо, потому что простор и свобода⁸. Кроме этого, еще при Хрущеве произошло укрупнение деревень, поэтому только белорусских или польских деревень не стало, в деревнях соседствуют разные народы и религии.

Итак, диаспоры голендров, поляков и белорусов привыкли к сибирской жизни, поэтому возвращаться к предкам не планируют, а молодежь готова остаться жить и трудиться в деревне, если будет работа и жилье.

⁷ Все мы переселенцы... или их потомки. URL: <https://www.sbras.info/articles/simply/vse-my-pereselentsy-ili-ikh-potomki> (дата обращения 10.06.2025).

⁸ Голубовский А. Голендры. Кто они? URL: <https://memorial.krsk.ru/Articles/1999/1999Golubovsky.htm> (дата обращения 10.06.2025).

Список источников

Дмитриев А.В. Некоторые факты из истории переселения белорусских крестьян Гродненской губернии в конце XIX – начале XX века (на примере местечка Новый Двор) // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 211–219. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.34. EDN: RGYTXX.

Заринов И.Ю. Поляки в диаспоре. Сравнительная характеристика этнической истории польских диаспор в России, США и Бразилии. М.: ИЭА РАН, 2010. 268 с. EDN: QPQWRX.

Зобов Ю.С. Политика правительства по регулированию крестьянского переселенческого движения в первой половине XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 1993. № 2 (6). С. 22–28. EDN: WAGRJP.

Кириллов А.К. Столкновения переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе столыпинского переселения: функции социального конфликта // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 4. С. 625–639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639. EDN: JOOILR.

Лебедев С.В. Возможности и перспективы сахарной промышленности в Минусинском округе // Известия Сибирского химико-технологического института / Сибирский химико-технологический институт. № 1. Томск : б.и., 1930. 74 с.

Лойко А.И. Белорусы в Сибири: Этнокультурная динамика // Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной Сибири в XX–XXI веках: Опыт и перспективы» (Красноярск, 28–30 ноября 2016 года). Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. С. 366–370. EDN: OMFDDDE.

Матвеев А.Л. Развитие хозяйственного комплекса Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2018а. Т. 14. № 1 (26). С. 129–136. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-129-136. EDN: YTMXDF.

Матвеев А.Л. Рост аграрного производства в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018б. № 3 (75). С. 43–48. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-43-48. EDN: YLHLHV.

Метляева М.Ю. Проблемы польских переселенцев в Сибири в XIX – начале XX века // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10–1 (15). С. 18–20. EDN: XCSHZT.

Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями. Краткий географический и статистический экономический очерк // Материалы Иркутского губстатбюро/ Всерос. с.-х. и кустарно-пром. выставка; Иркутск, 1923. [6]. Вып. 14. 40 с.

Моисеев В.М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 87–141. EDN: WFEHKV.

References

Dmitriev A.V. (2020) Some facts from the history of resettlement of Belarusian peasants from the Grodno province to the Bashkir region in the late 19th - early 20th centuries (on the example of Novy Dvor). *Bulletin of the Bashkir University*. Vol. 25. No. 1. P. 211-219. (In Russ.). DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.34. EDN: RGYTXX.

Zarinov I.Yu. (2010) Poles in the diaspora. Comparative characterization of the ethnic history of Polish diasporas in Russia, the United States and Brazil. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS. 268 p. (In Russ.). EDN: QPQWRX.

Zobov Yu.S. (1993) Government policy on regulating the peasant migrant movement in the first half of the 19th century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 2 (6). P. 22-28. (In Russ.). EDN: WAGRJP.

Kirillov A.K. (2019) Clashes between resettlers and old-timers in Siberia on the eve and during the Stolypinsky reform: functions of social conflict. *Historical and Economic Research*. Vol. 20. No. 4. P. 625–639. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639. EDN: JOOILR.

Lebedev S.V. (1930) Opportunities and prospects of the sugar industry in the Minusinsk district. *Izvestia of the Siberian Institute of Chemical Technology*. Siberian Institute of Chemical Technology. No. 1. Tomsk. 74 p. (In Russ.).

Loiko A.I. (2017) Belarusians in Siberia: Ethnocultural Dynamics. *Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference "Specifics of Ethnic Migration Processes in Central Siberia in the XX-XXI Centuries: Experience and Prospects"* (Krasnoyarsk, November 28-30, 2016). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 366-370. (In Russ.). EDN: OMFDDDE.

Matveenko A.L. (2018a) Development of the Economic Complex of the Nizhneudinsky District of the Irkutsk Province at the End of the 19th – Early 20th Century. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 1. P. 129–136. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-129-136. EDN: YTMXDF.

Matveenko A.L. (2018b) Agrarian production growth in the Nizhneudinsk district of the Irkutsk province in the late XIX - early XX century. *Bulletin of Kemerovo State University*. No. 3 (75). P. 43-48. (In Russ.). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-43-48. EDN: YLHLHV.

Metlyayeva M. Yu. (2016) Problems of Polish immigrants in Siberia in the XIX - early XX century. *Tauride scientific observer*. No. 10-1 (15). P. 18-20. (In Russ.). EDN: XCSHZT.

Mirotovtsev K.N. (1923) Agriculture in the Irkutsk province due to natural and geographical conditions. Brief geographical and statistical economic essay. *Materials of the Irkutsk Provincial State Bureau. All-Russia. s.-h. and handicraft-industry exhibition*. Iss. 14. Irkutsk. [6], 40 p. (In Russ.).

Moiseenko V.M. (2015) Peasant resettlement in the 1920s (from the history of migration in Russia). *Demographic Review*. Vol. 2. No. 3. P. 87-141. (In Russ.). EDN: WFEHKV.

Новиков П.А. Исторический опыт административно-территориального деления Сибири в контексте межнациональных отношений // Сибирь – территория межнационального мира и согласия: сборник материалов I межрегионального форума Сибирского Федерального округа (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.). Иркутск : Изд-во НИ ИргТУ, 2014. С. 36–39.

Ольшевский В.Т. Польский крестьянский след в сибирской культуре конца XIX – начала XX века // Культура русских в археологических исследованиях: Археология Севера России : сборник научных статей, Сургут, 08–13 ноября 2021 года. Омск : Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера», 2021. Т. 2. С. 266–270. DOI: 10.31630/978-5-6040401-5-7-2021-2-266-270. EDN: GWNLRB.

Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 38–40. EDN: JVADCW.

Пахомчик С.А., Фракин Р.В. Хозяйственное освоение Сибири в период столыпинской реформы начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 31–36. EDN: MBWBEJ.

Прокопьева А.В. Социальная политика государства // Анализ проблем в области экономики : сборник трудов аспирантов и преподавателей по материалам 16-й Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 23–25 февраля 2016 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт экономики и права, 2016. С. 88–91. EDN: WEXQKJ.

Пьянков С.А., Михалев Н.А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44–55. EDN: TYCSIX.

Рогачевская М.А., Новикова И.А. Подъем экономики Сибири – следствие аграрной реформы П.А. Столыпина // Сибирская финансовая школа. 2011. № 2 (85). С. 184–193. EDN: OWSUFP.

Российские реформаторы XIX – начала XX в. / отв. ред. А.П. Корелин. Москва : Международные отношения, 1995. 317, [1] с.

Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах. Статистические этюды // Материалы Иркутского губернского статистического бюро. Иркутск : Иркутск. губ. стат. бюро, 1924. [2]. Вып. 26. 85, [2] с.

Татарникова А.И., Загороднюк Н.И. Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. в санитарно-гигиеническом измерении // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 148–154. DOI: 10.17223/15617793/437/21. EDN: YYNVWH.

Трелин И.Ф. Экономическое состояние губернии в 1924/1925 г. и перспективы на 1925/1926 г. // Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск : Комитет содействия Ирк. гос. ун-ту, 1926. С. 12–25.

Успенский А.В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 1–28.

Фурсова Е.Ф. Семейно-свадебные и погребальные обычаи и обряды белорусских переселенцев в Сибири // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этниче-

Novikov P.A. (2014) Historical experience of the administrative-territorial division of Siberia in the context of inter-ethnic relations. *Siberia - The Territory of Interethnic Peace and Harmony: Proceedings from the I Interregional Forum of the Siberian Federal District (Irkutsk, May 29-30, 2014)*. Irkutsk: NI IrSTU. P. 36-39. (In Russ.).

Ol'szewski V.T. (2021) A Polish, peasant trace in the culture of Siberia at the end of the 19th and beginning of the 20th century. *Russian Culture in Archaeological Research: Archeology of the North of Russia: Collection of Scientific Articles, Surgut, November 08-13, 2021*. Omsk: Institute of Archeology of the North. Vol. 2. P. 266-270. (In Russ.). DOI: 10.31630/978-5-6040401-5-7-2021-2-266-270. EDN: GWNLRB.

Ostrovskii L.K. (2009) The Polish peasants in Siberia in the XIX-XXth centuries. *Humanities in Siberia*. No. 2. P. 38-40. (In Russ.). EDN: JVADCW.

Pakhomchik S.A., Frakin R.V. (2009) Economic development of Siberia in the period of Stolypin's reform in the beginning of the 20th century. *Tomsk State University Journal of History*. No. 4 (8). P. 31-36. (In Russ.). EDN: MBWBEJ.

Prokopyeva A.V. (2016) Social policy of the state. *Proceedings of Graduate Students and Teachers Based on the Materials of the 16th All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, February 23-25, 2016*. Irkutsk: East Siberian Institute of Economics and Law. P. 88-91. (In Russ.). EDN: WEXQKJ.

P'yankov S.A., Mikhalev N.A. (2015) Russia's 1891-1892 famine in Soviet and recent native historiography. *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*. No. 1. P. 44-55. (In Russ.). EDN: TYCSIX.

Rogachevskaya M.A., Novikova I.A. (2011) Economic recovery of Siberia as a result of P. Stolypin's agrarian reform. *Siberian Financial School*. No. 2(85). P. 184-193. (In Russ.). EDN: OWSUFP.

Korelin A.P. (1995) Russian reformers of the XIX - early XX century. Moscow: International Relations. 317, [1] p. (In Russ.).

Sokolov M.P. (1924) Irkutsk province in numbers. *Statistical Studies. Materials of the Irkutsk Provincial Statistical Bureau, Irkutsk*. Irkutsk: Irkutsk lips. stat. bureau. [2]. 85, [2] p. (In Russ.).

Tatarnikova A.I., Zagorodnyuk N.I. (2018) Mass resettlement of peasants in Western Siberia in the late 19th - early 20th centuries in the sanitary and hygienic dimension. *Tomsk State University Journal*. No. 437. P. 148-154. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/437/21. EDN: YYNVWH.

Trelin I.F. (1926) The economic state of the province in 1924/1925 and prospects for 1925/1926. *Sputnik in the City of Irkutsk and the Irkutsk Province*. Irkutsk: Committee for Assistance to the Irkutsk State University. P. 12-25. (In Russ.).

Uspenskii A.V. (1907) Reality, not dreams. *Issues of Colonization*. No. 2. P. 1-28. (In Russ.).

Fursova E.F. (2011) Family, wedding and funeral customs and rites of Belarusian settlers in Siberia. *Belarusians in Siberia: Preservation and Transformation of Ethnic Culture*.

ской культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец (руководители авторского коллектива), А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 50–88.

Черных А.В. Земледелие и зерновое хозяйство Иркутской губернии и обеспеченность населения хлебом // Материалы Иркутского губ. статист. бюро. Иркутск, 1923. Вып. 15. 33, [1] с.

Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa: Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna «Polonia» Republiki Chakasja, 2017. ss. 323.

Информация об авторе

Прокопьева Анна Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, e-mail: anna1900000@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2722-5088>

Вклад автора

Прокопьева А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 2 июля 2025 г.; принята к публикации 7 июля 2025 г.

Novosibirsk: Archeology and Ethnography SB RAS. P. 50-88. (In Russ.).

Chernykh A.V. (1923) Agriculture and grain farming of the Irkutsk province and the provision of bread to the population. *Materials of the Irkutsk Province. Statistical Bureau.* Irkutsk. No. 15. 33, [1] p. (In Russ.).

Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa: Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna «Polonia» Republiki Chakasja, 2017. ss. 323. (In Poland).

Information about the author

Anna V. Prokopyeva,
Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines,
The East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: anna1900000@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2722-5088>

Contribution of the author

Prokopyeva A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 10, 2025; approved after reviewing July 2, 2025; accepted for publication July 7, 2025.

Научная статья
УДК 94(470)
EDN: OMTBOY
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-108-120>

Василий Витальевич Шульгин в годы работы в Государственной Думе (1907–1917 гг.): штрихи к портрету политика

В.В. Калиновский, А.С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты публицистической и политической деятельности Василия Витальевича Шульгина, одной из самых ярких фигур общественной жизни Российской империи в последнее десятилетие ее существования. Этот широко известный политик, публицист и мемуарист прожил без малого целое столетие, наблюдая калейдоскоп событий от последних Романовых до советского застоя. Предметно проанализировано содержание публикаций газеты «Киевлянин», живо откликавшейся на важнейшие события, происходившие в стране. Статья является попыткой дополнить политический портрет В.В. Шульгина и дать оценку концептуального содержания его публицистического наследия. Показан путь Василия Витальевича в Государственную Думу и его деятельность как депутата. Политик был убежденным националистом, особое внимание он уделял вопросам централизации России и борьбе с сепаратизмом на окраинах. Приведены свидетельства современников, высоко оценивавших способности В.В. Шульгина как оратора и публициста. Отмечены те события, которые находили отражение в деятельности политика, такие как дело Бейлиса или Первая мировая война. Показаны идейные метания В.В. Шульгина, его место в думской полемике накануне революционных событий. В предлагаемой статье авторы приводят архивные материалы и публикации из периодики, которые позволяют существенно дополнить политический портрет В.В. Шульгина и могут быть использованы при создании его полной научной биографии. Сделан обзор историографии и приведены развернутые цитаты, ярко передающие «дух эпохи», что позволяет дополнительно решить и источниковедческие задачи по вводу в оборот малоизвестных фактических данных.

Ключевые слова: В.В. Шульгин, историография, публицистика, «Киевлянин», редакторская деятельность, Государственная Дума, политика, монархист, националист, цитаты

Благодарности. Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля” – исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.», выполняемом в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Калиновский В.В., Пученков А.С. Василий Витальевич Шульгин в годы работы в Государственной Думе (1907–1917 гг.): штрихи к портрету политика // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 108–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-108-120. EDN: OMTBOY.

History

Original article

Vasily Vitalievich Shulgin during his years in the State Duma (1907-1917): touches to the portrait of a politician

Vladimir V. Kalinovsky, Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the main aspects of the journalistic and political activities of V.V. Shulgin, one of the most prominent figures in the public life of the Russian Empire in the last decade of its existence. This well-known politician, publicist, and memoirist lived for almost a century, witnessing a kaleidoscope of events from the last Romanovs to the Soviet stagnation. The

article analyzes the content of the publications of the newspaper "Kievlyanin", which vividly responded to the most important events taking place in the country. The article is an attempt to complement the political portrait of V.V. Shulgin and to assess his journalistic legacy. Vasily Vitalievich's path to the State Duma and his activities as a deputy are shown. The politician was a staunch nationalist, and he paid special attention to the centralization of Russia and the fight against separatism on the outskirts. The testimonies of contemporaries who highly appreciated the abilities of V.V. Shulgin as an orator and publicist are given. The events that were reflected in the activities of the politician, such as the Beilis case or the First World War, are noted. It shows the ideological struggles of V.V. Shulgin, his place in the Duma polemic on the eve of the revolutionary events. In the proposed article, the authors provide archival materials and publications from periodicals that can significantly complement the political portrait of V.V. Shulgin and can be used to create his complete scientific biography. The article provides an overview of historiography and includes detailed quotes that vividly convey the "spirit of the era", which allows for additional source-based research to introduce little-known factual data into circulation.

Keywords: V.V. Shulgin, historiography, journalism, «Kievlyanin», editorial activity, the State Duma, politics, monarchist, nationalist, quotes

Acknowledgements. The material was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00294 "The "Russian World" and the "Russian Land" – Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in the Journalistic Discourse of the Mid-19th – Early 20th Centuries," carried out at St. Petersburg State University.

For citation: Kalinovsky V.V., Puchenkov A.S. (2025) Vasily Vitalievich Shulgin during his years in the State Duma (1907-1917): touches to the portrait of a politician. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 108-120. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-108-120. EDN: OMTBOY.

Василий Витальевич Шульгин в особых представлениях для читателя не нуждается: этот политик, публицист и мемуарист прожил огромную жизнь, растянувшуюся по времени от Александра II до Л.И. Брежнева (Кушнирович, 1995). О Шульгине писали не только историки, но и профессиональные писатели, а также литераторы, специализирующиеся на написании научно-популярных работ (Жуков, 1992. С. 3–83, 83–149; Сидоров, 2001; Ерашов, 2004). Не так давно о Шульгине в серии «ЖЗЛ» вышла книга, автором которой стал известный писатель и общественный деятель С.Ю. Рыбас (Рыбас, 2014). Деятельность В.В. Шульгина нашла отражение в многочисленных работах историков, но важно отметить, что Шульгин советскими историками никогда не рассматривался как самостоятельный объект исследования: его деятельность – будь то Шульгин-политик или Шульгин-публицист – изучалась лишь в контексте того или иного явления – будь то Прогрессивный блок думских фракций или Белое движение на Юге России (Старцев, 1977; Слонимский, 1975; Черменский, 1976; Смирнов, 1998). До недавнего времени единственной книгой, посвященной персонально В.В. Шульгину, был памфлет историка и публициста Д.О. Заславского, вышедший в середине 1920-х гг. (Заславский, 1925). Последние десятилетия отмечены публикацией достаточно большого количества работ, посвященных различным эпизодам биографии В.В. Шульгина, анализу его политических взглядов, деятельности каких-либо структур

или политических объединений, к которым Василий Витальевич имел то или иное отношение (Коцюбинский, 2001; Репников, Христофоров, 2009; Тюремная одиссея..., 2010; Пученков, 2011; Пученков, 2024; Бабков, 2012; Чемакин, 2018; Чемакин, 2020; Чемакин, 2022; Иванов, 2018; Иванов, 2024). Научной же биографии В.В. Шульгина, крупного российского политика, журналиста и мыслителя двадцатого века до сих пор не написано. Правда, немало характеристик Василия Витальевича приведено в многочисленных мемуарах его современников.

Страстный монархист Шульгин волей судьбы принимал отречение у Николая II и при отказе великого князя Михаила Романова от императорского престола; он – один из организаторов Белого движения, выпускавший в годы Гражданской войны множество газет, выступавших в качестве идеологической опоры Белого дела (Левитский, 2019); ближайший сотрудник М.В. Алексеева, А.И. Деникина и П.Н. Врангеля; многие годы Шульгин провел в вынужденной эмиграции, откуда он насильно был вывезен на Родину – на суд и заключение: бывшие прегрешения перед ней Василия Витальевича советская власть забыть не смогла. Ему предстояло провести 12 лет в тюрьме, откуда он вышел на свободу уже очень пожилым человеком. А затем – жалкое существование в провинциальном Владимире, пребывание в Москве под торжественными сводами Кремлевского дворца Съездов в дни работы XXII съезда КПСС, и, наконец, съемки в фильме кинорежиссера

Ф.М. Эрмлера «Перед судом истории», ставшего одним из ярчайших памятников советского кинематографа периода оттепели (Шульгин, 1961. С. 7–9). И все это – жизнь одного человека!

В.В. Шульгин представлял собой фигуру, стоящую от политики несколько особняком. Сам же он признавался собеседнику, что политику «ненавидел всегда», а политиком «стал вынужденно, чтобы защитить эту [То есть мирную жизнь обывателя, которая была ему по душе. – В. К., А. П.] жизнь» (Шульгин, 1994. С. 128). Вместе с тем именно в политике он достиг очень значительных успехов, став одним из лидеров российского правого лагеря. «Реакционный джентльмен», по аттестации Л.Д. Троцкого (Троцкий, 1997. С. 174), «...идейный вдохновитель реакции и певец монархии Шульгин...» (Керенский, 1922. С. 85), по словам А.Ф. Керенского, был уважаем даже своими политическими противниками. Друзья же не стеснялись превозносить его таланты публициста и политика. «Вы имели всегда очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать», – писал В.В. Шульгину глубоко его уважавший кадет В.А. Маклаков (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 2). Общеизвестной считалась неподкупная личная честность В.В. Шульгина, вызывавшая всеобщее уважение (Керенский, 1996. С. 159).

Шульгин удивительным образом находился в своеобразном фаворе у советских историков. Он, пожалуй, единственный из политических противников диктатуры пролетариата, кого могли охарактеризовать на страницах вышедшей в СССР 1970-х годов исследовательской монографии, как «человека удивительных дарований» (Слонимский, 1975. С. 64). Причина этому – в той, представлявшейся как очевидная, лояльности по отношению к Советской власти, которая появилась у В.В. Шульгина в последний период жизни, и которая явственно прослеживается в известных «Письмах русского эмигранта», опубликованных в Москве в 1961 году. В действительности же Шульгин навряд ли сумел полюбить хрущевско-брежневский СССР и, вероятно, чувствовал себя чрезвычайно дискомфортно в глубоко чуждой для него политической и культурной среде. Свои размышления по этому вопросу Шульгин доверял дневнику, отдельные фрагменты из которого опубликовал в свое время рано ушедший из жизни московский историк А.И. Ушаков (Бордюгов, Ушаков, Чураков, 1998.

С. 127–136). Им же подготовлены к печати и статьи-размышления Шульгина (Шульгин, 1992а). При этом Василий Витальевич признавал достижения советского руководства в деле мирного строительства, говоря эмигрантам о том, что «Свергать Советскую власть не надо. Она есть один из устоев мира...» (Шульгин, 1961. С. 16). Отметим, впрочем, что изначально, еще не остыв от жарких схваток русской междоусобицы, В.В. Шульгин заявлял о коммунистической России как о «красном кабачке под пятиконечной звездой» (Шульгин, 1922. С. 19).

Путь в политику для Шульгина парадоксальным образом открыла Первая российская революция 1905–1907 гг., одним из следствий которой стало учреждение, согласно Высочайшему манифесту от 17 октября 1905 г., Государственной Думы. В итоге в российском парламенте оказались самые неожиданные люди, прежде не имевшие никакого отношения к политической жизни и даже не мечтавшие о карьере политика. Одним из таких людей был и наш герой.

В 1907 году Василий Витальевич Шульгин был избран от Волынской губернии в Государственную Думу, проходя по разряду крупных землевладельцев (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 907. Л. 1). В.В. Шульгин состоял выборщиком по Острожскому уезду от русского отделения съезда уездных землевладельцев. В собственности Шульгина-помещика находилось 300 десятин земли. Василий Витальевич был избран во время первоначальных выборов абсолютным большинством голосов и получил 86 избирательных голосов и 18 неизбирательных (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 907. Л. 4). К тому моменту В.В. Шульгин закончил (в 1900 году) Киевский университет св. Владимира по юридическому факультету (Биографии членов Временного комитета Государственной Думы. Василий Витальевич Шульгин // Киевлянин (г. Киев). 1917. 3 марта). Об учебе в университете В.В. Шульгин оставил интересные воспоминания, в которых в частности указывал, что «лекции совсем не посещал. Это не мешало мне сдавать все экзамены на «весьма» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 26 – «Разрозненные черновые записи В.В. Шульгина по разным вопросам. 1924 г.». Л. 22). На 4-м курсе университета Василий Витальевич женился «и эта ранняя женитьба вероятно предотвратила меня от слишком

тщательного изучения “науки страсти нежной”. Вероятно, по этой же причине я избежал кутежей и кабаков, – вспоминал позднее Василий Витальевич» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 26. Л. 29). Первой женой Василия Витальевича стала Екатерина Григорьевна Градовская, долгое время деятельно сотрудничавшая с В.В. Шульгиным в газете «Киевлянин» под псевдонимом А. Ежов (Масанов, 1960. С. 534)¹. В 2019 г. талантливым петербургским историком А.А. Чемакиным были опубликованы воспоминания Е.Г. Шульгиной, женщины сложной и трагической судьбы. Публикатор счел необходимым предварить текст публикуемых записок Екатерины Григорьевны обстоятельной статьей, содержащей подробные биографические сведения о ней (Шульгина, 2019). Местом постоянного проживания В.В. Шульгина к моменту его избрания членом Государственной Думы было имение Курганы, Острожского уезда, Волынской губернии. В Петербурге же после избрания его депутатом II Государственной Думы В.В. Шульгин проживал по адресу: Фурштатская улица, дом 20, квартира 5 (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 907. Л. 1 об.).

«Свою политическую карьеру Шульгин начал как беззаветный защитник и поклонник неограниченной монархии, как верный слуга самодержца, лидер крайних правых, идеолог и вдохновитель черной сотни», – писал о В.В. Шульгине Д.О. Заславский (Заславский, 1925. С. 23–24). Его быстро заметили: в российском парламенте В.В. Шульгин сразу обратил на себя особое внимание как своей ярко выраженной правой позицией, так и свойственным, пожалуй, только ему, «медовым красноречием» (Шидловский, 1923. С. 39–40). Одним из «талантливейших» ораторов правого лагеря называл Шульгина председатель II Государственной Думы Ф.А. Головин (Головин, 2020. С. 414). Выдающиеся ораторские способности В.В. Шульгина отмечал даже его непримиримый политический противник И.Г. Церетели, характеризовавший Шульгина как одного из «самых выдающихся и оригинальных думских ораторов» (Церете-

ли, 1963. С. 114). Своеобразной была и манера выступления Шульгина как оратора: «Столько тонкого юда, столько злой иронии было в его вежливых словах, в его корректной улыбке, что почувствовался сразу непримиримый, смертельный враг революции, даже просто либерализма... Его ненавидели больше, чем Пуришкевича, больше, чем Крушевана, Замысловского, Крупенского и других думских черносотенцев и скандалистов» (Заславский, 1925. С. 19–20). Интересную характеристику Шульгина оставила и А.В. Тыркова-Вильямс: «Это был очень культурный киевлянин, молодой, благовоспитанный. Говорил он обдуманно и умело. Самые неприятные вещи Шульгин подносил с улыбочкой. Он явил оппозицию неустанно и подчас очень зло». А.В. Тыркова-Вильямс обращает внимание на крайне правую позицию Шульгина, характеризуя его словом «социалистоед» (Тыркова-Вильямс, 1990. С. 365). И.В. Гессен, председатель Всероссийского общества редакторов ежедневных газет и известный деятель кадетской партии (Российский государственный исторический архив. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 4. Л. 81) писал о Шульгине так: «Противовесом Церетели служил на правом крыле В.В. Шульгин – тоже с осторожными размеренными движениями, отчетливо, на слова, разделенной речью, произносимой вкрадчивым буравящим голосом, наполненной ядом и приправленной змеиной улыбкой, которая замирала на тонко очерченном, как бы окаменевшем лице» (Гессен, 1993. С. 250). Выделялся на фоне всего этого и нескрываемый антисемитизм В.В. Шульгина, перераставший порой в откровенное юдофобство. Он стал, по характеристике Д. Заславского, «Гамлетом русской черной сотни» (Заславский, 1925. С. 15). Сам же Шульгин признавался, что антисемитом стал на последнем курсе университета (Шульгин, 1992b. С. 40).

Первое выступление В.В. Шульгина в Государственной Думе было посвящено неожиданному обрушению потолка в зале заседаний: Василий Витальевич призвал депутатов успокоиться, не искать в обвале умысла правительства и разойтись по домам (Государственная Дума, 1907. Стлб. 58)². Следующая речь В.В. Шульгина была в защиту военно-полевых

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1960. 558 с.

² Государственная Дума: Стенографический отчет. Второй созыв. СПб.: Государственная типография, 1907. 322 с.

судов (Государственная Дума, 1907. Стлб. 372–377)³. Уже тогда В.В. Шульгин выступал как активный сторонник власти как института, российского правительства, самодержавия и дворянства. Обличая критиков правительства, В.В. Шульгин говорил: «продолжайте, господа, продолжайте забрасывать грязью русское правительство и дворянство, русских государей и прошлое России. Делайте это со всех скамей: шире, шире насыпайте этот курган: и когда насыпете так высоко, что от некогда великой России останется серое поле, ровное, да курган грязи, тогда, быть может, вы поймете, кого вы засыпали» (Государственная Дума, 1907. Стлб. 1140–1141)⁴. Всероссийскую же известность Шульгин-политик приобрел после выступления 3 апреля 1907 г., во время которого В.В. Шульгин, обращаясь к представителям левых партий, критиковавших «жестокость» кабинета П.А. Столыпина, произнес следующие слова, облетевшие всю Россию: «Кто здесь говорит о смерти, о жалости, о милосердии и т. п.? Я, господа, прошу вас ответить: можете ли вы мне откровенно и положить руку на сердце сказать: «А нет ли, господа, у кого-нибудь из вас бомбы в кармане?» (Государственная Дума, 1907. Стлб. 1554)⁵. «Поднялся труднопередаваемый шум», – вспоминал В.В. Шульгин (Шульгин, 2002. С. 78). Извиняясь перед депутатами за некорректную формулировку, Шульгин подчеркнул, что «говорил не о присутствовавших социал-революционерах», а говорил «о всех членах этой партии и относительно их» (Государственная Дума, 1907. Стлб. 1563)⁶. Депутаты голосовали за удаление Шульгина из зала заседания. Во Второй Государственной Думе за В.В. Шульгиным скоро закрепилась репутация «скандалиста» (Маклаков, 1991. С. 194). Однако близкий к В.В. Шульгину кадет В.А. Маклаков утверждал, что «выходки» Шульгина «вовсе не были несдержанностью, как у Пуришкевича; были делаемы язвительно, но хладнокровно» (Маклаков, 1991. С. 194). «Он ничего не боялся; говорил всегда все, что думал», – с уважением подчеркивал В.А. Маклаков (Маклаков, 1991. С. 194). Объяснение же этим выходкам В.В. Шульгина В.А. Маклаков находил в особой ненависти

В.В. Шульгина ко Второй Государственной Думе (Маклаков, 1991. С. 220). Своей ярко выраженной политической позицией В.В. Шульгин уже в первые месяцы своей политической карьеры обратил на себя внимание, заставив, по выражению В.А. Маклакова, «своих врагов слушать себя» (Маклаков, 1991. С. 195). Сам Шульгин политику ненавидел и после роспуска Второй Государственной Думы уже не рассчитывал в нее вернуться.

Однако после разгона II Государственной Думы В.В. Шульгин был переизбран в III, а затем и в IV Государственные Думы (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 908. Л. 1). В статистическом справочнике, посвященном работе первых двух Государственных Дум, ошибочно указывалось, что В.В. Шульгин принадлежит к «Союзу 17 октября» (Члены 2-й Государственной Думы, 1907. С. 12)⁷. Это – ошибка. Октябристом В.В. Шульгин никогда не был. Изначально Шульгин принадлежал к фракции правых (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 907. Л. 1 об.), однако в 1911 году перешел к националистам (Иванов, 2018. С. 359). Умеренно-правые и националисты в III Думе первые два года существовали раздельно. Однако с апреля 1909 года, когда обнаружился кризис политики кабинета П.А. Столыпина, начались переговоры о слиянии. В результате переговоров в январе 1910 года и получила название фракция националистов и умеренно-правых (ФНУП) (Аврех, 1981. С. 240). Лидером Всероссийского национального союза стал П.Н. Балашёв, сподвижник П.А. Столыпина (Иванов, 2024. С. 124), тративший серьезные деньги на субсидирование своей партии (Аврех, 1981. С. 241). Понастоящему крупной партией, как таковой, думается, ВНС не стал. На 1912 год, по оценке Д.А. Коцюбинского, количество членов ВНС не превышало 5 тысяч человек (Коцюбинский, 2001. С. 37). Массовой поддержки националисты не имели. Косяком партии стали помещичьи круги. Центром партийной жизни ВНС стала думская фракция. Во фракции националистов можно выделить две группы – подольская (П.Н. Балашов) и киевская (А.И. Савенко), из которых последняя считала себя

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Члены 2-й Государственной Думы. Биографии. Сравнительная характеристика членов 1-й и 2-й Дум. Алфавитный указатель. СПб.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. 519 с.

более левой (Аврех, 1981. С. 242). К группе А.И. Савенко принадлежал и В.В. Шульгин. Каждая из групп претендовала на лидерство во фракции. Окончательный раскол фракции ФНУП произошел 13 августа 1915 г., когда от фракции ФНУП отделились 28 депутатов во главе с В.В. Шульгиным, образовавшие «прогрессивно-национальную группу» (Гайда, 2016. С. 416). Прогрессивные националисты примкнули к Прогрессивному блоку (Иванов, 2024. С. 649), их можно определить как умеренно-правых.

Октябрист С.И. Шидловский так комментировал конфликт между Шульгиным и Балашовым: «Откол так называемых шульгинцев от балашевцев произошел исключительно из-за разногласия на почве лидерства. Шульгин умнее Балашева, он понял, что нельзя держаться системы лидерства последнего к претендующей на известное значение фракции, и поэтому он отделился от основной группы, и таким образом образовалась так называемая шульгинская группа, которую не без труда вел Шульгин туда, куда он считал ее полезным вести» (Шидловский, 1923. С. 211).

В составе группы прогрессивных националистов Шульгин и подошел к Февральской революции. Создание же Прогрессивного блока стало, если верить В.А. Маклакову, «кульминационным проявлением государственного смысла нашей либеральной общественности». Партии же, вступившие в Прогрессивный блок, по мысли Маклакова, сумели объединиться на основе реальной программы, «на которой без Революции [разрядка В.А. Маклакова. – В. К., А. П.] можно было преобразовать облик России» (Маклаков, 1991. С. 202).

Особо расцвел в предвоенные годы талант Шульгина-публициста, журналиста, а с 1913 года редактора газеты «Киевлянин». В «Киевлянине» деятельно участвовала вся семья Шульгина: организатором издания газеты еще в 1864 году стал отец Василия Витальевича, Виталий Яковлевич Шульгин; печатались в газете сам В.В. Шульгин, его первая жена, племянник, свояченица была одним из редакторов и т. д. «Киевлянин» – «литературную и политическую газету Юго-Западного края» – было разрешено издавать в Киеве с 20 марта 1864 года. Издателем-редактором газеты был В.Я. Шульгин. Ключевым пунктом программы издания, представленной в министерство внутренних дел, было утверждение, что «это край русский, русский, русский» (Котов,

2016. С. 359). Изначально газета выходила три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам. Подписная цена была изначально 6 рублей в год, с доставкой и пересылкой 8 рублей (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 293. Оп. 1. Д. 828. Л. 2), затем в начале XX века она повысилась соответственно до 10 и 12 рублей. При этом в первые 18 лет своего существования издание получало правительственные субсидии, позволившие «Киевлянину» удержаться на плаву и сформировать за эти годы устойчивый круг подписчиков (Федоров, 2022. С. 172). Направление деятельности газеты «Киевлянин» выглядело следующим образом:

«1) Известия и статьи местного интереса: а) официальные известия по военному округу, по генерал-губернаторству, по университету и учебному округу и по духовному ведомству; б) неофициальные известия и статьи. Под этой рубрикой заключаются как известия, почерпаемые из частных корреспонденций, так и статьи о разных текущих вопросах, касающихся местных интересов Юго-Западного Края. В этот же отдел входят и переводные статьи редакции.

2) Известия и статьи общерусского интереса: а) официальные сведения о важнейших для каждого русского событиях в Отечестве и резюмированные извлечения из разных законодательных и правительственных распоряжений; б) неофициальные известия и статьи о разных общественных вопросах и явлениях русской жизни.

3) Известия и статьи общеевропейского интереса: а) телеграммы о важнейших событиях; б) еженедельное обозрение существенно важных явлений политической жизни европейского мира.

4) фельетон; исторический, этнографический, экономический, литературный и художественный (музыка, театр и т. п.).

5) Справочные известия и объявления.

6) Решения военно-окружного суда» (Центральный государственный исторический архив Украины Ф. 293. Оп. 1. Д. 828. Л. 3). Газета получила разрешение выходить в свет, причем оговаривалось, что корректурные листы должны были поступать в Цензурный комитет, а немедленно по выходу газеты ее номер должен поступать в это же ведомство (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 293. Оп. 1. Д. 828. Л. 4–5 об.). Соредактором газеты, на время отлучек В.Я. Шульгина за

границу, был статский советник Андрияшев (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 293. Оп. 1. Д. 828. Л. 26). Газета, и после смерти В.Я. Шульгина, продолжила свою работу все в том же патриотическом и верноподданническом духе, но уже под редакцией Д.И. Пихно, отчима Василия Витальевича, члена Государственного Совета в 1907–1913 гг. По некоторым свидетельствам, Пихно был настоящим отцом В.В. Шульгина (Матич, 2017. С. 46). С 1898 года, по личному указанию министра внутренних дел, «Киевлянин» стал выпускаться без предварительной цензуры (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 295. Оп. 1. Д. 103. Л. 1).

После смерти Д.И. Пихно, должность редактора занял В.В. Шульгин. 28 сентября 1913 г. Канцелярия Киевского губернатора уведомляла Киевский временный комитет по делам печати о том, В.В. Шульгину и его сестре П.В. Могилевской выдано свидетельство «в удостоверение того, что ими издается в г. Киеве, под редакцией его, Шульгина, и на случай болезни или временной отлучки первого под редакцией Константина Ивановича Смаковского, на русском языке ежедневная газета под названием “Киевлянин” по праву, перешедшему по наследству от бывшего издателя (ныне умершего) Дмитрия Ивановича Пихно. Названная газета будет выходить по прежней программе и при прежних условиях. Об этом сообщаю для сведения в дополнение к отношению от 23 апреля 1910 года за №2512» (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 295. Оп. 1. Д. 103. Л. 65).

Сам В.В. Шульгин в годы своей активной политической деятельности лишь номинально возглавлял газету, передавая свои передовицы из Петербурга в Киев по телеграфу. Большая часть статей Василия Витальевича, опубликованных в «Киевлянине», как показывают наши наблюдения, была передана именно по телеграфу из столицы. Сам Шульгин много лет спустя рассказал, каким образом эти статьи через Петроградское Телеграфное Агентство (ПТА) рассылались по нужным В.В. Шульгину адресам (Шульгин, 1994. С. 130–133). ПТА являлась правительственной организацией, предоставлявшей официальную политическую информацию. На содержание ПТА из государственного казначейства никаких средств не отпускалось, агентство содержалось «за счет тех сумм, которые поступают к нему от

подписчиков за рассылаемые им сведения», как значилось в правительственном наказе Петроградскому Телеграфному агентству (Российский государственный исторический архив. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 4. Л. 73). За «общеполитические телеграммы», поставляемые ПТА в распоряжение «Киевлянина», газета ежемесячно платила 450 рублей в месяц. За «циркулярные телеграммы», на которые «Киевлянин» также подписывался, ПТА ежемесячно доплачивалось еще 50 рублей (Российский государственный исторический архив. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 4. Л. 90–90 об).

«Киевлянин», будучи правой газетой, далеко не всегда даже в предвоенные годы освещал события исключительно с правительственной точки зрения. Газета всегда имела свое особое мнение, и если оно расходилось с официальной точкой зрения, то это не очень заботило авторов «Киевлянина». Характерна в этом отношении позиция «Киевлянина» и в частности В.В. Шульгина во время знаменитого процесса по «делу Бейлиса». В.В. Шульгин полагал, что обвинение против М. Бейлиса – заведомо ложное, о чем и писал в «Киевлянине». Современников поразило сочувственное отношение Василия Витальевича к еврейскому населению в дни «дела Бейлиса», высказываемое им на страницах редактируемой им газеты (Житомирский, 2022. С. 268).

За «заведомо ложные сведения о служебной деятельности прокурора Киевской судебной палаты» Г.Г. Чаплинского, помещенные в номере «Киевлянина» от 27 сентября 1913 года, В.В. Шульгин был приговорен к 3-х месячному тюремному заключению, но помилован царем (Дело Менделя Бейлиса, 1999. С. 339–341; 381–383)⁸. В связи с делом, возбужденным в отношении Шульгина, вызывает интерес вопросный лист Киевской Судебной палаты:

«1. Виновен ли подсудимый дворянин Василий Виталиев Шульгин, 35 лет, в том, что, состоя редактором издающейся в г. Киеве газеты «Киевлянин» в №266 ее от 27-го сентября 1913 года, получившем распространение, в передовой статье, касающейся дела Бейлиса, обвиняемого в убийстве Ющинского, поместил заведомо ложные сведения о служебной деятельности Прокурора Киевской Судебной пала-

⁸ Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 418 с.

ты, возбуждающие в населении враждебное к нему отношение, утверждая, что после запроса в Государственной Думе по делу Ющинского и заявления члена Думы Замысловского о совершении евреями ритуальных убийств только в случаях возможности подкупа чинов полиции, – Прокурор Палаты Чаплинский, как бы желая убедить Замысловского в своей неподкупности и преследуя исключительную цель доказать при помощи судебного процесса существование ритуальных убийств в качестве необходимого для возникновения такого процесса “живого объекта” “засадил” в тюрьму Бейлиса, в виновности которого не только не был убежден, но и не интересовался наличием улики против него, причем для достижения указанной выше цели последовательно устранил от расследования по этому делу, – с возбуждением уголовных преследований, – двух начальников Киевского сыскного отделения – Мищука и Красовского, как только последние, по расследовании, отказались видеть в убийстве Ющинского ритуальное преступление, и, терроризировав такого рода решительными действиями всех чинов полиции, понявших, что производство расследования во всяком ином направлении грозит потерей службы и заключением в тюрьму, – “задушил попытку осветить дело со всех сторон” и достиг желательного для него, прокурора Палаты, направления означенного дела? Да, виновен. 2. Если названный Василий Шульгин виновен, то какому он подлежит наказанию? Наказанию определенному приговором Киевского окружного суда от 20-го января 1914 года» (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2560. Л. 88–89). В ответ на вынесенный ему приговор 17 февраля 1914 г. Шульгин составил апелляцию, в которой выражал несогласие с принятым в отношении него судебным решением (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2560. Л. 2–4).

В итоге по этому делу В.В. Шульгин был помилован Николаем II, повелевшему «почитать дело не бывшим» (Шульгин, 2002. С. 224). Императорский указ гласил: «освободить дворянина Василия Виталиева Шульгина от наказания, определенного ему приговором Киевской судебной палаты 25-го июня 1914 года, предав дело о нем забвению» (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2560. Л. 108). В свою очередь Киев-

ская судебная палата Указ правительствующего Сената приняла к сведению и решила «приговор в отношении личной ответственности Шульгина оставить без исполнения» (Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2560. Л. 109). Информацию о «царской милости» В.В. Шульгин получил на фронте, в январе 1915 г. (Шульгин, 2002. С. 225). К этому моменту он уже несколько месяцев воевал в рядах Действующей армии.

Начало Первой мировой войны он встретил с оптимизмом, веря в победу русского оружия. В.В. Шульгин добровольцем записался в Действующую армию (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 908. Л. 18). Приказом армиям Юго-Западного фронта от 22 августа 1914 за №55 член Государственной Думы прапорщик запаса полевых инженерных войск Шульгин был определен в службу в 166-й пехотный Ровненский полк (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 908. Л. 15). После ранения, полученного в боях под Перемышлем, Высочайшим приказом от 19 июля 1915 В.В. Шульгин был уволен со службы для определения «статским делам» в чине прапорщика (Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 908. Л. 17). Вернувшись с фронта, Василий Витальевич вступил в ряды думской оппозиции, примкнув к Прогрессивному блоку. Спустя несколько недель после Февральской революции, он комментировал свою «оппозиционность» следующим образом: «Никогда мы красными не были... Мы прежде всего были монархистами и считали совершенно необходимым во время войны иметь министерство доверия... наш самый дорогой лозунг...: раз начата была война, она должна быть доведена до конца» (Передовая В. Шульгина // Киевлянин (г. Киев). 1917. 29 марта). В то же время «Россия не могла простить своему Государю, что он вел войну так, что это грозило позорным миром. За это свое неумение Царь должен был отречься от престола» (Передовая В. Шульгина // Киевлянин (г. Киев). 1917. 21 марта). «Весь смысл Прогрессивного блока, – по словам В.В. Шульгина, – был предупредить революцию и ... довести войну до конца» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 21. Л. 4). «Прогрессивный блок, – утверждал В.В. Шульгин в статье «Pro domo sua», – с нашей точки зрения имел единственной целью: примирение политических русских партий для до-

ведения войны до конца, во что бы то ни стало...К несчастью русское правительство в противоположность тому, что делали правительства всех воюющих стран, не сочло возможным договориться с Государственной Думой, объединившейся во имя спасения Отечества. Из этого родилась продолжительная распря, кончившаяся страшной катастрофой...» (Шульгин В. Pro domo sua // Русская газета (г. Париж). 1924. 30 ноября).

В то время В.В. Шульгин находился под сильным влиянием П.Н. Милюкова, два столь разных по политическим взглядам человека сблизилась и даже подружились. Вернувшись летом 1915 года с фронта в Петроград, Шульгин по собственной инициативе ранним утром прямо с вокзала пошел к П.Н. Милюкову домой и без обиняков спросил у него: «Павел Николаевич, мы друзья»? После долгой паузы Милюков подтвердил это (Стенографический отчет, 1917. С. 21)⁹. Влияние Милюкова на Шульгина было достаточно сильно. Большинство программных документов, деклараций и заявлений Прогрессивного блока В.В. Шульгин и П.Н. Милюков вырабатывали вместе. Позднее Шульгин рассказывал в своей былой дружбе с Милюковым, считая, что был во время «вращения в орбите» П.Н. Милюкова «глиняным горшком». «Да, я пытался путем уступок «общественности», – писал В.В. Шульгин, – которая тогда в председателе конституционно-демократической партии находила свое олицетворение, и даже путем союза с ними, с кадетами, спасти положение. Естественно я бы этого не делал, если бы не верил в силу «общественности». И столько времени, сколько я в нее верил, я и был «глиняным горшком». И как другие хрупкие предметы этого рода я разбился о железо», – вспоминал В.В. Шульгин в статье с ироничным названием «Четверка с бубенцами» (Шульгин В. Четверка с бубенцами // Русская газета (г. Париж). 1924. 3 сентября).

Суть же конфликта Государственной Думы с короной, завершившегося Февральской революцией 1917 года, заключалась, по мнению В.В. Шульгина, в «вопросе о назначении министров с “согласия Государственной Думы”» (Шульгин, 1961. С. 7–8). Сам Шульгин считал тогда, что для расхождения Думы с

властью нет «органических причин», но «нынешняя власть, – писал Василий Витальевич за две недели до начала революции, – слаба, разъединена, неуверена в своем положении. Нам нужен русский Ллойд-Джордж», который, по мысли В.В. Шульгина, должен был бы возглавить «ответственное министерство» (Передовая В. Шульгина // Киевлянин (г. Киев). 1917. 15 февраля). Во время войны монархист Шульгин получил убеждение, «что Россия не только остро нуждается в некоторых реформах, но и созрела для них» (Статья В. Шульгина // Киевлянин (г. Киев). 1917. 8 января). Русский народ, по убеждению В.В. Шульгина, заслужил свободу своим патриотизмом во время войны (Шульгин, 1989. С. 116). Фракция прогрессивных националистов, в которой состоял В.В. Шульгин, исходила, по его словам, из предположения, что «правительство никуда не годится», оно не способно привести Россию к победе и на него надо давить «блоком в 300 человек» (Прогрессивный блок..., 1932. С. 143). Собственная же политическая программа Василия Витальевича была им предложена в качестве программы Прогрессивного блока и сводилась к идее «единения власти со страной».

Сама критика думцами власти в условиях тяжелой внешней войны казалась поначалу депутатам кощунственной и неуместной, так что «если мы поднимаем, – как говорил В.В. Шульгин в своем выступлении в Государственной Думе 3 ноября 1916 года, – против нее знамя борьбы, то это только потому, что действительно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которых дальше переносить невозможно» (Исторические речи..., 1916. С. 8). Произошло же, по мысли Василия Витальевича то, что «страна, которая в продолжение более двух лет безбоязненно и доблестно борется с самым страшным врагом, который когда-либо был перед Россией, – эта страна смертельно испугалась своего собственного правительства... люди, которые бестрепетно смотрели в глаза Гинденбургу, затрепетали перед Штюмером». Посему, заключал лидер прогрессивных националистов, Думе необходимо «бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет» (Исторические речи..., 1916. С. 8). Ужас обвинений Шульгина заключался для самодержавия в том, что «обличал правительство убежденный и последовательный монархист и шовинист» (Слонимский, 1975. С. 52). Из этого можно заключить, что самодержавие утратило уже к этому времени значи-

⁹ Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы первого, второго, третьего и четвертого созывов 27 апреля 1917 г. Пг., 1917. 380 л.

тельную часть своего обаяния в глазах даже самых преданных своих сторонников.

Однако, революции думцы все же боялись, рассматривая парламентскую трибуну именно в качестве своеобразной «отдушины» для общества. В выступлении перед депутатами Государственной Думы всех четырех составов 27 апреля 1917 года Шульгин говорил, что «не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это была бы неправда. Нет, среди многих из нас была сильна мысль, что во время переправы лошадей не перепрягают. Мы боялись, мы опасались, что революционный процесс может ослабить силу нашей военной мощи. Но, гг., даже не желая этого, мы революцию творили, ибо Государственная Дума, сконцентрировав ярким прожектором на правительстве свои лучи, выясняла с непрекращаемой ясностью для всей страны дефекты этой власти и невозможность дальнейшего такого управления ... И потому, гг., нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за нее моральную ответственность» (Стенографический отчет, 1917. С. 21–22)¹⁰. Понимая опасность революции, В.В. Шульгин, несмотря на все неприятие власти, надеялся на то, что революции не произойдет. Как вспоминал В.В. Шульгин, «перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала – у нас кружилась голова и немело сердце... [Отточия принадлежат

В.В. Шульгину. – В. К., А. П.]» (Шульгин, 1989. С. 171). В.В. Шульгину делались предложения от одной из организаций, готовивших низвержение существующего строя, однако он предпочитал оставаться «суденщиком», т. е. в данном случае держаться за монархию и монарха до последнего (Шульгин, 1989. С. 157–159). Надежда на удержание революционного вала исходила из расчета на успех весеннего наступления русской армии. Вспоминая потом о самом характере думской оппозиции Шульгин писал: «была формация людей, шедших «за отечество», но против Сухомлинова, Штюрмера и Распутина, т. е. – против царицы, т. е. – против царя. Да иначе, пожалуй, и не могло быть. Война разбудила патриотические чувства, чувства к родине, даже там, где их никогда не было. Она же безмерно усилила это чувство у тех, кто всегда к патриотизму был склонен. Когда этим людям, любящим Россию, показалось, что престол заблудился, они, спасая Родину, стали самыми разнообразными способами учить престол уму-разуму. Разумеется ничему не научили, но среди этого процесса рухнула и династия, и Россия, и царь, и отечество» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 20. Л. 147–147 об.). Между тем в лагерь оппозиции В.В. Шульгина завела, как подчеркивал в своей работе В.С. Дякин, «только вопиющая бездарность самодержавной власти» (Дякин, 1967. С. 352).

Начало Февральской революции В.В. Шульгин встречает в лагере парламентской оппозиции. Ему, как и целому ряду думских парламентариев, предстояло сыграть видную роль в свержении монархии. Впрочем, это сюжет для отдельной работы.

¹⁰ Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы первого, второго, третьего и четвертого созывов 27 апреля 1917 г. Пг., 1917. 380 л.

Список источников

Аврех А.Я. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М.: Наука, 1981. 293 с.

Бабков Д.И. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина в 1917–1939 годах. М.: РОССПЭН, 2012. 302, [1] с. EDN: QPVJAX.

Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историкографические очерки. М.: Русский мир, 1998. 318, [1] с.

Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 604 с. EDN: YUKSRM.

Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. М.: Терра, 1993. Т. 22. 424 с.

References

Avrekh A.Ya. (1981). Tsarism and the Fourth Duma (1912-1914). Moscow: Nauka. 293 p. (In Russ.).

Babkov D.I. (2012) State and national problems in V.V. Shulgin's worldview in 1917-1939. Moscow : ROSSPEN. 302, [1] p. (In Russ.). EDN: QPVJAX.

Bordyugov G.A., Ushakov. A.I., Churakov V.Yu. (1998). The White Matter: ideology, foundations, regimes of power. Historiographical essays. Moscow: Russkii mir. 318, [1] p. (In Russ.).

Gaida F.A. (2016). Power and the Public in Russia: a dialogue on the Path of Political development (1910-1917). Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 604 p. (In Russ.). EDN: YUKSRM.

Gessen I.V. (1993) In two centuries. Vital report. *Archive of the Russian Revolution*. Moscow: Terra. Vol. 22. 424 p. (In Russ.).

Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918. М. : Новый хронограф, 2020. 639 с.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914–1917). Л. : Наука, 1967. 363 с.

Ерашов В.П. Парадоксы В.В. Шульгина. М. : Независимое издательство «Пик», 2004. 320 с.

Житомирский В.Л. Мои записи: Воспоминания. Конец 1880-х – 1934. М. : Кучково поле Музеон, Издательский центр «Воевода», 2022. 510 с.

Жуков Д.А. Таинственные встречи. М. : Патриот, 1992. 299, [2] с.

Заславский Д.О. Рыцарь черной сотни В.В. Шульгин. Л. : Былое, 1925. 72 с.

Иванов А.А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы 1906–1917 годов. СПб. : Владимир Даль, 2018. 633, [1] с.

Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб. : Владимир Даль, 2024. 735 с.

Исторические речи П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина и В.А. Маклакова, произнесенные в Государственной Думе 1 и 3 ноября 1916 года. Уфа, 1916. 14 с.

Керенский А.Ф. Издалека : Сб. статей (1920–1921 г.). Париж : Поволоцкий, Сор. 1922. 249 с.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте : Мемуары. М. : Изд. центр «Терра» : Кн. лавка-РТР, 1996. 508, [3] с.

Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / науч. ред. С.К. Лебедев. СПб. : Владимир Даль, 2016. 486, [1] с.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. : РОССПЭН, 2001. 528 с. EDN: WIQAOT.

Кушнирович М. Тот самый Шульгин // Родина. 1995. № 6. С. 53–58.

Левитский В.М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / предисл. В.В. Шульгина; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Чемакин. М. : Фонд «Связь эпох», 2019. 256 с.

Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума (Воспоминания современников). London : Overseas publ. interchange, 1991. 258, [2] с.

Матич О. Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 577, [1] с.

Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С предисловием Н. Лапина // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1–2 (50–51). М.; Л. : Партийное издательство, 1932. С. 117–160.

Пученков А.С. «Историк» против Василия Шульгина: О фильме «Перед судом истории» Фридриха Эрмлера (1965) // Русский сборник : Исследования по истории России. М. : Регнум, 2011. Т. X. С. 361–378. EDN: TAVQVR.

Пученков А.С. Василий Шульгин и разведывательная организация «Азбука» в годы Гражданской войны: эпизо-

Golovin F.A. (2020). Memoirs. 1870-1918. Moscow: Novyi khronograf. 639 p. (In Russ.).

Dyakin V.S. (1967). The Russian bourgeoisie and Tsarism during the First World War. 1914-1917. Leningrad: Nauka. 363 p. (In Russ.).

Erashov V.P. (2004). The Paradoxes of V.V. Shul'gin. Moscow: Nezavisimoe izdatel'stvo "Pik". 320 p. (In Russ.).

Zhitomirskii V.L. (2022). My notes: Memoirs. The end of the 1880s-1934. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, Izdatel'skii tsentr "Voevoda". 510 p. (In Russ.).

Zhukov D.A. (1992) Mysterious meetings. Moscow: Patriot. 299, [2] p. (In Russ.).

Zaslavskii D.O. (1925) Vasily Shulgin, Knight of the Black Hundred. Leningrad: Byloe. 72 p. (In Russ.).

Ivanov A.A. (2018). "A matter of honor": Deputies of the State Duma and dueling scandals (1906-1917). St. Petersburg: Vladimir Dal'. 633, [1] p. (In Russ.).

Ivanov A.A. (2024) The right-wing Parties of the Russian Empire. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 735 p. (In Russ.).

Milyukov P.N., Shulgin V.V. and Maklakov V.A. (1916) Historical speeches, delivered in the State Duma on November 1 and 3, 1916. Ufa. 14 p. (In Russ.).

Kerenskii A.F. (1922). From Afar.: Collection of articles (1920–1921). Paris: Povolotskii. 249 p. (In Russ.).

Kerenskii A.F. (1996) Russia at a historical turn. Moscow: Publishing House "Terra" : Kn. lavka-RTR. 508, [3] p. (In Russ.).

Kotov A.E. (2016). Mikhail Katkov's «The Tsar's Way»: The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s - 1890s. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 486, [1] p. (In Russ.).

Kotsyubinskii D.A. (2001). Russian nationalism at the beginning of the twentieth century: The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union. Moscow: ROSSPEN. 528 p. (In Russ.). EDN: WIQAOT.

Kushnirovich M. (1995) The same Shulgin. *Rodina*. No. 6. P. 53-58. (In Russ.).

Levitskii V.M. (2019). The struggle in the South: Facts. People. Moods. Preface by V.V. Shulgin; comp., scientific ed., author. introductory article and commentary by A.A. Chemaikin. Moscow: Fond "Svyaz' epoch". 256 p. (In Russ.).

Maklakov V.A. (1991). The Second Duma. (Memoirs of a contemporary). London: Overseas publ. Interchange. 258, [2] p. (In Russ.).

Matich O. (2017) Notes of a Russian American woman: Family chronicles and chance encounters. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 577, [1] p. (In Russ.).

Lapin N. (1932) The Progressive Bloc in 1915-1917. *Krasnyy Archive. Historical Magazine*. Moscow; Leningrad: Partiinoe izdatel'stvo. Vol. 1-2 (50-51). P. 117–160. (In Russ.).

Puchenkova A.S. (2011) "The Historian" against Vasily Shulgin: About the film "Before the Court of History" by Friedrich Ermler (1965). *Russian Collection: Research on Russian History*. Moscow: Regnum. Vol. 10. P. 361-378. (In Russ.). EDN: TAVQVR.

Puchenkova A.S. (2024) Vasily Shulgin and the "Azбука" intelligence organization during the Civil War: episodes from

ды из истории Белого движения на Юге России // История органов государственной безопасности России. Исторические чтения : «гороховая, 2» – 2024. Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 г. Выпуск XXII. Санкт-Петербург : ФГБУК «Государственный музей политической истории», 2024. С. 67–73. EDN: HNRJVB.

Репников А.В., Христофоров В.С. Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 155–169. EDN: LJVFL.

Рыбас С.Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М. : Молодая гвардия, 2014. 542, [1] с.

Сидоров В.М. Непадшее человечество. М. : АиФ-Принт, 2001. 359, [1] с.

Слонимский А.З. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе : Ирфон, 1975. 320 с.

Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М. : Книга и бизнес, 1998. 621 с.

Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия»). Л. : Наука, 1977. 270, [2] с.

Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. М. : Республика, 1997. Т. 1 : Февральская революция. 461 с.

Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. 2 изд. London : Overseas publ. interchange, 1990. 437 с.

Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М. : Книжница : Русский путь, 2010. 480 с.

Федоров Д.А. Правительственные субсидии газете «Киевлянин» в 1864–1882 гг. // Российская история. 2022. № 6. С. 165–172. DOI: 10.31857/S0869568722060164. EDN: MMZRZQ.

Церетели И.Г. Воспоминания о февральской революции : В 2 т. Paris ; La Haye : Mouton, 1963. Кн. 1. XXI, 492, [1] с.

Чемакин А.А. «1920 год» и «Три столицы» В.В. Шульгина: новое издание // Российская история. 2018. № 4. С. 199–204. DOI: 10.31857/S086956870000147-2. EDN: YLGDVB.

Чемакин А.А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М. : Кучково поле Музеон, 2020. 640 с.

Чемакин А.А. Эмигрантская публицистика В.В. Шульгина: материалы к библиографии // Вопросы истории. 2022. № 12–1. С. 50–65. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi51. EDN: DIYHNP.

Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М. : Мысль, 1976. 318 с.

the history of the White Movement in Southern Russia. *Istoriya organov gosudarstvennoi bezopasnosti Rossii. Istoricheskie chteniya* : «gorokhovaya, 2» – 2024. Sankt-Peterburg, 18–19 aprelya 2024 g. = *Special Forces and Special Operations of the Secret Services of Russia. XIX-XX centuries: "Gorokhovaya, 2" - 2024. St. Petersburg, April 18-19, 2024. St. Petersburg: Federal State Library, State Museum of Political History. Iss. XXII. P. 67-73. (In Russ.). EDN: HNRJVB.*

Repnikov A.V., Khristoforov V.S. (2009). Vasily Vitalievich Shulgin. *Rossiyskaya Istoriya*. No. 5. P. 155-169. (In Russ.). EDN: LJVFL.

Rybas S.Yu. (2014). Vasily Shulgin: the fate of a Russian nationalist. Moscow: Molodaya gvardiya. 542, [1] p. (In Russ.).

Sidorov V.M. (2001). Unfallen humanity. Moscow: AiF-Print. 359, [1] p. (In Russ.).

Slonimskii A.Z. (1975). The catastrophe of Russian liberalism. The Progressive bloc on the eve and during the February Revolution of 1917. Dushanbe: Irfon. 320 p. (In Russ.).

Smirnov A.F. (1998). The State Duma of the Russian Empire 1906-1917: Historical and Legal Essay. Moscow: Kniga i biznes. 621 p. (In Russ.).

Startsev V.I. (1977). The Russian bourgeoisie and the autocracy in 1905-1917. (The struggle around the "Responsible Ministry" and the "Government of Trust"). Leningrad: Nauka. 270, [2] p. (In Russ.).

Trotsky L.D. (1997). History of the Russian Revolution. In 2 Vol. Moscow: Respublika. Vol. 1: Fevral'skaya revolyutsiya. 461 p. (In Russ.).

Tyrkova-Vil'yams A.V. (1990). Towards freedom. London: Overseas publ. interchange. 473 p. (In Russ.).

Makarov V.G., Repnikov A.V., Khristoforov V.S. (2010). Vasily Shulgin's prison odyssey: Materials of the Investigative Case and the Prisoner's Case. Moscow: Knizhnitsa : Russkii put'. 480 p. (In Russ.).

Fedorov D.A. (2022). The government subsidies to the newspaper "Kievlyanin" in 1864-1882. *Russian History*. No. 6. P. 165-172. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869568722060164. EDN: MMZRZQ.

Tsereteli I.G. (1963). Memories of the February Revolution. In 2 vol. Paris; La Haye : Mouton. Book 1. Vol. XXI. 492, [1] p. (In Russ.).

Chemakin A.A. (2018). ("1920" and "Three Capitals" of V.V. Shulgin: A new edition. *Russian History*. No. 4. P. 199-204. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086956870000147-2. EDN: YLGDVB.

Chemakin A.A. (2020). "Anonymous Center". Secret monarchist organizations and right-wing terrorism in the White South of Russia (1918-1920). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon. 640 p. (In Russ.).

Chemakin A.A. (2022). Emigrant publicism of V.V. Shulgin: materials for bibliography. *Questions of History*. No. 12-1. P. 50-65. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi51. EDN: DIYHNP.

Chermenskii E.D. (1976). The IV State Duma and the overthrow of Tsarism in Russia. Moscow: Mysl'. 318 p. (In Russ.).

Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин : О. Кирхнер и К°, 1923. Ч. II. 212, [2] с.

Шульгин В.В. Нечто фантастическое. София : Российское-Болгарское книгоизд-во, 1922. 96 с.

Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам. М. : Соцэргиз, 1961. 95 с.

Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М. : Современник, 1989. 557, [2] с.

Шульгин В.В. Размышления. Две старых тетради / Публикация А.И. Ушакова // Неизвестная Россия. XX век : Архивы, письма, мемуары. Кн. 1. М. : Историческое наследие, 1992a.. С. 306–348.

Шульгин В.В. Что нам в них не нравится: Об антисемитизме в России. СПб. : Хорс, 1992b. 286 с.

Шульгин В.В. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р.Г. Красюкова. Комментарии Б.И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб. : Феникс : Atheneum, 1994. С. 121–328.

Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. / сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. М. : ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 588 с.

Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний, 1903–1922. М. : Фонд «Связь Эпох», 2019. 668 с.

Информация об авторах

Калиновский Владимир Витальевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии
Института истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
Россия,
e-mail: v.kalinovsky@spbu.ru

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей
истории России Института истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
Россия,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 мая 2025 г.; одобрена после рецензирования 26 июня 2025 г.; принята к публикации 7 июля 2025 г.

Shidlovskii S.I. (1923). Memoirs. Berlin: O. Kirchner i K°. Pt. II. 212, [2] p. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (1922). Something fantastic. Sofiya: Russian-Bulgarian Publishing House. 96 p. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (1961). Letters to Russian emigrants. Moscow: Sotsekgiz. 95 p. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (1989). Days. 1920: Notes. Moscow: Sovremennik. 95 p. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (1992a). Reflections. Two old notebooks. Ushakov. A.I. Unknown Russia. XX century: archives, letters, memoirs. Moscow: Istoricheskoe nasledie. Book 1. P. 306-348. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (1992b). What we don't like about them: About anti-Semitism in Russia. St. Petersburg: Khors. 286 p. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (1994). 1917-1919. Preface and publication by R. G. Krasnyukov. *Persons: Biographical almanac*. Moscow; St. Petersburg: Feniks : Atheneum. Iss. 5. P. 121-328. (In Russ.).

Shul'gin V.V. (2002). The last eyewitness: Memoirs. Essays. Dreams. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyi mir. 588 p. (In Russ.).

Shul'gina E.G. (2019). A summary of my political experiences (1903-1922). Moscow: Fund "Svyaz' Epokh". 668 p. (In Russ.).

Information about the authors

Vladimir V. Kalinovskiy,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of
museumology of the Institute of History,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: v.kalinovsky@spbu.ru

Alexander S. Puchenkov,
Dr. Sci. (History), Professor of the Department of
Contemporary History of Russia of the Institute of History,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: a.puchenkov@spbu.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 12, 2025; approved after reviewing June 26, 2025; accepted for publication July 7, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(571.150)
EDN: OYQJIC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-121-130>

Причины и подготовка проведения реформы административного аппарата Алтайского округа в 1911 г.

Ю.Н. Москвитин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются события, связанные с причинами и основными этапами подготовки проведения административной реформы на территории Алтайского округа в первое десятилетие XX в. Именно в это время на Алтае происходили значительные экономические преобразования. Кризис в горнозаводской промышленности, массовое переселенческое движение на юг Западной Сибири вынуждали администрацию округа искать новые пути в экономическом развитии региона. В проводимых встречах со столичным руководством вырабатывался новый курс на модернизацию экономики округа. Необходимо было принципиально менять подход к сбережению природных богатств Алтая. Сохранение лесных массивов региона от самовольных вырубок, лесных пожаров, которые наносили ущерб не только природе всего юга Западной Сибири, но и жизни крестьян, стало одной из задач при подготовке к проведению реформы. Еще одна знаковая деталь в реформировании бюрократического аппарата – это то, что окружное начальство стремилось создать мобильную модель администрации. Требовалось значительно сократить расходы по содержанию чиновничьего аппарата и вместе с тем сформировать мобильную систему управления, способную быстро и продуктивно вмешиваться в разрешение возможных конфликтных ситуаций, которые бы возникали либо с местными жителями, либо с арендаторами. Постепенно в сознании разработчиков реформы формировалась модель нового административного устройства на Алтае. Главными статьями извлечения прибыли становились земельно-арендные отношения с крестьянами и эксплуатация лесного массива Алтайского округа. В итоге разработки проектов реформ администрации округа был выбран, по мнению столичного начальства, наиболее благоприятный проект, который и был введен в действие.

Ключевые слова: реформа, административный аппарат, лесное хозяйство, земельно-арендные отношения, экономика, хозяйственная деятельность, бюрократия, управление, чиновники

Для цитирования: Москвитин Ю.Н. Причины и подготовка проведения реформы административного аппарата Алтайского округа в 1911 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 121–130. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-121-130. EDN: OYQJIC.

History

Original article

Reasons and preparation of the reform of the administrative apparatus of the Altai district in 1911

Yuri N. Moskvitin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the events related to the causes and main stages of the preparation of administrative reform in the Altai District in the first decade of the 20th century. It was during this time that significant economic transformations took place in the Altai region. The crisis in the mining industry and the mass migration to the south of Western Siberia forced the district administration to seek new ways for the economic development of the region. In meetings with the central government a new course was developed for the modernization of the district's economy. It was necessary to fundamentally change the approach to preserving the natural resources of the Altai region. One of the tasks in the preparation for the reform was to protect the region's forests from unauthorized logging and forest fires which caused damage not only to the nature of the entire south of Western Siberia.

ria but also to the lives of the local farmers. Another significant aspect of the reform of the bureaucratic apparatus was the district administration's desire to create a mobile model of administration. The goal was to significantly reduce the cost of maintaining the bureaucratic apparatus while also establishing a mobile management system that could quickly and effectively address potential conflicts with local residents or tenants. Gradually, the reformers began to envision a new administrative structure for the Altai region. The primary focus of the reform was to generate revenue through land-lease agreements with farmers and the exploitation of the Altai region's forests. As a result, the district administration's reform projects were evaluated, and the most favorable one was implemented.

Keywords: reform, administrative apparatus, forestry, land lease relations, economy, economic activity, bureaucracy, management, officials

For citation: Moskvitin Yu.N. (2025) Reasons and preparation of the reform of the administrative apparatus of the Altai district in 1911. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 121-130. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-121-130. EDN: OYQJIC.

До революции 1917 г. территория Алтайского округа (до 1896 г. существовало название Алтайский горный округ) находилась в административно-хозяйственном управлении Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет). Общая площадь округа составляла около 456,9 тыс. кв. км и включала в себя современные территории Республики Алтай, Алтайского края, Новосибирской области, Кемеровской области – Кузбасса и части территорий Республики Хакасия и Томской области, а также северо-восточной части территории Республики Казахстан, в основном в том районе, где расположена Бель-Агачская (Бельагашская) степь. Снижение добычи полезных ископаемых в горнорудных месторождениях юга Западной Сибири в конце XIX в. побудило администрацию Алтайского округа искать новые пути развития экономики региона. Попытки обрести новый экономический облик получили свое дальнейшее продолжение в последующие годы, вплоть до первого десятилетия XX в. Экономическая жизнь округа во многом опережала начинания Кабинета, который осуществлял общее руководство всей хозяйственной и кадровой деятельностью региона и зачастую заставляла его не всегда подготовленным по тем вопросам, которые особенно настойчиво требовали своего разрешения. С истощением полезных ископаемых в округе стало очевидным, что огромные запасы леса, который рос возле мест их разработки, серьезно пострадали из-за его использования в процессе горнорудного производства. Кроме того, местное население, постоянно испытывало потребность в заготовках древесины (для осуществления новых построек, для обогрева своих домов в зимний период и других бытовых нужд).

Таким образом, перед кабинетской администрацией возникла проблема переориентации хозяйственной деятельности региона с тем, чтобы получать прибыль из земельно-лесного хозяйства региона. Необходимо было кардинально изменить хозяйственную деятельность Алтайского округа и, прежде всего, реформировать административный аппарат управления округа.

Заслуживает внимания ряд фундаментальных научных исследований советских историков, занимавшихся проблемами сибирского крестьянства. Несмотря на ряд идеологических аспектов, которые присутствуют в этих работах, фактический материал изложен скрупулезно и, по нашему мнению, не утратил своей актуальности.

В центре внимания монографии Л.Ф. Скларова – состояние дел на казенных и кабинетских землях Сибири. Отдельно им рассмотрены вопросы об образовании переселенческих участков, о проведении мелиоративных и дорожных работ, правительственных мероприятиях по организации хозяйственной помощи новоселам (Скларов, 1962).

Томский историк А.Т. Топчий в своей монографии обратился к теме реализации крестьянской реформы 1861 г. на кабинетских землях. Хотя в работе больше внимания уделено второй половине XIX в., ученый, расширив хронологические рамки, подводя итоги своего исследования, делает вывод о том, что в первое десятилетие XX в. кабинетской бюрократии вновь предстояло пройти новый виток в проведении преобразований (Топчий, 1979).

Новосибирский исследователь Л.М. Горюшкин в заключительной главе своей монографии «Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.)» дает характеристику земельной

собственности в Сибири и земельно-лесного хозяйства (Горюшкин, 1976).

В ряде последних работ ученых-историков были рассмотрены некоторые аспекты, связанные с переселенческой политикой на Алтае, эксплуатацией природных богатств региона, анализом управления имениями округа и рядом других.

В работе Н.В. Люля рассмотрены особенности переселенческой политики Кабинета на Алтай. В частности, автор приходит к выводу, что одной из особенностей этого движения стало заселение Алтайского округа выходцами с Украины. Особенно автор подчеркивает, что в период с 1906 по 1917 гг. произошел резкий рост численности украинских мигрантов. Более того, по мнению Н.В. Люля, во вновь образуемых переселенцами населенных пунктах преобладающее население по своему этническому составу было украинским (Люля, 2020. С. 161).

Новой политике Кабинета в конце XIX – начале XX в., связанной с переходом на коммерческую эксплуатацию лесных массивов Алтая, посвящена научная статья Е.А. Карпенко (Карпенко, 2019).

А.В. Кошелев сосредоточил свое внимание на вопросах управления административно-хозяйственной единицы Алтайского округа – имении (Кошелев, 2021).

В диссертационном исследовании М.О. Тяпкина, посвященном лесоохранной политике Российской империи в Западной Сибири, отдельным параграфом рассматривается ведомственная лесоохранная политика Кабинета в Алтайском округе. Ученый приходит к выводу, что в результате кризисных явлений в эксплуатации горно-металлургического комплекса Кабинет был вынужден заняться поиском нового направления в своей хозяйственной деятельности на землях Алтая. Этим новым направлением стали земельно-лесные ресурсы, а собственно лесоэксплуатация в экономической жизни региона превращается в самостоятельную отрасль производства (Тяпкин, 2017. С. 208–236)¹.

Ряд исследовательских работ по вопросам административно-хозяйственной деятельности Кабинета на Алтае принадлежит Т.Н. Соболевой и ее ученикам. Среди них можно выделить научные статьи,

в которых рассмотрены вопросы коммерциализации земельно-арендных отношений и лесного хозяйства на Алтае в начале XX в. Исследователь отмечает, что кабинетскому хозяйству на Алтае в конце XIX – начале XX в. были присущи кризисные явления. Развитию новых явлений в экономике Алтайского округа мешал устаревший бюрократический аппарат, который, не отвечая новым требованиям, не спешил проводить модернизацию в экономической жизни округа (Соболева, 1995; Соболева, 2001; Соболева, Кухаренко, 2012).

Существенным фактором, повлиявшим на изменение политики Кабинета по отношению к землям округа, стал кризис в горнозаводской промышленности. Первоначальные контуры новой политики обозначились еще в конце XIX в. Понимая, что в ближайшие годы извлечь доход из горной отрасли производства не удастся, кабинетское начальство было вынуждено искать другие пути в деле получения прибыли от эксплуатации земель округа. Тогда появились первые очертания переориентации в хозяйственной деятельности округа. Собственно, началом административной реформы 1911 г. следует считать введение нового штатного расписания. Вся последующая деятельность Кабинета на землях округа находилась в подчинении этого преобразования.

Проблема подготовки проектов по замене административного аппарата управления возникла еще в 1907 г., когда Алтайский округ с инспекторской проверкой посетил помощник управляющего Кабинетом Евгений Николаевич Волков. Тогда им было отмечено, что местных чинов, занимающихся земельно-лесным направлением, явно не хватает для обеспечения наиболее полного и рационального ведения дел в соответствующих хозяйствах. Значительное место в докладе столичного чиновника уделялось неудовлетворительному состоянию лесной стражи. «Решено было изменить социальный состав лесной стражи, исключив из нее представителей местного населения. Основным источником для пополнения стражи должны были стать запасные нижние чины, приглашаемые в округ по рекомендациям полковых командиров. Этой мерой надеялись устранить местное население от прямого влияния на лесную стражу и ликвидировать негативные черты, присущие прежним объездчикам» (Тяпкин, Поляков, 2003. С. 169). Кроме того, столичный чиновник обратил внимание на «засилье» кан-

¹ Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 554 с. EDN: YLMOPQ.

целярской работы в округе и дал понять начальнику округа И.А. Ульриху, что штат Главного управления перегружен лишними должностями (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 482. Оп. 10. Д. 1018. Л. 67 об.).

Однако выдать разрешение на начало реформы в округе Кабинет в то время не решился. В 1905–1907 гг. в Российской империи происходили массовые волнения крестьян, и начинать болезненные перемены, которые затрагивали бы многие крестьянские хозяйства, правительство не было готово. Л.М. Горюшкин, исследовавший в свое время развитие сибирского крестьянства, отмечал, что крестьяне наносили существенный урон лесной отрасли. «Буквально целыми селениями на сотнях и тысячах подвод ... выезжали на порубки леса» (Горюшкин, 1967. С. 314). Если в конце XIX и в первые годы XX в. «вырубки леса не рассматривались как наносящие серьезный ущерб экономике, то в 1905–1907 гг. массовые лесные вырубки стали настоящим бедствием, до предела обострившим отношения между властными структурами и местным населением» (Москвитин, 2000. С. 76). Позднее мы отметили в своей монографии, что в подобных случаях тотальной порубки леса «лесные чины нередко обращались за помощью к полицейским исправникам, когда требовалось задержать злостных порубщиков. ... Полиция являлась реальной силой, ... способной оказать содействие лесной администрации при наведении порядка в лесопользовании» (Москвитин, 2006. С. 49–50).

Сложнее обстояло дело с лесными пожарами, которые возникали как стихийно, так и в результате человеческой деятельности (небрежное обращение с огнем, сознательный поджог). «Спецификой преследования нарушений мер пожарной безопасности в лесах было то, что виновных в поджоге, случайном или умышленном, обнаружить и привлечь к ответственности, было чрезвычайно сложно (Тяпкин, 2003. С. 257).

Власти необходимо было реагировать на сложившееся положение дел. Все протестные настроения могли принять необратимый характер. В этом случае развитие событий было бы невозможно предсказать. Поэтому в декабре 1905 г. «в Томской губернии в целях недопущения дезорганизации в работе транспортных магистралей и, прежде всего, железной дороги, уезды, по которым проходила

Сибирская железная дорога, были переведены на военное положение, и полиция этих уездов оказалась в подчинении военной власти» (Суверов, Москвитин, Фризен, 2024. С. 16). В Алтайском округе к таким уездам был отнесен Барнаульский.

Следующие три года с 1907 по 1909 стали периодом массового переселенческого движения на Алтай; казенной администрации приходилось участвовать в работах по землеустройству и, вероятнее всего, из-за опасности осложнения отношений с местным населением работы по административному реформированию не были начаты в то время. Помимо всего прочего, в процессе землеустроительных работ Кабинет ежегодно получал компенсацию из государственной казны в размере 850 тыс. руб., что давало возможность кабинетской бюрократии уверенно себя чувствовать и не искать новых путей в получении прибыли. После окончания землеустроительных работ, т. е. когда земли Кабинета, занятые переселенцами и другими лицами, получившими ее в ходе землеустройства, окончательно бы перешли в казну, Кабинет едва ли смог бы получать 400 тыс. руб. в год. Такое положение дел уже не могло удовлетворять кабинетскую бюрократию в деле извлечения прибыли. Необходимость в изменении экономической политики стала очевидной, созрели объективные условия для проведения реформы административно-хозяйственного аппарата в округе.

Чиновники, которые готовили документы для доклада министру императорского двора, пытались сформировать представление о том, что в округе серьезным тормозом для новаторских изменений является местный бюрократический аппарат управления. В своих отчетных документах и справочных материалах они отмечали, что в Алтайском округе с течением времени канцелярская переписка разрослась до значительных масштабов. Управлению приходилось нанимать дополнительных лиц для разгрузки накопившейся рутинной работы. Постоянный рост численности населения, все новые и новые межевые разграничения и связанная с этим работа по нанесению их на планы, бесконечно растущая выдача отпускных билетов, составление отчетов и т. д. не могли не отразиться на состоянии практических дел в хозяйстве. Местные земельно-лесные чины просиживали большей частью в канцеляриях в ущерб основной работе с крестьянами при заготовках леса или использованию земли для сельскохо-

зяйственных нужд. Все это должно было побудить высокое столичное начальство отдать команду начать проведение реформы.

В итоге состоявшегося в Санкт-Петербурге совещания по рассмотрению проектов штатного расписания администрации Алтайского округа было обращено внимание, что одна из главных задач, преследуемых Кабинетом при проведении этой модернизации, заключалась в значительном сокращении канцелярской работы и бюрократической волокиты на местах. Другой же стороной этой проблемы являлось по возможности уменьшение расходов на содержание чиновничьего аппарата, что и было отмечено в протоколах столичного совещания. Обращалось категорическое внимание на то, что округу необходимо придерживаться местного бюджета (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1018. Л. 68). Однако было очевидно, что Кабинету придется пойти на некоторые жертвы в финансовом отношении с тем, чтобы уже в ближайшее время ожидать увеличения доходности с хозяйств округа.

Не менее острой причиной начала реформы послужило удручающее положение, сложившееся в лесной части округа. Обширность лесных пространств, занимаемых имениями, затрудняла должный надзор и контроль. Существовавшая организация местного управления лишь усугубляла состояние дел. Начальник округа писал в пояснительной записке к проекту нового штатного расписания о том, что многовековой сосновый лес постепенно уничтожается. Причина этого кроется в частных пожарах, которые возникают стихийно и в некоторых случаях из-за поджогов местных жителей, поскольку после пожара остатки от хвойного леса могут использоваться населением. Другая причина – незаконная рубка леса местным населением, поскольку огромные площади лесных угодий не позволяли отследить всех нарушителей. Задача состояла в том, чтобы своевременно восполнять те места, где были найдены самовольные вырубki сосновых пород, но это был длительный процесс. Такие вырубki не всегда удавалось восстановить, из-за этого с течением времени они зарастали второстепенными породами (Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 374. Л. 4). Земельное неустройство округа отрицательно сказывалось на лесном хозяйстве. Административно-хозяйственный аппарат округа с 1906 г. (начала массового переселенческого

движения в Алтайский округ) не смог обеспечить надлежащий контроль за использованием лесным богатством округа переселенцами.

Единственным направлением, благодаря которому удавалось сдерживать и в некоторых случаях уменьшать самовольное лесопользование крестьян, являлась реорганизация кабинетского хозяйства и совершенствование административного аппарата Алтайского округа (Глазунов, 2000. С. 73).

На проходившем 26 января 1910 г. в Кабинете заседании по текущим вопросам, связанным с отводом в Алтайском округе земель при землеустройстве и под колонизацию, управляющий делами Кабинета указывал на неудовлетворительную работу администрации округа. Было отмечено, что после коренных изменений 1890-х годов и после издания указа 19 сентября 1906 г. (Именной Высочайший указ..., 1909. С. 864–865)² окружное начальство продолжает хозяйствовать не в соответствии с требованиями и указаниями Кабинета, а со сложившимися традициями, местными веяниями и даже желаниями населения и местных ведомств. До сих пор управление округа оправдывало свою бездеятельность невозможностью развития какого-либо хозяйства до окончания землеустройства. Между тем, когда землеустройство начало приближаться к концу, администрация как бы поставила задачей сбыть населению под колонизацию все земли, которые могли обременить его заботами. Кабинет посчитал такое отношение к делу недопустимым и заверил, что не остановится ни перед какими мерами для принуждения чинов округа относиться к своему делу добросовестно (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3180. Л. 30–32). Все эти, отмеченные на совещании негативные моменты в работе местной администрации, подкрепляли уверенность руководства Кабинета в необходимости административно-хозяйственных реформ, причем в самое ближайшее время.

Чтобы иметь должный контроль над местным населением, администрация с помощью новой лесной политики надеялась упрочить свое влияние на

² Именной Высочайший указ, данный Сенату «О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного Управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков», 19 сентября 1906 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 26. 1906. Отделение 1, ч. 1. СПб., 1909. № 28357. С. 864–865.

крестьян, т. к. лес являлся одним из важнейших источников существования крестьянского хозяйства. Как подметил в своей монографии М.О. Тяпкин, «С 1908 г. отмечается устойчивый рост численности лесной стражи в Алтайском округе» (Тяпкин, 2006. С. 101). Кроме того, кабинетская бюрократия меняет структуру и кадровый состав лесной службы: их стали комплектовать из бывших военных. Из их числа стали образовывать мобильные отряды до 6 человек. «В случаях возникновения лесных бунтов ... эти отряды были обязаны входить в состав военных или полицейских команд» (Горелов, Сергеев, 2002. С. 152).

Соответственно это послужило своего рода «цепной реакцией» для последующих реформирований административных учреждений. Полиция, как блюститель правопорядка на территории округа, была подвергнута модернизации в связи с развитием переселенческого движения в Сибирь и «перераспределением хозяйственной деятельности Кабинета на территории Алтайского округа» (Москвитин, 2003. С. 254).

Таким образом, Кабинет возлагал большие надежды на осуществление модернизации административно-хозяйственного аппарата. Работа по разработке проектов реформы и дальнейшему их обсуждению была форсирована.

При разработке положения о новых штатах были приняты во внимание следующие основные моменты:

1. Количество хозяйственных единиц округа, устанавливаемое на первое время, не должно быть фиксировано.

2. Дальнейшее дробление округа на лесничество должно происходить в зависимости от развития хозяйства в округе.

3. Деятельность местной администрации должна быть направлена на нужды живого дела по лесному и оброчному хозяйствам, а не на занятия канцелярскими проблемами.

4. Введение новых штатных должностей должно сопровождаться сокращением прежнего штатного расписания управления округа (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1018. Л. 68).

С 1883 г. в округе действовало три штатных расписания в течение 27 лет. Если обратиться к штатам 1883 г., то можно заметить, что деятельность лиц, занимающих различные должности, на самом

деле была направлена на другие, более необходимые, по мнению начальника округа, нужды. В объяснительной записке к проекту новых штатов приводились такого рода примеры из жизни округа. Так, управляющий Сузунским заводом с сокращением заводской деятельности был привлечен к исполнению обязанностей районного инспектора при главном управлении округа. Младший смотритель за проведением работ на Сузунском заводе исполнял обязанности заведующего мельницей и лесопильным заводом при Барнаульском имении (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1018. Л. 1).

Утвержденные в 1896 г. штаты Главного управления и земельно-лесных учреждений так же подверглись с течением времени произвольным изменениям. Управляющий лабораторией заведовал Кемеровской каменноугольной копью. Должность медицинского инспектора вообще подлежала ликвидации, т. к. необходимость в ней миновала (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 101. Л. 1 об.).

Соблюдение прав Кабинета при решении судебных вопросов принадлежало управлению округа. «При управлении в штате состоял особый чиновник по судебным делам, от его имени решались судебные вопросы. В отдельных случаях решение судебных дел было возложено на управляющих именами Алтайского округа» (Суверов, Москвитин, Антропов, Миронов, 2017. С. 89). В целом такая система бюрократизировала всю процедуру управления.

Основной же задачей при разработке проекта явилось создание новой организации земельно-лесных учреждений и замена прежнего деления территории Алтайского округа с имений – на лесничество. Это, по мнению реформаторов, должно было перестроить управление округом, обращая основное внимание на решение вопросов, связанных с современными потребностями лесного хозяйства.

Название новой административно-хозяйственной единицы – «лесничество» было выбрано не случайно. С учетом перемен, произошедших с 1896 г., хозяйство Кабинета на Алтае было сконцентрировано, главным образом, возле лесных дач. Вместе с тем это название должно было указать будущей администрации сущность возложенной на нее задачи – непосредственное изучение и понимание потребностей лесной отрасли производства и разумного хозяйствования в ней. В проекте отмечалось, что ни-

каких посредников, связанных с той или иной территорией лесничества между лесничим и лесом быть не должно (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 374. Л. 10).

Будущий лесничий должен стать ответственным руководителем и единственным исполнителем по всем отраслям хозяйства, для чего ему должны быть даны достаточно широкие полномочия для самостоятельного решения большинства вопросов на местах.

Чтобы уйти от неизбежной бюрократической работы, в помощь лесничему предлагалось учредить должность «письмоводителей» или секретарей, которые бы и занимались текущей работой с документацией.

В помощь лесничему также учреждались «лесные кондукторы» или помощники лесничих. Отличие этой должности от лесничих состояло в том, что они не получали в свое ведение отдельных территорий лесничеств и занимали промежуточную инстанцию между лесничим и лесной стражей. Помощники по своим функциональным обязанностям должны были выполнять разного рода поручения лесничих, действуя на пространстве всего лесничества.

Для того чтобы полномочия лесничего использовались исключительно в интересах Кабинета, в проекте было предложено учредить должность лесного ревизора или старшего лесничего, в обязанность которого входило бы осуществление контрольных функций над лесничествами.

Для придания проектируемому штатному расписанию надлежащей гибкости и приспособляемости к новым экономическим запросам, были разработаны два проекта – основной и вытекающий из него сокращенный.

По первому проекту округ подразделялся на 75 лесничеств и 10 ревизорских районов. Согласно сокращенному проекту – на 53 лесничества и 8 ревизорских районов, полагая, что сокращенный вариант – это тот минимум, ниже которого нельзя опускаться. В дальнейшем предполагая, что по сокращенному варианту некоторые крупные лесничества будут постепенно подразделяться на более мелкие единицы с тем, чтобы выйти на основной проект штатной численности чиновников.

Проект преобразований в Алтайском округе предполагал учреждение должностей арендных смотрителей или тех же помощников лесничих, но получивших специальные полномочия – оказание

содействия лесничим по управлению различными угодьями (земельными, водными и др.), находящимися в арендном пользовании (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1018. Л. 1 об.).

Некоторая часть проекта новой административно-хозяйственной деятельности отводилась организации ведения арендного хозяйства земельных угодий, которые Кабинет охотно сдавал в аренду желающим. По мнению В.Н. Шайдурова, «... статус арендаторов земли вовсе не устраивал переселенцев. ...колонисты стремились всяческими способами стать владельцами, а не арендаторами земли» (Шайдуров, 2003. С. 219).

Однако этому мало способствовали не завершившиеся на тот момент времени землеустроительные работы. Тем не менее в новом проекте штатов с 1911 г. планировалось изменить принцип арендного хозяйства. От учета арендаторов земельных угодий как случайных плательщиков администрация Алтайского округа планировала перейти к систематическому учету земельного фонда и образованию арендных статей. Свободные от землеустройства земли, принадлежавшие Кабинету, необходимо было занести на план, провести межевание и тем самым создать новые угодья для дальнейшего арендного пользования (Жидков, 1973. С. 206, 210).

Для осуществления этого проекта в новом штате предусматривалась должность заведующего земельной частью, а также вводилась должность заведующего технической частью, который должен был осуществлять межевые работы и руководить землемерами и землемерами-таксаторами.

Разрабатывая проект новой администрации, руководство округа питало надежду на то, что в округе удастся создать высокодоходное хозяйство. Предполагалось, что по истечении одного-двух лет произойдет улучшение состояния лесного хозяйства, т.к. планировалось превратить лесную отрасль в рентабельную часть общей экономики Кабинета, приносящую постоянный доход. Конечную цель этого проекта чиновники кабинетской бюрократии видели в том, что население Алтайского округа будет вынуждено покупать самовольно вырубемый лес, и, понимая, что на первых порах полностью ликвидировать самовольные вырубки леса не удастся, но добиться существенного снижения таковых вполне будет возможно. Таким образом, это повысит доходность от лесной части экономики Кабинета на

несколько десятков тысяч рублей (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 374. Л. 22).

Не оставалось без внимания и горное дело. Предполагалось, что в новом штате будут состоять два горных инженера. Один в качестве заведующего горной и технической частью Алтайского округа, другой, с окладом в два раза ниже, чем у первого, должен будет выполнять все поручения заведующего (РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1018. Л. 3).

В итоге за основу административной реформы был принят сокращенный вариант штатного расписания и после некоторых изменений и доработок был высочайше утвержден (Высочайшее повеление объявленное министром юстиции..., 1914. С. 242)³.

Согласно принятому нормативно-правовому акту за начальником Алтайского округа сохранились все права и обязанности по заведованию горнозаводским хозяйством и другими делами округа, которые ранее возлагались на начальника Алтайского горного округа.

В целом надежды Кабинета на улучшение экономической ситуации и извлечение прибыли с зе-

мельно-арендного хозяйства постепенно оправдывались. Если в 1910 г. общий доход Кабинета от Алтайского округа составлял 2,9 млн руб., а чистая прибыль превышала 175 тыс. руб., то уже в 1912 г. общий доход превысил 3,8 млн руб. из них чистая прибыль составила более 1,3 млн руб. (Обзор деятельности Кабинета..., 1916. С. 87)⁴.

Таким образом, сложившиеся к началу XX в. условия в экономике Алтайского округа вынудили Кабинет искать новые пути развития хозяйственной деятельности региона. Причинами проведения реформы стало снижение получения прибыли, неудовлетворительная организация ведения лесного хозяйства в округе, а также малоприспособленный к сложившимся новым условиям бюрократический аппарат управления. В силу этих причин были предложены на рассмотрение кабинетскому начальству проекты основных штатов администрации округа, которые всесторонне были обсуждены на совещании в столице. Главной задачей стало создание действующей администрации округа, способной в кратчайшие сроки добиться получения прибыли от ведения экономической деятельности.

³ Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции «Об утверждении временного штата Алтайского округа», 6 апреля 1911 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 31. 1911. Отделение 1, ч. 1. СПб., 1914. № 35012. С. 242.

⁴ Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906–1915 гг. Петроград : Типография Главного управления уделов, 1916. 111 с.

Список источников

Глазунов Д.А. Правовая защита природных ресурсов Алтайского округа в конце XIX – начале XX в. // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы : материалы регион. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 12–13 октября 2000 г. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 2000. С. 67–73. EDN: VPDMBR.

Горелов Ю.П., Сергеев В.Е. Государственная лесная служба в Сибири накануне и в годы Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы II Всеросс. научн. чтений, г. Кемерово, 21 декабря 2001 г. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. С. 151–154.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.

Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1976. 343 с.

Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1973. 264 с.

References

Glazunov D.A. (2000) Legal protection of the natural resources of the Altai territory in the late 19th - early 20th century. *Economics of Nature Management of the Altai Region: History, Modernity, Prospects : Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference (October 12-13, 2000)*. Barnaul: Altai State University. P. 67-73. (In Russ.). EDN: VPDMBR.

Gorelov Yu.P., Sergeev V.E. (2002) The State Forest Service in Siberia on the eve of and during the First World War (1914-1918). *Intellectual and Industrial Potential of Russia's Regions: Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference. December 21, 2001*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 151-154. (In Russ.).

Goryushkin L.M. (1967) Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries (Late 19th - Early 20th Century). Novosibirsk: Nauka. 412 p. (In Russ.).

Goryushkin L.M. (1976) Agrarian Relations in Siberia during the Period of Imperialism (1900-1917). Novosibirsk: Nauka. 343 p. (In Russ.).

Zhidkov G. P. (1973) Cabinet Land Ownership (1747-1917). Novosibirsk: Nauka. 264 p. (In Russ.).

Карпенко Е.А. Формирование взглядов кабинетской администрации на коммерческую эксплуатацию лесов в Алтайском округе (1896–1911 гг.) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 5 (109). С. 44–48. DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-06. EDN: HIAAJQ.

Кошелев А.В. Томское имение Алтайского округа ведомства кабинета Его Императорского Величества: границы, структура управления, управляющие // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2021. № 27. С. 54–62. DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.09. EDN: HFOOTK.

Люля Н.В. Формирование украинского населения на территории Алтайского округа в ходе переселений 1865–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 155–163. DOI: 10.17223/15617793/460/19. EDN: RIQVHM.

Москвитин Ю.Н. Деятельность полиции Алтайского горного округа по охране природных ресурсов во второй половине XIX – начале XX в. // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы: материалы регион. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 12–13 октября 2000 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2000. С. 73–78.

Москвитин Ю.Н. Некоторые особенности в деятельности полиции Томской губернии в 1867–1917 гг. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири // Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. II. С. 253–256.

Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867–1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение служащих). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2006. 194 с. EDN: QXFFTB.

Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 588 с.

Соболева Т.Н. Коммерциализация лесного хозяйства Алтайского округа в 1911–1916 гг. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.): сборник статей. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1995. Т. 1. С. 175–189. EDN: SXWXZD.

Соболева Т.Н. Проекты местной администрации 1901, 1905, 1908, 1910 гг. о продаже кабинетских земель Алтайского округа в собственность частным предпринимателям // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.): сборник статей. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2001. С. 62–76. EDN: TAVSID.

Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Переходно-кризисный этап на пути к интенсификации административно-хозяйственной деятельности Кабинета в Алтайском округе (1899–1910 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2 (76). С. 194–198. EDN: PURQMJ.

Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н., Антропов В.М., Миронов Е.В. История органов внутренних дел Алтая. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. 348 с. EDN: YLLTRB.

Karpenko E.A. (2019) The Formation of the Views of the Cabinet Administration on the Commercial Exploitation of Forests in the Altai District (1896–1911). *Izvestiya AltGU. Historical Sciences and Archaeology*. No. 5 (109). P. 44–48. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-06. EDN: HIAAJQ.

Koshelev A.V. (2021) The Tomsk estate of the Altai territory department of the Cabinet of His Imperial Majesty: borders, management structure, governing. *Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory*. No. 27. P. 54–62. (In Russ.). DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.09. EDN: HFOOTK.

Lyulya N.V. (2020) The formation of the Ukrainian population in the Altai Okrug during the resettlements of 1865–1917. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 460. P. 155–163. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/460/19. EDN: RIQVHM.

Moskvitin Yu.N. (2000) Activities of the police of the Altai Mining District in the protection of natural resources in the second half of the 19th – Early 20th Centuries. *Economics of Environmental Management in the Altai Region: History, Modernity, and Prospects: Proceedings of the Regional Conference. Scientific and Practical Conference (October 12–13, 2000)*. Barnaul: Altai University Press. P. 73–78. (In Russ.).

Moskvitin Yu.N. (2003) Some Features in the Activity of the Police in the Tomsk Province in 1867 – 1917. *“Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia”: Fourth Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin: Collection of Scientific Papers*. Barnaul: Altai State University. Book II. P. 253–256. (In Russ.).

Moskvitin Yu.N. (2006) Police of the Tomsk Province in 1867 – 1917. (Structure, Number and Material Support of Employees). Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 194 p. (In Russ.). EDN: QXFFTB.

Sklyarov L.F. (1962) Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin Agrarian Reform. *Leninograd: Leningrad University Press*. 588 p. (In Russ.).

Soboleva T.N. (1995) Commercialization of forestry in the Altai District in 1911–1916. *Entrepreneurs and Entrepreneurship in Siberia (18th – Early 20th Century)*. Barnaul: Altai State University. Vol. 1. P. 175–189. (In Russ.). EDN: SXWXZD.

Soboleva T.N. (2001) Projects of local administration in 1901, 1905, 1908, 1910. on the sale of cabinet lands of the Altai District to private entrepreneurs. *Entrepreneurs and Entrepreneurship in Siberia (XVIII – early XX centuries)*. Barnaul: Altai State University. P. 62–76. (In Russ.). EDN: TAVSID.

Soboleva T.N., Kukharensko A.E. (2012) Transitional and crisis phase on the way to the intensification of cabinet's administrative and economic activity in the Altai district (1899–1910). *Izvestiya of the Altai State University*. No. 4–2 (76). P. 194–198. (In Russ.). EDN: PURQMJ.

Suverov E.V., Moskvitin Yu.N., Antropov V.M., Mironov E.V. (2017) History of the Internal Affairs Bodies of Altai. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 348 p. (In Russ.). EDN: YLLTRB.

Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н., Фризен П.Д. Полиция (милиция) горных районов Алтая и Кузбасса (вторая половина XIX – середина XX в.). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. 111 с. EDN: FDOYZC.

Тяпкин М.О. Преследование нарушений законодательства об охране лесов от пожаров в Томской губернии в середине XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири // Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сборник научных трудов, г. Барнаул, 07–08 октября 2003 г. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. II. С. 256–261. EDN: YOEZPH.

Тяпкин М.О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX века : монография. Барнаул : Азбука, 2006. 225 с. EDN: QKXZTV.

Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. : сборник научных статей. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2003. С. 166–193. EDN: YOEWIH.

Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. 277 с.

Шайдуров В.Н. Землевладение и землепользование в немецких колониях России второй половины XVIII – начала XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. : сборник научных статей. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2003. С. 216–227.

Информация об авторе

Москвитин Юрий Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Барнаульский юридический институт МВД России,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, Россия,
e-mail: moskw@yandex.ru

Вклад автора

Москвитин Ю.Н. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 сентября 2025 г.; одобрена после рецензирования 18 сентября 2025 г.; принята к публикации 22 сентября 2025 г.

Souverov E.V., Moskvitin Yu.N., Friesen P.D. (2024) Police (Militia) of the mountainous regions of Altai and Kuzbass (Second Half of the 19th Century – Mid-20th Century). Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 111 p. (In Russ.). EDN: FDOYZC.

Tyapkin M.O. (2003) Prosecution of violations of legislation on protection of forests from fires in Tomsk province in the middle of the XIX - early XX century. *Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia. Fourth Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Boro-davkin: Collection of Scientific Articles*. Barnaul: Altai State University. Book II. P. 256-261. (In Russ.). EDN: YOEZPH.

Tyapkin M.O. (2006) Protection of forests of Tomsk province in the second third of the XIX - early XX century : monograph. Barnaul : ABC. 225 p. (In Russ.). EDN: QKXZTV.

Tyapkin M.O., Polyakov S.E. (2003) Forestry in the Altai District in 1908-1919. *Population, Administration, Economy, and Cultural Life of Siberia in the 17th - Early 20th Century: Collection of Scientific Articles*. Barnaul: Altai State University. P. 166-193. (In Russ.). EDN: YOEWIH.

Topchii A.T. (1979) Peasant Reforms in Siberia (1861-1899). Tomsk: Tomsk State University. 277 p. (In Russ.).

Shaidurov V.N. (2003) Land ownership and land use in the German colonies of Russia in the Second Half of the 18th - Early 20th Century: *Collection of Scientific Articles*. Barnaul: Altai State University. P. 216-227. (In Russ.).

Information about the author

Yuri N. Moskvitin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
49, Chkalov St., Barnaul 656038, Russia,
e-mail: moskw@yandex.ru

Contribution of the author

Moskvitin Yu.N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 3, 2025; approved after reviewing September 18, 2025; accepted for publication September 22, 2025.

Научная статья
УДК 94(47)
EDN: RGAWVZ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-131-145>

Зиминский партизанский отряд: эпизод из истории антибольшевистского подполья в Восточной Сибири в 1918 г.

М.И. Вебер¹, Г.И. Хипхенов²

¹ Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

² Независимый исследователь, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье описывается история неизвестной ранее в историографии антибольшевистской подпольной организации, возникшей в г. Зиме Балаганского уезда Иркутской губернии в начале 1918 г., и сформированного этой организацией Зиминского партизанского отряда. Установлено, что создала эту подпольную организацию группа солдат-фронтовиков, вернувшихся в родной город после развала русской армии. В отличие от других антибольшевистских тайных военных организаций Восточной Сибири, в Зиминском подполье не было кадровых офицеров. По своим политическим взглядам большинство зиминских подпольщиков были сторонниками партии эсеров. В апреле 1918 г., после неудачной попытки захватить власть в городе и провести перевыборы Совета депутатов, подпольщики были вынуждены бежать в лес, где создали Зиминский партизанский отряд. В июле 1918 г. этот отряд помог частям Чехословацкого корпуса захватить г. Зиму и предотвратил подрыв красными стратегически важного железнодорожного моста через р. Оку. На основе широкого круга источников в статье реконструирована биография руководителя Зиминского партизанского отряда – Владимира Абрамовича Шишляникова, члена секты субботников. В приложении к статье публикуются документы о составе и деятельности Зиминского партизанского отряда: рапорты В.А. Шишляникова одному из военных руководителей Чехословацкого корпуса Р. Гайде и Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку, а также списки участников партизанского отряда. Ввод в научный оборот этих исторических источников существенно расширяет имевшиеся в исторической науке представления о деятельности антибольшевистских подпольных организаций в Восточной Сибири в первой половине 1918 г.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Восточная Сибирь, антибольшевистское подполье, повстанчество, белый террор, красный террор, социалисты-революционеры, Субботники

Для цитирования: Вебер М.И., Хипхенов Г.И. Зиминский партизанский отряд: эпизод из истории антибольшевистского подполья в Восточной Сибири в 1918 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 131–145. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-131-145. EDN: RGAWVZ.

History

Original article

Ziminsky partisan squad: an episode from the history of the anti-Bolshevik underground in Eastern Siberia in 1918

Mikhail I. Weber¹, Gennady I. Hipkhenov²

¹ Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

² Independent Researcher, Irkutsk, Russia

Abstract. The article describes the history of an anti-Bolshevik underground organization previously unknown in historiography, which arose in the city of Zima, Balagan district, Irkutsk province, in early 1918, and the Ziminsky partisan squad formed by this organization. The article reveals that this underground organization was created by a group of soldiers who returned to their

© Вебер М.И., Хипхенов Г.И., 2025

hometown after the collapse of the Russian Army. Unlike other anti-Bolshevik secret military organizations in Eastern Siberia, the Zima underground had no regular officers. According to their political views, a significant part of the members of Zima underground were supporters of the Socialist-Revolutionary party. In April 1918, after an unsuccessful attempt to seize power in the city and hold re-elections of the Council of Deputies, they were forced to flee to the forest, where they formed Ziminsky partisan squad. In July 1918 Ziminsky partisan squad helped units of the Czechoslovak Corps to capture the city of Zima and prevented the destruction of strategically important railway bridge across Oka River by the Reds. Based on a wide range of sources, the article reconstructs biography of leader of Ziminsky partisan detachment, Vladimir Abramovich Shishlyannikov, a member of the Subbotniks sect. The appendix to the article contains documents on the structure and main activities of the Ziminsky partisan detachment: reports by V.A. Shishlyannikov to one of the military leaders of the Czechoslovak corps R. Gaida and the Supreme Ruler of Russia, Admiral A.V. Kolchak, as well as the lists of participants of the partisan squad. The introduction of these historical sources into scientific circulation significantly expands the ideas available in historical science about the activities of anti-Bolshevik underground organizations in Eastern Siberia in the first half of 1918.

Keywords: Civil War, White movement, East Siberia, anti-Bolshevik underground, insurgency, White terror, Red terror, Socialists-Revolutionaries, the Subbotnik sect

For citation: Weber M.I., Hipkhenov G.I. (2025) Ziminsky partisan squad: an episode from the history of the anti-Bolshevik underground in Eastern Siberia in 1918. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 131-145. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-131-145. EDN: RGAWVZ.

Несмотря на то, что историей Гражданской войны уже более 100 лет занимались и занимаются многочисленные историки, она до сих пор остается малоизученной. К числу наименее исследованных тем относится история многочисленных антибольшевистских подпольных организаций, появившихся, как грибы после дождя, практически во всех регионах России в первой половине 1918 г. Не стала исключением и Сибирь. Отметим в этой связи статьи новосибирского историка В.Д. Вегмана (Вегман, 1923; Вегман, 1928), положившего начало изучению этой темы. В дальнейшем проблемы антибольшевистского подполья 1918 года на территории Западной Сибири рассматривались в трудах томских историков И.М. Разгона (Разгон, 1969) и Н.С. Ларькова (Ларьков, 1995; Ларьков, 1996; Ларьков, 2017. С. 30–43), новосибирских историков В.И. Шишкина (Шишкин, 2009; Шишкин, 2013) и Д.Г. Симонова (Симонов, 2010. С. 25–95), омского историка В.А. Шулдякова (Шулдяков, 2004. С. 43–98; Шулдяков, 2009а; Шулдяков, 2009b; Шулдяков, 2014; Шулдяков, 2018; Шулдяков, 2020), московского историка А.В. Ганина (Ганин, 2007), екатеринбургского историка М.И. Вебера (Вебер, 2023) и др. Что касается Восточной Сибири, то стоит упомянуть обстоятельные монографии томского историка Н.С. Ларькова (Ларьков, 1995), новосибирского историка В.С. Познанского (Познанский, 1973), иркутских историков П.А. Новикова (Новиков, 2005) и Г.И. Хипхенова (Хипхенов, 2022), на страницах которых читатель найдет немало сведений о тех или иных антибольшевистских подпольных органи-

ях, действовавших на территории Восточной Сибири в 1918 г.

Однако то, что уже известно историкам о белых подпольщиках в Восточной Сибири – лишь видимая часть айсберга, который глубоко уходит в воду забвения. О многих подпольных организациях имеются лишь обрывочные сведения. Тем не менее методичная научно-исследовательская работа в архивах позволяет выявлять новые значимые события Гражданской войны в Восточной Сибири и их участников, совершенно отсутствующие в отечественной и зарубежной историографии, а следовательно, и в официальном нарративе истории Гражданской войны.

Авторам данной статьи удалось найти документы, проливающие свет на деятельность неизвестной ранее подпольной антибольшевистской организации, действовавшей в г. Зиме Балаганского уезда Иркутской губернии в первой половине 1918 г. и даже сформировавшей партизанский отряд¹. Наша статья ставит своей целью описать и проанализировать деятельность Зиминской подпольной организации и Зиминского партизанского отряда на основе широкого круга впервые вводимых в научный оборот исторических источников.

В приложении к статье публикуются четыре документа о составе и деятельности Зиминского пар-

¹ О том, что в г. Зиме в первой половине 1918 г. существовала антибольшевистская подпольная организация есть упоминание в монографии В.С. Познанского, но без какой-либо конкретики и ссылок на источники (Познанский, 1973. С. 85–86).

тизанского отряда: рапорты В.А. Шишлянникова одному из военных руководителей Чехословацкого корпуса Р. Гайде и Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку, а также списки участников партизанского отряда: два документа выявлены в фонде 32663 «Революционный военный трибунал 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа» Российского государственного военного архива (РГВА) и еще два – в фонде Р-176 «Совет министров Российского правительства. Омск. 1918–1920» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Итак, о чем же могут рассказать нам найденные документы зиминских подпольщиков и белых партизан?

Возникновение антибольшевистского подполья в г. Зиме

16 января 1918 г. в г. Зиме² Балаганского уезда Иркутской губернии возникла подпольная организация, поставившая своей целью борьбу с большевиками путем агитации и вооруженной борьбы. В нее вошли местные жители – противники советской власти: «солдаты-фронтовики, офицеры и молодежь». Наиболее активными членами организации были Владимир Шишлянников, братья Павел и Иннокентий Шадрины, Андрей Разумов. Для получения информации о происходящем в стане большевиков заговорщикам даже удалось внедрить агентов в ряды своих политических оппонентов. Вениамин Ильичев и Иннокентий Насобин вошли в Совет депутатов г. Зимы, а Федот Сизых вступил в отряд Красной гвардии на должность каптенармуса.

Лидером Зиминской подпольной антибольшевистской организации и первым начальником Зиминского партизанского отряда был Владимир Абрамович Шишлянников. Он родился в 1893 г. в большой крестьянской семье в с. Зима: известно, что у него было 11 братьев и сестер³. По вероисповедованию Шишлянников был субботник – в с. Зима проживала большая община «иудействующих суб-

ботников», в 1918 г. насчитывавшая 1128 человек (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 242. Л. 27). По словам коммуниста А.Б. Рубановича, он с детства знал семью Шишлянниковых как «торговцев-спекулянтов» (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 184). Об образовании Шишлянникова известно только то, что он окончил ускоренные курсы вольноопределяющегося 2-го разряда в г. Иркутске. Владимир Шишлянников принял участие в Первой мировой войне. 21 августа 1916 г. он был контужен, находясь в рядах 26-го Сибирского стрелкового полка⁴. После развала русской армии в декабре 1917 г. В.А. Шишлянников вернулся домой в чине фельдфебеля и до 3 апреля 1918 г. занимался домашним хозяйством, проживая у своего отца. Впрочем, как показали последующие события, это была лишь ширма для активной работы по созданию в г. Зиме антибольшевистской подпольной организации.

Формирование Зиминского партизанского отряда

3 апреля 1918 г. в г. Зиме произошла попытка антибольшевистского переворота⁵. На почве недовольства действиями местных большевиков и политикой центральной советской власти рабочие депо и железнодорожники устроили митинг с требованиями перевыборов Совета⁶. Члены подпольной антибольшевистской организации поддержали недовольных и открыто выступили с оружием в руках. Почти весь Зиминский Совет депутатов был аресто-

⁴ РГВИА. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 3920-Ш. Л. 189. [Электронный ресурс]. URL: <https://gwar.mil.ru/heroes/> (Дата обращения 10.05.2025).

⁵ Об этом выступлении есть упоминание в монографии В.С. Познанского, но, как это часто бывало в трудах советских историков, без конкретной даты и без каких-либо подробностей (Познанский, 1973. С. 149).

⁶ О масштабе недовольства железнодорожников и шаткости положении советской власти в городе говорит тот факт, что уже после провала попытки переворота и бегства антибольшевистских подпольщиков в тайгу Зиминский Совет был вынужден запросить помощь у вышестоящего Совета: 7 мая 1918 г. на заседании соединенного губисполкома Красноярского Совета депутатов был заслушан доклад делегата станции Зима «о положении на станции Зима, с просьбой оказать содействие Зиминскому Совету в борьбе с контрреволюционными элементами» (Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Сб. док. Красноярск : Красноярский рабочий, 1960. С. 443–444).

² Город Зима образовался из поселка при станции Зима Томской железной дороги. Селение в 3 верстах от станции называлось село Зима. В 1918 г. в г. Зиме проживало около 6 000 человек.

³ Родной брат Владимира Шишлянникова Самуил Абрамович Шишлянников во второй половине 1918 г. служил в Особой Нижнеудинской сотне подъесаула Трофимова, также считавшейся карательным отрядом.

ван ими. Выборная комиссия запланировала пере- выборы Совета, чтобы устранить из него большеви- ков. Но новая власть продержалась недолго. Ночью в Зиму прибыли красногвардейцы из Черемхово и Тырети и подавили восстание. Активные участники переворота и члены антибольшевистской подполь- ной организации покинули город и укрылись в тай- ге, где скрывались последующие три месяца.

В тайге бежавшие подпольщики сформировали Зиминский партизанский отряд для продолжения борьбы против советской власти. Численность его была небольшая: изначально в отряде состояло все- го 18 человек – бывших фронтовиков⁷. Затем его численность увеличилась до 35 человек, также в основном за счет зиминских ветеранов Первой ми- ровой войны⁸. Значительная их часть, около 10 че- ловек, по своим политическим взглядам были эсе- рами. Обращает на себя внимание отсутствие в Зи- минском антибольшевистском подполье, а затем в партизанском отряде кадровых офицеров: среди участников отряда лишь три прапорщика: очевидно, все они – офицеры военного времени.

Судя по всему, Зиминская подпольная органи- зация была подлинно народной, состоявшей из вы- ходцев из низов, и не имела связи с другими сибир- скими антибольшевистскими подпольными органи- зациями, которые состояли в большинстве своем из офицеров и учащейся молодежи, т. е. представите- лей привилегированных слоев общества. Среди ее участников много людей с одинаковыми фамилия- ми – видимо, при вербовке людей в подполье ак- тивно использовались родственные связи. Не ис- ключено, что какую-то роль в создании Зиминской подпольной организации сыграл и религиозный фактор. Известно, например, что в г. Перми в 1918 г. активное участие в местном антибольшевистском подполье приняли старообрядцы (РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 70. Л. 60). В г. Зиме во главе организации стоял сектант-субботник, который мог набрать пер- вых ее участников среди своих единомышленников.

Взятие города Зимы

Длительное время Зиминский партизанский отряд не предпринимал никаких активных действий. Вероятно, это объяснялось тем, что в июне 1918 г.

г. Зима являлся центром формирования красных частей Нижнеудинского фронта и был переполнен красногвардейцами и красноармейцами. Только после победы чехословаков и войск Сибирского временного правительства в трехдневном сражении под Нижнеудинском 24–26 июня 1918 г., когда фронт стал смещаться на восток и приблизился к г. Зиме, зиминские партизаны сочли возможным открыть боевые действия. В эти же дни покинули ряды красных и внедренные агенты антибольше- вистской организации: казначей совдепа В. Насобин бежал, захватив 1 200 рублей, каптенармус Ф. Сизых – 8 винтовок, 6 гранат и 3 лошади, В. Ильичев 1 вин- товку. Все трофеи были переданы в партизанский отряд (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 74 об).

Отступающие части Сибирской красной армии планировали разрушить большой (250 сажен) же- лезнодорожный мост через р. Оку. Это могло поме- шать стремительному наступлению чехов и белых и задержать их на значительное время. Взрыв моста должен был произвести бронированный поезд с двумя пулеметами, одним легким орудием и под- рывной командой в 20 человек. Зиминский парти- занский отряд на общем собрании принял решение во что бы то ни стало спасти мост. 1 июля 1918 г. партизаны в числе 18 человек спешно прибыли к мосту, рассыпались в цепь и открыли огонь по под- рывной команде бронированного поезда, не дав ей заложить заряд под фермы моста. После продолжи- тельной перестрелки бронированный поезд крас- ных, не выполнив задание, ушел в сторону ст. Тыреть. До сего времени в современной историо- графии считалось, что зиминский железнодорожный мост был спасен местными рабочими, воору- женными охотничьими ружьями (Новиков, 2005. С. 77; Си- монов, 2010. С. 287), либо конной разведкой чехов и белых (Хипхенов, 2022. С. 220). В приложении к дан- ной статье публикуется выявленный нами в архиве список зиминских партизан, участвовавших в «от- стоянии моста»⁹.

На охране белого тыла

После занятия г. Зимы чехословаками и вой- сками Сибирского Временного правительства Зи- минский партизанский отряд обеспечивал фланги наступающих чехов и белых, занимая переправы че-

⁷ См. док. № 2.

⁸ См. док. № 4.

⁹ См. док. № 2.

рез реки Оку и Зиму, вылавливал красноармейцев и выполнял функции милиции. В донесении В.А. Шишлянникова полковнику Р. Гайде отмечено, что в это время Зиминский отряд увеличился до 80 человек в самом городе, а с учетом партизан в окрестностях Зимы – до 200 человек. Последняя цифра представляется нам несколько завышенной – скорее всего речь шла о потенциальном числе тех, кто был готов вступить в отряд на волне кратковременного подъема энтузиазма населения в связи с падением советской власти.

В выявленном нами поименном списке отряда от 17 июля 1919 г. значится 35 человек¹⁰. Это был костяк отряда из числа фронтовиков – бывших участников Зиминской антибольшевистской подпольной организации. Кроме того, в состав отряда в этот период вошла боевая дружина партии эсеров, которые «с оружием в руках исполняли обязанности в отряде гарнизонной службы»¹¹. Ее численность в документе не указана, но можно предположить, что с учетом партийного актива эсеров, вооружившегося после захвата чехами и белыми г. Зимы, численность Зиминского партизанского отряда в городе увеличилась до примерно 80 бойцов.

Члены Зиминского партизанского отряда действовали не только в окрестностях родного города, но и выезжали в г. Иркутск. Об этом в 1920 г. дал показания В.А. Коневега, бывший поручик, начальник пулеметной команды Нижнеудинского фронта красных, арестованный и посаженный в тюрьму после занятия белыми Иркутска. По его словам, он впервые встретил В.А. Шишлянникова в июле 1918 г., когда последний обходил в сопровождении двух офицеров иркутскую тюрьму для опознания комиссаров и красноармейцев. Интересная деталь: во время посещения тюрьмы у Шишлянникова на голове была каска, а на форме были нашиты знаки отличия ударного батальона (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 14, 19). По словам другого красноармейца И.Г. Воронова, в тюрьме Шишлянников лично выпорол зиминского крестьянина Котова, попавшего в плен в бою под ст. Мурино (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 20).

Пребывание Зиминского партизанского отряда в г. Иркутске также подтверждается показаниями

крестьянина с. Зима, агента кредитного союза З.С. Прокопенко, арестованного 8 августа 1918 г.: «Меня встретили на улице Бердоносов и Андрей Разумов и арестовали, предъявив ордер чехословацкого штаба, и повели меня в постоянный двор на Благовещенской улице, где жил весь отряд приехавших из Зимы. Тут были Шишлянников, Иннокентий Шадрин, Андрей Разумов, Бердоносов и еще человека два или три неизвестных мне людей» (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 31).

10 августа 1918 г. Зиминский партизанский отряд был официально расформирован. Однако есть основания полагать, что отряд продолжал существовать неофициально, либо был позже сформирован заново (Учитывая, что костяк отряда составляли односельчане, причем многие партизаны были родственниками или членами секты субботников, то он не мог распылиться после своего официального роспуска, ведь этих людей и в мирной жизни объединяли тесные социальные связи). О существовании отряда или его остатков в 1919 г. впоследствии дал показания советскому следствию коммунист А.Б. Рубанович: «А также ими¹² все время преследовался я, как начальник партизанского отряда, который формировал в районе Покровского участка Зиминской волости в июле 1919 г. Всюду предлагал крестьянам Владимир Шишлянников взятки 50 000 р. тому, кто меня им выдаст живым или мертвым» (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 185).

Стоит отметить, что Владимир Шишлянников был начальником Зиминского партизанского отряда до 22 июля 1918 г., когда он был «уволен», а на его место избрали Ф.Г. Сизых – того самого, что был ранее внедрен зиминскими подпольщиками в ряды Красной гвардии.

Участие партизан во внесудебных расправах

Как нам удалось установить, партизаны Зиминского отряда участвовали в расправах над советскими работниками. Наиболее известный эпизод – казнь председателя Зиминского Совета депутатов большевика К.Н. Гершевича, причем начальник отряда В.А. Шишлянников позволил себе глумиться над телом повешенного, вставил ему в рот папиросу, плевал и стрелял в труп (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 184).

¹⁰ См. док. № 4.

¹¹ Там же.

¹² Т. е. членами белого Зиминского партизанского отряда.

Сразу после расформирования Зиминского партизанского отряда в адрес его членов возникли обвинения в незаконных действиях. Информация попала в прессу (Случайный А. По нашему краю. Г. Зима // Дело (г. Иркутск). 1918. № 26. 6 сентября. С. 4), и в отношении некоторых партизан белыми властями было возбуждено следствие. В частности, рассматривались два эпизода внесудебных расправ: над красноармейцем Г.А. Антипиным и неизвестным поляком по имени Болик. Оба случая самосуда, учиненного белыми партизанами, интересны тем, что убитые имели прегрешения перед белой властью и вполне могли преследоваться в рамках закона, но реалии того времени были таковы, что вместо судебного процесса их ждала скорая и жестокая расправа.

Рассмотрим оба случая более детально. Георгий (Егор) Алексеевич Антипин, крестьянин д. Покровки (Теребиловки) Зиминской волости, был активным сторонником советской власти. Уже в декабре 1917 г. он вступил в Красную гвардию, участвовал в боях 8–16 декабря 1917 г. в Иркутске против юнкеров, а в марте 1918 г. поехал в экспедицию на подавление восстания в Троицком заводе. Есть свидетельства, что в июне 1918 г. Антипин принимал личное участие в расправах над противниками советской власти на Нижнеудинском фронте, в частности, что он – «участник расстрела в Зиме бывшего урядника г. Черемхово Ганина» (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 85).

Несмотря на такой яркий «послужной список», Антипин в конце июля 1918 г. добровольно явился в с. Зима и был посажен в катажку при волостной управе. Кроме него под стражей находилось еще несколько красноармейцев, после допроса которых членами Зиминского партизанского отряда против Антипина выдвинули обвинение в участии в убийстве доктора Беянина на ст. Худоеланской и расстреле трех противников советской власти на ст. Шебарта. Кроме того, выяснилось, что после неудачного апрельского переворота в г. Зиме, Антипин участвовал в погоне за его активными участниками Шишлянниковым, Бердоносовым, братьями Шадриными и другими приговоренными к расстрелу, под угрозой револьвером расспрашивал крестьян и хвалился, «показывая веревочку из кармана, что как поймал, так и повешал» (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 51г). В результате этих обвинений

28 июля 1918 г. красноармеец Г.А. Антипин был уведен из катажки членами Зиминского партизанского отряда, а через несколько дней его обезображенный труп нашли в р. Оке в мешке с камнями.

Второй эпизод имел место также в июле 1918 г. На 17-й версте Окинского тракта в шалаше был обнаружен сожженный труп человека, впоследствии опознанного, как некий поляк по имени Болик. Произведенным милицией расследованием выяснилось, что ранее группа поляков совершила грабеж в д. Большой Кашелак. Местные крестьяне обратились за помощью к членам Зиминского партизанского отряда и последние совместно с крестьянами устроили розыск грабителей.

Подозрения на связь с поляками пали на 56-летнего жителя заимки Черемшанка И.П. Куреганова, промышлявшего добычей дегтя. Куреганову учинили допрос: «Василий Чернышев, засунув мне в рот свой револьвер, стали с гражданами Б. Кашелака пороть меня резиной и конским бичом, после чего я хворал месяца два» (РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 109). Под пыткой Куреганов рассказал, что в лесу в его шалаше («дегтярном заводе») находится поляк лет 35-ти по имени Болик. После этого партизаны и крестьяне выехали в указанное место, где убили поляка и сожгли его труп вместе с шалашом.

По данным фактам в сентябре 1918 г. против членов Зиминского партизанского отряда белыми властями было возбуждено следствие. Но никаких серьезных последствий для зиминских партизан оно не имело. Фактически, они получили индульгенцию за свои заслуги по свержению советской власти.

Под властью Колчака

По словам самого В.А. Шишлянникова, во всяком случае именно такую версию событий он изложил впоследствии советскому следователю, осенью 1918 г., желая избежать призыва в армию, он уехал в г. Харбин, где устроился приказчиком бакалейного отдела в магазин Суринова. Проработав 4 месяца, он поехал в отпуск домой, но 14 марта 1919 г. был арестован колчаковскими властями на ст. Манчжурия – по упомянутому выше обвинению во внесудебных расправах над красноармейцем Г.А. Антипиным и поляком-грабителем Боликом. 10 апреля 1919 г. Шишлянников был помещен в Иркутскую губернскую тюрьму. Упомянутый выше арестант В.А. Коневега, служивший в это время в каче-

стве писца в тюремной канцелярии, запомнил при-
бытие бывшего начальника зиминских партизан – да
и как было не запомнить столь колоритную персону:
«В тюрьму привели партию арестованных, среди
которых находился Владимир Шишлянников – в же-
ребковой шубе, с золотыми кольцами на пальцах, с
золотым портсигаром, золотыми часами» (РГВА.
Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 20). Впрочем, в заключе-
нии Шишлянников пробыл недолго и уже 29 апреля
1919 г. был освобожден по распоряжению прокуро-
ра Иркутского окружного суда (ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 2.
Д. 60).

Следующий период жизни Шишлянникова пока
до конца не выяснен. Известно, что 17 июня 1919 г.,
находясь в г. Зиме, он пишет рапорт на имя Верхов-
ного правителя адмирала А.В. Колчака с просьбой
наградить членов Зиминского партизанского отря-
да¹³. Из следственных показаний самого Шишлян-
никова следует, что 6 сентября 1919 г. он устроился
на Черемховские угольные копи служащим по заго-
товке сена, овса и мяса. 26 сентября, как подлежа-
щий призыву в армию, он якобы был арестован и
отправлен в г. Верхнеудинск, в мастерские артилле-
рийского дивизиона, «оттуда тотчас уехал и жил
дома в лесу».

4 декабря 1919 г. В.А. Шишлянников был снова
задержан милицией г. Зимы и отправлен в
г. Иркутск, где попал к коменданту Заиркутного во-
енного городка. Вероятно, Шишлянников был за-
числен в 1-й Иркутский местный батальон. Во время
восстания Политцентра в конце декабря 1919 г. –
начале января 1920 г. батальон перешел на сторону
восставших и Владимир Шишлянников принял ак-
тивное участие в боевых действиях на стороне по-
встанцев на т. н. «Ушаковском фронте». В начале
февраля 1920 г. Шишлянников уже в качестве ко-
мандира 2-й роты 13-го Советского полка (бывший
1-й Иркутский местный батальон) участвует в боях с
отступавшими в Забайкалье каппелевцами.

Мотивы, приведшие В.А. Шишлянникова из
стана белых в лагерь красных, нам доподлинно не-
известны. Хотел ли он просто спасти свою шкуру,
исповедуя принцип «вовремя предать – это не пре-
дать, а предвидеть»? Или же он порвал с колчаков-
цами по высоким идейным соображениям? Воз-
можно, что, не будучи сам членом партии, он разде-

лял политические взгляды эсеров и, подобно другим
сторонникам этой партии, разочаровался в Белом
движении после установления диктатуры адмирала
Колчака, начавшего ограничивать демократические
права и свободы и загнавшего партию эсеров в под-
полье. В пользу этой версии говорит тот факт, что
среди членов Зиминского партизанского отряда бы-
ло немало эсеров. Кроме того, сам Шишлянников
упомянул в своем донесении Р. Гайде, что зимин-
ские подпольщики и партизаны выступили против
большевиков потому, что большевики действовали
«вразрез Русской революции», т. е. Февральской
революции 1917 г.¹⁴

Как представляется, не последнюю роль в раз-
рыве с колчаковцами сыграли и личные мотивы:
судя по выявленному нами рапорту Шишлянникова
на имя Верховного правителя России адмирала
А.В. Колчака от 17 июля 1919 г., в котором он просил
наградить бывших участников Зиминского партизан-
ского отряда за предотвращение подрыва красными
стратегически важного железнодорожного моста,
Шишлянников чувствовал себя несправедливо об-
деленным наградами. На этой почве у него могло
возникнуть глубокое разочарование в колчаковской
власти, усугубленное попыткой судебного пресле-
дования его и других партизан отряда за самоуправ-
ство и внесудебные казни.

Суд над командиром отряда

Казалось, что в начале 1920 г.
В.А. Шишлянникову улыбнулась удача: ему успешно
удалось перекараситься в борца с колчаковским ре-
жимом и стать красным командиром, никто и не
вспоминал о его прежних прегрешениях, но вскоре
колесо фортуны повернулось вспять. 15 февраля
1920 г. В.А. Шишлянников был арестован. Советское
следствие по его делу длилось почти год – и в отли-
чие от колчаковского было доведено до суда.

Кроме Владимира Абрамовича Шишлянникова,
по делу проходили Павел и Иннокентий Андреевичи
Шадрины и Николай Васильевич Якимов. Братья
Шадрины были одними из организаторов Зиминско-
го партизанского отряда. После роспуска отряда Ин-
нокентий Шадрин в 1919 г. служил шофером в авто-
мобильной команде при штабе Иркутского военного
округа и во время восстания Политцентра лично

¹³ См. док. № 3.

¹⁴ См. док. № 1.

возил колчаковского генерала Е.Г. Сычева по г. Иркутску (таким образом, по злой иронии судьбы, во время Иркутского восстания бывшие зиминские партизаны Шадрин и Шишлянников оказались по разные стороны баррикад). Якимов, 50-летний крестьянин с. Кимильтей, также состоял в 1918 г. в отряде Шишлянникова и участвовал в преследовании и расправах над советскими работниками, в частности над членом Зиминского Совета депутатов Алексеем Сковыркой.

По версии следствия, в общей сложности Зиминским партизанским отрядом было убито свыше 80 сторонников советской власти. Вероятно, число жертв в обвинении было сильно завышено. Скорее всего эта цифра возникла на основе приобщенных к делу голословных показаний бывшего командира красного партизанского отряда коммуниста А.Б. Рубановича, не подтверждающихся другими источниками. Конкретных лиц, к гибели которых так или иначе были причастны зиминские партизаны, судя по материалам дела, было 7 человек: Гершевич, Антипин, Кузьмин, Подаюров, Щербацкий, Сковыркой и Котов (вероятно – «поляк Болик»).

13 декабря 1920 г. революционный военный трибунал 5-й армии вынес приговор по делу бывших участников Зиминского партизанского отряда. Все четверо обвиняемых были признаны виновными в службе в карательном отряде и расправах над советскими работниками: «Как к злейшим врагам рабочего класса, применить высшую меру наказания – расстрелять. Амнистии в честь 3-й годовщины Октябрьской революции к трем, за исключением Якимова, не применять. Приговор привести в исполнение по истечении 48 часов с момента уведомления Ревтрибунала республики» (ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 18857. Л. 8). Владимир Шишлянников и братья Павел и Иннокентий Шадрины были расстреляны в стенах Иркутской губернской тюрьмы 20 декабря 1920 г.

Судьбы участников Зиминского партизанского отряда

Из материалов судебно-следственных дел и сообщений советских газет нам известно о судьбах еще нескольких белых зиминских партизан:

1) Шишлянников Давыд – осужден советским судом.

2) Шадрин Александр – «погиб на фронте».

3) Ильичев Вениамин – «бежал из-под конвоя» из каталажки г. Зимы 9 мая 1920 г.

4) Бердонос Сергей – убит.

5) Чернышев Василий – расстрелян красным партизанским отрядом Новокшенова.

Дольше других продолжал борьбу с большевиками второй начальник Зиминского партизанского отряда Федот Григорьевич Сизых (в 1918 г. ему было 27 лет). Он происходил из крестьян д. Покровской Зиминской волости Балаганского уезда. Фронтвик, старший унтер-офицер. После установления советской власти в 1920 г. Сизых некоторое время скрывался, работая служащим Барлукского волисполкома по поддельным документам на имя Ефимова. Затем в 1921 г. вступил в белый повстанческий отряд Сенотрусова, где получил должность командира взвода. Участвовал в нападениях на Шерагульское общество потребителей и Тушинский волисполком (последнее сопровождалось убийством двух советских служащих) (Гном. Судебная хроника. Белобандиты // Власть труда (г. Иркутск). 1922. № 183 (822). 12 августа. С. 4). В марте 1922 г. Федот Сизых добровольно сдался властям (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 51. Л. 43 об). В августе того же года, он был приговорен к лишению свободы сроком на 10 лет и к 5 годам поражения в гражданских правах.

Заключение

Деятельность Зиминской антибольшевистской подпольной организации и сформированного ею Зиминского партизанского отряда – одна из забытых страниц истории Гражданской войны на территории Восточной Сибири. Наша публикация возвращает память о делах и судьбах участников этого партизанского отряда. Как это нередко бывает в истории Гражданской войны, героическое здесь идет рука об руку с трагическим, а воинские подвиги соседствуют с военными преступлениями.

Документы публикуются в современной орфографии, но с сохранением основных стилистических особенностей автора. В частности, сохранено авторское написание прописных и строчных букв. При этом, для удобства читателей произведена разбивка текста на абзацы. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, вос-

становлены по смыслу и обозначены квадратными скобками – [].

Публикуемые документы

№ 1

Донесение начальника Зиминского партизанского отряда В.А. Шишляникова полковнику Р. Гайде о действиях отряда

Копия

Командующему Войсками Сибирского Временного
Правительства
Господину Полковнику Гайде

Начальника 1[-го] Зиминского
Добровольческого Партизанского
Отряда Шишляникова

Донесение

Честь имею донести, что в гор. Зима организовался отряд антибольшевиков из 18-ти человек солдат-фронтовиков¹⁵ 16-го января 1918 года. 1-я цель отряда была направлена всецело для искоренения большевиков, действия которых были направлены вразрез Русской революции, искоренение приводилось¹⁶ отрядом неоднократно, в одно прекрасное время отряд открыто выступил и арестовал главарей совдепа города Зимы – это было 3-го апреля 1918 года, после чего отряд не выдержал натиска красногвардейцев, приехавших извне города Зимы, и нам пришлось спастись в лесу в течении продолжительного времени.

В связи с наступлением чехословацких войск на Нижне-Удинском фронте и по первым имеющимся сведениям, что штабом красной армии отдано распоряжение следующее: при отступлении через реку Оку сжечь все постройки города, как прикрытие для чехословацких войск, взорвать железнодорожный мост через реку Оку. Взорвать все водоподъемные здания и водокачку, а также разобрать пути за рекой. Получив такие сведения, отряд[,] находясь в лесу[,] обсуждал, как помочь общему делу, т. е. не

допустить несчастных явлений со стороны германо-большевистских банд. Отряд в полном составе единогласно постановил, что видно из протокола [№] 1¹⁷: лечь костями, но не допустить поджогов и разрушения народного достояния, [такого] как взрыв моста через реку Оку и т. д.[.] 2) установить связь и оказать полное содействие на территории и [в] окрестностях города Зимы наступающим Чехословацким войскам, что и приведено было в исполнение, без потерь с нашей стороны.

Взрыв моста не допустили своим наступлением на мост, где стоял броневик с двумя пулеметами и одним легким орудием с подрывной командой из 20 человек. При наступлении нами был занят мост¹⁸ и быстро была установлена связь с передовой разведкой чехословацких войск, что подтвердит Вам господин поручик [Еремеев]¹⁹, Начальник главной разведки 1-го июля 1918 года. После занятия города Зимы и моста уже чехословацкими войсками, отряд продолжал действовать по приказанию дежурного офицера по гарнизону от 1 июля, расставляя охрану по флангам из чехословацких солдат, занимал переправы через реку Зиму и Оку, после всего этого отряд поставил себе в обязанность поимку военных и государственных преступников[,] разоружения и отобрания оружия на учет.

Партизанский отряд, как Вы видите[,] показал свою деятельность, переловил множество военных и государственных преступников, а также действует в полном контакте с городским самоуправлением, что видно из протоколов [№№] 2, 3 и 4²⁰. Отряд состоит из добровольцев, молодежи, солдат и не солдат более из благонадежного элемента, а в данный момент увеличился на месте до 80 человек и в окрестностях до 200 человек[,] почти все вооруженные винтовками трехлинейными и однозарядными берданами, имеется 3-ти лошади, захваченные у красногвардейцев, средства для существования от-

¹⁷ В архивном деле отсутствует.

¹⁸ Начальник штаба Восточного (Байкальского) фронта подполковник Б.Ф. Ушаков упомянул, что партизаны помешали красным взорвать при отступлении из Зимы стратегически важный ж. д. мост через р. Оку, в своем дневнике в записи за 2 июля 1918 г.: «Заняли без боя Зиму. Мост почти цел – население помешало» (Ганин, Новиков, Хипхенов, 2020. С. 264).

¹⁹ См. док. № 3.

²⁰ В архивном деле отсутствуют.

¹⁵ Вероятно, все они перечислены в док. № 2.

¹⁶ Так в документе. По смыслу – «проводилось».

ряда достаются путем благотворительных спектаклей, членскими взносами и т. п. В отряде состоит бывший казначей совдепа, как состоявший в отряде ранее; по первому требованию бежал в отряд, захватив с собой одну винтовку и 1 200 руб. совдепских денег на нужды отряда, а также каптенармус красной гвардии[, который] по первому требованию командного состава партизанского отряда бежал[, захватив с собой 8 винтовок, 6 штук гранат и *трех лошадей*²¹ для отряда на случай разведки.

В настоящий момент городским земским самоуправлением организуется почему-то 2-й отряд и требует расформирования первого, почему – не знаем. Объяснения не ясны. Затем приехавши[й] в город Зиму некто *Левадин*²², заявив себя губернским комиссаром от [Сибирского] Временного правительства[, в свою очередь требует расформирования отряда добровольцев и[, предъявив [ультиматум] сдать оружие не позже 5 августа 1918 года, основываясь на том, что диктатура для военных властей и организаций исходит от партии эс-эров[, последнему было заявлено обождать приезда Начальника отряда, на такую просьбу со стороны комиссара не было согласия[, последний телеграфировал в Иркутск с просьбой выслать вооруженную силу для разоружения Зиминского партизанского отряда. Разоружению мы не противились и не противимся в данный момент, но не по приказанию какого-то нам неизвестного, а потому покорнейше просим Вас[, г[осподи]н Полковник[, благоволите [отправить] телеграфом Ваше распоряжение, которое мы, добровольцы, и как солдаты на своем посту считаем обязательным исполнять.

Начальник отряда [В.А. Шишлянников]

РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 51а. Копия. Машинопись с рукописной правкой.

№ 2

Список партизан Зиминского отряда, участвовавших в захвате ж. д. моста через р. Оку

²¹ «одну лошадь» исправлено в документе черными чернилами на «трех лошадей».

²² «Левадин» вписано в строку черными чернилами.

Список

членов партизанского отряда, участвовавших при
отстоянии моста:²³

- 1) Владимир Шишлянников
- 2) Михаил Шишлянников
- 3) Павел Шадрин в с. *Зима*²⁴
- 4) Михаил Соломеин
- 5) Сергей Берданосов
- 6) Иннокентий Насобин
- 7) Иван Сальников
- 8) Вениамин Ильичев г. *Зима*²⁵
- 9) Николай Якимов
- 10) Ефим Бобров
- 11) Иван Коломенцов
- 12) Александр Ильичев
- 13) Владимир Шишлянников
- 14) Василий Чернышев
- 15) Григорий Рабинзон
- 16) Давыд Хволковский
- 17) *Федот Сизых*²⁶
- 18) *Андрей Разумов*²⁷

РГВА. Ф. 32663. Оп. 2. Д. 1867. Л. 51б. Копия. Машинопись с рукописной правкой.

№ 3

Рапорт начальника Зиминского партизанского отряда В.А. Шишлянникова Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку с просьбой наградить участников отряда

Его Высокопревосходительству Верховному Правителю

Начальника Зиминского
добровольческого партизанского
отряда Владимира Шишлянникова
Иркут[ской] губернии
Июля 17 дня 1919 года
гор. Зима

²³ Собственный заголовок документа.

²⁴ «в с. Зима» приписано синими чернилами.

²⁵ «г. Зима» приписано синими чернилами.

²⁶ «17) Федот Сизых» приписано черными чернилами.

²⁷ «18) Андрей Разумов» приписано черными чернилами.

рапорт

Честь имею донести Вашему Высокопревосходительству, что я[,] Владимир Шишлянников[,] был начальником и организатором Зиминского добровольческого отряда[,] в котором принимали участие следующие лица[,] поименованные в списке²⁸[,] приложенном к сему рапорту. Партизанский отряд[,] организовавшись[,] поставил себя²⁹ в обязанность: Подрывать доверие народа [к советской власти] путем агитации и вполне справедливыми указаниями на все вредные для государства декреты[,] а также и приказы[,] направленные вразрез русской революции. Членам партизанского отряда удалось таким образом привлечь на свою сторону рабочих депо Зима. После чего отряд открыто выступил 3-го Апреля 1918 года и при помощи рабочих депо удалось изолировать советы в городе Зима[,] арестовать совдеп в полном его составе. Организовали самоохрану города.

Партизанский отряд за неимением достаточно-го числа людей и количества патронов не выдержал натиска приехавших извне Зимы красногвардейцев[,] вынужден был отступить и скрываться в лесу в течении 2-х месяцев. Средства для существования доставались путем членских взносов с самих же себя. Отряд[,] имея в своем распоряжении двух тайных корреспондентов[,] благодаря чего нам удавалось получать все возможные сведения[,] такие] как постановления совдепа, газеты и проч[ее].

При выступлении чехословаков в городе Нижнеудинске и дальше в направлении Иркутска, отряд[,] находясь в лесу[,] получил сведение [–] выписки из приказа по штабу красных, отданного Лавровым³⁰, в котором говорилось следующ[ее]: При отступлении из города Зимы сжечь постройки города, взорвать водоемные здания и мост ж[елезной] д[ороги] ч[е]рез реку Оку. Получив такие сведения[,] Партизанский отряд в составе своем обсуждал и результаты оказались таковы: Лечь костями, но не

допустить поджогов и разрушения народного достояния, что и видно из протоколов № 2-й³¹.

И действительно[,] рано утром 1-го июля 1918 года отряд открыто выступил и врасплох напал на красных[,] нанеся им серьезные поражения[,] таким образом заставил панически бежать красных из города Зимы. А взрыв железнодорожного моста ч[е]рез реку Оку не допустили своим наступлением на мост[,] где стоял броневик с пулеметами и одним легким орудием. После первого и не удачного для красных взрыва нами был занят мост и быстро была установлена связь с передовой и главной разведкой Средне-Сибирского корпуса[,] о чем имеется удостоверение[,] выданное начальником главной разведки Средне-Сибирского корпуса за подписью поручика Еремеева³² и юнкера Ревенко: таким образом отряд оказал вполне большую поддержку и услугу своему Государству.

После занятия С[редне]-Сиб[ирским] корпус[ом] территории Зиминской волости Партизанский отряд остался существовать[,] занимаясь ловлей и предавал военным властям разбежавшихся и шляющихся] в лесах красногвардейцев[,] в то же время исполняя обязанности городск[ой] милиции[,]

³¹ В архивном деле отсутствует.

³² Предположительно, имеется в виду Еремеев Василий Семенович (1894–?) – офицер русской армии. Родился 21 февраля 1894 г. в крестьянской семье. Окончил Томское 4-х классное городское училище. Участник Первой мировой войны. 1 апреля 1916 г. окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. С 4 апреля 1916 г. – младший офицер 4-й роты 16-го Сибирского стрелкового запасного батальона, с 9 июля 1916 г. – младший офицер 8-й роты 75-го пехотного запасного полка. С 28 октября 1916 г. – младший офицер 10-й роты 190-го пехотного Очаковского полка. 14 октября 1917 г. произведен в подпоручики (со ст. с 28.02.1917). 25 октября 1917 г. произведен в поручики (со ст. с 28.06.1917). 12 марта 1918 г. демобилизован из армии. Участник Гражданской войны на Востоке России. 2 июня 1918 г. зачислен рядовым в комендантскую роту при штабе 1-й Томской Сибирской дивизии. С 22 июля по 17 сентября 1918 г. – в комендантской роте 1-го Средне-Сибирского корпуса. 18 октября 1918 г. откомандирован в распоряжение начдива генерал-майора Е.К. Вишневого. С 9 ноября 1918 г. – младший офицер 8-й роты Томского Сибирского кадрового полка. С 24 ноября 1918 г. – младший офицер 10-й роты, с 18 декабря 1918 г. – командир 11-й роты, с 28 февраля 1919 г. – младший офицер 10-й роты, с 7 марта 1919 г. – командир 12-й роты, с 21 июня 1919 г. – командир 11-й роты 5-го Томского Сибирского стрелкового полка.

²⁸ См. док. № 4.

²⁹ Так в документе. Правильно – «себе».

³⁰ Имеется в виду Лавров Феодосий Петрович (?–1918) – член партии левых эсеров, бывший прапорщик царской армии, со 2 июня 1918 г. – командующий Нижнеудинским фронтом красных.

а также [занимался] и восстановлением земского самоуправления. Партизанский отряд имел в своем распоряжении верховых лошадей[,] отобранных у красных[,] существуя без всякого жалования и вознаграждения[,] отряд усердно работал[,] очищая от красных территорию Балаганского уезда Иркут[ской] губер[нии], в то же время организуя милицию в городе и селе Зима[,] а также [занимаясь] и увеличением своего отряда [–] ежедневно поступавшие в отряд добровольцы охотно работали в течении того времени[,] пока [не] сформировались легулярные³³ правительственные войска и пока земство [не] почув[в]ствовало твердую почву.

10 августа 1918 года партизанский отряд расформировался[,] а имеющиеся у него оружие сдал штабу восточного фронта[,]³⁴ получив расписку в сдаче оружия[,] имеется расписка и документальная благодарность за услугу и сохранение желез[но]дорож[ного] моста ч[е]рез реку Оку за подписью начальника штаба вост[очного] фронта подполков[ника] Ушакова³⁵ и адъютанта поруч[ика] Плх³⁶. Все вышеуказанные действия отряда установлены документально. Документы [такие] как: удостоверение о личности начальника отряда, расписка от штаба в получении оружия от расформиров[анного] отряда[,] благодарное отношение ис³⁷

штаба за подписью подполк[овника] Ушакова, все протоколы[,] вынесенные на общих собраниях членов партиз[анского] отряда[,] устав службы был принят Березовского издания³⁸ 1914–1916 года[,] что и видно из протоколов. Все мною названные документы имеются у начальника гарнизона города Зимы и[,] несмотря на все ходатайства[,] лежат без всякого движения в пользу быв[шего] отряда. А потому покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство[,] не откажитесь осведомиться и[,] если заслуживаем, то вознаградить Ваших единомышленников в борьбе против большевиков как за службу в отряде, а также и за спасение от взрыва ж. д. мост ч[е]рез реку Оку³⁹.

б[ывший] начальник Зиминского добровольческого отряда *Владимир Шишлянников*

Июля 17 дня 1919 года
город Зима Иркутской
губернии Балаганского уезда

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 44. Л. 5–6. Подлинник. Автограф.

№ 4

Список партизан Зиминского отряда

Список

лиц, участвующих в партизанском отряде⁴⁰

	Чин или звание, быв[шее] на службе в армии против Германии	
1)	Вахмистр	Владимир Шишлянников
2)	прапорщик	Михаил Шишлянников
3)	казак	Давыд Шишлянников
4)	штатский	Иосиф Шишлянников

³³ Имеется в виду петербургское издательство гвардии капитана В.А. Березовского, специализировавшееся на издании военной литературы.

³⁹ На документе имеются: 1) делопроизводственный штамп «Управление делами Российского правительства. Входящий № 420. 18 июля 1919[9] г. Канцелярия Верховн[ого] Правителя. Отд[еление] общее», 2) рукописная делопроизводственная помета «К № 47».

⁴⁰ Собственный заголовок документа.

³³ Так в документе. Правильно – «регулярные».

³⁴ Здесь и далее в документе подчеркнуто неустановленным лицом.

³⁵ Имеется в виду Ушаков Борис Федорович (1889–1918) – подполковник русской армии, с 21 июля 1918 г. – начальник штаба Восточного (Байкальского) фронта белых и чехословаков.

³⁶ Имеется в виду Плх Томаш (Tomas Plch) (1890–1942) – офицер Чехословацкого корпуса, один из соратников Р. Гайды. Родился 13 декабря 1890 г. Участник Первой мировой войны в рядах австро-венгерской армии. 23 июня 1915 г. взят в плен русской армией. В мае 1917 г. вступил в Чехословацкий корпус. Участник Гражданской войны на Востоке России. С 21 июля 1918 г. – адъютант штаба Восточного (Байкальского) фронта белых и чехословаков, после гибели Б.Ф. Ушакова 17 августа 1918 г. – врио начальника штаба до назначения на этот пост полковника Б.П. Богословского. С 12 октября 1918 г. – старший адъютант Управления дежурного штаб-офицера штаба Екатеринбургской группы войск. Майор. По возвращении из России в Чехословакию служил в чехословацкой армии. В годы Второй мировой войны участвовал в движении сопротивления, за что был арестован немцами 6 июня 1941 г. Казнен нацистами 6 ноября 1942 г.

³⁷ Так в документе. Правильно – «из».

5)	стар[ший] ун[тер]-офиц[ер]	Павел Шадрин
6)	стар[ший] ун[тер]-офиц[ер] и шофер	Ин[н]окентий Шадрин
7)	штатский	Александр Шадрин
8)	солдат	Вениамин Ильичев
9)	солдат	Владимир Ильичев
10)	солдат	Александр Ильичев
11)	фельдфебель	Сергей Берданосов
12)	солдат	Михаил Нособин
13)	добров[олец]	Ин[н]окентий Нособин
14)	фельдф[ебель]	Ефим Бобров
15)	солдат	Степан Мамонтов
16)	солдат	Виктор Маяков
17)	ст[арший] ун[тер]-о[фицер]	Федот Сизых
18)	прапорщ[ик]	Николай Димитров
19)	солдат	Владимир Шишлянников 2-й
20)	солдат	Григорий Козмин
21)	[солдат] ⁴¹	Иван Коломенцов
22)	солдат	Анисим Шишлянников
23)	солдат	Николай Новиков
24)	солдат	Хим. Потапов
25)	солдат	Василий Чернышов
26)	солдат	Леонтий Есилевич

⁴¹ В документе в этой графе ошибочно записано имя «Иван».

Список источников

Вебер М.И. Тайные монархические военные организации и практика политических убийств социалистов в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории. 2023. № 1–1. С. 4–17. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202301Statyi15. EDN: UPAFZP.

Вегман В.Д. Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 127–147.

Вегман В.Д. Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. // Сибирские огни. 1928. № 1. С. 135–146.

Ганин А.В. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов. Родина. 2007. № 12. С. 41–47. EDN: IISJXN.

Ганин А.В., Новиков П.А., Хипхенов Г.И. «Я с броневиком иду в наступление...» Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. // Журнал российских

27)	добров[олец], профессия «маши-нист»	Колесунин
28)	добров[олец]	Николай Белозеров
29)	ст[арший] ун[тер]-оф[ицер]	Андрей Разумов
30)	добров[олец], лес-ничий	Михаил Соломеин
31)	добров[олец]	Константин Берданосов
32)	добров[олец]	Николай Якимов
33)	добров[олец]	Иван Сальников
34)	прапорщик	Александр Трифонов
35)	доброволец	Емануил Щеголин

35 человек

Кроме этого списка принимали участие в отряде партия социалистов-революционеров – с оружием в руках исполняли обязанности в отряде гарнизонной службы.

Все вышеупомянутые в списке находятся и проживают в городе Зима Иркут[ской] губ[ернии], за исключением ушедших на военную службу в армию Сибирск[ую] Верхов[ного] Правителя.

б[ывший] начальник отряда В. Шишлянников
июля 17 дня 1919 года

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 44. Л. 7. Подлинник. Автограф.

References

Veber M.I. (2023) Secret monarchist military organizations and the practice of political assassinations of Socialists in Siberia in 1918. *History Issues*. No. 1-1. P. 4-17. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202301Statyi15. EDN: UPAFZP.

Vegman V.D. (1923) How and why the Soviet government in Tomsk fell in 1918. *Siberian Lights*. No. 1-2. P. 127-147. (In Russ.).

Vegman V.D. (1928) The Siberian counterrevolutionary organizations of 1918. *Siberian Lights*. No. 1. P. 135-146. (In Russ.).

Ganin A.V. (2007) The secret mission of General Flug. How the White general deceived the Chekists. *Motherland*. No. 12. P. 41-47. (In Russ.). EDN: IISJXN.

Ganin A.V., Novikov P.A., Hipkhenov G.I. (2020) "I'm going on the offensive with an armored car..." Field notes of a Russian officer of the Czechoslovak Corps, Lieutenant Colonel B.F. Ushakov. January - June 1918. *Journal of Russian and East*

и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226–267. DOI: 10.24411/2409-1413-2020-10097. EDN: SAEHR.

Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск : Изд-во ТГУ, 1995. 250, [2] с. EDN: SYPKCF.

Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 24–30. EDN: SSSDQV.

Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с. EDN: YRASTQ.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с. EDN: QPALYX.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск : Наука, 1973. 307 с.

Разгон И.М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Томск : Изд-во Томского университета, 1969. С. 3–28.

Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2010. 610 с. EDN: QPRBZF.

Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Шишкин В.И. Командующий сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009. С. 126–195. EDN: TGJWNP.

Шишкин В.И. Антибольшевистское подполье в Семипалатинске (апрель – июнь 1918 г.) // Вопросы истории Сибири в новейшее время. Сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2013. Вып. 3. С. 3–20. EDN: TMDLBN.

Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. В 2 кн. Кн. 1: 1917–1920. М. : Центрполиграф, 2004. 747, [1] с. EDN: QOUTPP.

Шулдяков В.А. Делегация в Сибирь от Добровольческой армии и ее роль в реорганизации нелегальных военных структур Омска // Вестник Томского государственного университета. 2009а. № 324. С. 217–220. EDN: LLWBJZ.

Шулдяков В.А. Тайная миссия генерала В.Е. Флуга и ее роль в зарождении Белого движения в Сибири // Инновационное образование и экономика. 2009б. № 4. С. 97–108. EDN: NUGDTX.

Шулдяков В.А. Возрождение партизанского отряда атамана Б.В. Анненкова и его действия в районе Омска и на Верхнеуральском фронте (апрель – август 1918 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2014. № 19. С. 108–122. EDN: YASUOL.

Шулдяков В.А. Тайные военные организации Омска в декабре 1917 – начале июня 1918 гг.: материалы к истории

European Historical Studies. No. 4 (23). P. 226-267. (In Russ.). DOI: 10.24411/2409-1413-2020-10097. EDN: SAEHR.

Lar'kov N.S. (1995) The beginning of the Civil War in Siberia: the army and the struggle for power. Tomsk: Tomsk State University. 250, [2] p. (In Russ.). EDN: SYPKCF.

Lar'kov N.S. (1996) The anti-Soviet coup in Siberia and the problem of power in the late spring and summer of 1918. *Humanities in Siberia. Russian History Series*. No. 2. P. 24-30. (In Russ.). EDN: SSSDQV.

Lar'kov N.S. (2017) The Siberian White General. Tomsk: Tomsk State University. 312 p. (In Russ.). EDN: YRASTQ.

Novikov P.A. (2005) The Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.). EDN: QPALYX.

Poznanskii V.S. (1973) Essays on the history of the armed struggle of the Siberian Soviets against the Counterrevolution in 1917-1918. Novosibirsk: Nauka. 307 p. (In Russ.).

Razgon I.M. (1969) The alignment of class forces in Siberia on the eve and during the Great October Socialist Revolution. *History Issues of Siberia*. Iss. 4. Tomsk: Tomsk State University. P. 3-28. (In Russ.).

Simonov D.G. (2010) The White Siberian Army in 1918. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 610 p. (In Russ.). EDN: QPRBZF.

Khuphenov G.I. (2022) The fall of the Central Executive Committee of the Soviets of Siberia. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 p. (In Russ.).

Shishkin V.I. (2009) Commander of the Siberian Army A.N. Grishin-Almazov: touches to a portrait. *Kontrevolyutsiya na vostoke Rossii v period grazhdanskoi voiny (1918-1919 gg. Sb. nauch. st. = Counterrevolution in Eastern Russia during the Civil War (1918-1919). Collection of the scientific works*. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. P. 126-195. (In Russ.). EDN: TGJWNP.

Shishkin V.I. (2013) The anti-Bolshevik underground in Semipalatinsk (April - June 1918). *History Issues of Siberia in Modern Times. Collection of the scientific works*. Novosibirsk: Parallel'. Iss. 3. P. 3-20. (In Russ.). EDN: TMDLBN.

Shuldyakov V.A. (2004) The fall of the Siberian Cossack. In 2 book. Book 1. 1917-1920. Moscow: Tsentrpoligraf. 747, [1] p. (In Russ.). EDN: QOUTPP.

Shuldyakov V.A. (2009a) The delegation from the Volunteer Army to Siberia and its role in reorganization of illegal military structures in Omsk. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 324. P. 217-220. (In Russ.). EDN: LLWBJZ.

Shuldyakov V.A. (2009b) The secret mission of General V.E. Flug and its role in the birth of the White Movement in Siberia. *Innovative Education and Economics*. No. 4. P. 97-108. (In Russ.). EDN: NUGDTX.

Shuldyakov V.A. (2014) The revival of the partisan squad of Ataman B.V. Annenkov and his actions in the Omsk region and on the Verkhneuralsky front (April - August 1918). *Proceedings of the Omsk State Museum of Local Lore*. No. 19. P. 108-122. (In Russ.). EDN: YASUOL.

Shuldyakov V.A. (2018) Omsk Secret Military Organizations in December 1917 - early June 1918: historical materi-

// Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 61–90. EDN: VMCXVZ.

Шулдяков В.А. Петропавловская тайная военная организация: материалы к истории зарождения белого движения в степной Сибири (январь – май 1918 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2020. № 23. С. 33–52. EDN: TPQVLH.

Информация об авторах

Вебер Михаил Игоревич,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, 620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, Россия, e-mail: mikeveber@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7512-6087>

Хипхенов Геннадий Исакович,

независимый исследователь, инженер, ООО «Простор-Групп», 664007, г. Иркутск, ул. Ф. Энгельса, 8, оф. 302, Россия, e-mail: halifat76@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 июля 2025 г.; одобрена после рецензирования 19 августа 2025 г.; принята к публикации 25 августа 2025 г.

als. *Proceedings of the Omsk State Museum of Local Lore*. No. 21. P. 61-90. (In Russ.). EDN: VMCXVZ.

Shuldyakov V.A. (2020) Petropavlovsk Secret Military Organization: materials to the history of the White Movement in the Steppe Siberia (January - May 1918). *Proceedings of the Omsk State Museum of Local Lore*. No. 23. P. 33-52. (In Russ.). EDN: TPQVLH.

Information about the authors

Mikhail I. Weber,

Cand. Sci. (History), Research fellow of the Center for Political and Sociocultural History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg 620108, Russia, e-mail: mikeveber@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7512-6087>

Gennady I. Hipkhenov,

Independent Researcher, Engineer, Prostor Group LLC, office 302, 8, F. Engels St., Irkutsk 664007, Russia, e-mail: halifat76@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 28, 2025; approved after reviewing August 19, 2025; accepted for publication August 25, 2025.

Научная статья
УДК 37.036.5
EDN: SNOBJI
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-146-159>

Особенности становления и деятельности первой государственной детской музыкальной школы Иркутска (1923–1977)

О.А. Горощенко

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Первая государственная детская музыкальная школа в Иркутске появилась в 1923 г. из недр Иркутского музыкального техникума, открытого в сентябре 1922 г. Музыкальная школа в составе музтехникума была на самообеспечении, так как время ее открытия соответствовало новой экономической политике. Обучение для студентов техникума и школьников было платным, исключение составляли бедняки и дети преподавателей. Руководили школой заведующие музыкальным техникумом. Музыкальная школа представляла собой 1 ступень массового музыкального и предпрофессионального образования. Обучение в ней проходили дети до 14 лет, длительность составляла 3 года в зависимости от специальности, основными были: фортепиано, струнные, духовые инструменты, пение сольное и хоровое. Наличие классов определялось в соответствии с преподавательским составом. В первый же год было набрано 256 чел. Финансовые проблемы, недостаточно квалифицированное руководство, отсутствие заинтересованности у вышестоящих партийных органов, хронический недостаток кадров, низкая оплата труда учителей привели к тому, что с сентября 1931 г. Иркутский музыкальный техникум вместе с пожелавшими уехать преподавателями и учениками был переведен в Красноярск, где его объединили с местным средним музыкальным учреждением. Музыкальная школа, отделившаяся от него, осталась в Иркутске. Этому способствовало ходатайство местной музыкальной элиты и активные действия преподавателей школы. Вскоре школа начала обучать детей по семилетней программе. Далее музыкальные классы объединили со школой для трудновоспитуемых детей в школу художественного и музыкального воспитания. Руководителем был назначен Михаил Кондилович Флегонтов, завучем стала Ольга Эвертовна Сиббуль. До 1936 г. школа действовала самостоятельно, а с сентября на ее базе заработал Восточно-Сибирский музыкальный техникум. Иркутская музыкальная школа стала важнейшим очагом регионального музыкального образования Восточно-Сибирского края.

Ключевые слова: Россия, Восточная Сибирь, Иркутск, музыкальное образование, музыкальная культура, первая государственная детская музыкальная школа Иркутска (1923), Иркутский музыкальный техникум (1922–1931), Восточно-Сибирский музыкальный техникум (1936), О.Э. Сиббуль, М.К. Флегонтов

Для цитирования: Горощенко О.А. Особенности становления и деятельности первой государственной детской музыкальной школы Иркутска (1923–1977) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 146–159. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-146-159. EDN: SNOBJI.

History

Original article

The peculiarities of the formation activity of the first State Children's Music School in Irkutsk (1923-1977)

Olga A. Goroshchenova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The first State Children's Music School in Irkutsk appeared in 1923 from the depths of the Irkutsk Music College, opened in September 1922. The music school as part of the college was self-sufficient, as the time of its opening corresponded to the New Economic Policy. Tuition for college students and schoolchildren was paid, with the exception of the poor and the children of teachers. The school was led by the heads of the music college. The music school represented the 1st stage of mass musical and

pre-professional education. Children under the age of 14 were trained there, the duration was 3 years, depending on the specialty, the main ones were: piano, strings, wind instruments, solo and choral singing. The availability of classes was determined according to the teaching staff. 256 people were recruited in the first year. Financial problems, insufficiently qualified leadership, lack of interest from higher party bodies, chronic shortage of personnel, and low salaries for teachers led to the fact that since September 1931, The Irkutsk Music College, along with the teachers and students who wanted to leave, was transferred to Krasnoyarsk, where it was merged with a local secondary music institution. The music school, which separated from him, remained in Irkutsk. This was facilitated by the petition of the local musical elite and the active actions of the school's teachers. Soon, the school began to teach children in a seven-year program. Then the music classes were combined with the school for difficult-to-educate children into the School of Artistic and Musical Education. Mikhail Kondidovich Flegontov was appointed head, Olga Sibbul became the head teacher. Until 1936, the school operated independently, and since September, the East Siberian Music College has been operating on its basis. Irkutsk Music School has become the most important center of regional music education in the East Siberian region.

Keywords: Russia, Eastern Siberia, Irkutsk, musical education, musical culture, Irkutsk's first State Children's Music School (1923), Irkutsk Music College (1922-1931), East Siberian Music College (1936), O.E. Sibbul, M.K. Flegontov

For citation: Goroshchenova O.A. (2025) The peculiarities of the formation and activity of the first State Children's Music School in Irkutsk (1923-1977). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 146-159. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-146-159. EDN: SNOBJI.

Введение

Музыкальное образование в нашей стране является частью воспитательного процесса. Оно формирует мировоззрение подрастающего поколения, развивает эстетические взгляды, талант и художественные способности, прививает хороший вкус, формирует музыкальную культуру.

Музыкальное образование Иркутска имеет свои традиции и насчитывает почти три века. В имперское время государственных музыкальных учебных заведений в Восточной Сибири не было. Начало системному музыкальному образованию в Иркутске было положено еще в XVIII веке, когда в Духовной семинарии стали обучать церковному хоровому пению, нотной грамоте, элементарной теории музыки и игре на музыкальных инструментах (скрипке). В Главном народном училище в течение 6 лет (1793–1799) существовал класс нотного пения (Кузнецова, 2011. С. 46). Свою лепту в развитие музыкального образования внесли декабристы и их жены, а также ссыльные поляки, организовавшие польско-литовское музыкальное общество «Огниво».

В XIX веке в Иркутске существовали музыкальная школа свободного художника А.Ю. Гиниты-Пилсудского (1899–1901), музыкальные классы при Иркутском отделении Императорского музыкального общества (1901–1914), частная музыкальная школа Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова и М.Н. Синицына (1905–1920), музыкальные курсы свободного художника В.П. Беляева, различные певческие классы, процветало репетиторство на дому. Во второй половине XIX в. в Иркутске работали более 20 частных преподавателей музыки.

В XIX в. в программу некоторых учебных заведений по рекомендации Министерства Просвещения стали включать такие лично развивающие предметы, как рисование, музыка и пение. Так, например, в Иркутском учительском институте преподавателем музыки и пения числился коллежский асессор И.П. Ноздрачев; в Иркутской мужской гимназии уроки музыки вел Иосиф Михайлович Оконский; в Иркутском коммерческом училище – Степан Иванович Богатников (пение); в Женской гимназии В.С. Некрасовой – Е.И. Сокович (пение). В женском духовном училище пение преподавал Н.М. Уваров; в училище для слепых им. И.С. Хаминова учителями пения были С.К. Протасова и Иван Андреевич Корнаков. Последний в 1897 г. вел уроки пения в бесплатной школе для девочек Н.В. Сукачевой, которая и сама обучала воспитанниц игре на музыкальных инструментах (Струк, 2010). В Промышленном училище и мужской гимназии музыку и хоровое пение вел выпускник Иркутской учительской семинарии Парфений Дмитриевич Беляев. Он же в прогимназии О. Беляевой и в училище для слепых проводил музыкальные занятия, а желающих обучал игре на скрипке (Горощенко, 2015; Харкеевич, 1987).

Но наиболее известным учебным заведением, выполнявшим до революции роль музыкального образовательного центра, был, конечно, Девичий институт Восточной Сибири (1845), переименованный в 1896 г. в институт императора Николая I (ведомства учреждений Императрицы Марии). Это было элитное среднее женское учебное заведение, где музыку преподавали на высоком профессиональном уровне. Из учителей можно отметить выпускни-

цу консерватории М.П. Вознесенскую (фортепиано), В.В. Мокеева, А.Ю. Гинита-Пилсудского (хоровое пение), М.Н. Синицына (учитель церковного пения), оперную певицу Е.В. Климашевскую (хоровое пение), преподавательницу французского языка и музыки (1858–1877) В.П. Быкову и др. Легенда иркутской музыкальной культуры Е.Г. Городецкая (1865–1940), выпускница консерватории, заведовала музыкальными классами и преподавала в штате института более 15 лет. До возникновения в Сибири специальных музыкальных училищ именно в институте воспитанницы получали наивысшую в регионе музыкальную подготовку.

После 1917 г. ситуация совершенно изменилась. Советская власть взяла курс на государственное обучение, у всех слоев населения появилась возможность получать музыкальное образование.

Частное образование было отменено. Возник вопрос о слиянии частных музыкальных учебных заведений Иркутска в единое крупное музыкальное учреждение по типу консерватории – Музун (Музыкальный университет, 1920 г.) под руководством Е.Г. Городецкой. К сожалению, просуществовав всего два года, Музун был закрыт.

На смену Музуну благодаря новой образовательной реформе в далекой Сибири был открыт первый государственный музыкальный техникум (1922), а в его недрах появилась первая государственная детская музыкальная школа (1923), действовавшая более 50 лет. Именно о ней пойдет речь в этой статье.

Так как музыкальная культура в Восточной Сибири – тема, редко встречающаяся в научных публикациях, можно выделить лишь нескольких авторов, занимающихся ее разработкой. Прежде всего, это замечательная монография «Музыкальная культура Иркутска» ныне ушедшей кандидата исторических наук, доцента Иркутского пединститута И.Ю. Харкеевич (Харкеевич, 1987), в которой системно, комплексно и многогранно раскрыта история музыкальной культуры Иркутска, ее развитие; приведены биографии выдающихся музыкальных деятелей, взяты на рассмотрение вопросы музыкального образования, театральной и концертной жизни столицы Восточной Сибири. Необходимо отметить, что все последующие авторы использовали ее и другие статьи И.Ю. Харкеевич, как надежный

библиографический источник (Харкеевич, 1970; Харкеевич, 1977¹; Харкеевич, 1982).

Совсем недавно в издательстве Иркутского государственного университета вышла книга И.А. Колокольниковой «Музыкальная жизнь Иркутска. 1930–1956», в которой восполняются некоторые пробелы музыкальной культуры Иркутска названного периода. Рассматриваются вопросы концертной, театральной деятельности, приведены биографии известных музыкантов. В главе 1.4. описано формирование музыкально-образовательной системы (Колокольников, 2023. С. 248).

Следующей работой, затрагивающей тему, является труд Л.С. Люберцевой «Святая к музыке любовь», посвященный двум выдающимся музыкальным педагогам Иркутска Л.Н. Семенцовой и Л.П. Холодиловой. Работа наполнена большой любовью и благодарностью к талантливым пианисткам и учителям, содержит собирательные биографические сведения и обширный фотоматериал (Люберцева, 2014). Но этот труд скорее носит мемуарный, т.е. источниковый характер, а не научно-исследовательский.

Довольно интересны и содержательны научные публикации М.И. Литвин, в которых она рассматривает становление и развитие профессионального музыкального образования в городе Иркутске во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. (Литвин, 2001; Литвин, 2008; Литвин, 2014).

Несмотря на столь глубокие профессиональные работы, комплексного и многостороннего исследования, целенаправленно посвященного музыкальному образованию в Иркутске нет, поэтому изучение этого вопроса остается актуальным и насущным требованием времени. А данная работа является продолжением исследования по истории музыкального образования, обозначенного в статьях «Особенности развития музыкального образования в дореволюционном Иркутске» (Горощенова, 2023). «Первый музыкальный техникум Иркутска (1922–1931)» (Горощенова, 2025).

¹ Харкеевич И.Ю. Из истории детской музыкальной школы № 1 г. Иркутска (рукопись). Иркутск, 1977. 9 с. (архив Иркутской областной детской школы искусств (ИОДШИ)).

Деятельность школы в рамках музыкального техникума

Иркутская детская музыкальная школа возникла в недрах первого Иркутского государственного музыкального техникума, открытого в 1922 г. Первоначально – это были подготовительные курсы к поступлению в музтехникум, но в мае 1923 г. они были преобразованы в детскую музыкальную школу.

Создание системы советского музыкального образования предполагало развитие сети музыкальных учреждений с разделением на три ступени: низшая (музыкальные школы), средняя (техникумы и училища), высшая (институты, консерватории). Музыкальная школа причислялась к низшей ступени, и ее задачами были давать детям общее музыкальное развитие, адаптацию к выбранной специальности, нести просветительскую функцию, а также выявлять природные способности к занятиям музыкой. Музыкальная школа представляла собой первую ступень массового музыкального и профессионального образования (Артынова, 1966).

В Иркутский государственный музыкальный техникум принимали лиц обоего пола с 8 лет на отделения: фортепианное, вокальное, класс скрипки, виолончели, теории музыки, сольфеджио, гармонии, инструментовки, истории музыки и политграммоты. Техникум готовил педагогов, исполнителей по музыкальным специальностям. Окончившие курс получали звание художника избранной специальности.

В Иркутскую музыкальную школу принимали детей с объемом знаний не ниже 3-х лет школы первой ступени, и не старше 8 лет. Для детей, обладающих выдающимися музыкальными способностями, требования снижались. Дело в том, что в 20-е–40-е гг. XX в. продолжались поиски музыкальных методик для раннего развития особо одаренных детей. И оговорка о снижении требований преследовала раннее развитие музыкальных способностей. Таким образом, музыкально одаренные дети отбирались и проходили несколько иную, усиленную подготовку для поступления на следующую ступень. Это обучение несколько напоминало утраченную в начале 20-х гг. XX в. элитарную консерваторскую методику работы с музыкально одаренными студентами (Культурное строительство..., 1989)². Известный

реформатор музыкального образования, педагог, композитор, пианист, музыковед Б.Л. Яворский считал, что творчество непременно должно присутствовать в педагогической практике: «Элемент творчества должен войти в программы всех курсов, везде школа должна учить не только читать написанное, но и говорить свои собственные слова (цит. по: Из истории советского..., 1969³).

Курс обучения в музыкальной школе составлял три года. Основными специальностями были: фортепиано, струнные, духовые инструменты, пение сольное и хоровое. Наличие классов определялось в соответствии с преподавательским составом. В первый же год было набрано 256 чел. Музыкальные занятия чаще всего проводились по вечерам, так как днем дети обучались в общеобразовательной школе.

Традиционно техникумом и школой руководил один и тот же человек – заведующий музтехникумом. В 1922–1931 гг. это были: Н.Ф. Тулунин, Г.В. Карпицкая, А.И. Янберг, Н.Г. Силаков, Н.Н. Тихонов, А.С. Морген, Братолубова (Марченко, 1984; Харкеевич, 1977⁴).

Музыкальный техникум и школа при нем располагались по адресу: 4-я Красноармейская (Солдатская) № 2/24, сегодня – это Киевская, 2. Здесь находилось 6 классных комнат для занятий музыкой. Инструменты были национализированы у Музуна и были в хорошем состоянии, требовались только учет и настройка (рис. 1).

Некоторые преподаватели совмещали работу в музтехникуме и музыкальной школе: И.А. Кожевников (скрипка), Н.Н. Глаголев (хор, музыкальная грамота, сольфеджио), Н.А. Никольская, Т.Н. Семенцова (Афанасьева), Н.М. Полякова, О.Э. Сиббуль, А.С. Гершкович, Е.К. Русанова, Е.К. Ларионова (фортепиано) и др. (Харкеевич, 1982).

Финансовые проблемы, недостаточно квалифицированное руководство, отсутствие заинтересованности у вышестоящих партийных органов, хрони-

и материалы / сост. Т.Ю. Красовицкая и др.; отв. ред. А.П. Ненароков. М. : Наука, 1989. 381, [1] с.

³ Из истории советского музыкального образования [Текст] : 1917–1927 / сост. и редколлегия: Л.А. Баренбойм, С.М. Вильскер, П.А. Вульфийус (отв. ред.) и др. Ленинград : Музыка (Ленингр. отд-ние), 1969. 306 с.

⁴ Харкеевич И.Ю. Из истории детской музыкальной школы № 1 г. Иркутска (рукопись). Иркутск, 1977. 9 с. (архив Иркутской областной детской школы искусств (ИОДШИ)).

² Культурное строительство в СССР, 1917–1927 [Текст] : разраб. единой гос. политики в обл. культуры : Документы

Рис. 1. Первое здание музтехникума и музыкальной школы (1922–1930)
Fig. 1. The first building of the College of Music and the Music School (1922-1930)

ческий недостаток кадров, низкая оплата труда учителей привели к тому, что с сентября 1931 г. Иркутский музыкальный техникум вместе с пожелавшими уехать преподавателями и учениками был переведен в Красноярск, где его объединили с местным средним музыкальным учреждением. Музыкальная школа, отделившаяся от него, осталась в Иркутске. Этому способствовало ходатайство местной музыкальной элиты и активные действия преподавателей школы.

Школа художественного и музыкального воспитания

Городская администрация, понимая бедственное положение детской музыкальной школы и не желая терять для музыкального образования иркутян низшую ступень, подыскивало для нее подходящее помещение. Им стало двухэтажное деревянное здание Восточно-Сибирского краевого детского дома трудновоспитуемых детей, которое находи-

лось по ул. Дегтевской, 4 (ныне ул. Российская)⁵ (Санжиев, 1993; Ладейщиков, Ладейщикова, 1993). Любопытно, что именно в этом иркутском доме в июне – октябре 1920 г. проживал вместе со своей русской супругой Александрой Львовой известный чешский писатель Ярослав Гашек (1883–1923), автор всемирно известного романа «Похождения бравого солдата Швейка» (Гашек, 1993). К сожалению, здание до наших дней не сохранилось (рис. 2).

Руководил детским домом, а также преподавал там русский язык и литературу М.К. Флегонтов. Музыкантам властями было отведено 4 класса для занятий. С 1933 уч. года детская музыкальная школа стала обучать детей по семилетней программе.

⁵ Российская ул. в г. Иркутске до революции носила название Дегтевской, в честь купца Максима Ивановича Дегтева * (Дехтева), проживавшего на ней с 1810 г. в собственном доме (№ 23). В 1919 г. улица стала именоваться Чехословацкой (1919 г.), а в 1934–1961 гг. – им. Героя СССР, летчика И.В. Доронина, затем – Российской.

Рис. 2. Здание, в котором располагалась Иркутская музыкальная школа по ул. Дегтевской, 4 (ныне – ул. Российская)
Fig. 2. The building in which the Irkutsk Music School was located at 4 Degtevskaya St. (now Rossiyskaya St.)

Детская беспризорность – это одна из самых болезненных тем советского общества того времени. Для реабилитации создавались специальные условия, в том числе обучение детей различным видам искусства и трудовым навыкам (Рожков, 2000).

В новом учебном году детскую музыкальную школу объединили со школой для трудновоспитуемых детей в школу художественного и музыкального воспитания, оставив руководителем Михаила Кондиловича Флегонтова. Несмотря на то, что новый заведующий не был музыкантом, он полюбил музыкальную школу, старался поднять ее престиж и повысить профессиональный уровень обучения. В музыкальной школе успешно учился и сын Михаила Кондиловича – Александр (класс скрипки Г.Э. Ланэ) (рис. 3).

Помощницей заведующего стала бессменный завуч музыкальной школы на протяжении 15 лет – пианистка О.Э. Сиббуль. О ней сохранилось немного биографических сведений. По национальности – шведка, из мещан. Родилась 14 февраля 1883 г. в г. Ливны Орловской области. Музыкой занималась с 14 лет, брала частные уроки. В 1900 г. Ольга Эвертовна окончила Петербургскую коломенскую женскую гимназию. Отец ее служил на железной доро-

ге, и был откомандирован с семьей в Сибирь. В 1909 г. поступила в музыкальные классы Иркутского отделения Императорского музыкального общества, которые окончила в 1913 г., получив звание учительницы музыки. В этом же году Ольга Эвертовна начинает свою профессиональную карьеру музыкального педагога в Иркутской первой женской гимназии им. И.С. Хаминова. В 1920 г. преподавала в Музыкальном университете, а в 1922 г. перешла в музтехникум, где с 1923 г. вела занятия и с детьми музыкальной школы. Избиралась в Президиум педагогического совета и секретарем учебного бюро Иркутского музтехникума, принимала активное участие в работе методического кружка музыкальной школы, была председателем производственной комиссии. Активная жизненная позиция Ольги Эвертовны выражалась и в общественной работе, она была и. о. профуполномоченного, а также секретарем месткома. Когда музыкальный техникум было решено перевести в Красноярск, то О.Э. Сиббуль сделала все возможное, чтобы детская музыкальная школа осталась в Иркутске. Именно благодаря ее стараниям произошло разделение этих двух учебных заведений в 1930/1931 уч. году.

Рис. 3. Класс скрипки Г.Э. Ланэ. Слева направо: сидят, 1 ряд 2-й (в центре) – Саша Флегонтов, 2-й ряд 1-я – Любовь Семенцова, будущий педагог Д. Мацуева. В центре – Г.Э. Ланэ

Fig. 3. Violin class by G.E. Lanet. From left to right: seats are occupied by: 1st row, 2nd (in the center), Sasha Flegontov, 2nd row, 1st - Lyubochka Sementsova, future teacher of D. Matsuev. In the center is G.E. Lanet

С 11 сентября 1931 г. приказом ГорОНО⁶ О.Э. Сиббуль была назначена заведующей учебной частью музыкальной школы, проработав в этой должности до 1946 г. Ольга Эвертовна старалась совершенствовать свои профессиональные навыки. В 1931 г. поступила на заочное отделение в Педагогический институт, но окончить его не смогла в связи с закрытием в 1935 г. Педологического отделения⁷. В 1937 г. О.Э. Сиббуль числится слушательницей Московского заочного музыкально-педагогического института. Проживала О.Э. Сиббуль в Иркутске по адресу: ул. Степана Разина, 20 (музшкола). Ушла из жизни в 1953 г. Светлая память об этом удивительном человеке, подвижнике музыкального образования и культуры, до сих пор живет в сердцах благодарных учеников.

Из воспоминаний известного иркутского музыковеда Л.М. Пухнаревич⁸: «Когда я училась в музыкальной школе, то завучем была Ольга Эвертовна Сиббуль. Она была очень строгая, поддерживала дисциплину, любила порядок. Музыкальная школа, как я понимаю сейчас, была для нее смыслом жизни. Выглядела Ольга Эвертовна аристократично, как будто бы из другого времени: гордо поднятая голова, осанка, красивая прическа, накрахмаленный воротник, темное элегантное платье.... Мы ее побаивались и слушались беспрекословно» (рис. 4).

Прекрасные организаторы, М.К. Флегонтов и О.Э. Сиббуль стали систематически устраивать открытые концерты учеников и преподавателей на радио, в общеобразовательных учреждениях, подшефных воинских частях. Эта замечательная традиция являлась прекрасным средством освоения музыкальной культуры, воспитания хорошего вкуса и стойких профессиональных навыков.

Руководители, обладавшие высокой культурой и внимательно относившиеся к людям, они сумели

⁶ ГорОНО – городской отдел народного образования.

⁷ Педология – комплексная междисциплинарная наука о развитии ребенка (психология, педагогика, биология, педиатрия, антропология, социология и пр.).

⁸ Запись воспоминаний Л.М. Пухнаревич, июнь 2022 г.

Рис. 4. Преподаватели Иркутской музыкальной школы, 1932 г.

Слева направо, первый ряд сидят: Т.Н. Семенцова (Афанасьева), М.К. Флегонтов (директор), Н.М. Полякова, ? ;
стоят: Н.И. Рогожина, Т.А. Мурашкина, Г.Э. Ланэ, О.Э. Сиббуль (завуч), В. Дудкина

Fig. 4. Teachers of the Irkutsk Music School, 1932. The first row is occupied by: T.N. Sementsova (Afanasyeva), M.K. Flegontov (director), N.M. Polyakova, ? ;
standing: N.I. Rogozhina, T.A. Murashkina, G.E. Lanet, O.E. Sibbul (head teacher), V. Dudkina

сформировать профессионально сильный педагогический коллектив, в котором многие годы работали: пианистки Т.Н. Семенцова (Афанасьева) (1931–1957), Л.И. Сахарникова (1936–1956), О.Д. Баскова (1936–1958), Е.К. Ларионова (1923–1957), Т.Н. Колик (1931–1983), Т.А. Мурашкина (1927–1950), Н.М. Полякова (1936–1955), В.Ф. Казакевич (1936–1980), Т.Г. Бендлин (1940–1984), М.А. Мишарина (1939–1960-е); скрипачи Г.Э. Ланэ (1936–1953), Н.М. Собаченко, преподаватель игры на духовых инструментах П.П. Гоголев (1936–1977), баянист М.С. Иванов (1931–1959). Большинство преподавателей были выпускниками первого музыкального техникума Иркутска (1922–1931) (Харкеевич, 1987).

С осени 1935 г. музыкальная школа переехала в другое помещение – бывшие купеческие склады на ул. Почтамской (Степана Разина, 20) (рис. 5). Помещение было достаточно холодным и сырым. В штате школы для обслуживания здания находились завхоз, истопник, швейцар, гардеробщица, сторож и уборщица. Как и прежде, часть занятий по специальным дисциплинам проходили у преподавателей на дому.

Надо отметить, что тяга к музыкальной культуре и образованию у иркутян всегда была большая. Детская музыкальная школа № 1, будучи не в состоянии вместить под свой кров всех желающих в ней учиться, находила некоторый выход из положения в том, что открывала в городе свои филиалы. Так, первый школьный филиал открылся в 1935 г. в доме культуры завода им. Куйбышева, кроме того, были организованы филиалы при Дворце пионеров, в Доме офицеров, в авиаучилище. Начиная с 1940-х гг., школа стала открывать филиалы, преобразовавшиеся затем в самостоятельные музыкальные школы в Ангарске, Шелехове, Зиме, Усть-Орде, Хомутово, а также во многих районах г. Иркутска. Детская музыкальная школа фактически явилась базой для повсеместного музыкального образования в регионе.

Детская музыкальная школа в составе Восточно-Сибирского музыкального техникума

Как самостоятельное учебное заведение школа просуществовала несколько лет. А ее выпускники не имели возможности развития профессиональных навыков в Иркутске. Приехавший в марте 1931 г. из

Рис. 5. Здание музыкальной школы и музыкального училища по ул. Степана Разина
Fig. 5. The building of the Music School and the Music College on Stepan Razin St.

Москвы выпускник консерватории им. П.И. Чайковского пианист-музыковед В.Ф. Сухиненко (1905–1992)⁹ много сделал для популяризации музыкальной культуры Иркутска, в том числе обратил внимание иркутян на отсутствие среднего звена музыкального образования – музыкального техникума (училища). Ученик заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Сталинской премии, педагога, композитора и виртуозного пианиста С.Е. Фейнберга, музыкальных педагогов-теоретиков М.В. Иванова-Борецкого и К.А. Кузнецова, Владимир Сухиненко с энтузиазмом занялся музыкальным просветительством, активно сотрудничая с прессой и местной музыкальной элитой.

Надо отметить, что советская власть уделала большое внимание культурному просвещению населения. В 30–50-е гг. XX в. Иркутский радиоцентр (радиокомитет), в котором работал В.Ф. Сухиненко, был практически главным очагом распространения музыкальной культуры в Иркутской области. В его составе находились: симфонический оркестр, хор под управлением В.А. Патрушева, оркестр русских народных инструментов, группа солистов, концертмейстеры, замечательные редакторы. Радиовеща-

ние шло в прямом эфире. Музыкальные постановки, концерты, просветительские лекции, в том числе «Музыкальные пятницы», пользовались большой популярностью у иркутян. Творческий коллектив радиоцентра не ограничивался собственными стенами, выступления проходили в том числе и в различных учреждениях Иркутска, имея большой успех. С 1939 г. в городе действовала Иркутская областная филармония. В 1958 г. был сформирован коллектив симфонического оркестра. В это время особенно остро встал вопрос о местных профессиональных кадрах – музыкальных исполнителях, педагогах, творческой элите. Низшего музыкального образования для этого было недостаточно. Дети, окончившие музыкальную школу, чаще всего получали другую специальность, а музыку не рассматривали как серьезную профессиональную деятельность, способную прокормить семью и самого себя. Именно поэтому нужна была преемственность в музыкальном образовании: от музыкальной школы (низшей степени) к среднему профессиональному образованию (вторая ступень). Именно она обеспечивала исполнительское мастерство и творческое начало в музыкальной среде, заполняла штатными единицами учреждения культуры Иркутской области.

Так, 22 июля 1936 года состоялось решение Президиума Востсибкрайкома об учреждении ново-

⁹ В.Ф. Сухиненко: Некролог // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1992. 24 дек.

го музыкального техникума в Иркутске. Музыкальная школа стала базой для его создания. Торжественное мероприятие по случаю открытия Восточно-Сибирского музыкального техникума состоялось 15 сентября 1936 г. в 18.00 по адресу: ул. Степана Разина, 20. Музтехникум был открыт в составе 1 курса и подготовительного отделения по специальностям: фортепиано, скрипка, виолончель, духовые инструменты, сольное и хоровое пение (Шварц Е. О музыкальном училище и музыкальной школе // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1938. 14 дек. С. 3). В сентябре того же года на основании постановления Всесоюзного комитета по делам искусств и приказа по Восточно-Сибирскому краевому управлению по делам искусств музыкальный техникум был переименован в Восточно-Сибирское краевое музыкальное училище (Колокольников, 2016). Школа и училище ютились в одном здании. Преподавателям, из-за нехватки классов, приходилось заниматься дома – это была обычная практика для тех времен.

В 1937 г. музыкальное училище получило из Москвы новые образовательные программы. Кроме того, изменились правила выступления на концертах (игра по нотам). Для улучшения качества музыкального образования необходимо было повысить квалификацию педагогов. Так, завуч О.Э. Сиббуль и хормейстер Т.А. Мурашкина были направлены на двухгодичные заочные курсы в Москву, а пианистки Н.М. Полякова и О.Л. Баскова – в Ленинград.

Директором училища и музыкальной школы оставался М.К. Флегонтов (1890–24.03.1945). В июне 1938 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности (ст. 58) и осужден к 10 годам заключения с правом переписки в исправительно-трудовой колонии в Сев.-Вост. лагеря (ДВК), где и скончался в местной больнице от хронического заболевания. По заявлению родственников его дело было пересмотрено, Михаила Кондидовича реабилитировали 22 декабря 1956 г. («Открытый список»)¹⁰. Коллективу музыкального училища и школы он запомнился как замечательный человек и прекрасный руководитель.

¹⁰ «Открытый список» [Электронный ресурс] / Открытый список. Жертвы политического террора в СССР (База данных) Книга памяти Иркутской обл. : сайт. URL: [https://ru.openlist.wiki/Флегонтов_Михаил_Кондидович_\(1890\)](https://ru.openlist.wiki/Флегонтов_Михаил_Кондидович_(1890)) (дата обращения 14.07.2025).

Преподавательский состав музыкальной школы

Преподаватели музыкальной школы были профессионалами высокого уровня, занимались не только педагогической, но и исполнительской деятельностью: участвовали в концертах, «Музыкальных пятницах», занимались шефской работой¹¹.

Важно отметить, что исполнительская школа преподавателей Иркутской детской музыкальной школы, музыкального техникума, а затем училища, отличалась высоким профессионализмом, объединяла два консерваторских начала – Петербургскую и Московскую. Причем исполнительское мастерство педагогов основывалось еще на дореволюционных традициях, заложенных Е.Г. Городецкой, учившейся в Петербурге у знаменитых педагогов Свенчковского, Рейхардта, Рубинштейна¹². За время пребывания в Иркутске она воспитала не одно поколение замечательных музыкантов и талантливых педагогов, которые затем вели свои классы в музыкальном техникуме и музыкальной школе.

Педагогом, воспитавшим целую плеяду талантливейших музыкантов Иркутска, стала пианистка Татьяна Николаевна Семенцова (Афанасьева) – выпускница Петербургской консерватории по классу фортепиано заслуженного деятеля искусств РСФСР проф. Н.А. Дубасова. Она преподавала последовательно в частной музыкальной школе Е.Г. Городецкой, в музыкальной школе Народного университета, с 1922 по 1931 гг. и музыкальном техникуме, вела в детской музыкальной школе класс специального фортепиано и слушание музыки: учебную дисциплину, близкую к курсу музыкальной литературы. Кроме того, Т.Н. Семенцова была прекрасным методистом. Среди ее учеников: Мария Бедель (концертмейстер), Нина Рогожина (преподаватель Санкт-Петербургской государственной консерватории), Руфина Медведева (Гроссман) (пианистка, концертмейстер Бурят-Монгольского оперного театра в Улан-Удэ, Иркутского театра музыкальной комедии; Татьяна Мурашкина (хормейстер, педагог), Любовь Воробьева (преподаватель фортепиано) и мн. др. Кроме того, она – мать известного иркутского педагога Любови Николаевны Семенцовой (1923–1998), воспитавшей таких замеча-

¹¹ Виртуальный МУЗЕЙ Школы. URL: <https://blogkhitem.blogspot.com/2020/09/blog-post.html> (дата обращения 14.07.2025).

¹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 361. Оп. 1. Д. 3599. 2 л.

тельных музыкантов, как Денис Мацуев, Дмитрий Басков, Михаил Клейн, Ольга Горбовская, Анастасия Дурбажева, Илья Рашковский, Елена Папцова, Людмила Недбай, Наталья Венгер и другие.

Галина Николаевна Томбасова училась в Музуне у Е.Г. Городецкой, а в музучилище у В.Ф. Сухиненко. В 1946 г. заменила на посту завуча музыкальной школы О.Э. Сиббуль. Среди ее учеников Н. Почекунина, Л. Моисеева (Коровина), Н. Барковская, С. Луцкий (вып. Ленинградской консерватории).

Татьяна Гуговна Бендлин, любимая ученица Е.Г. Городецкой, активная участница музыкальных пятниц. Окончила Московскую консерваторию, ее педагогическая деятельность составляет более 40 лет. Татьяна Гуговна Бендлин – одна из первых среди тех иркутян, получивших консерваторское образование, которые вернулись в свой родной город. Ее примеру последовали многие, и это стало замечательной традицией. В 1927 г. Т.Г. Бендлин окончила Иркутский музыкальный техникум по классу фортепиано Н.А. Никольской, затем занималась под руководством замечательного педагога Е.Г. Городецкой. С 1935 г. она училась в Московской консерватории, которую окончила по классу Б.Я. Вайншенкера в 1940 г. Вернувшись в Иркутск, она активно включилась в его музыкальную жизнь, став солисткой и оркестровой пианисткой Областного радиокомитета и одним из ведущих педагогов по специальному фортепиано одновременно в музыкальной школе и училище. В школе, кроме того, она вела в 1940-е гг. сольфеджио, хор старших классов и музыкальную литературу. Высокий профессионализм и подлинная заинтересованность отличают педагогическую деятельность Татьяны Гуговны. За это время она воспитала несколько сот музыкантов для учебных заведений Иркутска и области; значительная их часть завершила свое образование в консерваториях страны. Среди них: Л.П. Холодилова, Н.К. Владимирова, Э.В. Литинская, Л.М. Пухнаревич, Г.Е. Сидорова (Исаенко), Е.А. Жарких (Вассерман), Н.Г. Хитцова и др.

Людмила Пантелеймоновна Холодилова, ученица Е.Г. Городецкой и Т.Г. Бендлин, по примеру своих учителей вела активную просветительскую деятельность, совмещая педагогическую работу и концертную деятельность на радио и в филармонии.

Маргарита Михайловна Мишарина в 1928 г. окончила Иркутский музыкальный техникум, где

училась у Н.А. Никольской и Т.Н. Семенцовой (Афанасьевой). Ее выпускниками были Л. Пухнаревич, В. Киселев, Л. Воронова, Е. Шабалина, Н. Лычагина (Бенкогенова).

Нина Михайловна Полякова (Попова) работала в музыкальной школе с 1931 по 1966 гг. Вела ритмику, теоретические предметы. Многие выпускники Н.М. Поляковой стали музыкантами: И. Клейн, Т. Каменская, Т. Шоцка, Т. Боннэр, В. Зоткин, Н. Бронер, Л. Каратаева (Игнатьева) и др.

В 1926 г. первый музыкальный техникум окончила по фортепианному классу Т.Н. Семенцовой Татьяна Александровна Мурашкина, о которой иркутяне сохраняют самые светлые воспоминания. Все в ней было прекрасно: и очаровательная внешность, и тонкая художественная натура и особая, исключительная музыкальная одаренность. В педагогическую работу она, в буквальном смысле слова, вкладывала всю душу. Это был пример абсолютно беззаветного служения своей профессии. Живая, энергичная, никогда не унывающая, казавшаяся неутомимой, Татьяна Александровна всю жизнь несла на своих плечах громадную разнообразную нагрузку в музыкальном техникуме (по его окончании), и в музыкальной школе, а позже – параллельно – и в музыкальном училище. Кроме специального фортепиано и теоретических дисциплин, массу времени и сил она отдавала работе с хорами младших и средних классов, понимая, что ничто так не развивает музыканта, как пение в хорошем хоре. Авторы рецензий на отчетные концерты школы, отмечали интересный и разнообразный репертуар хоров, которыми руководила Т.А. Мурашкина, чистоту строя, точность интонации, отчетливую дикцию и высокую культуру исполнения, бережно-любтивное отношение к детским голосам. Многочисленные выпускники Иркутского музыкального училища с горячей благодарностью вспоминают Татьяну Александровну Мурашкину и как талантливую руководительницу концертмейстерского класса. Татьяна Александровна Мурашкина в 1930–1940 гг. вела сольфеджио, хор, класс фортепиано, позднее – концертмейстерский класс.

Большую методическую помощь молодым преподавателям всегда с удовольствием оказывала Лидия Ивановна Сахарникова, получившая музыкальное образование в Санкт-Петербургской консерватории. В Иркутской музыкальной школе она

проработала с 1933 по 1956 гг., воспитав за это время не один десяток музыкантов, многим дав путевку в большое искусство. Многим ученикам открыла путь в большое искусство: Ленинградскую консерваторию окончили Д. Басков, Н. Корсунь, В. Окунцов; Московскую – Н. Филимонова; Киевскую – Ю. Филлер; Вильнюсскую – Э. Назарова; Иркутское музыкальное училище – Т. Кузнецова, И. Иссерс, Л. Воробьева и другие.

Более 30 лет своей жизни отдала Иркутской музыкальной школе выпускница частной музыкальной школы Е.Г. Городецкой – Елена Константиновна Ларионова, чье имя широко известно в Иркутске.

Заслуженное уважение и авторитет ведущих преподавателей детской музыкальной школы завоевали: скрипач Николай Михайлович Собаченко, пианистки Нина Михайловна Полякова, Валентина Федоровна Казакевич, Тамара Николаевна Колик, Маргарита Александровна Мишарина. Все они получили образование в Иркутском музыкальном техникуме.

Основоположителем класса баяна детской музыкальной школы был Михаил Степанович Иванов – эрудированный музыкант и талантливый педагог, его ученики затем работали во всех музыкальных школах Иркутской области. Учениками М.С. Иванова были В.В. Логинов, Г.П. Перевалов, Б.С. Зверев (Иркутское музыкальное училище), выпускники Ленинградской консерватории Д.А. Матюшков (солист Ленконцерта) и А.Л. Репников (композитор, преподаватель Ленинградской консерватории, руководитель оркестра баянистов Ленинградского института культуры), выпускник Московского института имени Гнесиных Ю.П. Панаев (возглавляющий класс баяна и аккордеона музыкально-педагогического факультета Иркутского педагогического института) и другие.

Любовь к детям привела в музыкальную школу Павла Павловича Гоголева. Он много лет отдал работе дирижера оркестра ТЮЗа, композиторской деятельности. В музыкальной школе он стал не только талантливым педагогом класса духовых инструментов, но и наставником молодежи. Среди его учеников – С. Качай, В. Рукосуев, В. Николенко и мн. др.

Большую плодотворную педагогическую жизнь прожил Генрих Эмильевич Ланэ – знаменитый иркутский скрипач, ученик Я. Гаек, Л. Рудольфа и

Г. Конюса. С 1928 г. Г.Э. Ланэ связал свою судьбу с Иркутском. Он работал скрипачом оркестров кино, радио, филармонии, преподавал в музыкальном училище и школах Иркутска, Шелехова, играл в струнном квартете филармонии. С 1946 г. Э. Ланэ стал членом Союза композиторов СССР (единственный в Иркутской области).

Говорить о коллективе музыкальной школы отдельно от коллектива музыкального училища трудно, так как долгие годы они находились в тесном контакте. Лишь в 1960 г. музыкальное училище отделилось и переехало в здание на ул. Карла Маркса, войдя потом в состав училища искусств. Но контакты из-за этого не нарушились. Когда в городе есть музыкальная школа и музыкальное училище, происходит совершенно естественный процесс: выпускники школы продолжают свое образование в училище, а по окончании его возвращаются в школу уже в качестве преподавателей. Таким образом, детская музыкальная школа фактически явилась базой для развития музыкального образования в регионе.

Важно отметить, что на протяжении многих лет при школе действовало вечернее отделение и курсы повышения квалификации для музыкальных педагогов и сотрудников культурных учреждений.

В 1960 г. музыкальное училище отделилось от школы и переехало в новое просторное здание на ул. Карла Маркса, теперь это – Музыкальный колледж им. Ф. Шопена

В 1978 г. в истории Центральной детской музыкальной школы открылась новая страница: она стала составной частью Иркутской областной детской школы искусств. С новым статусом школа приобрела и новое здание по ул. Желябова, 9.

Иркутская музыкальная школа стала важнейшим очагом регионального музыкального образования. Непростое становление учреждения оказалось судьбоносным для двух Иркутских музыкальных техникумов. В недрах первого музтехникума (1922) школа появилась на свет в 1923 г., а затем сама дала жизнь новому среднему музыкальному учреждению (1936) (Дурбажева, 2010). Из ее стен вышли замечательные педагоги и музыканты, способствовавшие распространению и демократизации музыкальной культуры Восточно-Сибирского края.

Список источников

Артынова Л.А. Страницы истории // Методические записки по вопросам музыкального образования. М. : Музыка, 1966. С. 7–40.

Гашек Ярослав. Похождения brave солдата Швейка во время мировой войны / пер. с чеш. П.Г. Богатырева. М. : ОГИЗ, 1993. Т. 1. 318, [2] с.

Горощенова О.А. От навигационной школы к техническому университету (1754–2015) : монография. Иркутск : ИРНТУ, 2015. 241 с. EDN: VWIGLL.

Горощенова О.А. Особенности развития музыкального образования в дореволюционном Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 146–158. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-146-158>. EDN: PIZKJI.

Горощенова О.А. Первый музыкальный техникум Иркутска (1922–1931) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 127–137. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-127-137. EDN: EDHKYB.

Дурбазева А.С. Иркутский музыкальный колледж : 75 лет со дня открытия // Приангарье: годы, события, люди : Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2011 г. Иркутск : Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2010. С. 114–119.

Колокольников И.А. История развития музыкального образования города Иркутска в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 2 (22). С. 75–82. DOI: 10.17223/22220836/22/8. EDN: WFEITV.

Колокольников И.А. Музыкальная жизнь Иркутска. 1930–1956. Иркутск : Оттиск, 2023. 299 с. EDN: ETGNLP.

Кузнецова М.В. Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX века : монография. 2-е изд. Иркутск : Областная типография № 1, 2011. 312 с. EDN: RTQYKX.

Ладейщиков А.Ю., Ладейщикова Е.Р. Каменное жилье зодчество XIX – начала XX в. // Памятники истории культуры Иркутска : Сборник / сост. А.В. Дулов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. С. 333–352.

Литвин М.И. Деятельность Восточно-Сибирского краевого музыкального училища в 1940–1950-х годах // Третьи Романовские чтения : материалы науч. конф. Иркутск : Иркут. ун-т, 2001. С. 146–149.

Литвин М.И. Специфика становления и развития музыкальной культуры Восточной Сибири советского периода как феномена массовой культуры // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года : сборник трудов конференции, Иркутск, 01 марта – 30 апреля 2008 года. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. С. 571–577.

Литвин М.И. Особенности становления и развития профессионального музыкального образования в городе Иркутске во второй половине 1940-х – начале 1960-х годов // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 1 (6). С. 21–26. EDN: UCWIRF.

References

Artynova L.A. (1966) Pages of history. Methodical notes on music education. Moscow: Muzyka. P. 7-40. (In Russ.).

Hasek Yaroslav (1921-1923). The adventures of the brave soldier Schweik during the World War. (Russ. ed.: Pokhozheniya bravogo soldata Shveika vo vremya mirovoi voyny. Moscow: OGIZ. 1993. Vol. 1. 318, [2] p.).

Goroshchenova O.A. (2015) From the navigation school to the Technical University (1754-2015): monograph. Irkutsk: IRNITU. 241 p. EDN: VWIGLL.

Goroshchenova O.A. (2023) Features of the development of music education in pre-revolutionary Irkutsk. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 146-158. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-146-158>. EDN: PIZKJI.

Goroshchenova O.A. (2025) First Music College of Irkutsk (1922-1931). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 127-137. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-127-137. EDN: EDHKYB.

Durbazheva A.S. (2010) Irkutsk Music College : 75 years since the opening. Angara region: years, events, people : the calendar is significant and memory dates of the Irkutsk region for 2011. Irkutsk: Publishing House. Irkutsk Region State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky. P. 114-119. (In Russ.).

Kolokolnikov I.A. (2016) History of the development of music education of Irkutsk in the 1931-1941. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism*. No. 2 (22). P. 75-82. (In Russ.). DOI: 10.17223/22220836/22/8. EDN: WFEITV.

Kolokolnikov I.A. (2023) Musical life of Irkutsk. 1930-1956. Irkutsk: Ottisk. 299 p. (In Russ.). EDN: ETGNLP.

Kuznetsova M.V. (2011) The Irkutsk school in the XVIII - first half of the XIX century: a monograph. Irkutsk: Regional Printing House. No. 1. 312 p. (In Russ.). EDN: RTQYKX.

Ladeishchikov A.Yu., Ladeishchikova E.R. (1993) Stone residential architecture of the XIX – beginning XX century. Sites of the history of culture of Irkutsk: Collection. Irkutsk: East Siberian Publishing House. P. 333-352. (In Russ.).

Litvin M.I. (2001) The activities of the East Siberian Regional Music College in the 1940s and 1950s. *The Third Romanov Readings. Proceedings of the Scientific Conference*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 146-149. (In Russ.).

Litvin M.I. (2008) The specifics of the formation and development of the musical culture of Eastern Siberia of the Soviet period as a phenomenon of mass culture. *Vtorye universitetskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya 2008 goda: Sbornik trudov konferentsii, Irkutsk, 01 marta - 30 aprelya 2008 goda = The Second Baikal socio-humanitarian readings: conference proceedings, Irkutsk, March 01 - April 30, 2008*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 571-577. (In Russ.).

Litvin M.I. (2014) Features of the formation and development of professional music education in Irkutsk in the second half of the 1940s - early 1960s. *Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*. No. 1 (6). P. 21-26. (In Russ.). EDN: UCWIRF.

Люберцева Л.С. Святая к музыке любовь. Иркутск : Типография «На Чехова», 2014. 123 с.

Марченко Ю.Г. Музыкальное образование в Сибири (20-е гг.) // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917–1945): сборник статей. Новосибирск : Наука, 1984. С. 42–70.

Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134–139.

Санжиев Б.С. Ярослав Гашек в Сибири : Докум. очерк о деятельности писателя-интернационалиста в период гражданской войны. Иркутск : Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1993. 206, [2] с.

Струк Н. «Счастлива возможностью посылить содействовать образованию юных иркутянок» // Земля Иркутская. 2010. № 1 (36). С. 43–49.

Харкеевич И.Ю. Роль Иркутского государственного университета в развитии музыкальной культуры Иркутска (1918–1932 гг.) // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. 59. Сер. Историческая. Вып. 2. Иркутск : Тип. № 2, 1970. С. 125–130.

Харкеевич И.Ю. Из истории музыкальной жизни г. Иркутска первых лет советской власти // Из прошлого советской музыкальной культуры. М. Советский композитор, 1982. Вып. 3. С. 155–190.

Харкеевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 277, [2] с.

Информация об авторе

Горощенко Ольга Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Вклад автора

Горощенко О.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 июля 2025 г.; одобрена после рецензирования 21 августа 2025 г.; принята к публикации 8 сентября 2025 г.

Lyubertseva L.S. (2014) Holy love for music. Irkutsk: Tip. "On Chekhov". 123 p. (In Russ.).

Marchenko Yu.G. (1984) Musical education in Siberia (the 20s). *Artistic Culture and the Intelligentsia of Siberia (1917-1945): Collection of articles*. Novosibirsk: Nauka. P. 42-70. (In Russ.).

Rozhkov A.Y. (2000) The fight against homelessness in the first Soviet decade. *Questions of History*. No. 1. P. 134-139. (In Russ.).

Sanzhiev B.S. (1993) Yaroslav Hashek in Siberia: Documentary essay on the activities of an internationalist writer during the Civil War. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 206, [2] p. (In Russ.).

Struk N. (2010) "I am happy to have the opportunity to contribute as much as possible to the education of young Irkutsk women". *Irkutsk Land*. No. 1 (36). P. 43-49. (In Russ.).

Kharkeevich I.Y. (1970) The role of Irkutsk State University in the development of musical culture in Irkutsk (1918-1932). *Proceedings of Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov*. Vol. 59. Ser. Historical. Iss. 2. Irkutsk: Printing house. No. 2. P. 125-130. (In Russ.).

Kharkeevich I.Yu. (1982) From the history of musical life in Irkutsk during the first years of Soviet power. *From the past of Soviet musical culture*. Moscow: Sovetskii kompozitor. Iss. 3. P. 155-190. (In Russ.).

Kharkeevich I.Yu. (1987) Musical culture of Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk State University. 277, [2] p. (In Russ.).

Information about the author

Olga A. Goroshchenova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Contribution of the author

Goroshchenova O.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted July 18, 2025; approved after reviewing August 21, 2025; accepted for publication September 8, 2025.

Научная статья
УДК 93;377;378
EDN: VHRTSQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-160-172>

Освещение в периодической печати Иркутской области процесса реализации Постановления Совета Народных Комиссаров СССР о призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения в 1940–1941 гг.

Д.В. Михаэлис

Восточно-Сибирский институт МВД РФ, Иркутск, Россия

Аннотация. Данная работа является первой частью обзора публикаций о вопросах и проблемах организации трудовых резервов в Иркутской области. В настоящем исследовании эта система рассмотрена в довоенное время. Рассматриваются предпосылки создания системы трудовых резервов в Советском Союзе в период третьей пятилетки. Изучение данного вопроса основано на анализе публикаций в периодических печатных изданиях указанного периода, выпускавшихся в различных городах региона, а также соответствующих нормативно-правовых актов. Внимание прессы акцентировалось как на агитации к реализации набора (в том числе, к невыполнению плана набора), так и на функционировании всей системы и результатах обучения и выпускаемом контингенте. Также публиковались сведения по конкретным учебным заведениям Иркутской области и отдельным отраслям промышленности: лесной, железнодорожной, горной. Несмотря на цензурную политику советского государства в печати присутствовала критика различных недостатков в организации обучения. Детально отражена количественная характеристика призываемого контингента в различные учебные заведения, в том числе по районам Иркутской губернии, а также финансовое и материальное обеспечение системы трудовых резервов. Приводится сравнительная характеристика планов призыва обучающихся в различных краях и областях Сибири. Например, в учебные заведения Иркутской области в первый набор должно было быть набрано 4600 чел., тогда как по всей Сибири планировалось за аналогичный период выпустить 34 660 чел. В начале Великой Отечественной войны публикации не носили подробного характера, уступив место сводкам боевых действий и другим событиям военного времени.

Ключевые слова: трудовые резервы, Иркутская область, Сибирь, периодическая печать, образование, железнодорожное образование, учебное заведение, училища, фабрично-заводское обучение, советское законодательство

Для цитирования: Михаэлис Д.В. Освещение в периодической печати Иркутской области процесса реализации Постановления Совета Народных Комиссаров СССР о призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения в 1940–1941 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 160–172. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-160-172. EDN: VHRTSQ.

History

Original article

Coverage in the Irkutsk Region periodical press of the implementation of the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR on the conscription of urban and collective farm youth into vocational schools, railway schools, and factory training schools in 1940-1941

Dmitry V. Michaelis

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

© Михаэлис Д.В., 2025

Abstract. This work is the first part of a review of publications on the issues and problems of organizing labor reserves in the Irkutsk Region. In this study, this system is examined in the pre-war period. The prerequisites for the creation of a labor reserve system in the Soviet Union during the third five-year plan are considered. The study of this issue is based on an analysis of publications in periodicals of the specified period, published in various cities of the region, as well as relevant regulatory legal acts. The attention of the press was focused both on campaigning for the implementation of recruitment (including non-fulfillment of the recruitment plan), as well as on the functioning of the entire system and the results of training. The quantitative characteristics of the conscripted contingent in various educational institutions, including in the districts of the Irkutsk Region, as well as the financial and material support of the labor reserve system are reflected in detail. A comparative description of the draft plans of students in various regions and regions of Siberia is given. For example, 4,600 people were supposed to be enrolled in educational institutions in the Irkutsk Region for the first time, while 34,660 people were planned to graduate throughout Siberia over the same period. At the beginning of the Great Patriotic War, publications were not detailed, giving way to summaries of military operations and other wartime events.

Keywords: labor reserves, Irkutsk Region, Siberia, periodical press, education, railway education, educational institution, colleges, factory training, Soviet legislation

For citation: Michaelis D.V. Coverage in the Irkutsk Region periodical press of the implementation of the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR on the conscription of urban and collective farm youth into vocational schools, railway schools, and factory training schools in 1940-1941. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 160-172. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-160-172. EDN: VHRTSQ.

Введение

Трудовые резервы СССР – система подготовки квалифицированных рабочих массовых профессий (Педагогический энциклопедический словарь, 2002. С. 293)¹. 2 октября 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О государственных трудовых резервах СССР». Этот документ позволил Советскому государству обеспечить народное хозяйство молодыми кадрами, обладающими необходимыми рабочими навыками, и в дальнейшем осуществлять их подготовку на регулярной основе. В результате, на смену школам фабрично-заводского ученичества (далее – ФЗУ) пришли ремесленные (далее – РУ) и железнодорожные училища (далее – ЖУ) с двухлетним сроком обучения, а также школы фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО), с программами подготовки продолжительностью шесть и десять месяцев. В одной из недавних публикаций мы предметно осветили и предпрофессиональную подготовку будущих железнодорожников в рамках советской системы детских железных дорог (Михаэлис, 2025. С. 271–277).

Для руководства подготовкой и распределением государственных трудовых резервов при Совете Народных Комиссаров СССР было организовано Главное Управление Трудовых Резервов (далее – ГУТР). В свою очередь, в областях, краях и республиках создавались областные, краевые, республикан-

ские Управления Трудовых Резервов, а в городах Москве и Ленинграде также и городские Управления Трудовых Резервов с подчинением их ГУТР при Совнаркоме СССР². Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР (далее – Постановление от 06.10.1940 г.) начальником ГУТР при Совете Народных Комиссаров СССР был назначен П.Г. Москатов³ «Для лучшего руководства методикой производственного обучения в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» при ГУТР был создан учебно-производственный совет, состоящий из 31 человека, среди которых были опытные рабочие и

² Об образовании Главного Управления Трудовых Резервов при Совнаркоме СССР: постановление СНК СССР от 2 октября 1940 № 1851 // Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. 1940. № 25. Ст. 602. С. 840–841. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/382122-sobranie-postanovleniy-i-rasporyazheniy-ravitelstva-sssr-za-1940-g-locale-nil-16-32#mode/inspect/page/319/zoom/4> (дата обращения 15.06.2025).

³ О назначении т. Москатова П.Г. начальником Управления Трудовых Резервов при Совете Комиссаров СССР: постановление СНК СССР от 2 октября 1940 № 1850 // Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. 1940. № 230. Ст. 621. С. 866. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/403914-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-o-naznachenii-t-moskatova-p-g-nachalnikom-glavnogo-upravleniya-trudovyh-rezervov-pri-sovete-narodnyh-komissarov-sssr-2-oktyabrya-1940-g-locale-nil-1850> (дата обращения 15.06.2025).

¹ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 527 с.

мастера-производственники, профессор МИИТ и военно-инженерной академии В.И. Раздобреев, директора и мастера РУ и ЖУ, а также ряд руководящих работников ГУТР (Учебно-производственный совет при Главном Управлении Трудовых Резервов // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 73. 28 марта. С. 1).

Одной из предпосылок этой кампании стало масштабное строительство, развернувшееся по всей стране: появлялись крупные объекты в сферах черной и цветной металлургии, а также железные дороги, шахты, электростанции и предприятия различных отраслей промышленности, которые только начинали свою деятельность. Все они требовали квалифицированных специалистов. Аналогичную потребность в таких кадрах испытывали и многие предприятия, которые переходили к производству новых видов продукции. Как отмечалось в новосибирской газете «Советская Сибирь», размер капиталовложений в третьей пятилетке превышал сумму капиталовложений за первую и вторую пятилетки вместе взятые (Мероприятия большого государственного значения // Советская Сибирь (г. Новосибирск), 1940. № 243 (6312). 22 октября. С. 1). Создание государственных трудовых резервов из городской и колхозной молодежи позволяла использовать также те резервы рабочей силы, которые имелись в колхозах, планомерно переводить свободную рабочую силу из сельского хозяйства в промышленность. Стоит согласиться с авторами, указывавшими, что этот процесс давал шанс молодежи навсегда покинуть колхоз (Ильин, 2011. С. 88).

Еще одной из предпосылок появления программы подготовки государственных трудовых резервов явилось то, что школы ФЗО обеспечивали лишь небольшую долю необходимой рабочей силы для промышленности. К началу 40-х годов наблюдалась даже тенденция к снижению числа учащихся в этих учебных заведениях. Как следствие, значительное количество новых работников получало квалификацию прямо на производстве. То, что многие рабочие приходили на предприятия без специальной подготовки и знаний, негативно сказывалось на процессе производства. Это приводило к снижению производительности, увеличению доли бракованной продукции, частым поломкам инструментов и порче материалов (О воспроизводстве рабочей силы при капитализме и социализме // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 145 (1107). 29 октября. С. 2).

Кроме того, создание трудовых резервов являлась реакцией советского руководства на нарастающую угрозу войны с Германией в условиях уже начавшейся Второй Мировой войны и недавно закончившейся Советско-финской войны (Докучаева, 2016. С. 16).

Перед учебными заведениями трудовых резервов стояла цель – подготавливать специалистов для массовых профессий в школах ФЗО, а квалифицированных рабочих – в ремесленных и железнодорожных училищах. Обучение молодежи должно было проходить не на абстрактных задачах, а на реальной, полезной производственной деятельности (Трудовые резервы // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1943. № 202. 2 октября. С. 2), учебные заведения же зачастую готовили людей в отрыве от производства и не закрепляли выпускников на предприятиях (Правильное решение большой государственной задачи // Советская Сибирь (г. Новосибирск), 1940. № 230 (6299). 6 октября. С. 1). В процессе обучения на базе предприятий было необходимо, чтобы весь учебно-производственный процесс был направлен на поддержку предприятий в выполнении установленных им планов. В мастерских училищ и школ акцент должен был делаться на выполнение государственных заказов с использованием всего производственного оборудования, которое было передано правительством трудовым резервам (Трудовые резервы // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1943. № 202. 2 октября. С. 2). В течение первого года обучения только школы ФЗО должны были дать промышленности и транспорту около 800 тысяч рабочих массовых профессий, а в течение первых трех лет школы ФЗО, РУ и ЖУ вместе взятые – свыше 3-х миллионов квалифицированных рабочих и рабочих массовых профессий для промышленности, строительства и транспорта (XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б): Утреннее и вечернее заседания 18 и 19 февраля // За большевистские темпы (г. Чернь), 1941. № 16. 7 февраля. С. 2). «Подготовка квалифицированных рабочих, воспитание кадров массовых профессий, горячо любящих свой труд и в совершенстве знающих свое дело – большая государственная задача. Успешно выполнить ее можно в том случае, если будет правильно поставлен весь комплекс учебно-воспитательной и производственной работы ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, если будет образцово налажено производственное обучение», – говорилось в прессе (Выше уровень произ-

водственного обучения! // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 85. 11 апреля. С. 1). Кроме того, обучение в системе трудовых резервов предполагало соответствующую воспитательную и идеологическую работу (Захаровский, Разинков, 2021а. С. 84).

Сибирский регион играл немаловажную роль в создании сети образовательных учреждений этих типов. Согласно плану первого набора, в ремесленных училищах и школах ФЗО в 1940 г. в Новосибирской области (современные Новосибирская, Томская и Кемеровская области) численность учащихся составляла 8 850 человек, Иркутской области – 4 600 человек, Алтайского края – 1 050 человек, Омской – 3 800 человек, Красноярского края – 2 580 человек. Новые учебные заведения преимущественно создавались путем преобразования школ ФЗУ, возникших в еще в 1920-е гг. и действовавших на предприятиях промышленности, транспорта и строительства⁴.

Газеты в те годы обладали значительным общественным весом и мощной способностью воздействовать словом, что позволяло им существенно влиять на общественное развитие. Их редакционные статьи становились ориентиром для читателей, предлагая глубокий анализ и четкую позицию. Газета не только информировала, но и воспитывала, прививая читателям ценности гражданственности и ответственности. Через публикации научных, культурных и исторических материалов издание способствовало расширению кругозора аудитории.

Весь процесс реализации Постановления от 06.10.1940 г., начиная с первых дней его провозглашения, широко освещался на страницах периодической печати Иркутской области: в газетах «Восточно-Сибирская правда», «Восточно-Сибирский путь», «Знамя Ленина», «Ударная вахта», «За большевистские темпы», «Советская молодежь», «Мамский гор-

няк», «Ленинское знамя», «Сталинский путь» и других (О подготовке к началу учебного года и о приеме городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и в школы фабрично-заводского обучения // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 135 (1097). 6 октября. С. 2).

Основными особенностями публикаций этих изданий являлось наличие официальной информации о государственной политике в области формирования трудовых резервов, их финансирования, механизмах подготовки и переподготовки кадров с акцентом на стратегическое значение этого феномена для развития экономики страны. В них публиковалась информация о численном составе поступивших на обучение подростков и их выпуске на определенный момент времени. Приводились примеры показателей перевыполнения производственного плана на различных предприятиях промышленности и транспорта. В печатных изданиях размещали фамилии и снимки учащихся, акцентируя внимание на тех, кто достиг высоких результатов в учебе и проявил себя на производстве. Таких людей называли «двухсотниками», «трехсотниками», «многосотниками» в зависимости от процента выполнения установленного плана. В течение разных лет в прессе появлялась информация о тех же самых учениках, которые демонстрировали выдающиеся результаты в трудовой деятельности, их путь становления как профессионалов. Также в публикациях подчеркивалась важность роли мастеров, опытных рабочих и других наставников в обучении профессии будущих работников. Акцентировалось внимание на том, чтобы руководители предприятий и мастера активнее привлекали обучающихся из трудовых резервов к самостоятельной деятельности, выявляли и эффективно использовали их таланты, увеличивали степень доверия к ним. В ряде газетных публикаций встречались истории мастеров-инструкторов о работе по подготовке учащихся на производстве, а также о проводимой среди них воспитательной работе. Публиковались и личные интервью подростков, в которых они делились историями о своем поступлении и обучении (например, в газете «За здоровую смену»). Кроме того, редакция получала письма от родителей, в которых они писали об учебе своих детей и условиях, созданных для их обучения. В прессе периодически появлялись заметки об организации межшкольных соревнований, направленных на выявление лучших достижений в учебной, производ-

⁴ О подготовке к началу учебного года и о приеме городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и в школы фабрично-заводского обучения: Приказ Главного Управления Трудовых Резервов при СНК СССР № 1, утв. СНК СССР 4 октября 1940 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. 1940. № 25. Ст. 604. С. 843–847. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/382122-sobranie-postanovleniy-i-rasporyazheniy-ravitelstva-sssr-za-1940-g-locale-nil-16-32#mode/inspect/page/319/zoom/4> (дата обращения 10.06.2025).

ственной и воспитательной деятельности. Освещалась также культурно-массовая и воспитательная работа, проводимая среди учеников ремесленных и железнодорожных училищ, школ ФЗО, а также проводимые спортивные мероприятия. Одной из особенностей публикуемых материалов являлось размещение в отдельных номерах газет сообщений ТАСС под заголовком «В Главном Управлении трудовых резервов», в которых, среди прочего, подводились итоги выполнения постановления правительства, касающегося подготовки трудовых резервов в советском государстве.

В газетах упоминались учебные заведения трудовых резервов г. Иркутска и Иркутской области (школы ФЗО № 1, ФЗО № 2, ФЗО № 4, ФЗО № 6, ФЗО связи № 7, ФЗО № 8 г. Иркутска, ФЗО № 5 (Киренск), Черемховская школа ФЗО № 1, РУ № 1, РУ № 2, Зиминские ЖУ № 1 и школа ФЗО № 3, Нижнеудинское ЖУ № 2, Слюдянское ЖУ № 3 при вагоноремонтном пункте, ФЗО № 8 имени Ярославского п. Листвянка), предприятия Иркутской области, к которым были прикреплены учащиеся (завод имени Сталина, завод имени Карла Маркса, шахта № 8 в Черемхово, судостроительная верфь имени Е.М. Ярославского в п. Листвянка, завод имени Куйбышева, шахты имени Кирова), и их профессии (навалоотбойщик шахты, забойщик, слесарь, слесарь-сборщик, модельщик по дереву, токарь, телеграфист-морзист, котельщик, плотник-столяр, радист, штукатур, каменщик, плотник, котельщик, машинист, вруб-машинист, машинист мелких шахтных установок, машинист электровозов, электрослесарь), тем самым знакомя читателей с системой профессионального образования и трудовой подготовки молодежи в регионе.

Основная часть

Вопросам состояния рабочего класса и подготовки кадров в системе трудовых резервов уделено значительное внимание в советской историографии (Советский тыл..., 1986⁵; История советского..., 1984; Советский тыл..., 1988). Современные исследования сосредоточены на выявление как общегосударственных, так региональных особенностей подготовки кад-

ров в этой системе (Балдин, Моисеенко, 2002а; Балдин, Моисеенко, 2002b; Постников, Фельдман, 2004; Поляков, 2016; Ешпанов, 2020а; Ешпанов, 2020b; Ларионова, Заглодина, 2023;). Поскольку формирование кадрового потенциала является многогранным процессом, закономерно, что научный интерес к этому вопросу проявляется не только с исторической, но и педагогической и социологической точки зрения (Романов, 2010; Павленко, Павленко, 2019; Захаровский, Разинков, 2021а; Захаровский, Разинков, 2021b; Клинова, 2019). При этом предвоенное время функционирования системы трудовых резервов слабо отражается в постсоветских исследованиях, зачастую хронологически объединяясь с периодом Великой Отечественной войны и послевоенными десятилетиями (Балдин, Моисеенко, 2002а; Балдин, Моисеенко, 2002b; Горлов, Артемов, 2023; Ларионова, Заглодина, Разинков, 2023). В качестве основных источников авторы использовали архивные данные и различные статистические сборники, незаслуженно упуская из внимания периодическую печать, которая оставалась основным источником информации для большинства населения СССР.

В изданиях «Восточно-Сибирский путь» (газете органа управления и политотдела Восточно-Сибирской железной дороги) от 6 октября 1940 г., «Ударная вахта» (газете органа Политотдела, Управления парохозяйства и бассейнового комитета профсоюза рабочих речного транспорта (баскомреча) Восточно-Сибирского бассейна) от 4 октября 1940 г., а также в других газетах Иркутска появилась новость: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» (далее – Указ) и Постановление от 06.10.1940 г. об образовании ГУТР при Совнаркоме СССР, о призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. В газете были представлены разъяснения о целях и задачах формирования трудовых резервов (Создадим мощные государственные трудовые резервы СССР! // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 135 (1097). 7 октября. С. 1). Публикуемое Постановление от 06.10.1940 г. информировало читателей о сроках, количестве, порядке и условиях набора подростков на обучение, их переброске к месту назначения (О призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-

⁵ Советский тыл в годы Великой Отечественной войны : учеб. пособие по истории СССР для студентов вузов / С.А. Байбаков, Н.А. Кирсанов, Л.А. Пинегина и др.; под ред. Ю.С. Кукушкина. М. : Высшая школа, 1986. 192 с.

заводского обучения // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 135 (1097). 7 октября. С. 2). В этом же номере газеты «Восточно-Сибирский путь» был опубликован приказ № 1 от 4 октября 1940 г. ГУТР при Совнаркомом СССР «О подготовке к началу учебного года и о приеме городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и в школы фабрично-заводского обучения». В нем были отражены некоторые детали условий набора и обучения в училищах и ФЗО, дополняющие Постановление от 06.10.1940 г. Например: «Учащиеся как мужского, так и женского пола школ фабрично-заводского ученичества, реорганизуемых в ремесленные и железнодорожные училища и в школы фабрично-заводского обучения, пользуются преимущественным правом приема в ремесленные училища, железнодорожные училища и в школы фабрично-заводского обучения». Согласно этому приказу, план распределения призываемых для укомплектования РУ, ЖУ и школ ФЗО в Иркутской области был следующий: в ремесленные училища 1 200 чел. (26,08 % от запланированного числа), в железнодорожные училища 400 чел. (8,7 %), в ФЗО 3000 чел. (65,22 %) (О призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 135 (1097). 7 октября. С. 2). Сравнение с другими регионами Сибири⁶ приведено в таблице.

Из таблицы видно, что более половины мобилизуемой молодежи направлялось в школы ФЗО. На рисунке показано соотношение численности учащихся, запланированных для комплектования РУ, ЖУ и школ ФЗО в различных областях, краях и республиках Сибири.

⁶ В 1936 г. была принята Конституция СССР. Конституция закрепила следующее административное деление Сибири: Дальневосточный, Западно-Сибирский и Красноярский края; Восточно-Сибирская и Омская области; Бурят-Монгольская и Якутская АССР; Еврейская, Ойротская, Хакасская автономные области. Кроме того, Дальневосточный край подразделялся на восемь внутренних областей. 26 сентября 1937 г. Восточно-Сибирская область была разделена на Иркутскую и Читинскую; 28 сентября Западно-Сибирский край разделен на Алтайский край и Новосибирскую область; 20 октября 1938 г. Дальневосточный край разделен на Приморский и Хабаровский края. URL: http://www.kgau.ru/distance/o_03/history-sib/02-03.html (дата обращения 22.06.2025).

По числу запланированной к призыву молодежи Иркутская область занимала четвертое место среди других территорий.

В 1941 г. на финансирование РУ, ЖУ и школ ФЗО страны из государственного бюджета было направлено 4 065 миллионов рублей (О государственном бюджете СССР на 1941 год и исполнении государственного бюджета СССР за 1939 год // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 49. 28 февраля. С. 3). Иркутская область получила финансирование в размере 4 миллиона рублей для строительства в Иркутске РУ с интернатом, вмещающим 400 человек, со специализацией в области металлообработки. Для строительства общежития на 200 мест в Иркутске для школы ФЗО было выделено 800 тысяч рублей. На строительство общежития, вмещающего 100 человек, и производственных мастерских, предназначенных для 200 человек ЖУ № 2 в Нижнеудинске, было выделено 520 тысяч рублей. В 1941 г. для возведения учебно-производственного корпуса на 800 мест для РУ № 2 в Иркутске было отпущено 800 тысяч рублей. Кроме того, планировалось построить общежитие на 100 мест для ФЗО № 3, расположенной на станции (далее – ст.) Зима. На строительство в Иркутской области было выделено всего 6 миллионов 920 тысяч рублей, из которых 4 миллиона 220 тысяч рублей предполагалось освоить в 1941 г. (Строительство школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 107. 9 мая. С. 2).

Трудовые резервы называли могучим стимулом роста промышленности (Трудовые резервы – стимул роста промышленности // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 138 (1100). 13 октября. С. 1). В 1940 г. был провозглашен лозунг: «Создадим мощные государственные трудовые резервы для промышленности и транспорта!», в 1941 г. – «Колхозная и городская молодежь! Идите в школы Фабрично-Заводского Обучения, в Ремесленные и Железнодорожные училища! Готовьтесь стать квалифицированными работниками нашей родины!» (Лозунги ЦК ВКП(б) к XXIII годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции // Ударная вахта (г. Иркутск), 1940. № 138 (958). 5 ноября. С. 1; Лозунги к 1 Мая 1941 года // Знамя Сталина (с. Тангуй), 1941. № 38 (601). 1 мая. С. 2).

Таблица. План распределения призываемых для укомплектования РУ, ЖУ и школ ФЗО в Сибири
Table. Plan for the distribution of conscripts to staff vocational schools, railway schools, and factory schools in Siberia

№ п/п	Области, края, республики	Контингент учащихся						Всего, чел
		РУ, чел.	РУ, %	ЖУ, чел.	ЖУ, %	ФЗО, чел	ФЗО, %	
1	Новосибирская область	6 000	67,8	850	9,6	2 000	22,6	8 850
2	Приморский край	800	15,69	300	5,88	4 000	78,43	5 100
3	Хабаровский край	550	11,0	450	9,0	4 000	80,0	5 000
4	Иркутская область	1 200	26,08	400	8,7	3 000	65,22	4 600
5	Омская область	1 000	26,32	800	21,05	2 000	52,63	3 800
6	Красноярский край	800	31,01	380	14,73	1 400	54,26	2 580
7	Читинская область	800	36,36	400	18,18	1 000	45,45	2 200
8	Бурят-Монгольская АССР	600	40,54	280	18,92	600	40,54	1 480
9	Алтайский край	400	38,1	250	23,8	400	38,1	1 050
10	Якутская АССР	0	0	0	0	0	0	0
	Всего	12 150	35,05	4 100	11,83	18 400	53,09	34 660

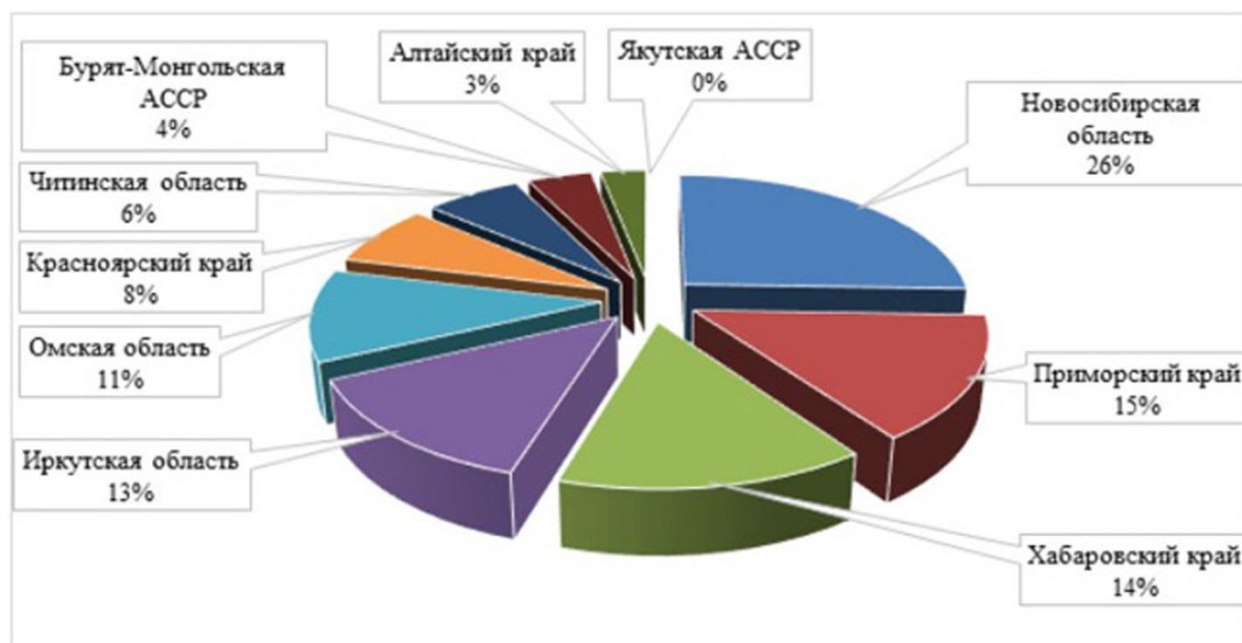

Рис. План распределения призываемых для укомплектования РУ, ЖУ и школ ФЗО в Сибири
Fig. The plan for the distribution of conscripts to staff the workers' schools and railway schools and factory training schools in Siberia

Как отмечалось в газете «Восточно-Сибирский путь» в 1940 г., на предприятиях железнодорожного транспорта агитаторы проводили работу по разъяснению преимуществ новой системы подготовки квалифицированных рабочих (Агитаторы разъясняют Указ // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 136 (1098). 8 октября. С. 1; Трудовые резервы – стимул роста промышленности // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 138 (1100). 13 октября. С. 1). «Это очень важное мероприятие. Оно обеспечит высококвалифицированной рабочей силой нашу гигант-

скую промышленность и транспорт», – говорили они в своих выступлениях. – «Правительство берет на себя все расходы по обучению, содержанию наших детей» (Агитаторы разъясняют Указ // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 136 (1098). 8 октября. С. 1). В том же выпуске издания сообщалось, что Указ о создании трудовых резервов обсуждался во всех классах Иркутской железнодорожной школы № 80 (Будем овладевать сложными профессиями железнодорожников // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 136 (1098). 8 октября. С. 1). В другом номере упо-

миналось, что аналогичный вопрос также рассматривался в 43-й железнодорожной школе, расположенной на ст. Иркутск-I (Будущие железнодорожники // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 149 (1111). 7 ноября. С. 4). К разъяснительной и агитационной работе привлекались и профсоюзные организации: «...Центральные комитеты профсоюзов рабочих железных дорог должны наметить мероприятия, которые обеспечили бы прием молодежи в железнодорожные училища, особенно в связи с предоставлением детям работников транспорта преимущественного права поступления в эти училища». Также они должны были проследить за своевременным направлением учащихся в РУ, ЖУ и школы ФЗО. Профсоюзные организации должны были оказывать посильную помощь в подборе кадров для местных управленческих структур, директоров училищ и школ, заведующих учебно-производственными подразделениями, старших мастеров и мастеров по обучению профессии, а также комендантов общежитий и воспитателей по военно-физкультурной подготовке. Необходимо было оказать практическую помощь в подготовке производственной базы, общежитий и учебных помещений, а также в организации питания учащихся (Задачи профсоюзов в создании государственных трудовых резервов // Восточно-Сибирский путь (г. Иркутск), 1940. № 139 (1101). 15 октября. С. 1).

Заявления о приеме в училища и школы должны были подаваться в комиссии по призыву городской и колхозной молодежи по месту жительства.

В соответствии с Указом, по приказу Народного Комиссариата Путей Сообщения (далее – НКПС) № 257-Ц на базе школ ФЗО по Восточно-Сибирской дороге организовывались железнодорожные училища: на ст. Нижнеудинск ЖУ с контингентом учащихся в 200 человек, на ст. Зима – 200 чел., на ст. Улан-Удэ – 280 чел. В данный период осуществлялась работа по передаче школ ФЗО, включая учебно-производственные площади, необходимое оборудование, жилые помещения и штат преподавателей с учениками, в управление местных органов государственных трудовых резервов.

В газете «Мамский горняк» от 1 декабря 1940 г., сообщалось, что, согласно приказу П.Г. Москатова, учебный год в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО должен начаться 1 декабря 1940 г. Было предложено в этот день «провести общие собрания учащихся, преподавателей, мастеров

по производственному обучению. 2 декабря должны были начаться учебно-производственные занятия согласно расписаниям, утвержденным директорами ремесленных, железнодорожных училищ, школ ФЗО» (В Главном Управлении трудовых резервов // Мамский горняк (г. Мама), 1940. № 57 (541). 1 декабря. С. 1). Согласно заявлению П.Г. Москатова, всего в ремесленные, железнодорожные училища в школы ФЗО было призвано 601 378 человек, в том числе в РУ – 307 962 человека, в ЖУ – 36 589 человек и в школы ФЗО – 256 327 человек (В Главном Управлении трудовых резервов // Мамский горняк (г. Мама), 1940. № 57 (541). 1 декабря. С. 1).

В издании «Ударная вахта» за 18 октября 1940 г. уже была дана негативная оценка организации открытия школы ФЗО на верфи имени Ярославского. В частности, упоминалось, что на начало учебного года не был подобран директор школы (Открытие школы ФЗО срывается // Ударная вахта (г. Иркутск), 1940. № 132 (952). 18 октября. С. 2). В дальнейшем, в статье газеты «Восточно-Сибирская правда» от 12 февраля 1941 г., также была подвергнута критике работа исполкома Заларинского районного совета трудящихся и его председателя Дмитриева за недобросовестное отношение к вопросу создания трудовых резервов, призыву молодежи в школы ФЗО и безответственное отношение к выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР и совместных решений бюро обкома ВКП(б) и исполкома облсовета по этому вопросу. Речь шла о том, что не все из призванных подростков учились: из 148 учащихся 40 человек (т. е. 27 %) были отчислены как несоответствующие установленным требованиям, а 50 (33,8 %) самовольно ушли из школы. Никаких мер к замене и возврату учащихся Дмитриевым принято не было. За эти и другие нарушения в работе исполкома Заларинского райсовета депутатов трудящихся его председатель Дмитриев был снят с работы (В исполкоме облсовета депутатов трудящихся // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 35. 12 февраля. С. 3).

Одна из первых статей, описывающих результаты работы на местах после выхода Указа, была опубликована в 1941 г. в газете «Восточно-Сибирская правда» от 10 января. В ней было рассказано о том, как проходил учебно-производственный процесс, проводилась воспитательная работа в учебных заведениях ФЗО, РУ и ЖУ Иркутска и Иркутской области в течение первого месяца учебы. Отмечались как по-

ложительные, так и отрицательные стороны начавшегося процесса обучения. Так, в школе ФЗО № 5 (Киренск) была отмечена хорошая база для производственного обучения: хорошо оборудованные мастерские, кадры мастеров, освоивших методику обучения. В РУ № 2 возникли претензии как к теоретическому обучению (декабрьская программа по черчению была не выполнена, а занятия по математике, физике срывались), так и производственной подготовке (не хватало оборудования и инструментов). Также здесь не были приведены в порядок классы; не было наглядных пособий (Учеба в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 8. 10 января. С. 1). Обратим внимание, что в газетах не отображены конкретные правонарушения (как дисциплинарного, так и уголовного характера) обучающихся, что в свою очередь находило отражение в официальных документах (Разинков, Ларионова, 2024. С. 180).

В материале от 8 января 1941 г. издание «Восточно-Сибирская правда» подчеркивало, что формирование государственных трудовых резервов является крайне значимой задачей для государства, решение которой было достигнуто благодаря совместным усилиям всех партийных, хозяйственных, общественных организаций, поскольку за короткий срок – в течение двух месяцев – нужно было создать сотни ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО для обучения 600 тысяч человек (Против бюрократической ведомственности и местничества, за государственный подход! // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 6. 8 января. С. 1). В данном выпуске также содержалось осуждение в адрес руководителей предприятий, которые препятствовали выделению станков и инструментов, а также освобождению помещений, предназначенных для ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО. В разделе «В областном управлении трудовых резервов» этого же номера сообщалось, что для поощрения передовиков были установлены две переходящие премии Иркутского областного управления трудовых резервов для лучшей школы ФЗО и лучшего училища. Директорам училищ и школ области было предложено создать соответствующий фонд для премирования лучших учащихся, мастеров и преподавателей (В исполкоме облсовета депутатов трудящихся // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 6. 8 января. С. 3).

В публикации газеты «Черемховский рабочий» от 8 января 1941 г., ссылаясь на агентство ТАСС, сообщалось о том, что в РУ и ЖУ находится несколько тысяч девушек, которые ранее проходили обучение в учебных заведениях ФЗО и были призваны в РУ. Для этих девушек была утверждена специальная форма. Им выдали шинели, черные суконные береты и кожаные туфли. Выходная форма для учениц включала темно-синюю или черную юбку из шерсти и гимнастерку с отложным воротником. Кроме того, им был предоставлен рабочий костюм. Подобно юношам, девушки также обязаны были носить петлицы и знаки различия своего училища (В Главном Управлении трудовых резервов // Черемховский рабочий (г. Черемхово), 1941. № 6 (3010). 8 января. С. 1).

Информация в газетах о следующем наборе в школы ФЗО была с акцентом на подготовку рабочих кадров для лесной промышленности и промышленности строительных материалов. Очередной призыв (мобилизация) молодежи в школы ФЗО должен был состояться в областях, краях и республиках в период с 20 марта по 10 апреля 1941 г., а начало занятий было установлено для первой очереди обучения с 15 апреля 1941 г., для второй очереди – с 1 августа 1941 г. Общее количество призванных в первую очередь должно было составить 106,5 тысячи человек (В Главном Управлении трудовых резервов // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 66. 20 марта. С. 2).

6 февраля 1941 г. газета «Знамя Ленина» – ежедневная газета Усть-Ордынского окружного Комитета ВКП(б), Окружного Совета депутатов трудящихся и Эхирит-Булагатского аймака ВКП(б) – разместила заметку агентства ТАСС о том, что согласно приказа начальника ГУТР П.Г. Москатова, в 1941 г. должно быть подготовлено для лесной промышленности центральных и южных районов СССР 100 тысяч рабочих массовых профессий. Для их подготовки должно быть организовано 239 школ ФЗО с трехмесячным сроком обучения с дальнейшим направлением на работу выпускников в лесную промышленность в центральных и южных районах СССР (В Главном Управлении трудовых резервов // Знамя Ленина (с. Усть-Орда), 1941. № 30 (892). 6 февраля. С. 2). Месяцем позже, в марте 1941 г., в этой же газете было сообщено, что «с 15 апреля по 15 июля текущего года школы должны будут подготовить по 40 тыс. лесорубов, столько же возчиков, трелевщиков, тысячи пильщиков, каменоломщиков, бурильщиков и т. д.» (В Главном Управле-

нии трудовых резервов // Знамя Ленина (с. Усть-Орда), 1941. № 54 (916). 6 марта. С. 1). Для новых школ отводились помещения непосредственно на лесных участках, при механизированных лесопунктах, цементных и кирпичных заводах, каменоломнях и т. д. (В Главном Управлении трудовых резервов // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 66. 20 марта. С. 2).

В новой волне призыва молодежи мобилизация осуществлялась в соответствии с Приказом руководителя ГУТР № 281 от 26 апреля 1941 г. Этот призыв охватывал два периода: с 5 по 20 июня и затем с 5 по 20 августа (В Главном Управлении трудовых резервов при Совнарком СССР // Знамя Ленина (с. Усть-Орда), 1941. № 105 (967). 7 мая. С. 1). В рамках первого призыва планировалось набрать по Иркутской области 3 200 человек. Так, например, в газете «Сталинский путь», выходящей в Иркутском районе, сообщалось о том, что в этом районе планировалось призвать 140 человек для формирования групп по таким профессиям, как столяр, плотник, штукатур и каменщик. Тем не менее 22 июня 1941 г. газета «Советская молодежь» сообщала, что на 19 июня в трудовые резервы было принято 2 535 человек, что означало недобор в 665 человек. Недобор был отмечен в Заларях, Тулуне, а также Боханском, Эхирит-Булагатском, Нукутском аймаках, г. Зиме. В публикации был представлен список инициатив, осуществляемых комсомольскими организациями, которые могли бы содействовать улучшению ситуации с мобилизацией. В газете «Восточно-Сибирская правда» было опубликовано объявление о дополнительном наборе в иркутскую школу ФЗО № 7 для обучения по специальности телеграфистов (Иркутская школа ФЗО № 7 трудовых резервов объявляет дополнительный набор // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 169. 19 июля. С. 4). Для привлечения внимания к учебным заведениям трудовых резервов в Иркутске проводились выставки изделий, созданных учащимися, позволяя показать их навыки и уровень мастерства. На этих мероприятиях демонстрировались такие изделия учащихся РУ, как молотки, плоскогубцы, острогубцы, ножницы, линейки, кронциркули, тиски и многие другие. Кроме того, выставлялись работы, подготовленные учащимися школ ФЗО, включая жестяно-кровельные изделия и макеты построек из дерева и шлакобетона (Выставка во Дворце пионеров // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 134. 10 июня. С. 2).

В майских выпусках периодических изданий освещались события, связанные с первым выпуском учеников школ ФЗО, завершивших полугодовую программу обучения. Эти молодые специалисты приступили к занятиям в декабре 1940 г., в период, когда началась подготовка кадров по более чем 280 различным специальностям (В коллегии Главного управления трудовых резервов при СНК СССР // Ленский шахтер (г. Ленинск-Кузнецкий), 1941. № 140. 19 июня. С. 2). На заседании актива ГУТР, состоявшемся 10 мая 1941 г., начальник управления П.Г. Москатов, помимо положительных аспектов, отметил множество существенных недочетов в деятельности школ ФЗО, РУ и ЖУ: зачисление подростков, не достигших шестнадцатилетнего возраста; недостаток убедительных объяснений по поводу запрета на самостоятельное покидание учебного заведения; нарушение инструкций по медицинскому отбору призывников; несвоевременное предоставление рабочих мест для производственного обучения; недостатки качества производственного обучения; недостаток формирования производственной культуры; раздробленность программы подготовки по некоторым специальностям и др. Он подчеркнул необходимость устранения этих проблем при подготовке следующего потока молодых людей, мобилизованных для обучения (Пополнение рабочего класса // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 111. 14 мая. С. 4).

15 мая 1941 г. в школах ФЗО планировалось проведение выпускных квалификационных испытаний, а через две недели промышленность, стройки, железнодорожный транспорт должны были получить около 250 тысяч новых рабочих: «подавляющее большинство молодежи, заканчивающей обучение в школах ФЗО, придет на заводы, на шахты, на новостройки, на нефтяные промыслы, на железные дороги подготовленными рабочими» (Выпускные испытания в школах ФЗО // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 113. 16 мая. С. 1; Пополнение рабочего класса // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 111. 14 мая. С. 4). В одном из номеров газеты «Восточно-Сибирская правда» было опубликовано свыше десяти материалов, посвященных первым выпускникам ФЗО, освоивших профессии горняков, строителей, шахтеров, судовых плотников, связистов, штукатуров (Выпускные испытания в школах ФЗО // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 116. 20 мая. С. 3).

В июньском номере газета «Ленский шахтер» со ссылкой на агентство ТАСС сообщала о подведении итогов ГУТР при Совнаркомe СССР. Было отмечено, что на 1 июня 1941 г. было аттестовано квалификационными комиссиями 248 245 учащихся. На 4 июня 1941 г. школами послано на производство свыше 140 тысяч человек. Коллегией была поставлена задача городским, областным, краевым и республиканским управлениям трудовых резервов не позже 10 июня 1941 г. закончить передачу всех выпускников школ ФЗО промышленным предприятиям. Также коллегия приняла решение о существенном уменьшении перечня специальностей с целью сконцентрировать усилия на обучении ключевым рабочим профессиям. Было утверждено расширение набора учащихся по направлениям строительства, угольной, горнодобывающей и металлургической отраслей, а также транспорта (В коллегии Главного управления трудовых резервов при СНК СССР // Ленский шахтер (г. Ленинск-Кузнецкий), 1941. № 140. 19 июня. С. 2; В коллегии Главного управления трудовых резервов при СНК СССР // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 134. 10 июня. С. 1).

Если в школах ФЗО подводились итоги первого выпуска учащихся, то РУ и ЖУ готовились к завершению первого учебного года и организации переводных квалификационных экзаменов, которые должны были состояться с 5 по 25 июля 1941 г., путем выполнения учащимися специально назначенных работ по производственному обучению и в виде контрольных письменных работ и устных опросов по общеобразовательным и специальным дисциплинам, изучение которых заканчивалось в текущей учебной четверти, с выставлением оценки по четырехбалльной системе: «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо». В соответствии с результатами аттестации комиссия принимала решение о переводе учащихся на следующий учебный год и присваивала им соответствующий разряд. Учебный год заканчивался 1 августа 1941 г. (Переводные испытания в ремесленных и железнодорожных училищах // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 145. 22 июня. С. 1).

Список источников

Балдин С., Моисеенко В. Путевка в жизнь. Трудовые резервы в 40–50-е годы XX в. // Россия и АТР. 2002а. № 2 (36). С. 5–16. EDN: CYHISP.

Балдин С., Моисеенко В. Училища и школы ФЗО. Подготовка кадров в системе трудовых резервов Дальне-

Начиналась активная подготовка к следующему учебному году. В Иркутской области расширялась сеть школ ФЗО и РУ. Так, 1 июля 1941 г. должны были открыться новые школы ФЗО в Усолье-Сибирском, Черемхове и селе Макарьево Черемховского района, 1 сентября 1941 г. – два новых РУ в Киренске и Иркутске. Должен был увеличиться и контингент учащихся: в РУ № 1 и 2 на 300 человек в каждом, в Зиминском и Нижнеудинском ЖУ – на 200 человек (Новые школы ФЗО и ремесленные училища // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 134. 10 июня. С. 2). В условиях начавшейся Великой Отечественной войны коллектив строителей Учдорстроя взял на себя обязательство завершить возведение общежития для студентов железнодорожного училища досрочно (Множить силы Родины // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск), 1941. № 148. 25 июня. С. 1).

С июля 1941 г., хотя вопрос трудовых резервов оставался важным для страны и по-прежнему не терял своей актуальности, освещение вопросов мобилизации в школы ФЗО, РУ и ЖУ в прессе стало менее активным. Это было связано с тем, что с началом Великой Отечественной войны внимание прессы сосредоточилось на событиях на фронте, а процесс набора и обучения к тому времени вошли в привычное русло и стали рутинным процессом.

Заключение

Таким образом, упоминания об учебных заведениях трудовых резервов в газетах подчеркивали важность этих учреждений для формирования будущего трудового потенциала страны. В газетах отмечалось, что система трудовых резервов была важным элементом государственной политики, направленной на укрепление народного хозяйства государства. Учащиеся школ ФЗО, РУ и ЖУ не только получали профессиональные навыки, но и воспитывались в духе коллективизма и ответственности за общее дело. Таким образом, публикации в прессе служили не только информационным, но и воспитательным целям, формируя положительный образ трудового образования.

References

Baldin S., Moiseenko V. (2002a) A start in life. *Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 2 (36). P. 5-16. (In Russ.). EDN: CYHISP.

Baldin S., Moiseenko V. (2002b) Professional and secondary schools. *Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 3 (37).

го Востока (1946–1958 гг.) // Россия и АТР. 2002b. № 3 (37). С. 27–34. EDN: WPAAOD.

Горлов В.Н., Артемов С.Н. Государственные трудовые резервы СССР в 1940–1950-х годах: жилищные условия и практики воспитания рабочей молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 1 (850). С. 52–59. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_1_850_52. EDN: ZXOIKJ.

Докучаева И.Г. Образование системы государственных трудовых резервов СССР и начало ее деятельности в Сибири (1940–1942 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 16–18. EDN: VQSVKN.

Ешпанов В.С. Документальное наследие о выпускниках государственных трудовых резервов Оренбургской железной дороги в годы Великой Отечественной // Modern Science. 2020a. № 5–1. С. 185–191. EDN: LRMXBA.

Ешпанов В.С. Трудовые резервы тыла в годы Великой Отечественной войны (из истории Актюбинской области) // Заметки ученого. 2020b. № 8. С. 170–173. EDN: OCWMKL.

Захаровский Л.В., Разинков С.Л. Воспитательная деятельность в учебных заведениях системы Государственных трудовых резервов СССР в 1940–1950-е годы // Профессиональное образование и рынок труда. 2021a. № 2 (45). С. 79–88. DOI: 10.52944/PORT.2021.45.2.006. EDN: SAZGPE.

Захаровский Л.В., Разинков С.Л. Медиаобраз системы государственных трудовых резервов как инструмент обеспечения ее функционирования в 1950-е гг. // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2021b. № 10. С. 41–49. EDN: XZCUWN.

История советского рабочего класса: в 6 т. / А.В. Митрофанова и др. М.: Наука, 1984. Т. 3 Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. 591 с.

Ильин А.С. Рождение трудовых резервов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6–1 (12). С. 86–89. EDN: OEWCFFH.

Клинова М.А. Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 298–303. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303. EDN: NMNVMI.

Ларионова М.Б., Заглодина Т.А. Внешний облик как атрибут социально-культурного портрета учащихся государственных трудовых резервов (1940-е гг.) // Культурный код. 2023. № 4. С. 136–147. DOI: 10.36945/2658-3852-2023-4-136-147. EDN: ZIYUMC.

Ларионова М.Б., Заглодина Т.А., Разинков С.Л. Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся Государственных трудовых резервов СССР // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11. № 2 (53). С. 65–80. DOI: 10.52944/PORT.2023.53.2.004. EDN: NRLVDI.

P. 27-34. (In Russ.). EDN: WPAAOD.

Gorlov V.N., Artyomov S.N. (2023) State labour reserves of the USSR in the 1940s and 1950s: living conditions and training practices of the working youth. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. No. 1 (850). P. 52-59. (In Russ.). DOI: 10.52070/2500-347X_2023_1_850_52. EDN: ZXOIKJ.

Dokuchaeva I.G. (2016) Formation of the system of the USSR state manpower reserves and the beginning of its activity in Siberia (1940-1942). *Bulletin of Kemerovo State University*. No. 1 (65). P. 16-18. (In Russ.). EDN: VQSVKN.

Eshpanov V.S. (2020a) The documentary legacy of graduates of the state labor reserves of the Orenburg Railway during the Great Patriotic War. *Modern Science*. No. 5-1. P. 185-191. (In Russ.). EDN: LRMXBA.

Yoshpanov V.S. (2020b) Rear labor reserves during the Great Patriotic War (from the history of the Aktobe region). *Notes of a Scientist*. No. 8. P. 170-173. (In Russ.). EDN: OCWMKL.

Zakharovskii L.V., Razinkov S.L. (2021a) Educational activities in the educational institutions of the state labour reserves system of the USSR in 1940-1950s. *Vocational Education and the Labor Market*. No. 2 (45). P. 79-88. (In Russ.). DOI: 10.52944/PORT.2021.45.2.006. EDN: SAZGPE.

Zakharovskii L.V., Razinkov S.L. (2021b) The media image of the system of state labor reserves as a tool for provision its activity in the 1950 s. *Sociocultural Space of Russia and Abroad: Society, Education, Language*. No. 10. P. 41-49. (In Russ.). EDN: XZCUWN.

Mitrofanov A.V. (1984) The History of the Soviet working class: in 6 vol. Vol. 3. The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War, 1938-1945. Moscow: Nauka. 591 p. (In Russ.).

Ilyin A.S. (2011) Manpower reserves origin. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. No. 6-1 (12). P. 86-89. (In Russ.). EDN: OEWCFFH.

Klinova M.A. (2019) Educational institutions of the system of labor reserves: methods and results of solving personnel problems of the soviet industry in the postwar years. *Proceedings of the Saratov University. A New Series. Series: History. International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 298-303. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303. EDN: NMNVMI.

Larionova M.B., Zaglodina T.A. (2023) Appearance as an attribute of the socio-cultural portrait of students of the state labor reserves (1940s). *Cultural Code*. No. 4. P. 136-147. (In Russ.). DOI: 10.36945/2658-3852-2023-4-136-147. EDN: ZIYUMC.

Larionova M.B., Zaglodina T.A., Razinkov S.L. (2023) Sociocultural markers as a basis for reconstructing the portrait of students in the state labour reserves. *Vocational Education and the Labor Market*. Vol. 11. No. 2 (53). P. 65-80. (In Russ.). DOI: 10.52944/PORT.2023.53.2.004. EDN: NRLVDI.

Михаэлис Д.В. Детская железная дорога как элемент предпрофессиональной подготовки кадров для железнодорожной отрасли // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 268–279. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-2-268-279. EDN: GJXYEV.

Павленко Г.К., Павленко В.Д. Трудовые резервы – освобожденным районам // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 3 (23). С. 119–123. EDN: HTQHVE.

Поляков А.И. Роль системы Государственных трудовых резервов в решении кадровых проблем в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области) // Клио. 2016. № 9 (117). С. 135–138. EDN: WNIADN.

Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 230 с. EDN: QQFLIN.

Разинков С.Л., Ларионова М.Б. Штрихи к «непарадному портрету» учащихся системы государственных трудовых резервов // Культурный код. 2024. № 4. С. 177–195. DOI: 10.36945/2658-3852-2024-4-177-195. EDN: QUOZLR.

Романов Р.Е. Создание учебных заведений государственных трудовых резервов для подготовки молодых рабочих оборонных предприятий Новосибирска накануне Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 306–310. EDN: KZBUTT.

Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / В.Т. Анисков, А.В. Басов, А.М. Беликов и др.; отв. ред. Г.А. Куманев. М. : Наука, 1988. 424 с.

Информация об авторе

Михаэлис Дмитрий Владимирович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры философии и социально-гуманитарных
дисциплин,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
e-mail: mdv97@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9029-9733>

Вклад автора

Михаэлис Д.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16 июня 2025 г.; одобрена после рецензирования 24 июля 2025 г.; принята к публикации 11 августа 2025 г.

Michaelis D.V. (2025) Railways as an element of pre-professional personnel training for the railway industry. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. Vol. 15. No. 2. P. 268–279. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-2-268-279. EDN: GJXYEV.

Pavlenko G.K., Pavlenko V.D. (2019) Labor reserves for exempted areas. *Innovative Development of Vocational Education*. No. 3 (23). P. 119-123. (In Russ.). EDN: HTQHVE.

Polyakov A.I. (2016) The role of the state labor provisions in solving staff problems during the Great Patriotic War (on materials of the Gorky region). *Klio*. No. 9 (117). P. 135-138. (In Russ.). EDN: WNIADN.

Postnikov S.P., Feldman M.A. (2004) The state and professional training of industrial workers in the Urals in 1900-1940. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 230 p. (In Russ.). EDN: QQFLIN.

Razinkov S.L., Larionova M.B. (2024) The touches to the “non-parade portrait” of the students of the state labor reserves system. *Cultural Code*. No. 4. P. 177-195. (In Russ.). DOI: 10.36945/2658-3852-2024-4-177-195. EDN: QUOZLR.

Romanov R.E. (2010) Creation of educational institutions of the state manpower reserves for preparation of the young working defensive enterprises of Novosibirsk on the eve of the Great Patriotic War. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. Vol. 9. No. 1. P. 306-310. (In Russ.). EDN: KZBUTT.

Aniskov V.T., Basov A.V., Belikov A.M. (1988) The Soviet rear in the first period of the Great Patriotic War. Moscow: Science. 424 p. (In Russ.).

Information about the author

Dmitry V. Michaelis,
Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of
Philosophy and Social Sciences,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: mdv97@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9029-9733>

Contribution of the author

Michaelis D.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 16, 2025; approved after reviewing July 24, 2025; accepted for publication August 11, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(571.513):316.74"1941/1945"
EDN: VJHTRS
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-173-184>

Детские дома и интернаты в Хакасии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Т.А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

Аннотация. Статья посвящена условиям функционирования детских домов и интернатов в Хакасии во время Великой Отечественной войны. Работа основана на архивных источниках, большая часть из них впервые вводится в научный оборот. В военные годы резко увеличилось количество детдомов за счет эвакуированных детских учреждений и роста количества беспризорных и безнадзорных детей в регионе. Основное внимание в статье уделено проблемам материально-бытового обеспечения воспитанников детдомов. Многочисленные примеры показали, что недофинансирование, недостаточное снабжение и слабая материальная база были характерны для большинства детских домов и интернатов в Хакасии. Указывается, что продовольственную проблему частично решали подсобные хозяйства, призванные стать дополнительным источником продуктов питания для детских домов и интернатов. Неудовлетворительное медицинское обслуживание и антисанитарные условия во многих детских учреждениях способствовали распространению острозаразных заболеваний среди воспитанников. Угроза возникновения эпидемических вспышек в детских учреждениях способствовала активизации работы медицинских работников. Санитарно-гигиенические мероприятия в детдомах были направлены на борьбу с инфекционными заболеваниями. Недостаток, а порой и отсутствие квалифицированных педагогов существенно осложняли учебно-воспитательный процесс. Назначение руководителями детдомов лиц без педагогического опыта и знаний ухудшало сложившееся положение. К концу войны вопрос со специалистами стал решаться за счет обучения и повышения квалификации работников. Существенную материально-бытовую помощь воспитанникам детдомов оказывали предприятия, учреждения, колхозы, общественные организации и отдельные граждане. Сбор средств в поддержку детей-сирот осуществлялся за счет денежных, продовольственных и вещевых фондов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красноярский край, Хакасия, детские дома, интернаты, эвакуация, дети, беспризорники, материально-бытовое обеспечение, социальная помощь

Для цитирования: Кискидосова Т.А. Детские дома и интернаты в Хакасии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 173–184. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-173-184. EDN: VJHTRS.

History

Original article

Orphanages and boarding schools in Khakassia during the Great Patriotic War (1941-1945)

Tatiana A. Kiskidosova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

Abstract. The article is devoted to the conditions for the functioning of orphanages and boarding schools in Khakassia during the Great Patriotic War. The work is based on archival sources, most of which are introduced into scientific circulation for the first time. During the war years, the number of orphanages sharply increased due to the evacuated children's institutions and the growing number of homeless and neglected children in the region. The main attention in the article is paid to the problems of welfare support to the children in orphanages. Numerous examples showed that underfunding, insufficient supplies and a weak material base were typical for most orphanages and boarding schools in Khakassia. It is indicated that the food problem was partially solved

by subsidiary farms, called for to become an additional source of food for orphanages and boarding schools. Unsatisfactory medical care and unsanitary conditions in many children's institutions caused the spread of highly infectious diseases among the pupils. The threat of epidemic outbreaks in children's institutions intensified the work of medical workers. Sanitary and hygienic measures in orphanages were aimed at controlling infectious diseases. The lack and sometimes the absence of qualified teachers significantly complicated the educational process and worsened discipline. The appointment of persons without pedagogical experience and knowledge as heads of orphanages worsened the situation. By the end of the war, the issue of specialists began to be resolved through training and advanced training of employees. Enterprises, institutions, collective farms, public organizations, and citizens provided substantial material and welfare support to the children in orphanages. Monetary, food, and clothing funds were engaged in fundraising to support orphaned children.

Keywords: Great Patriotic War, Krasnoyarsk territory, Khakassia, orphanages, boarding schools, evacuation, children, neglected children, welfare support, social assistance

For citation: Kiskidosova T.A. (2025) Orphanages and boarding schools in Khakassia during the Great Patriotic War (1941-1945). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 173-184. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-173-184. EDN: VJHTRS.

Во время Великой Отечественной войны резко увеличилось количество детей, потерявших своих родителей. Война способствовала увеличению беспризорных и безнадзорных детей. Оставшиеся без должного воспитания и внимания, они повышали рост уголовной преступности. Тема беспризорности и безнадзорности детей в годы Великой Отечественной войны рассмотрена в исследованиях ученых (Синицын, 1969; Нечаева, 2001; Кривоносов, 2003; Кринко, 2006; Пажит, 2007; Гусак, 2009; Славко, 2010b и др.). Историки показали, как государство проявляло заботу о детях-сиротах и предпринимало меры по борьбе с детским беспризорничеством и безнадзорностью в военное время. В последние годы интерес исследователей обращен к недостаточно изученной теме существования детских домов в период Великой Отечественной войны. Исследователи рассмотрели вопросы приема, размещения, повседневности эвакуированных детских домов (Потемкина, 2002; Ложкина, 2009; Кабирова, 2011; Снегирева, 2018; Зинич, 2019; Леончик, 2020; Мезит, 2021; Артамонова, 2023 и др.). Проблемам детских домов и интернатов в военное время в региональном аспекте посвящены труды ученых (Славко, 2010a; Банзаракцаева, 2010; Варехина, 2012; Протасова, 2014 и др.).

В военных условиях в тыловую зону страны наряду со взрослыми приехали дети и подростки. Среди эвакуированных были дети с родителями, а также воспитанники детских учреждений: сироты из детских домов и интернатов; больные из санаториев и специнтернатов; детские коллективы, вывезенные из прифронтовых районов без родителей (Потемкина, 2002. С. 74). В ходе эвакуации часть

детей и подростков могла потерять своих родителей, родственников или воспитателей эвакуированных учреждений. Во время налетов вражеских самолетов на эшелоны взрослые погибали, оставив часть детей сиротами или в беспомощном состоянии. Особое внимание требовалось детям, которых эвакуировали в составе детских учреждений. Детские дома и интернаты вывозили из прифронтовой полосы и угрожаемых районов в безопасные зоны страны. По вопросу спасения и устройства воспитанников детских домов и интернатов была разработана и осуществлялась специальная правительственная программа. В военные годы стремительно росло количество детей-сирот, и государство принимало меры по устройству их, увеличивая сеть детских домов по всей стране. В экстремальных условиях войны забота о детях, оставшихся без родителей, считалась важным государственным делом.

До войны (в 1940 г.) в Хакасии функционировали 1 детский дом и 2 детских интерната (с общим охватом 302 чел.). В 1941 г. местные детдома располагались: в с. Чебаки – 1 детдом (163 чел.), в с. Иудино (вывезенные с началом войны временно из Абакана) – 2 интерната, из них 1 (71 чел.) для слепых и 1 (68 чел.) для глухонемых детей. В военные годы произошел стремительный рост количества детских домов за счет эвакуированных или образованных на местах детдомов и интернатов. 23 сентября 1942 г. в Хакасскую автономную область прибыли первые эвакуированные детские дома и интернаты из Ленинграда. Всего в Хакасию успешно эвакуировали шесть детдомов и интернатов из Ленинграда, один Смоленский и один польский детские дома. Основное пополнение детских

домов шло за счет детей-сирот. Только в 1944 г. в области открылось 7 новых детских домов. Всего в первой половине 1944 г. общее количество детдомов в регионе достигло 18 (Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 30 об.).

В 1943 г. в Хакасии насчитывалось 11 детских домов и интернатов, из них 8 эвакуированных: 6 ленинградских, 1 смоленский и 1 польский. Всего в 1943 г. в детдомах и интернатах было 994 воспитанника. Рост численности детей-сирот предполагал открытие новых детдомов в области и к 1944 г. предполагалось довести количество детдомов и интернатов до 22, с охватом до 2235 чел., т. е. увеличение в 2,2 раза. К 1 сентября 1944 г. в Хакасии функционировали 18 детдомов и детинтернатов с охватом 1802 воспитанников. По плану в 1945 г. предполагалось разместить во всех детдомах 2456 воспитанников (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1111. Л. 49).

Накануне прибытия эвакуированных детских учреждений в Хакасию требовалось в короткие сроки подготовить и оборудовать жилые помещения, обеспечить топливом, продовольствием и необходимыми вещами. Помещения, отведенные для эвакуированных детских домов и интернатов, требовали ремонта, создания комфортных условий и доставки необходимого инвентаря. Крайне сложной задачей было обеспечить воспитанников питанием, одеждой, обувью и бельем в условиях тотального дефицита. Также остро стояла проблема организации регулярного медицинского обслуживания в детских учреждениях. Хакасский облздрав устанавливал систематический контроль за работой врачей, изоляторы при детдомах оборудовали необходимым инвентарем, аптечками и медикаментами. В ведении облоно находилась организация политико-массовой, пионерской, оборонно-физкультурной и трудовой работы, а также проведение культурно-досуговых мероприятий. Забота о детдомовских и интернатских детях вошла в перечень обязательств специальных комиссий при исполнительных комитетах городских и районных советов. Все эвакуированные детские учреждения разместили в райцентрах и сельской местности, там представлялась большая вероятность подобрать пригодное для жилья помещение и возможность обеспечения необходимыми продуктами питания. В колхозах и совхозах создавались продо-

вольственные фонды для помощи эвакуированным детским домам (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 132 об.).

В условиях войны местные органы власти оказались неподготовленными к приему эвакуированных детей. Прибывшим осенью 1942 г. в Хакасию ленинградским интернатам и детдомам предоставили плохо оборудованные и непригодные для жилья помещения, некоторые из них были без ремонта или с недостаточной площадью для размещения детей. Например, администрация села Бельтиры Аскизского района предложила эвакуированному ленинградскому детскому дому здание без ремонта и без служебных построек для прачечной, бельевой и др. Помимо этого детдом не обеспечили положенным количеством продуктов питания и не подвезли необходимое количество топлива для зимнего сезона. Оказавшись в сельской местности, истощенные и ослабленные ленинградские дети, остались лишенными необходимых порций молока. Согласно данным на 5 декабря 1942 г., детские учреждения не в полной мере получили продовольствие. Кроме этого, установленные Наркомторгом на два месяца такие повышенные нормы питания, как сахар, жиры и мясо, были заменены на другие менее калорийные продукты (Артамонова, 2023. С. 144). Неустроенность и плохое состояние выделенных помещений для эвакуированных ленинградских детдомов и интернатов способствовали тому, что осенью 1942 г. Хакасский облсовет обязал райсоветы провести до конца года срочный ремонт зданий, отведенных для детдомов и интернатов (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 132 об.).

К концу 1942 г. возникла критическая ситуация с обеспечением детских домов и интернатов в области. Хакасский областной исполком совета депутатов вынес ряд распоряжений: обязать председателей исполкомов райсоветов доставить полугодовые запасы топлива, в течение пяти дней организовать постоянное шефство колхозов, способных обеспечить детские учреждения овощами с учетом семенного фонда, молочно-кислой продукцией и цельным молоком для ослабленных детей. Таким образом, основная нагрузка снабжения детдомов и интернатов возлагалась на районные органы власти. Заведующий Хакасским облоно Н.В. Екишев должен был заняться поставками мягкого инвента-

ря и одежды в детские учреждения. На местах планировалось организовать производство необходимой мебели: кроватей, столов, стульев, скамеек. Важнейшей задачей стало отоваривание детских учреждений продуктами питания по специальным нормам. Хакпотребсоюз обязывался к 15 декабря 1942 г. ликвидировать задолженность по мясу, сахару и жирам. В дальнейшем предполагалось принять все меры по обеспечению животным маслом, мылом и керосином, запрещалось отоваривать детдома и интернаты субпродуктами. По детским учреждениям устанавливался строгий контроль за расходом продуктов. Местные власти распорядились выделить 450 кг шерсти для изготовления детских валенок (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 132 об.). Не сразу удалось организовать и установить регулярное обеспечение детских учреждений продуктами питания. Доходило до того, что ленинградские детдома по несколько дней не получали хлеб. Один из интернатов на пять дней остался без хлеба. Имелись случаи, когда работники детдомов занимались хищением, разбазариванием и незаконным расходом продуктов (Мезит, 2020. С. 81).

Смоленский детский дом, прибывший летом 1943 г. в село Таштып, также столкнулся с массой трудностей. К приезду детей помещение, где должен был разместиться детский дом, оказалось совершенно непригодным для жилья. Всех воспитанников временно разместили в местной школе, где также были большие неудобства для проживания. Непосильной задачей стало обеспечение всех детей Смоленского детдома постельным бельем, теплой одеждой и обувью. В наличии оказалось всего 70 пар валенок. Чтобы создать нормальные условия для детдомовцев предусматривался комплекс мероприятий. Заведующий облоно Н.В. Екишев и председатель исполкома Таштыпского райсовета Оглов обязывались к 15 сентября 1943 г.: закончить ремонт помещения, обеспечить детдом необходимым кухонным инвентарем, мебелью (кроватями, столами и стульями), топливом (к 1 октября 1943 г. не менее 50 % годовой потребности). Колхозы Таштыпского района должны были взять шефство над Смоленским детским домом и регулярно снабжать овощами, молоком и молочно-кислыми продуктами. Детскому дому выделили земельный участок для ведения

подсобного хозяйства. Хакпотребсоюз и артель инвалидов «Абакан» обязывались изготовить для детей: 50 шт. полушубков, 100 пар валенок, 50 шт. шапок, 100 пар ботинок, 100 пар валенок, 50 пар чулок, 50 пар рукавиц, 75 пар ботинок и 50 шт. брюк (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 471. Л. 93).

Серьезной проблемой в военное время стало плохое материальное обеспечение детских учреждений. Из-за мизерного финансирования очень сложно было содержать воспитанников. В тяжелых условиях находились практически все детские дома и интернаты. Многие детдома приходилось организовывать на «скорую руку», часто детей размещали в неподготовленных помещениях без ремонта. Практически все детские учреждения испытывали большие трудности в снабжении детей продуктами питания, инвентарем, обувью и одеждой. Из-за несвоевременной заготовки и доставки топлива здание детдома оказалось неподготовленным к холодному времени года. Крайне суровые бытовые условия военной эпохи привели к острой нехватке одежды, белья и обуви практически у всех воспитанников. Организованное при детском доме подсобное хозяйство не смогло решить проблему дефицита продовольствия (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 9).

Особенно плохое обеспечение было в Чебаковском детдоме, там обнаружили неоднократные случаи, когда продукты питания и промтовары работниками расходовались не по назначению. Воспитанники этого детдома по сравнению с детьми из других детдомов в области оказались в самом тяжелом положении. Плохое питание, неустроенность, бесконтрольность и отсутствие дисциплины способствовали систематическим побегам детей из детдома (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 131). Областной финансовый отдел неоднократно задерживал финансирование Чебаковского детского дома. Недофинансирование детского учреждения было ощутимым и существенно сказалось на его материальном положении. В первом квартале 1943 г. детдому перечислили всего 75 тыс. руб. вместо положенных 196 тыс. руб. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 942. Л. 5).

С 1 сентября 1943 г. постановлением СНК № 942 повсеместно вводились единые нормы снабжения для детских домов, расположенных как в городах, так и в селах. Последовавшие специаль-

ные проверки показали, что в Хакасии большинство детских домов и детских приемников-распределителей размещалось в неблагоустроенных и тесных помещениях. Рацион питания в детских учреждениях не соответствовал физиологическим нормам. Нерегулярное снабжение детских домов продуктами питания приводило к тому, что дети систематически голодали. В ряде детских учреждений воспитанники страдали от постоянного недоедания и находились в истощенном состоянии, некоторые из них были больны дистрофией. Положение воспитанников детских домов усугублялось еще и тем, что крайне плохо обстояло дело с поставками одежды и обуви. В большинстве детских домов требовалось провести ремонт помещений (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 754. Л. 128).

В первой половине 1944 г. Чебаковский детский дом недополучил 431 кг сахара, 1363 кг мяса, 108 кг какао и много других продуктов. Ситуация с плохими поставками необходимых продуктов питания наблюдалась во всех детских домах и интернатах Хакасии. Обеспечение части детдомов и интернатов оказалось в критической ситуации. Во втором квартале 1944 г. детдома и интернаты не получили должного количества овощей, а хлеб поступал с большими задержками. Все это способствовало тому, что к весне в детдомах увеличилось количество детей-дистрофиков. Многочисленные проверки свидетельствовали о крайне слабой материальной базе детских учреждений (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 97 об.). Особенно плохое продуктивное снабжение было обнаружено в Таштыпском и Смоленском детдомах, в первую очередь нерегулярно поставлялся хлеб. В Белоярском детском доме не удалось организовать полноценное трехразовое питание из-за нехватки посуды (НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 12).

В большинстве детдомов, расположенных в Таштыпском, Бейском, Ширинском, Усть-Абаканском, Боградском и других районах был острый недостаток одежды, нижнего белья и обуви для воспитанников. Детский дом в селе Сабинка Бейского района разместили в непригодном тесном здании, на одной кровати спали по 2–3 чел. Продукты поступали с большими перебоями и дети часто оставались без еды. Воспитанники детского

дома рудника Сартынгой Усть-Абаканского района по очереди носили одежду и обувь, когда отправлялись в школу (НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 13).

Часто продукты питания по детским домам неодинаково распределяли. Например, в Боградском районе сложилась критическая ситуация с продовольственным снабжением: Боградский и Усть-Ербинский детдома получали продукты с большими задержками. Из всех продуктов питания особенно нерегулярно поступал хлеб, и дети часто голодали. Весной 1944 г. из-за постоянного недоедания у воспитанников наблюдались неоднократные случаи дистрофии. Доведенные до крайнего истощения дети со слабым иммунитетом болели различными инфекционными заболеваниями. В Усть-Ербинском детдоме заболели дизентерией – 19 чел., в Боградском детдоме – сыпным тифом – 3 чел. В то же время в данном районе у детей Ленинградского и польского детдомов было регулярное продуктивное снабжение, там не наблюдалось вспышек инфекционных болезней. Такое неравномерное распределение продуктов в детские дома можно объяснить тем, что ленинградские и Больше-Ербинский (польский) детдома находились на специальном особом положении, с гораздо лучшим снабжением продуктами и промышленными товарами. Больше-Ербинский детский дом с 1943 г. находился в ведении районо и Комитета по делам польских детей («Компольдета»), созданном при Наркомпросе. Детдом занимал два приспособленных здания, вместивших 150 польских детей (Леончик, 2020. С. 27).

В тяжелейших условиях военного времени детские дома и интернаты создавали собственную продовольственную базу. Расширение подсобных хозяйств должно было стать хорошим подспорьем для детдомов. Предусматривалось, что воспитанники детдомов должны заниматься обработкой земельных участков и посадкой зерновых культур, картофеля, овощей; разведением скота, птиц, свиней. По мнению А.В. Шалака, успешного развития по всем детским учреждениям это не получило, но там, где подсобным хозяйством занимались, оно становилось серьезным источником пропитания (Шалак, 1998. С. 61). В конце 1942 г. областные органы власти обязали облоно и облзо решить в течение 10 дней вопрос об организации подсобных хозяйств при детдомах и интернатах. Для развития

подсобных хозяйств выделялись земельные участки, оказывалась помощь в приобретении скота, кормов и семян для посевов (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 132 об.).

В 1944 г. Хакасская областная комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей, подняла вопрос о воспитательной работе и укреплении материально-бытовой базы детских домов. Для того чтобы решить проблему с продовольствием в каждом детском доме создавались подсобные хозяйства, производился посев овощных и крупяных культур. Все продукты, полученные от подсобных хозяйств детских домов, разрешалось использовать с целью улучшения питания детей, без зачета их в основную норму снабжения. Хакасский исполком областного совета обязал заведующего областного отдела народного образования Н.В. Екишева представить план развертывания подсобных хозяйств при детских домах. Планировался посев крупяных и овощных культур в размерах полного обеспечения детских учреждений. На проведение мероприятий по поддержке детей-сирот предполагалось привлечь общественные массы (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 754. Л. 129). Детские дома должны были провести посевы зерновых и овощных культур на выделенных земельных участках. Для разведения домашних животных детдомам требовалось выделить 15 голов коров, 15 голов лошадей, 30 голов овец и 15 голов свиней (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 361.).

Хакасский облсовет обратился к краевым властям разрешить закупить в колхозах и конезаводах области для подсобных хозяйств детдомов и интернатов 50 коров, 50 лошадей, 150 овец, 200 свиней и 400 шт. птиц (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 99 об.). Практически все детские дома и интернаты испытывали трудности в развитии подсобных хозяйств. Не в полной мере удалось обеспечить детдома семенами и кормами, поэтому выделенные земельные участки полностью не были засеяны и др. Неудачными оказались попытки развить животноводческое хозяйство. Например, в 1944 г. Богградский детдом имел только 50 % необходимого количества сена для скота своего подсобного хозяйства. Также безуспешными оказались попытки произвести на поле посевы озимых. Несмотря на предпринятые действия для Богградского детдома подсобное хозяйство не стало важным подспорьем

для пропитания воспитанников (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 17).

Воспитанники детдомов, лишенные привилегий и специальной поддержки, какие имелись у детей ленинградских детдомов, содержались в гораздо худших условиях. В крайне тяжелом материальном положении находился Усть-Ербинский детский дом, насчитывавший 125 чел., созданный для детей спецпереселенцев (немцев, калмыков и др.). Директор детдома проявил халатность и не побеспокоился заранее запастись достаточным количеством топлива. В плохо отапливаемом помещении дети постоянно мерзли, они нуждались в теплой одежде и обуви (НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 12). В 1944 г. из-за отсутствия ботинок и пальто 67 воспитанников Усть-Ербинского детдома с наступлением холодов не смогли ходить в школу. По-прежнему не хватало элементарных предметов мебели: кроватей, столов, стульев и скамеек. На 112 воспитанников имелось всего 20 кроватей. Из-за нехватки мебели и постельного белья несколько детей укладывали на одной кровати, вместо постельных принадлежностей им стелили овчины, что нарушало все санитарно-гигиенические нормы (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 17.).

С открытием осенью 1944 г. в Хакасии четырех новых детдомов (Саралинский, Шарыповский, Черногорский и Абаканский) были утверждены сметы (с 10 сентября и до конца года) по утвержденным нормам для каждого детского учреждения. Общая сумма за счет краевого бюджета составляла 522 тыс. руб., т. е. каждому детдому выделялось по 130,5 тыс. руб. На содержание одного детского дома (контингент – 100 чел.) средства распределялись в следующем порядке: зарплата – 21,9 тыс. руб., начисление – 1,7 тыс. руб., канцелярские и хозяйственные расходы – 18,9 тыс. руб., командировочные – 1 тыс. руб., учебные расходы – 1 тыс. руб., питание – 42 тыс. руб., оборудование – 44 тыс. руб. (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 99 об.).

Острой оставалась проблема с ремонтом помещений. Для проведения ремонтных работ зданий нужно было закупить 200 кв. м стекла, 200 кг гвоздей и 60 куб. м пиломатериалов. После открытия новых детдомов в области требовались дополнительные фонды для обеспечения воспитанников. В перечень для выделения необходимых товаров ширпотреба вошли: пальто для мальчиков и дево-

чек – 600 шт., кожаной обуви – 1000 пар, костюмов для мальчиков – 600 шт., костюмов для девочек – 600 шт., одеял – 600 шт., материала для постельного и нательного белья – 10 тыс. м (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 475 б. Л. 104). Всего же всем детдомам и интернатам требовалось не менее 2 тыс. одеял, 1400 пар кожаной обуви, 1400 валенок, 1800 детских зимних пальто, трикотажных изделий на сумму 30 тыс. руб. Приведенные цифры свидетельствуют о крайне бедственном положении воспитанников детдомов. Практически у большей части детей не было теплой одежды и обуви (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 99 об.).

В военные годы резко ухудшилось медицинское обслуживание детских учреждений. В результате проверки, проведенной в конце 1944 г., комиссия установила, что большинство детских домов и интернатов находилось в антисанитарном состоянии, что создавало угрозу возникновения эпидемической вспышки. В Чебаковском детском доме зарегистрировали 9 случаев заболевания сыпным тифом, что вызвало серьезную обеспокоенность местных органов власти. Хакасский областной отдел здравоохранения предоставил подробный отчет о санитарном состоянии Чебаковского детдома в Хакасский обком партии и облизполком Совета депутатов трудящихся, в дальнейшем материалы проверок передали в областную прокуратуру. За допущенную халатность директора Чебаковского детдома уволили с работы. В 1944 г. после специального распоряжения Хакасского обкома партии для воспитанников детдомов и интернатов выделили одежду и обувь (НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 13 об.).

Большая скученность и несоблюдение санитарно-гигиенических норм способствовали тому, что в детских учреждениях возникали вспышки инфекционных болезней. Сыпным тифом заболели 30 воспитанников Чебаковского детдома. В результате медицинского осмотра врачи диагностировали практически у всех детей педикулез. Все это стало показателем того, что длительное время во многих детских учреждениях не принимали никаких санитарных мер и не проводили дезинфицирующую обработку (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 97 об.). В 1944 г. в Усть-Ербинский детдом часть детей поступила в крайне истощенном состоянии и наблюдались случаи дистрофических поносов. Среди воспи-

танников 19 чел. заболели дизентерией. В отчетном году из-за большой скученности детей по-прежнему оставалась актуальной угроза вспышек сыпного тифа. В Смоленском детдоме зарегистрировали 17 случаев сыпного тифа, в Таштыпском детдоме – 20 (НАРХ. Р-42. Оп. 1. Д. 14. Л. 12).

В третьем квартале 1944 г. местные власти распорядились установить строгий контроль за выполнением санитарно-гигиенических правил и проведением профилактических мер против инфекционных заболеваний среди воспитанников в детдомах и интернатах. Проводился врачебный осмотр всех воспитанников детских учреждений. К каждому детскому дому и интернату прикреплялся врач. Специальным распоряжением для детей выделяли витаминные драже на сумму 10 тыс. руб., для физически ослабленных детей – 100 кг гематогена (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 99).

Постепенно в детдомах стали организовывать и проводить регулярные санитарно-гигиенические мероприятия, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний. Каждую неделю дети стали проходить санитарную обработку, направленную на устранение педикулеза. Однако вспышки острых инфекционных заболеваний периодически преследовали детские учреждения. Например, в конце декабря 1944 г. в Черногорском детском доме большинство воспитанников оказались заражены чесоткой. Первых заболевших детей срочно госпитализировали в больницу. При детдоме срочно организовали изолятор и лечение стали проводить на месте. Оперативно предпринятые санитарные мероприятия имели положительное значение, в январе 1945 г. наблюдались лишь единичные случаи заболевания чесоткой (НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 10).

Серьезной проблемой большинства детских домов и интернатов была неподготовленность к отопительному сезону. Руководству детских учреждений не удавалось своевременно заготовить необходимое количество дров и отремонтировать здания. Из-за попустительства ответственных лиц воспитанники мерзли в холодных помещениях. В 1944 г. в Боградском районе для детских домов заготовили на отопительный сезон всего 300 куб. м дров вместо запланированных 1200 куб. м дров. Попечительские советы, созданные при Усть-Ербинском и Боградском детских домах, бездей-

ствовали. Районные власти также не проявили должного внимания проблеме обеспечения детских учреждений топливом (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 17). Польский и Чебаковский детдома располагались в тесных помещениях и были настолько перегружены, что встал вопрос о выделении новых просторных со всеми удобствами зданий для детей (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 97 об.).

Крайне неудовлетворительное состояние и бедственное материальное положение в ряде детдомов и интернатов способствовали тому, что осенью 1944 г. областные партийные органы власти признали, что руководителями и воспитателями детских домов и интернатов назначались некомпетентные, а порой «совершенно случайные люди», которые не имели педагогического опыта. В некоторых случаях отмечалось «преступное отношение отдельных директоров, приведших к развалу работы в детдомах». Дошло до того, что областному прокурору Соколову поручили срочно провести расследование и привлечь к ответственности лиц, виновных в расхищении продуктов и других материальных ценностей в детских домах. В детских учреждениях не проводился учет патронированных подопечных и трудоустроенных детей. Также обнаружилось халатное отношение к отчетам по детским домам. Большинство районных и городских комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, не действовали. Подготовка детских учреждений к зимнему периоду оказалась под угрозой срыва: ремонт зданий не начинался, запасы дров не заготовили (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 98, 99 об.).

Детские дома и интернаты постоянно находились под пристальным вниманием руководящих инстанций. Однако, несмотря на проверки комиссий и вынесения массы замечаний руководителям и ответственным органам, материально-бытовое обеспечение детдомов и интернатов оставалось в критическом состоянии все военные годы. В результате проведенной в феврале 1945 г. проверки Смоленского детского дома, был выявлен ряд серьезных нарушений. Директор детдома Жуков не предпринял никаких мер, чтобы обеспечить воспитанников обмундированием и обувью. Около половины детей школьного возраста из-за отсутствия одежды и обуви не посещали школу. Дети не полу-

чали положенные нормы питания из-за систематического хищения продуктов работниками детдома. Таштыпский райпотребсоюз не в полной мере производил отпуск положенных продуктов. В помещении Смоленского детдома было грязно и требовалось проведение капитального ремонта. Со стороны районных партийных органов власти не оказывалась практическая помощь детскому дому. Дети оказались на грани выживания из-за крайне плохого питания и отсутствия топлива (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 482. Л. 141–142).

Детские дома имели проблемы не только в материально-бытовом обеспечении, во многих из них была слабо поставлена учебно-воспитательная работа. Многие воспитатели не имели соответствующего образования и педагогического опыта. Острая нехватка квалифицированных педагогов и формальное отношение к своим обязанностям работников негативно сказывались на дисциплине и успеваемости детей. В некоторых детдомах текучесть педагогических кадров стала обычным явлением. В 1942 г. в Чебаковском детдоме за год сменилось 6 директоров. Отсутствие контроля со стороны Хакасского областного отдела народного образования способствовало тому, что Чебаковский детдом оказался в крайне тяжелом положении. Невысокий уровень подготовки воспитателей и нехватка специалистов привели к печальным последствиям. Нарушение дисциплины и плохое поведение воспитанников становились причинами роста хулиганства в детском доме. Из всех детских заведений Хакасии именно Чебаковский детдом заслужил «дурную славу», где ученики отличались неудовлетворительной дисциплиной и крайне плохой успеваемостью в школе. Трудовое обучение с воспитанниками не проводилось из-за отсутствия оборудования и материалов в слесарной, столярной и сапожной мастерских (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 9). Плохая успеваемость, слабая дисциплина и острая нехватка педагогов оставались в этом детском доме на протяжении всего военного времени. В 1944 г. в Чебаковском детском доме из 182 учеников насчитывалось 66 неуспевающих. В детдоме из-за малочисленности комсомольцев и пионеров общественная работа проводилась крайне слабо. В Боградском, Смоленском и Таштыпском детдомах вообще не было ни одного пионервожатого (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 477. Л. 97 об.).

Самый низкий уровень обучения и воспитания детдомовских детей наблюдался в Алтайском, Богградском и Таштыпском районах. За безответственное отношение к выполнению обязанностей в отношении детских домов сняли с работы председателя Таштыпского райисполкома Абдина (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 105).

Критическая ситуация с кадрами подвигла местные партийные органы власти принять решение «*укомплектовать детские дома и интернаты новыми, полностью проверенными и лучшими людьми*». С октября 1944 г. начались месячные курсы по переподготовке воспитателей, рассчитанные на 40 чел. Всех педагогических работников, не имевших среднего образования, отправляли на заочное обучение в педагогическое училище. Для руководителей и воспитателей детских учреждений организовывали кустовые методические объединения. Заведующий облоно обязывался один раз в месяц лично посещать и проверять работу детских домов и интернатов. Ежеквартально проходили ревизии финансово-хозяйственной деятельности детдомов и интернатов. Для улучшения комсомольской и пионерской работы секретарь обкома ВЛКСМ Елизарьев обязывался отправить на работу 20 лучших комсомольцев в качестве воспитателей (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 477. Л. 99).

Специально созданные комиссии по устройству детей-сирот должны были осуществлять повседневный контроль за воспитанием, учебой, жизнью и бытом патронируемых и подопечных детей и подростков, трудоустроенных на предприятиях. Одновременно рассматривался вопрос о материально-бытовой помощи открытым новым детдомам. Для обеспечения воспитанников детских домов создавались фонды по сбору с населения одежды, обуви, постельного и нательного белья и т. д. На проведение мероприятий по поддержке детей-сирот предполагалось привлекать общественные массы (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 754. Л. 129).

Существенную поддержку детским учреждениям оказывали трудовые коллективы предприятий, колхозы, общественные организации. Для оказания помощи нуждавшимся детям создавались материальные, денежные, вещевые и продовольственные фонды, оказавшие существенную поддержку. В 1944 г. для воспитанников детских домов

удалось собрать более 220 тыс. руб., около 2 тыс. пар обуви и 1,5 тыс. разной одежды, свыше 5 т круп и зерна и 20 т картофеля и овощей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 752. Л. 46 об.). С 14 марта по 14 мая 1945 г. по инициативе комсомольцев по всей Хакасии проводился месячник по сбору первомайских подарков воспитанникам детдомов и оказанию детским учреждениям помощи в укреплении материально-хозяйственной базы. Ряд организаций взял шефство над отдельными детдомами: обком союза госучреждений – над Сартыгойским, обком МОПР – над Смоленским, райком союза Госторговли – над Богградским, обком союза учителей – над Иудинским, райком союза угольщиков – над Черногорским и т. д. Со стороны жителей оказывалась материально-бытовая помощь детским домам и интернатам (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1104. Л. 91).

К концу войны несколько улучшилась ситуация с педагогическими кадрами, практически во всех детских домах имелись учителя со средним и высшим образованием и только в трех детских учреждениях отсутствовали заведующие учебной частью. Из 100 запланированных воспитателей работали 83 чел., из них 24 чел. не имели среднего образования и учились на заочном обучении в педагогическом училище. Некоторым руководителям удалось организовать всеобщее обучение детей в своих детдомах и интернатах. Например, благодаря хорошо организованной повседневной работе с воспитательским составом и воспитанниками, директор Сартыгойского детдома Бильзюк в 1945 г. добился полного перевода учащихся. Этот детдом получил образцово-показательный статус в области. Высоких показателей по всеобучу также добились директор Алтайского детдома Суханова. В целом, хорошо поставленная учебно-воспитательная работа руководителей детдомов и интернатов сочеталась с их организационными способностями, связанными со своевременными продуктовыми поступлениями, подготовкой к отопительному сезону и обеспечением воспитанников одеждой и обувью. Однако большинство директоров детдомов не смогли выполнить план по всеобщему обучению. В очередной раз основными причинами стали слабая материальная база, плохое обеспечение и недостаточно организованная воспитательная работа. Хакасский областной отдел народного образования недостаточно вникал в проблемы

детских домов. Доказательством может стать то, что в 1945 г. работники облоно не провели ни одного методического совещания с директорами, завучами и воспитателями детдомов. Подобные мероприятия были необходимы педагогическим работникам для оказания методической помощи по воспитанию детей-сирот (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1139. Л. 4 об.).

В целом в годы военного лихолетья в Хакасии, как и в других регионах тыловой части страны, увеличивалось количество детей-сирот и соответственно происходил рост детских домов и интернатов. В экстремальных условиях при полной неподготовленности к приему большого потока людей разместили несколько эвакуированных детских домов и интернатов в селах Хакасии. Недофинансирование, плохое продовольственное обеспечение и плохое материально-бытовое обеспечение мешали нормальному функционированию детских учреждений. Большинство детских домов неудовлетворительно снабжались продуктами питания. Открытие новых детдомов в области к концу войны

происходило из-за стремительного роста беспризорных и безнадзорных детей. К концу войны материальное обеспечение детдомов несколько улучшилось. Подсобные хозяйства, создаваемые при детских домах и интернатах, частично решали проблему с продовольствием. Ухудшение медицинского обслуживания детских учреждений привело к росту инфекционных заболеваний среди воспитанников. В конце войны ситуация с медицинским обслуживанием улучшилась. Нехватка квалифицированных педагогов в детдомах и интернатах сказывалась на успеваемости и дисциплине детей. Вопрос с подготовкой специалистов-педагогов постепенно решался, работников стали отправлять на обучение и повышение квалификации. Материально-бытовая помощь детским домам и интернатам оказывалась со стороны предприятий, организаций, учреждений, общественности и отдельных граждан детским домам. Эта поддержка стала устойчивой тенденцией в суровые годы войны.

Список источников

Артамонова Н.Я. Эвакуированные ленинградские детские интернаты в Хакасской автономной области // Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2023. Т. 3. 1943 год. С. 141–159. EDN: YTBKBA.

Банзаракцаева Е.В. Детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 17–21. EDN: MTWLCX.

Варехина А.Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 32–39. EDN: PEIZLV.

Гусак В.А. Милиция в системе органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 9. С. 81–86. EDN: LPXHRL.

Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М. : Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с. EDN: UALLUB.

Кабилова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань : Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2011. 468 с. EDN: SHZAYZ.

Кривоносов А.Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92–98. EDN: OPUVUT.

References

Artamonova N.Ya. (2023) Evacuated Leningrad orphanages in the Khakass Autonomous Region. The Great Patriotic War in the History of Yenisei Siberia. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Vol. 3. 1943. P. 141-159. (In Russ.). EDN: YTBKBA.

Banzaraksheeva E.V. (2010) Children's Communities of Buryatia during the Great Patriotic War. *Bulletin of Buryat State University*. No. 7. P. 17-21. (In Russ.). EDN: MTWLCX.

Varekhina A.N. (2012) Orphanages in the Ural region during the Great Patriotic War. *Pedagogical Education in Russia*. No. 4. P. 32-39 (In Russ.). EDN: PEIZLV.

Gusak V.A. (2009) The militia in the system of bodies combating child homelessness and neglect during the Great Patriotic War (1941-1945). *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. No. 9. P. 81-86 (In Russ.). EDN: LPXHRL.

Zinich M.S. (2019) Everyday life of the people during the Great Patriotic War. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives. 349 p. (In Russ.). EDN: UALLUB.

Kabirova A.Sh. (2011) War and Society: Tatarstan in 1941-1945. Kazan: Fen Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 468 p. (In Russ.). EDN: SHZAYZ.

Krivososov A.N. (2003) Retrospective analysis of works with uncured for and neglected children and juvenile prevention of crimes by the under age (minor) in Russia. *State and Law*. No. 7. P. 92-98. (In Russ.). EDN: OPUVUT.

Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31. EDN: KAOUQJ.

Леончик С.В. Польские воспитательно-образовательные учреждения во время Великой Отечественной войны на территории Хакассской автономной области // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 25–28. EDN: BGROBV.

Ложкина И.А. Эвакуированные детские дома и интернаты Удмуртской АССР в 1941–1945 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 5 (71). С. 152–157. EDN: MLJQPV.

Мезит Л.Э. Борьба с детской преступностью в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3. С. 77–83. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-7. EDN: DCZJPV.

Мезит Л.Э. Повседневная жизнь эвакуированных ленинградских детских домов в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 9. С. 1801–1805. DOI: 10.30853/mns210327. EDN: DJIAWS.

Нечаева А.М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6. С. 58–61. EDN: WMZLVN.

Пажит Ю.Ю. Беспризорность, безнадзорность и детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VIII Всероссийской научной конференции, г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2007. Т. 2. С. 185–189.

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск : Магнитогорский государственный университет, 2002. 265 с. EDN: RZYXMX.

Протасова Е.В. Детские дома и интернаты военного времени в Пермской (Молотовской) области // Научный диалог. 2014. № 8 (32). С. 84–104. EDN: SNYWHF.

Славко А.А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010а. № 1. С. 79–88. EDN: MBZYUD.

Славко А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010b. № 120. С. 33–43. EDN: MSMKTX.

Синицын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 20–29.

Снегирева Л.И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 143–156. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-143-156. EDN: XRMCFN.

Шалак А.В. Условия жизни и быта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск : Иркутская

Krinko E.F. (2006) Childhood of the War Years (1941–1945): Problems and Prospects of Research. *Bulletin of Adygea State University*. No. 4. P. 25–31. (In Russ.). EDN: KAOUQJ.

Leonchik S.V. (2020) Polish Educational Institutions during the Great Patriotic War in the territory of the Khakass Autonomous Region. *Scientific Review of Sayano-Altai*. No. 4 (28). P. 25–28. (In Russ.). EDN: BGROBV.

Lozhkina I.A. (2009) Evacuated children's homes and boarding schools of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1945. *Bulletin of Samara State University*. No. 5 (71). P. 152–157. (In Russ.). EDN: MLJQPV.

Mezit L.E. (2020) Fight Against Child Crime in the Krasnoyarsk Territory During the Great Patriotic War. *Historical Courier*. No. 3. P. 77–83. (In Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-7. EDN: DCZJPV.

Mezit L.E. (2021) Everyday Life of Evacuated Leningrad Orphanages during the Great Patriotic War. *Manuscript*. Vol. 14. Iss. 9. P. 1801–1805. (In Russ.). DOI: 10.30853/mns210327. EDN: DJIAWS.

Nechaeva A.M. (2001) Child homelessness – a dangerous social phenomenon. *State and Law*. No. 6. P. 58–61. (In Russ.). EDN: WMZLVN.

Pazhit Yu.Yu. (2007) Homelessness, neglect, and juvenile delinquency during the Great Patriotic War. *Industrial Ural. Bakuninskie chteniya : materialy VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Ekaterinburg, 27–28 aprelya 2007 g. = Bakunin Readings: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, April 27–28, 2007*. Yekaterinburg: AMB. Vol. 2. P. 185–189. (In Russ.).

Potemkina M.N. (2002) The evacuation within the Great Patriotic War in Urals region: people and destiny. *Magnitogorsk: Magnitogorsk State University*. 265 p. (In Russ.). EDN: RZYXMX.

Protasova E.V. (2014) Orphanages and boarding schools of wartime in Perm (Molotov) region. *Scientific Dialogue*. No. 8 (32). P. 84–104. (In Russ.). EDN: SNYWHF.

Slavko A.A. (2010a) Kindergartens and schools for children-orphan in the Great Patriotic War and Post-War period. *Bulletin of the Chuvash University*. No. 1. P. 79–88. (In Russ.). EDN: MBZYUD.

Slavko A.A. (2010b) State regulation of the process liquidation of children's homelessness in Russia during the Great Patriotic War and the Post-War period. *Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. No. 120. P. 33–43. (In Russ.). EDN: MSMKTX.

Sinitsyn A.M. (1969) Care for unsupervised and street children in the USSR during the Great Patriotic War. *History issues*. No. 6. P. 20–29. (In Russ.).

Snegireva L.I. (2018) The receiving and housing the evacuated children's institutions in the West Siberian rear area in 1941–1943. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*. No. 5 (194). P. 143–156. (In Russ.). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-143-156. EDN: XRMCFN.

Shalak A.V. (1998) Living conditions during the Great Patriotic War in 1941–1945. *Irkutsk: Irkutsk State Academy of*

государственная экономическая академия, 1998. 183 с.
EDN: WJVKNT.

Economics. 183 p. (In Russ.). EDN: WJVKNT.

Информация об авторе

Кискидосова Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук, заведующий сектором
истории,
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, Россия,
e-mail: tak_74@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Information about the author

Tatiana A. Kiskidosova,
Cand. Sci. (History), Head of History Department,
Khakass Research Institute of Language, Literature and
History,
23, Shchetinkin St., Abakan 655017, Russia,
e-mail: tak_74@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Вклад автора

Кискидосова Т.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Kiskidosova T.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 июля 2025 г.; одобрена после рецензирования 29 июля 2025 г.; принята к публикации 11 августа 2025 г.

Article info

The article was submitted July 10, 2025; approved after reviewing July 29, 2025; accepted for publication August 11, 2025.

Научная статья
УДК 796.06(571.53)"1946/1950"
EDN: YTOSVR
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-185-195>

Кадровая политика в области физкультуры и спорта в послевоенные годы (по материалам Иркутской области)

С.А. Тигунцев¹, А.П. Санников²

¹ Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В послевоенные годы в Иркутской области остро встал кадровый вопрос в сфере физической культуры и спорта. В физкультурных организациях не хватало специалистов и тренеров, особенно с профильным образованием. Руководство областного комитета по физической культуре и спорту использовало все имеющиеся возможности для решения этой проблемы: организации курсов и семинаров по подготовке и повышению квалификации преподавателей физкультуры и тренеров, расстановку и ротацию кадров, и т. п. Основные надежды возлагались на Иркутский областной техникум физической культуры (ИТФК), ставший кузницей кадров для всех направлений физической культуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также демобилизовавшихся фронтовиков, имевших опыт спортивной работы до войны. В результате проводимой кадровой политики эту проблему удалось разрешить. Своеобразным итогом работы областной спортивной организации стало участие иркутских спортсменов на первых послевоенных Олимпийских играх 1952 г. в г. Хельсинки (Финляндия). Область представляли: метательница диска Елизавета Петровна Багрянцева, бегун в эстафете 4 × 800 м. Георгий Гаврилович Ивакин, стрелок Петр Павлович Николаев. На Олимпийских играх 1956 г. в г. Мельбурне (Австралия) иркутяне: борец классического стиля Константин Григорьевич Вырупаев и боксер Владимир Константинович Сафронов стали Олимпийскими чемпионами. В статье подробно рассмотрена деятельность руководителей областного спорткомитета в послевоенные годы: Л.Ф. Сизовой, К.И. Шапова, В.П. Иголкина. Проанализирован опыт кадровой политики местных властей по обеспечению специалистами местных спортивных организаций. Приведены количественные данные по обновленному кадровому составу. Приведены биографические данные ключевых фигур областного спорткомитета.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, Иркутская область, спорткомитет, кадровый состав, послевоенный период, Иркутский областной техникум физической культуры, добровольные спортивные общества, тренерский состав

Для цитирования: Тигунцев С.А., Санников А.П. Кадровая политика в области физкультуры и спорта в послевоенные годы (по материалам Иркутской области) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 185–195. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-185-195. EDN: YTOSVR.

History

Original article

Personnel policy in the field of physical education and sports in the post-war years (based on materials from the Irkutsk region)

Sergey A. Tiguntsev¹, Alexander P. Sannikov²

¹ Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. In the post-war years the personnel issue in the field of physical culture and sports became acute in the Irkutsk region. There were not enough specialists and coaches in physical education organizations, especially those with specialized education. The leadership of the Regional Committee on Physical Culture and Sports used all available means to solve the problem: the organization of courses and seminars for the training and advanced training of physical education teachers and coaches, the placement and rotation of personnel, etc. The main hopes were pinned on the Irkutsk Regional College of Physical Culture (ITFK) which

became a forge of personnel for all areas of physical education in Eastern Siberia and the Far East, as well as demobilized veterans who had experience in sports work before the war. As a result of the personnel policy, this problem has been resolved. A peculiar result of the work of the regional sports organization was the participation of Irkutsk athletes at the first post-war Olympic Games in 1952. Helsinki (Finland), where Irkutsk residents participated: discus thrower Elizaveta Petrovna Bagryantseva, runner in the 4x800 m relay Georgy Gavrilovich Ivakin, shooter Pyotr Pavlovich Nikolaev, and the 1956 Olympic Games in Melbourne (Australia), where Irkutsk residents Konstantin Grigorievich Vyurpaev, a classical wrestler, and Vladimir Konstantinovich Safronov, a boxer, became Olympic champions. The article examines in detail the activities of the heads of the Regional Sports Committee in the post-war years: L.F. Sizova, K.I. Shaprova, V.P. Igolkin. The experience of the personnel policy of local authorities in providing specialists to local sports organizations is analyzed. Quantitative data on the updated staff is provided. Biographical information of key figures of the regional sports committee is given.

Keywords: physical education, sports, Irkutsk region, Sports Committee, personnel, post-war period, Irkutsk Regional College of Physical Education, voluntary sports societies, coaching staff

For citation: Tiguntsev S.A., Sannikov A.P. (2025) Personnel policy in the field of physical education and sports in the post-war years (based on materials from the Irkutsk region). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 185-195. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-185-195. EDN: YTOSVR.

Великая Отечественная война выявила необходимость военно-физической подготовки населения страны. В условиях мобилизации советского общества эти обязанности были возложены на Народный комиссариат обороны, в структуре которого создавалось Главное управление всеобщего военного обучения (Физическая культура..., 1967. С. 84). В Иркутской области, как и в стране в целом, все физкультурные организации были закреплены за пунктами Всеобуча. Комитеты и советы всех Добровольных спортивных обществ (ДСО) обязали организовывать военизированные и военно-тактические физкультурные игры и всецело развивать военизированный массовый спорт среди молодежи. В 1941 г. в Иркутске было создано 18 учебных пунктов Всеобуча (Кудрявцев, Вендрих, 1971. С. 328).

После окончания войны руководство спортивной работой возвращалось Всесоюзному комитету по делам физической культуры и спорта при СНК СССР, созданному в 1936 г. (Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 36. Д. 10 Л. 30–32). Всесоюзный комитет контролировал работу республиканских спорткомитетов. В подчинении Республиканских комитетов находились комитеты автономных республик, краев и областей, которые в свою очередь напрямую работали с городскими и районными спортивными организациями (История становления..., 2013. С. 47).

Главной задачей, которую ставило руководство страны перед Всесоюзным спорткомитетом, было восстановление системы физической культуры и спорта. Так, уже в сентябре 1945 г. вышло Постановление СНК СССР № 2493 «Об оказании помощи ко-

митетам по делам физической культуры и спорта и улучшении их работы» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5446. Оп. 1. Д. 263. Л. 59–64). В нем намечались пути решения материально-технических проблем, вводились меры поддержки перспективных молодых спортсменов, создавались специальные спортшколы, рассматривалось улучшение учебно-методической работы и кадрового обеспечения путем введения должностей государственных тренеров по видам спорта и т. д. (Зуев, Логинов, 2008. С. 140)¹. Местные комитеты по физической культуре и спорту получили дополнительные полномочия по организации физкультурно-массовой работы, в результате которых произошли положительные сдвиги в физкультурном движении (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Для улучшения результатов физкультурно-массовой и спортивной работы вводилось обязательное планирование и строгая отчетность (За массовое физкультурное..., 1949. С. 86).

В декабре 1948 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов» (Очерки по ис-

¹ Зуев В.Н., Логинов В.А. Нормативное правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта: история и современность : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 032100 – Физическая культура. М.: Советский спорт, 2008. 194, [1] с. EDN: QWRMPH.

тории физической культуры, 1967. С. 36). Основным требованием этого постановления было увеличение количества техникумов и физкультурных вузов в стране с ускоренной подготовкой физкультурных кадров, а также организация повышения квалификации инструкторов и тренеров спортивных обществ на курсах и семинарах.

Организация краткосрочных курсов и переподготовка специалистов возлагались на советы ДСО и отделы ВЛКСМ под руководством местных комитетов по физической культуре и спорту (Ширшиков, 2014. С. 83). Для улучшения контроля за исполнением постановлений ЦК ВКП(б) физкультурными организациями на местах в феврале 1949 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР издал Приказ № 73 «О принятии курса к неуклонному руководству и исполнению Постановления ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 г.» (Зуев, Астафьев, 2012. С. 238).

В послевоенный период в физкультурных организациях Иркутской области, особо остро стояла проблема нехватки специалистов, особенно с профильным образованием (табл. 1).

Для обучения и повышения квалификации кадрового состава учебно-спортивным отделом Областного спорткомитета проводились курсы, семинары, учебные сборы по подготовке и переподготовке кадров: председателей низовых коллективов

физкультуры, инструкторов-общественников, судей и тренеров по видам спорта (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).

Работу по восстановлению физкультурно-массового движения и спорта в регионе координировал комитет по физкультуре и спорту при Иркутском областном исполнительном комитете. В своем подчинении он имел 18 городских и районных отделов. С 1943 по 1946 гг. его возглавляла Людмила Федоровна Сизова (рис. 1).

Она родилась 20 декабря 1912 г. в Иркутске в семье служащих. После окончания школы в 1929 г. поступила в экономический институт, который окончила в 1932 г., получив специальность экономиста-плановика. Работала в областной конторе «Заготзерно» заместителем начальника планово-финансового отдела. С 1936 г. работала в областном комитете по делам физической культуры и спорта на должностях начальника планово-финансового отдела, заместителя председателя областного комитета, а с 1943 г. возглавила областной комитет. В 1946 г. перешла на работу преподавателем в Иркутский областной техникум физкультуры.

Для решения кадрового вопроса были приняты важные нормативно-правовые акты. В декабре 1945 г. Иркутский обком ВКП(б) запретил использовать председателей спорткомитетов на других работах и посылать их в командировки, превышающие

Таблица 1. Кадровый состав физкультурной организаций Иркутской области в 1946 г. (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 10)

Table 1. Personnel of sports organizations of the Irkutsk region in 1946 (GAIO. F. R2826. Op. 1. D. 1. L. 10)

Ведомство и организации	Штат	Из общего числа штатных работников						
		Инструкторов и преподавателей	Членов и кандидатов		Имели физкультурное образование			
			ВКП(б)	ВЛКСМ	Высшее	Среднее	Школа тренеров	Курсы
Комитеты по делам физкультуры и спорта	58	0	22	11	1	3	1	3
Профсоюзные организации и ДСО	45	29	15	16	2	2	1	12
Промко-операция ДФО «Спартак»	8	6	0	3	0	0	0	2
Вузы и техникумы	33	33	8	2	16	6	1	6
Школы	208	208	57	91	0	3	0	18
Прочие организации	15	10	0	3	0	0	3	4
Всего	367	286	102	126	19	14	6	45

Рис. 1. Сотрудники Иркутского Областного комитета по физической культуре и спорту 1943 г. Внизу третья слева: председатель Л.Ф. Сизова

Fig. 1. Employees of the Irkutsk Regional Committee for Physical Culture and Sports in 1943 Bottom third from the left: Chairman L.F. Sizova

10 дней. Для уменьшения «кадровой текучки» Иркутский облисполком решением № 1020 от ноября 1946 г. запретил районным и городским исполкомам увольнять работников физкультурной отрасли без согласования с областным комитетом по делам физической культуры и спорта (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9).

Однако, несмотря на все решения, председатели райисполкомов не только не оказывали помощь районным комитетам по делам физической культуры и спорта, но и продолжали использовать их сотрудников не по назначению. Например: при организации по уборке хлеба, заготовке сена и леса, подготовке к зимнему стойловому периоду, участию в выборах и т. д. Имели место не согласованные с Иркутским облисполкомом и областным спорткомитетом переводы работников физкультурного звена в аппарат исполкома райкомов ВКП(б), райкомов ВЛКСМ. Так, в 1949 г. в райком ВЛКСМ были переведены председатели районных спорткомитетов Куйтунского, Осинского, Балаганского, Голуметского районов Иркутской области. Иногда на должности председателей районных спорткомитетов назначались лица лишь для замещения вакантных должностей, без согласования с областным спорткомитетом и без учета профессиональных качеств. Это проис-

ходило в Кировском сельском (с 11 декабря 1959 г. переименован в Боханский), Слюдянском и Тайшетском районах области.

В 1946 г. областной комитет по физкультуре и спорту возглавил председатель ДСО «Локомотив» Константин Иванович Шапров (рис. 2). Он родился в 1912 г. в Ачинском районе, д. Барабановке Красноярского края. В 1935 г. окончил Иркутский институт советской торговли, заочно прошел обучение в шко-

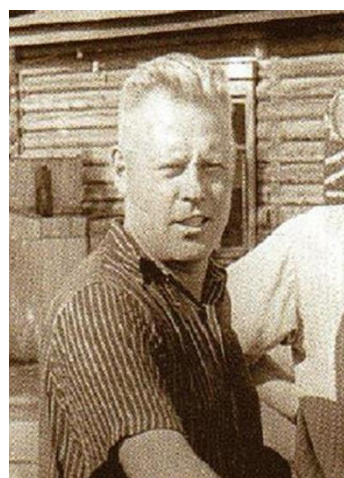

Рис. 2. Председатель областного комитета по физической культуре и спорту с 1946 по 1948 гг. К.И. Шапров

Fig. 2. Chairman of the regional Committee on Physical Culture and Sports 1946 to 1948 K.I. Shaprov

ле тренеров на отделении легкой атлетики при институте физкультуры в Ленинграде. В 1936–1938 гг. работал в г. Улан-Батор (Монгольская Народная Республика) инструктором по легкой атлетике при спортклубе. С 1938 по 1942 г. работал в управлении ВСЖД инструктором, а затем начальником по физподготовке при отделе охраны. С 1942 по 1946 гг. являлся председателем ДСО «Локомотив». В 1944 г. стал чемпионом Всесоюзной Спартакиады железнодорожников в г. Тбилиси, заняв 1 место в беге на 400 м. В 1946 г. Иркутский облисполком назначил К.И. Шапрова на должность председателя областного комитета физической культуры и спорта, на которой он пробыл до 1948 г. После окончания в 1954 г. Ленинградского института физической культуры им. Лесгафта он возглавил кафедру физического воспитания Иркутского государственного университета, которой руководил до 1963 г. (Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Ф. 327. Оп. 3. Д. 2574. Л. 2–5)

В это время Иркутская физкультурная организация значительно поменяла свой кадровый состав за счет демобилизовавшихся фронтовиков, имевших довоенный опыт организации физкультурно-спортивной работы и прошедших суровые условия войны. К ним можно отнести В.П. Иголкина, М.П. Козырева, Г.А. Константинова, ставших впоследствии председателями комитета по физической культуре и спорту (Кушкин, 2018. С. 72); председателей ДСО «Труд» В.И. Турова, ДСО «Авангард» В. Лопатина, ДСО «Строитель» В. Сергачева, ДСО «Азот» Н. Болдырева; тренеров Г.А. Ибятова, Б.И. Хлебникова, В.П. Хардина, Г.А. Израильского; преподавателей физической культуры В.В. Силява, М.Г. Ветрова, В.П. Пхайко, Р.Г. Мратова, Т.И. Яхно и многих других (Ширшиков, 2020. С. 128).

Создав плацдарм для развития иркутского спорта в последующие годы, ветераны-фронтовики долгое время являлись активной опорой, на которой держалось физкультурное движение в Иркутской области.

Особенно трудно решался вопрос нехватки учителей физической культуры в школах. В лучшем случае эти обязанности были возложены на военников, имевших опыт военно-массовой работы, а чаще всего на учителей-совместителей без профильного образования. В 1946 г. в Иркутской области насчи-

тывалось 1720 школ: 1480 начальных, 165 семилетних и 75 средних. Для проведения учебных занятий по физкультуре в них было задействовано 258 военников и всего 25 преподавателей физической культуры, в основном прошедших краткосрочные курсы. К учебно-воспитательной работе активно привлекались школьники-спортсмены. Иркутский ОблОНО, пытаясь хоть как-то решить кадровую проблему, регулярно организовывал 6-месячные курсы по подготовке преподавателей физвоспитания для семилетних и средних школ области. Также читались лекции по методическим вопросам физической культуры, проводились показательные уроки лучшими специалистами (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

В июле 1947 г. Министерством просвещения СССР был выпущен приказ «Об улучшении постановки физического воспитания в педагогических учебных заведениях» с целью разрешения задачи обеспечения школ квалифицированными кадрами и преподавателями физического воспитания. В приказе подчеркивалась важность научно-исследовательской работы и создания учебных пособий по физическому воспитанию: «Ближайшими задачами научно-исследовательской работы в области физического воспитания и методике физического питания должны быть разработка педагогических проблем физического воспитания обобщение практики и создание методических пособий и учебников в помощь преподавателям и родителям по физическому воспитанию детей» (Чудинов, 1959. С. 56)².

В приказе значительная роль возлагалась на ДСО «Большевик», которое объединяло работников политпросвет учреждений. Иркутский совет ДСО «Большевик» под руководством Н.П. Савиновой добивался, чтобы во всех педагогических учебных заведениях Иркутской области основной контингент студентов и преподавателей был вовлечен в члены этого спортобщества и систематически занимался физкультурой (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 1. Л. 12).

Подбор и расстановка кадров в Иркутской области происходили за счет Областного ТФК, выпускников институтов физкультуры Ленинграда и Москвы, тренерских школ при институтах физической

² Чудинов И.Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. М. : Физкультура и спорт, 1959. 302 с.

культуры и краткосрочных 3-х месячных курсах. В 1948 г. с профильным образованием в физкультурной организации Иркутской области работало 254 чел., из них среднее физкультурное образование имели 119 чел., окончили школы тренеров при институтах им. Сталина (Москва) и им. Лесгафта (Ленинград) – 8 чел., краткосрочные курсы прошли 108 чел.

Несмотря на то, что число лиц с профильным образованием неуклонно росло, прослеживался определенный перекося в их расстановке. Из 19 человек, имевших высшее физкультурное образование, практически все работали на кафедрах иркутских вузов, в то время как в школах, техникумах и училищах занятия велись совместителями без профильного образования, военруками, а также школьниками и энтузиастами физкультурного движения.

В Иркутске «кузницей кадров» для всех направлений физкультурной и спортивной деятельности не только области, но и Сибири и Дальнего Востока, стал Иркутский областной техникум физической культуры (ИТФК). Техникум подчинялся областному комитету по делам физической культуры и спорта, а не областному отделу народного образования. Свою работу Иркутский ТФК начал в мае 1929 г. Полноценную образовательную деятельность техникум физической культуры вел с 4 января 1930 г., но столкнувшись с материально-техническими, организационными и кадровыми трудностями, решением областной партийной организацией 1 февраля 1931 г. он был переведен в Красноярск. В 1942 г. Иркутский областной комитет физической культуры и спорта ходатайствовал о возобновлении работы техникума физической культуры в Иркутске. В октябре 1942 г. Исполнительный комитет Иркутского областного

Совета депутатов трудящихся вынес решение № 1485 «Об открытии техникума физической культуры». В нем говорилось: «В связи с возросшей необходимостью и имеющимся дефицитом в физкультурных кадрах просить Совнарком РСФСР разрешить в 1943 г. открыть техникум физической культуры в Иркутске с контингентом в 75 человек на базе помещения автомотоклуба со сроком обучения два года» (Балдухаева, Лин-Бей, 2008. С. 8). Занятия в техникуме начались 1 октября 1943 г. в здании областного спорткомитета на стадионе «Авангард» (ныне «Труд») (рис. 3). Его директором был назначен выпускник Государственного Центрального института физической культуры им. Сталина Юрий Иоганнович Бердис (руководил ТФК с 1943 по 1944 гг.).

Преподавательский состав состоял из одного штатного преподавателя и преподавателей-почасовиков. К концу 1940-х гг. в ИТФК было увеличено число абитуриентов, улучшена кадровая, научно-методическая и материально-техническая база. Выпускники техникума становились преподавателями физического воспитания в средних школах и профессиональных училищах области. В 1949 г. из 73 выпускников ИТФК было распределено в распоряжение ОблОНО для работы в школах, профтехучилищах 34 человека (Тигунцев, 2023а. С. 68).

Знаковым событием в деле кадрового обеспечения физкультурной организации стало открытие в 1947 г. на базе Иркутского ТФК, заочного отделения Ленинградского института ФК им. Лесгафта (Иркутская летопись, 2010. С. 53).

Особенностью послевоенного физкультурного образования до начала 1950-х гг. оставалась его военная организация, что сказывалось на качестве преподавания

Рис. 3. Студенты первого набора областного Техникума физической культуры 1943 г.
Fig. 3. Students of the first set of the regional College of Physical Education in 1943

физической культуры. Примером тому служит регулярно проводимая, совместно с отделом физподготовки Штаба Восточно-Сибирского военного округа на базе Иркутского педагогического института, командирская учеба преподавателей физподготовки вузов и школ Иркутской области (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–5).

Военизация физкультурного движения в СССР в военные годы, опиравшаяся на всеобщ, ДСО, Осоавиахим и др. структуры, обеспечивала массовость за счет вовлечения широких слоев населения и носила обязательный характер. В послевоенные годы в спортивном движении произошел переход от военизации к спортизации на добровольных началах. В результате уменьшился интерес к военно-прикладным видам спорта, при этом обеспечить спортивные секции квалифицированным тренерским составом не удалось. С 1947 г. качество физкультурно-массовой работы стало падать. Снижалась массовость в физкультурном секторе. В 1948 г. число физкультурников в Иркутской области сократилось до 41 522 человек или на 23,5 % по сравнению с 1947 г. Явно наметился откат по физкультурно-массовой работе, что особенно ярко проявилось при сдаче нормативов по комплексу ГТО. Разрушенная в годы войны инфраструктура восстанавливалась, при этом спортивные секции работали не в полной мере.

Сложившаяся ситуация со спортом в Иркутской области в 1947–1948 гг. осталась без должного контроля со стороны областного КФКС. В итоге решением бюро Иркутского обкома ВКП(б) от 16 декабря 1947 г. физкультурно-спортивная работа в области была признана неудовлетворительной (Очерки по истории Иркутской организации КПСС, 1977. С. 158). Последовали кадровые решения. В сентябре 1948 г. на должность председателя областного КФКС был назначен М.П. Козырев.

Михаил Павлович Козырев родился 29 июля 1916 г. в г. Мензелинске Татарской АССР. С 1924 по 1931 гг. жил в г. Белорецке, где проходил обучение в фабрично-заводской семилетней школе. В 1934 г. закончил ФЗУ на ст. Златоуст и получил специальность «слесарь». В 1937 г. был призван в ряды РККА. Участвовал в Великой Отечественной войне, в звании старшего лейтенанта в составе 1 Гвардейской ОМСБ 1 Гвардейского танкового корпуса. За мужество и героизм награжден четырьмя боевыми орде-

нами и медалями. После демобилизации с 1946 по 1948 гг. работал инструктором отдела кадров Иркутского Обкома ВКП(б). В декабре 1947 г. был избран депутатом Иркутского городского совета депутатов трудящихся (ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 29. Д. 171. Л. 5). По инициативе М.П. Козырева при областном КФКС была организована учебно-методическая комиссия, в которую вошли доценты и профессора Медицинского и Педагогического институтов, работники ОбЛОНО, Облвоенкомата, Областного отдела здравоохранения и др. под председательством Юлия Давыдовича Брегмана.

Ю.Д. Брегман являлся сотрудником научно-исследовательского института ортопедии и восстановительной хирургии Иркутска, крупнейшим специалистом по физкультуре, имевшим большой стаж педагогической и врачебной работы. Много лет он возглавлял кафедру физвоспитания Иркутского медицинского института (Шохирев, 2020. С. 363). Задачами учебно-методической комиссии являлись: разработка учебно-методических материалов, обеспечивающих наиболее эффективное применение и использование программ физического воспитания для учащихся начальных и средних школ, техникумов, вузов, ремесленных училищ и ФЗУ, программ по отдельным видам спорта для секций коллективов физкультуры и ДСО. Благодаря работе учебно-методической комиссии удалось улучшить деятельность физкультурной организации Приангарья за счет повышения уровня подготовки специалистов по физической культуре (Тигунцев, 2023b. С. 49).

В 1949 г. областной спорткомитет возглавил Василий Петрович Иголкин (Тигунцев, Санников, 2022. С. 203). Он родился в 1921 г. в деревне Жабонец Новосельского района Ленинградской области. Получил среднее образование. Свою трудовую деятельность начал в 1939 г. экономистом продовольственного снабжения «Североникель» главного управления лагерного отдела МВД г. Мочегорска Мурманской области. В 1941–1942 гг. работал начальником части общего снабжения Главного управления лагерей МВД «Джидастрой» Бурят-монгольской АССР. С 1942 по 1943 гг. проходил службу в РККА на должности младшего командира дивизиона и комсорга дивизиона пулеметного полка г. Читы. В 1943 г. был отправлен на фронт, получил ранение. Демобилизовавшись из рядов РККА, работал воспитателем ремесленного училища № 4 в г. Черемхово. В 1944 г.

избран вторым, а затем первым секретарем Черемховского горкома ВЛКСМ, где проявил себя хорошим организатором, пользовался авторитетом среди актива. В 1946 г. вступил в ряды ВКП(б). В июле 1947 г. был избран вторым секретарем Иркутского обкома ВЛКСМ. С 1949 по 1959 гг. проработал председателем Иркутского областного комитета по физической культуре и спорту. В мае 1959 г. Василий Петрович Иголкин был переведен на должность инструктора отдела пропаганды и агитации Иркутского обкома КПСС (ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 65. Д. 415. Л. 3).

Встав у руля областного спорткомитета, В.П. Иголкин определил приоритетной задачу по укреплению кадров. Им были подобраны работники руководящего звена, преподавательского, тренерского состава, общественных кадров. Стали постоянными курсы подготовки и переподготовки. Сократилось количество вакантных должностей, уменьшилась необоснованная сменяемость руководителей на местах, повысился контроль за кадровой ситуацией в физкультурных организациях.

Несмотря на все трудности послевоенного вре-

Таблица 2. Укомплектованность и квалификация кадрового состава физкультурной организации Иркутской области в 1950 г. (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 3. Л. 38)

Table 2. Staffing and qualifications of the personnel of the sports organization of the Irkutsk region in 1950 (GAIO. F. R2826. Op. 1. D. 3. L. 38)

	Аппарат областного комитета по делам ФК и С	Председатели районных и городских комитетов	Председатели ДСО	Преподаватели ВУЗов	Преподаватели ТФК	Всего
Число сотрудников по штату	10	44	20	34	39	147
Фактическое число	10	43	20	28	19	120
Вакантных должностей	0	1	0	6	0	7
С высшим образованием	1	0	0	18	12	30
в т. ч. физкультурным	0	0	0	18	5	23
Со средним образованием	5	6	7	11	5	34
в т. ч. физкультурным	3	4	0	11	5	23
С начальным образованием	2	38	12	0	0	52
Спец. курсы	0	13	10	0	0	23
Члены ВКП(б)	2	12	9	7	4	34
Члены ВЛКСМ	1	14	2	3	0	20
Стаж работы до 1 года	4	13	4	1	0	22
Стаж работы до 2 лет	1	15	9	6	5	36
Стаж работы до 3 лет	2	7	3	10	6	28
Стаж работы до 5 лет	3	6	2	7	6	24
Стаж работы свыше 5 лет	0	2	2	2	2	8

мени, В.П. Иголкиным на высоком уровне была организована работа по подготовке и участию спортсменов области в Спартакиадах народов РСФСР и СССР в 1956 г. При его активном участии были проведены реконструкции главных стадионов города: «Авангард» и «Динамо», водной станции на р. Ангаре (Ширшиков, 2013. С. 119). Велотрек «Динамо» после восстановления стал одним из лучших в стране, благодаря чему был удостоен права проведения первенства СССР по велоспорту в 1955 г. Особенно значимыми для страны стали победы иркутских спортсменов на международных соревнованиях, в том числе на XV и XVI Олимпийских играх (Азербайев, 2003. С. 215).

Существенным недостатком в работе областного комитета являлось отсутствие контроля за тренерским составом районных, городских комитетов и советов ДСО. В результате большинство тренеров по видам спорта работали без конкретных планов. В отдаленных районах области плохо велась работа по повышению квалификации тренерского состава (ГАИО. Ф. Р2826. Оп. 1. Д. 3. Л. 34).

В соответствии с начавшейся в 1959 г. реформой управления физической культурой и спортом областной спорткомитет был упразднен. Бывшего председателя В.П. Иголкина отозвали в распоряжение Обкома КПСС.

В целом в послевоенные годы руководству Иркутского областного комитета по физической культуре и спорту удалось разрешить кадровый вопрос. К принятым мерам можно отнести: активизацию работы областного техникума физической культуры,

направление на обучение в физкультурные вузы страны, проведение курсов и семинаров. В результате увеличилось число специалистов с профильным образованием, уменьшилось количество вакантных рабочих мест в комитетах, областных советах ДСО, преподавательском составе вузов и техникумов. Итогом проделанной работы в Иркутской области стал сформировавшийся кадровый состав, состоящий из квалифицированных специалистов-управленцев, преподавателей школ, вузов и техникумов, тренеров по видам спорта.

Все это положительно сказалось на физкультурно-массовой работе и спортивных результатах региона. В 1945–1956 гг. спортсмены Иркутской области смогли завоевать 73 медали на международных, всесоюзных и всероссийских соревнованиях в таких видах спорта как: пулевая стрельба – 20, бокс – 14, велоспорт (трек и шоссе) – 11, борьба классическая – 10, легкая атлетика – 5, гребля академическая – 4, тяжелая атлетика – 3, волейбол – 3, конькобежный спорт – 3.

На первых послевоенных XV Олимпийских играх 1952 г. в г. Хельсинки (Финляндия) участвовали иркутские спортсмены: метательница диска Елизавета Петровна Багрянцева, бегун в эстафете 4 x 800 м. Георгий Гаврилович Ивакин, стрелок Петр Павлович Николаев (Шохирев, 2007. С. 140). На XVI Олимпийских играх 1956 г. в г. Мельбурне (Австралия) иркутяне: борец классического стиля Константин Григорьевич Вырупаев и боксер Владимир Константинович Сафронов стали Олимпийскими чемпионами (Деметер, 2005. С. 122).

Список источников

- Азербайев Э.Г. Иркутский спорт в XX веке: Литературно-документальная летопись. Иркутск : Облмашинформ, 2003. 512 с.
- Балдухаева И.И., Лин-Бей Н.П. Иркутский техникум физической культуры: Вчера. Сегодня. Завтра. Иркутск : б.и., 2008. 339 с.
- Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М. : Советский спорт, 2005. 322, [1] с.
- За массовое физкультурное движение и повышение спортивного мастерства // Теория и практика физической культуры. 1949. Т. XII. Вып. 2. С. 85–89.
- Зуев В.Н., Астафьев Н.В. Спортивное право в стратегии управления сферой физической культуры и спорта советского периода // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 237–241. EDN: OYKSMV.

References

- Azerbaev E.G. (2003) Irkutsk sport in the twentieth century: A literary and documentary chronicle. Irkutsk: Oblmashinform. 512 p. (In Russ.).
- Baldukhayeva I., Lin-Bei N. (2008) Irkutsk College of Physical Education. Yesterday. Today. Tomorrow. Irkutsk. 339 p. (In Russ.).
- Demeter G.S. (2005) Essays on the history of Russian physical culture and the Olympic movement. Moscow: Sovetskii sport. 322, [1] p. (In Russ.).
- (1949) For the mass physical culture movement and the improvement of sports skills. *Theory and Practice of Physical Culture*. Vol. XII. Iss. 2. P. 85–89. (In Russ.).
- Zuev V.N., Astaf'ev N.V. (2012) Sports law in domestic management strategy areas of physical education and sport of the Soviet period. *Bulletin of the Tyumen State University*. No 3. P. 237–241. (In Russ.). EDN: OYKSMV.

Иркутская летопись, 1941–1991 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск : НПФ «Земля Иркутская» : Оттиск, 2010. 719 с.

История становления органов исполнительной власти в области физической культуры и спорта в России : Сборник материалов / сост. П.А. Виноградов. М. : Изд-во Советский спорт, 2013. 295 с.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск : очерки по истории города. Иркутск : Восточно-сибирское книжное изд-во, 1971. 435 с.

Кушкин П. Имена – на века : спортивному Приангарью – 95. Иркутск : На Чехова, 2018. 266 с.

Очерки по истории Иркутской организации КПСС / авт. коллектив: А.В. Краснов, д-р ист. наук, М.Г. Семенченко, канд. ист. наук, Б.С. Санжиев, д-р ист. наук [и др.] ; ред. коллегия: С.А. Меркурьев (отв. ред.) [и др.]. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство. 1977. Ч. 2. Кн. 2 (1946–1975 гг.). 284 с.

Очерки по истории физической культуры / сост. Ф.И. Самоуков и В.В. Столбов. М. : Физкультура и спорт, 1967. 199 с.

Тигунцев С.А. Создание спортивной инфраструктуры в Приангарье в конце XIX в. – 1985 г. // Северные Архивы и Экспедиции. 2023а. Т. 7. № 1. С. 67–77. EDN: OAAODE.

Тигунцев С.А. Спортивные мероприятия в СССР как инструмент пропаганды советских общественных ценностей (на примере I Спартакиады народов СССР) // Гуманитарный вектор. 2023б. Т. 18. № 1. С. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-48-55. EDN: SJLQON.

Тигунцев С.А., Санников А.П. Развитие материально-технической базы Иркутского спорта в послевоенные годы // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2022. Иркутск : Изд. дом БГУ, 2022. С. 200–205. DOI: 10.17150/978-5-7253-3085-4.18. EDN: ZKWHNZ.

Физическая культура и спорт в СССР / ред.-сост. Ф.И. Самоуков, В.В. Столбов и Н.И. Торопов. М. : Физкультура и спорт, 1967. 352 с.

Ширшиков А.Г. Под флагом иркутского «Динамо». Иркутск : Принт Лайн, 2013. 335 с.

Ширшиков А.Г. Роль Иркутского регионального спортивного общества «Динамо» в развитии физкультурно-спортивного движения Приангарья : монография. Иркутск : Мегапринт, 2014. 136 с.

Ширшиков А.Г. В бою и спорте. Иркутск : Принт Лайн, 2020. 276 с.

Шохирев В.В. Становление и развитие спортивных организаций Иркутской области в конце XIX – середине XX в. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. 162 с.

Шохирев В.В. История кафедры физического воспитания // Система менеджмента качества: опыт и перспективы. 2020. № 9. С. 362–366. EDN: VSNACR.

Kolmakov Yu.P. (2010) Chronicle of the city of Irkutsk. 1941-1991. Irkutsk: NPF "Zemlya Irkutskaya"; Ottisk. 719 p. (In Russ.).

Vinogradov P.A. (2013) The history of the formation of executive authorities in the field of physical culture and sports in Russia. Moscow: Sovetskii sport. 295 p. (In Russ.).

Kudryavtsev F.A., Vendrikh G.A. (1971) Irkutsk: essays on the history of the city. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 435 p. (In Russ.).

Kushkin P. (2018) Names last forever. Sportivnoe Priangarye - 95. Irkutsk: Na Chekhova. 266 p. (In Russ.).

Krasnov A.V., Semchenko M.G., Sanzhiev B.S. et al. (1977) Essays on the history of the Irkutsk CPSU organization. Pt. 2. Book 2 (1946-1975). Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 284 p. (In Russ.).

Samoukov F.I., Stolbov V.V. (1967) Essays on the history of physical culture. Moscow: Fizkul'tura i sport. 199 p. (In Russ.).

Tiguntsev S.A. (2023a) Creation of a sports infrastructure in the Angara region at the end of XIX-1985. *Northern Archives and Expeditions*. Vol. 7. No. 1. P. 67-77. (In Russ.). EDN: OAAODE.

Tiguntsev S.A. (2023b) Sports events in the USSR as a tool for promoting Soviet social values (on the example of the 1st Spartakiad of the Peoples of the USSR. *Humanitarian Vector*. Vol. 18. No. 1. P. 48-55. (In Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-1-48-55. EDN: SJLQON.

Tiguntsev S.A., Sannikov A.P. (2022) Development of the material and technical base of Irkutsk sports in the post-war years. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2022*. Irkutsk: Izd. dom BGU. P. 200-205. (In Russ.). DOI: 10.17150/978-5-7253-3085-4.18. EDN: ZKWHNZ.

Samoukov F.I., Stolbov V.V., Toropov N.I. (1967) Physical culture and sports in the USSR. Moscow: Fizkul'tura i sport. 352 p. (In Russ.).

Shirshikov A.G. (2013) Under the flag of the Irkutsk "Dynamo". Irkutsk: Print Lain. 335 p. (In Russ.).

Shirshikov A.G. (2014) The role of the Irkutsk regional Sports Society "Dynamo" in the development of the physical culture and sports movement of the Angara region. Irkutsk: "Megaprint". 136 p. (In Russ.).

Shirshikov A.G. (2020) In combat and sports. Irkutsk: Print Lain. 276 p. (In Russ.).

Shokhiev V.V. (2007) The formation and development of sports organizations in the Irkutsk region in the late 19th - mid 20th century. Irkutsk: Izdatel'stvo BGUEP. 162 p. (In Russ.).

Shokhiev V.V. (2020) History of the Department of Physical Education. *Quality Management System: Experience and Prospects*. No. 9. P. 362-366. (In Russ.). EDN: VSNACR.

Информация об авторах

Тигунцев Сергей Александрович,
старший преподаватель кафедры физвоспитания,
Иркутский государственный медицинский университет,

Information about the authors

Sergey A. Tiguntsev,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education,
Irkutsk State Medical University,

664003, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1, Россия,
e-mail: sergey038@inbox.ru

Санников Александр Павлович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории России,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: aps.72@mail.ru

1, Krasnogo Vosstaniya St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: sergey038@inbox.ru

Alexander P. Sannikov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Russian History,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: aps.72@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 августа 2025 г.;
одобрена после рецензирования 5 сентября 2025 г.;
принята к публикации 22 сентября 2025 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 13, 2025; approved
after reviewing September 5, 2025; accepted for publication
September 22, 2025.

Научная статья

УДК 378.1

EDN: ZCQTSE

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-3-196-205>

«В борьбе за проведение приема, за успеваемость, за требовательность»: Деятельность Иркутского политехнического института в 1960-е годы

Н.А. Скорикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена особенностям набора студентов в Иркутский политехнический институт в 1960-е годы. Это был крайне трудный и вместе с тем интересный период трансформации горно-металлургического института в политехнический. С целью реализации закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» Иркутскому политехническому институту вместе со всеми вузами страны пришлось пересмотреть методы приемной комиссии. В статье представлена информация о реорганизации Приемной комиссии института, появлению постоянно действующего аппарата, который решал вопросы по привлечению абитуриентов в течение года, а также специфике работы с абитуриентами. Показана динамика роста численности сотрудников ИПИ, задействованных в профориентационных мероприятиях. Ситуация для ИПИ осложнялась тем, что эти изменения проходили параллельно с масштабной реорганизацией всего учебного процесса. Появлялись новые факультеты и кафедры. Это привело к временной, но чрезмерной загруженности профессорско-преподавательского состава. Новые правила приема сказались на контингенте студентов. Трудности вызвала и новая приоритетная задача для вузов, поставленная на государственном уровне – привлечение к обучению работников предприятий. Многие из них не имели должного образования и показывали слабый уровень знаний еще на стадии поступления. Поэтому особое внимание в статье уделено проблеме выявления причин и борьбы с низкой успеваемостью студентов. Также в работе отмечены достижения руководства Иркутского политехнического института в организации воспитательного процесса и развитии творческого потенциала студентов.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутская область, система высшего образования, Иркутский политехнический институт, образовательный процесс, абитуриенты, приемная кампания, приемная комиссия, студенчество, инженерные кадры, воспитательный процесс

Для цитирования: Скорикова Н.А. «В борьбе за проведение приема, за успеваемость, за требовательность»: Деятельность Иркутского политехнического института в 1960-е годы // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 3. С. 196–205. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-196-205. EDN: ZCQTSE.

History

Original article

“In the struggle for admission, for academic performance, for demanding”: The activity of Irkutsk Polytechnic Institute in the 1960s

Natalya A. Skorikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of recruiting students to the Irkutsk Polytechnic Institute in the 1960s. This was an extremely difficult and at the same time interesting period of transformation of the Mining and Metallurgical Institute into a Polytechnic Institute. In order to implement the law “On Strengthening the Connection between School and Life and on the Further Development of the Public Education System in the USSR,” the IPI, along with all other universities in the country, had to revise its admissions campaign methods. The article provides information about the reorganization of the Institute's Admissions Committee, the establishment of a permanent staff that handled admissions throughout the year, and the specific challenges faced in working with applicants. It also highlights the growth in the number of IPI employees involved in career guidance activities. The situation

was further complicated by the fact that these changes occurred simultaneously with a major reorganization of the entire educational process. New faculties and departments were established. This led to a temporary but excessive workload for the teaching staff. The new admission rules had an impact on the student body. The new priority task for universities, set at the state level, of attracting employees from enterprises to education also caused difficulties. Many of these employees did not have the necessary education and showed a low level of knowledge even at the admission stage. Therefore, the article focuses on identifying the causes of low academic performance among students and addressing this issue. The article also highlights the achievements of the Irkutsk Polytechnic Institute's management in organizing the educational process and developing the creative potential of students.

Keywords: Eastern Siberia, Irkutsk Region, high education system, Irkutsk Polytechnic Institute, educational process, applicants, admissions company, admissions committee, students, engineering personnel, educational process

For citation: Skorikova N.A. (2025) "In the struggle for admission, for academic performance, for demanding": The activity of Irkutsk Polytechnic Institute in the 1960s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 3. P. 196-205. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-196-205. EDN: ZCQTSE.

«Высшее образование в СССР осуществляется бесплатно, на началах равного для всех граждан СССР права на образование, независимо от расы, национальности, пола, имущественного и социального положения, вероисповедания, на основе широкого развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР, при обеспечении тесной связи высшей школы с жизнью, с производством и соединения обучения с общественно полезным трудом». Так начинается текст Постановления Совета Министров СССР от 21 марта 1961 года «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР». Среди главных задач высших учебных заведений на первом месте значилась «подготовка высококвалифицированных специалистов, воспитанных на основе марксистско-ленинского учения, овладевших новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники, хорошо знающих практику дела, способных не только полностью использовать современную технику, но и создавать технику будущего». Для вузов страны эта установка станет определяющей на все последующее десятилетие.

Иркутский национальный исследовательский университет вот уже на протяжении 90 лет играет важную роль в жизни Иркутска и Иркутской области. Неудивительно, что истории формирования и развития вуза на различных этапах истории посвящено немало публикаций. Безусловным лидером на этом поприще остается О.А. Горощенова. Ее работы посвящены истокам технического образования в Восточной Сибири, а также роли Иркутского политеха в процессе подготовки инженерных кадров (Горощенова, 2007; Горощенова, 2013; Горощенова, 2014; Горощенова, 2015а; Горощенова, 2015b). Немалый интерес вызывают и сборники статей, приуроченные

к юбилейным датам политеха (Иркутский политехнический институт, 1970; Иркутский политехнический институт, 1980). В последнее время вышли монографии, посвященные Иркутскому горному институту в 1930-е и 1950-е годы (Карасев, Сальникова, 2021; Сальникова, 2025).

Непосредственно о характере преобразований в Иркутском политехе, которые пришлось на 1960–1970-е гг. рассказано в статье Н.А. Скориковой и А.А. Маринич «Иркутский политехнический институт в свете развития народного хозяйства СССР в 1960–1970-е годы (Скорикова, Маринич, 2024).

Различные аспекты развития инженерного образования в СССР рассмотрены в работах Л.В. Захаровского (Захаровский, 2015), А.Д. Арьянова (Арьянов, 2014) и других (Богуславская, Богуславский, 2021; Магомедова, Мугутдинова, 2024; Ерошенко, Трофимова, 2021).

Что же касается вопроса, связанного с работой приемных комиссий и особенностями приемных кампаний различных вузов, а также обобщающих трудов на эту тему немного. Пожалуй, следует выделить статьи Е.А. Олесик (Олесик, 2008), Т.В. Молчановой (Молчанова, 2012), Ю.Ю. Батуриной (Батурина, 2009), В.В. Петрика (Петрик, 2004; Петрик, 2018), М.А. Турбиной (Турбина, 2010).

Новые правила должны были способствовать реализации закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятого Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 года. Более того, в октябре 1961 г. состоялся XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. По итогам съезда была принята Третья программа КПСС, наметившая окончание построение коммунизма на 1980 год. Основой прогресса должен стать технологический

прорыв, который в свою очередь приведет к многократному росту производительности труда.

Для достижения поставленных целей было необходимо не только воспитать новое поколение высокопрофессиональных кадров, но и повысить квалификацию рабочих, уже задействованных на предприятиях, зачастую не имеющих должного образования. Теперь в вуз могли поступить не только лица, имеющие законченное среднее образование, но и работники предприятий: с отрывом от производства в возрасте до 35 лет, а на обучение без отрыва от производства – без ограничения возраста.

Главная проблема состояла в том, что предприятия неохотно направляли своих молодых рабочих на учебу. Так, в 1961 г. из районов Сибири и Дальнего Востока, имеющих многочисленные геологические организации, по командировкам предприятий на геологоразведочный факультет зачислено всего 6 % из общего числа поступивших. Такое же положение сложилось на металлургическом (9 %) и строительном (10 %) факультетах. (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 53).

Другой и плохо решаемой проблемой стал низкий уровень подготовки абитуриентов, особенно среди тех, кто давно закончил школу. Во время приемной кампании летом 1961 г. в Иркутский политех было подано 6823 заявления на поступление, в том числе 3196 – на очное, 1937 – на вечернее и 1690 – на заочное. Соотношение заявлений по отношению к числу бюджетных мест составило почти 3 претендента на место. Но итоги приема совсем не радовали. 55 % абитуриентов провалили вступительные экзамены. Да и те, кто смог пробиться, в основной массе получали оценку «удовлетворительно». *«В общем же соотношение выдержавших вступительные экзамены к плану приема составило 107,7 %, т. е. практически конкурса не было, ... и приемные комиссии факультетов были вынуждены зачислить почти всех, кто имел положительные оценки»* (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 53. Л. 126).

Многим вузам, в том числе Иркутскому политехническому институту, практически в авральном режиме требовалось пересмотреть политику в области организации работы по набору студентов. *«Хорошо известно, что проведение приема в институт студентов является одной из важнейших задач, решаемых коллективом института»*, – та-

кими словами начинается приказ ректора Игошина «Об итогах приема студентов в 1961 г. и проведении приема в 1962 г.» (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 53. Л. 126).

Учебно-методическому управлению совместно с деканатами было поручено развернуть разъяснительную работу на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах по вопросам приема в ИПИ с целью привлечения рабочей молодежи и демобилизованных из Советской армии. Было принято решение об усилении разъяснительной работы в школах и организации широкой сети подготовительных курсов на предприятиях области. Особый контроль был установлен над абитуриентами, имеющими производственный стаж. Задача их привлечения к получению высшего образования ставилась на высшем уровне.

На этом фоне логичным видится появление новой структуры в рамках ИПИ: с весны 1961 г. начала работу «постояннодействующая приемная комиссия» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1807. Оп. 3. Д. 3. Л. 22). При ЦПК должны работать консультанты, несущие дежурство круглогодично (ГАИО. Ф. Р-1807. Оп. 3. Д. 3. Л. 29). При этом А.А. Игошин особенно подчеркнул: *«К приему нужно вплотную привлечь деканов. Мы будем ставить вопрос так, что если деканы не обеспечат прием, то мы не будем им давать отпуск»* (ГАИО. Ф. Р-1807. Оп. 3. Д. 3. Л. 23).

В июне 1961 г. для проведения работы по набору абитуриентов была создана большая комиссия, в состав которой вошли все деканы, представитель парткома и секретарь комитета ВЛКСМ института, председатель профкома института, представители Обкома КПСС, Обкома ВЛКСМ, свердловских райкомов КПСС и ВЛКСМ, Облпрофсовета, Союза строителей, Иркутского СНХ (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 50. Л. 337). Всего 22 человека. Кроме того, утверждался состав секретариата приемной комиссии из 21 человека – лаборантов и ассистентов кафедр. Возглавил «приемку» сам Игошин, а ответственным секретарем назначен Л.Н. Томилин.

Численность состава приемной комиссии ИПИ росла с каждым годом. Уже в апреле 1962 г. она состояла из 42 человек во главе с ответственным секретарем А.В. Коноплевым. В апреле 1963 г. – из 52 человек. Кроме того, к участию в приемных комиссиях на периферийных вечерних факультетах привлекались директора и инженеры по кадрам раз-

личных предприятий, таких как Братская ГЭС, Черемховуголь. До начала приемной кампании открывались дополнительные курсы на предприятиях и стройках Иркутской, Читинской областей, БАССР. Вступительные экзамены по математике, русскому языку, черчению, иностранному языку, физике и химии принимали в общей сложности 133 преподавателя (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 53).

В 1965 г. в центральной комиссии было 29 человек: от каждого факультета по 8–10 человек. В общей сложности, включая вечерний факультет Ангарска, в приемной кампании было задействовано почти 100 сотрудников института.

К вопросу оказания помощи институту в качественном отборе абитуриентов привлекалось руководство промышленных предприятий иркутского административного экономического района, комсомольские организации. На все крупные предприятия Восточной Сибири осуществлялась регулярная рассылка «Условий приема в ИПИ» и «Справка-характеристика института». На предприятия командировались группы преподавателей, для организации работы по приему абитуриентов. С целью популяризации ИПИ А.А. Игошин даже ставил вопрос об организации цикла радиопередач через областное радио и подготовку соответствующего материала для «Восточно-Сибирской правды» (ГАИО. Ф. Р-1807. Оп. 3. Д. 3. Л. 29).

С 1961 г. был налажен выпуск справочника, в котором давалась развернутая характеристика ИПИ и всех специальностей института. Печатались красочные плакаты и фотомонтажи, которые рассылались по крупным предприятиям Сибири. В план работы приемной комиссии были внесены выступления в печати со статьями о преимуществах учебы в институте и его достижениях. В качестве агитаторов привлекались все студенты, которые проходили производственную практику. На базе самого института проводились Дни открытых дверей, беседы, доклады, товарищеские встречи с рабочей молодежью.

Проблема с набором была практически решена, даже в условиях постоянно растущего числа вакантных мест. Если в 1960 г. набор составил 6500 человек, то в 1965 – уже 17,5 тыс., а в 1970 – 21 142 человека.

Однако уровень подготовки абитуриентов неизменно сказывался на их успеваемости уже в

качестве студентов. В декабре 1960 г. в газете «За кадры» вышла заметка под названием «Первые результаты». В ней речь шла о неутешительных результатах первой для студентов первого курса геофизиков контрольной по высшей математике. Более половины получили оценку «неудовлетворительно». «Конечно, кое-что можно отнести за счет неопытности студентов: «первый блин комом». Однако главное не в этом», – пишет автор. Среди причин указывалась недостаточная работа самих студентов, а также их неоднородный состав: «Пришедшим с производства, несомненно, труднее усваивать учебный материал» (Мартынова Е. Первые результаты // За кадры (г. Иркутск), 1960. № 8 (252). 19 декабря. С 1).

В 1961 г. отсеб студентов по неуспеваемости и нарушению трудовой дисциплины составил 428 против 166 в 1960 г., а выпуск специалистов составил 456 из предполагаемых 474 человек (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 53).

Общими усилиями профессорско-преподавательского состава на некоторых факультетах ситуацию удалось выправить к середине 1960-х годов. Итоги зимней сессии 1965 г. показали, что значительно повысилась успеваемость студентов энергетического факультета, успеваемость на химико-технологическом факультете выросла. 100-процентной успеваемости добились студенты четвертого курса энергетического факультета и пятого курса геолого-разведочного факультета. Хорошие результаты по успеваемости были у студентов пятого курса механического факультета, горного факультета, четвертого курса химико-технологического факультета и металлургического факультета.

Вместе с тем результаты зимней экзаменационной сессии в целом вызвали серьезную тревогу у руководства института. Резко снизилась успеваемость студентов геолого-разведочного факультета, строительного, горного и особенно металлургического факультета. По этим четырём факультетам за время сессии отчислено из института за неуспеваемость 40 человек. Крайне низкая успеваемость была у студентов дневных отделений общетехнического факультета в городе Братске и вечернего факультета в городе Ангарске.

Особенно слабые знания у студентов выявлялись по таким предметам как начертательная геометрия, физика, физическая химия, высшая матема-

тика, детали машин, сопротивление материалов, теоретическая механика, общая электротехника, теория резания металлов.

Среди всех факультетов ИПИ «выделялся» металлургический факультет. В зимнюю сессию 1965 г. должны были сдавать экзамены 590 студентов. Однако 24 человека не были допущены, и, по словам заместителя декана В.А. Бахвалова, «10 из них смело можно назвать кандидатами на отчисление» (Сессия в разгаре // За кадры (г. Иркутск), 1966. № 2. 15 января. С. 1). Первые экзамены прошли 7 и 8 января, и по итогу из 328 человек явившиеся 60 получили оценку «неудовлетворительно». Большинство несдавших зачеты и экзамены – первокурсники

Основная причина низкой успеваемости – отсутствие систематической работы у многих студентов в течение семестра над программным материалом и первоисточниками, несвоевременное выполнение домашних заданий и лабораторных работ, слабая подготовка к семинарским занятиям. В соответствующем приказе ректора отмечено: «До сих пор не изжиты опоздания и пропуски студентами учебных занятий. Только безответственным отношением к учёбе некоторых студентов можно объяснить, что посещаемость отдельных лекционных занятий составляла 45–50 %». Критике подверглись деканы факультетов и заведующие кафедрами, которые слабо организуют в течение семестра контроль за самостоятельной работой студентов над программным материалом. Что касается преподавателей, то они не всегда своевременно оказывают студентам достаточную помощь и допускают низкую требовательность в изучении программного материала в течение семестра.

Зачастую к сессии допускались неуспевающие студенты. Имели место грубые нарушения положения Министерства высшего и среднего специального образования о курсовых экзаменах и зачетах, а также приказа ректора института № 532 от 18 декабря 1964 г., «особенно преподавателями кафедры физического воспитания, марксистско-ленинской философии, высшей математики, теплотехники, которые несвоеременно сдавали экзаменационные ведомости в деканат, небрежно их заполняли, зачастую не проставляли оценок в экзаменационную ведомость или в зачетную книжку, неумело планировали экзамен по времени, не бес-

печивали единых требований к студентам» (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 75).

В связи с этим ректорат был вынужден принять меры, о чем свидетельствует следующий приказ.

Приказ № 148 от 12 марта 1965 г. (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 75. Л. 76).

В целях устранения имевших место недостатков приказываю:

1. Деканам факультетов, заведующим кафедрами по итогам зимней экзаменационной сессии обсудить итоги сессии и наметить конкретные мероприятия, обеспечивающие повышение качества проведения учебного процесса.

2. Безотлагательно принять меры по значительному улучшению учебно-методической работы на кафедрах и факультетах. Повысить ответственность каждого преподавателя за качество проводимых учебных занятий и их результативность.

3. Обеспечить безусловное повышение успеваемости студентов каждой группы, каждого курса и факультета. Систематически в течение всего семестра контролировать состояние изучения студентами программного материала. Особое внимание уделить самостоятельной подготовке студентов, их умению работать с книгой, систематичности подготовки к занятиям.

4. Организовать для определённой группы студентов дополнительные консультации или собеседование с целью оказания помощи и лучшему усвоению отдельных тем или разделов программы.

5. Ввести в практику работы кафедры и факультетов обсуждение на заседании кафедры информации преподавателей о состоянии изучения студентами предметов, ведущихся кафедрой, с обязательным последующим контролем принятых рекомендаций или решений.

6. Деканам факультета, заведующим кафедрами обеспечить повышение требовательности к студентам в течение семестра по изучаемому предмету. Решительно повести борьбу за полную ликвидацию пропусков учебных занятий.

7. Обязать старост учебных групп представлять в конце каждой недели в деканаты рапортничку о пропусках учебных занятий студентами за неделю.

8. Заведующей библиотекой по согласованию с заведующими кафедрами, библиотечным сове-

том приобрести дополнительно в пределах выделенных ассигнований необходимое количество учебников и учебных методических пособий.

А.А. Игошин

На первый взгляд может показаться, что требования, изложенные в приказе, вполне выполнимы. Однако вспомним, что именно в это время происходила трансформация из горно-металлургического в политехнический институт. Полным ходом шла реорганизация структуры вуза, открывались новые факультеты, увеличивался набор студентов, строились новые учебные корпуса и общежития, открывались лаборатории... В этих условиях значительно увеличилась нагрузка на преподавателей: необходимо было разрабатывать новые и корректировать старые учебные программы, подготавливать материально техническую базу, заниматься подборкой учебной и учебно-методической литературы. Прибавим к этому кадровый голод, который ИПИ испытывал вплоть до конца 1960-х годов. Как результат – низкая успеваемость на некоторых факультетах приобрела перманентный характер.

К исправлению ситуации подключались и сами студенты. На горном факультете действовала «учебная комиссия» в составе 9 человек, 4 из которых были первокурсниками. Совместно с деканом и общественными организациями комиссия «помогала студентам первого курса освоиться в новой обстановке, пойти в ногу со старшекурсниками» (Найденков А. В борьбе за высокую успеваемость // За кадры (г. Иркутск), 1966. № 13 (379). 2 апреля. С. 1). Методы работы этого органа самоуправления соответствовали своему времени. Выпускались «Молнии», «бичевавшие нерадивых студентов», их «вызывали на ковер», объявляли выговоры, снимали со стипендии за прогулы (как правило, на месяц), лучших же студентов поощряли ценными подарками, почетными грамотами. Портреты отличников и активистов располагались на доске почета факультета, а то и на общеинститутской доске «Лучшие». Сами студенты в большей степени воспринимали «учебную комиссию» как некий карательный орган, а не как реального помощника в учебе.

Успеваемость студентов напрямую связывалась с их образом жизни во вне учебного процесса. Поэтому буквально на каждом заседании Совета института поднимался вопрос о порядке в общежи-

тиях. По правилам, составленным лично ректором института, за содержание комнат в антисанитарном состоянии, употреблении спиртных напитков, дебош следовало выселение. В качестве крайней меры – отчисление из института. Ответственность возлагалась на комендантов общежитий, которые могли быть уволены и лишены комнаты, если не принимали должных мер по сохранению порядка. В качестве специальной меры весной 1963 г. в общежитиях был введен утвержденный ректором режим проживания для всех, независимо от смены занятий и работ по курсовому и дипломному проектированию: 7.20 – подъем, с 21.00 до 23.00 – часы вечернего отдыха, в 24.00 – отбой ко сну. Кроме того, усиливался пропускной контроль и вводились дежурства представителей деканатов из числа преподавателей и сотрудников. Все вышесказанное хорошо иллюстрирует **Приказ № 114 от 10 апреля 1963 г.** (Архив ИРНТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 58. Л. 213).

В последнее время участились случаи нарушения правил внутреннего распорядка в студенческих общежитиях института. Отдельные студенты разрешают находиться в комнатах посторонним лицам в неположенное время, распивают в жилых комнатах спиртные напитки или являются в общежитие в пьяном виде. Ряд комнат и места общего пользования находятся в антисанитарном состоянии. Имеют место случаи явного расточительства электроэнергии и преступно небрежного отношения к имуществу и хозяйственному инвентарю. Во всех общежитиях самостийно ликвидирована пропускная система. Особенно много указанных нарушений допускаются студентами геолого-разведочного, строительного и горного факультетов.

Всё это объясняется тем, что руководящий состав факультетов недопустимо ослабил контроль за состоянием общежитий, плохо организует работу в общежитиях профессорско-преподавательского состава и не помогает органам студенческого самоуправления.

В целях пресечения указанных совершенно недопустимых явлений, противоречащих элементарным требованиям, предъявляемым к живущим в общежитиях, приказываю:

1. Категорически запретить употребление спиртных напитков в общежитиях и появление в

общежитиях в нетрезвом виде. Установить, что посещение живущих в общежитиях посторонними, не прописанными лицами разрешается до 23 часов. Комендантам общежития обеспечить строгий контроль за соблюдением студентами указанных требований и по отношению к нарушителям применять меры вплоть до лишения права проживания в общежитии.

2. Проректору по административно-хозяйственной работе совместно с деканами факультетов с 15 апреля сего года установить во всех общежитиях пропускную систему. Деканам факультета в трёхдневный срок обменять пропуска всем живущим в общежитиях по решению бытовых комиссий.

3. С 15 апреля сего года ввести дежурство в общежитиях представителями деканатов из числа преподавателей и сотрудников и вменить в обязанности дежурных полное обеспечение пропускной системы.

4. ...Вход в общежитии категорически запретить после часа ночи.

5. Комендантам общежития взыскивать в установленном порядке с виновных лиц компенсацию ущерба, нанесённого в части порчи имущества и хозяйственного инвентаря, а также за использование электрической энергии на бытовые нужды. Главному бухгалтеру выдать к 18 апреля сего года всем комендантам книжки приходных ордеров для оформления материальных взысканий со студентов, наносящих указанный ущерб...

Настоящий приказ довести до сведения всех живущих в общежитиях студентов, преподавателей, рабочих и служащих.

Ректор Игошин А.А.

Иркутский политехнический институт предпринимал максимальные усилия к тому, чтобы жизнь вне учебного процесса студентов так же была привязана к вузу. ИПИ, по истине, был рекордсменом по проведению всевозможных спортивных и творческих мероприятий.

Например, в январе 1960 г. принимал участников зональных соревнований по лыжному и конькобежному спорту. Была проделана огромная работа. Подготовлено общежитие на 250 мест, причем комнаты были оборудованы новым инвентарем и постельным бельем. Организована круглосуточная

работа дежурных, отвечающих за регистрацию участников, их размещение и хранение личных вещей. В столовой геологоразведочного техникума и в буфетах общежития было обеспечено питание по удобному для спортсменов графику. Особым приказом ректор Игошин указывал «Обратить внимание всех должностных лиц, назначенных для работы по организации встречи спортсменов, на важность этого мероприятия и необходимость сделать все возможное с тем, чтобы обеспечить участником соревнований хорошие бытовые условия» (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 44. Л. 52).

В ИПИ были сформированы спортивные команды по легкой атлетике, футболу, волейболу, баскетболу, лыжному спорту, борьбе, боксу настольному теннису. Ежегодно институт проводил летнюю и зимнюю спартакиады с переходящими призами, разыгрывали кубки в различных видах спорта. Регулярно проводились соревнования между факультетами, общежитиями по борьбе, самбо, футболу, штанге, шахматам, гимнастике, бегу, лыжам, ручному мячу и проч. По представлению кафедры физического воспитания студентам присваивалось звание «инструктора-общественника».

В 1960-х гг. политеховцы принимали участие во Всесоюзных студенческих спортивных играх в Казани, Свердловске, Новочеркасске, Ставрополе, Воронеже, Иркутске. Для них создавались индивидуальные графики сдачи экзаменов и прохождения учебных и производственных практик.

В 1964 г. футбольная команда ИПИ стала победительницей соревнований вузов Сибири и Дальнего Востока. В этой связи в июле она была приглашена ЦС СДСО «Буревестник» на финальные соревнования Всероссийских студенческих игр в г. Кисловодск. В этом же году команда гребцов (байдарка и каноэ) в составе 15 человек приняла участие в финальных соревнованиях Всероссийских студенческих игр в Казани.

Крайне популярным среди студентов ИПИ было туристическое движение. Группы от 4 до 45 студентов с разных факультетов осуществляли походы разной сложности. Руководство института поддерживало это движение. Так, при содействии ректората, секция туристов смогла организовать поход 40 человек на Аршан и 8 человек на Мунку-Сардык 30 апреля – 4 мая 1960 г. В апреле 1964 г. был организован 6-ти дневной поход группой в 45 человек по марш-

руту курорт Аршан – пик Енгарка – курорт Аршан. Участникам похода институт оплачивал проезд по железной дороге до ст. Слюдянка и обратно и автобусом от ст. Слюдянка до курорта Аршан и обратно. Для команды численностью 31 человек, совершившей турпоход в район пос. Тагархай в ноябре 1965 г., институт выделил автобус.

Творческие мероприятия также проходили на постоянной основе. Ежегодно утверждался художественный совет института. Его председателем в 60-е годы была В.В. Тутурина. На совет возлагалось руководство и контроль за идейно-художественной и эстетической направленностью художественной самодеятельности. Регулярно проводились факультетские и общеинститутские смотры художественной самодеятельности. Только в 1962–1963 учебном году в них приняло участие около 500 студентов. За достигнутые успехи факультет-победитель награждался переходящим Красным вымпелом, а студенты – почетными грамотами и ценными подарками. Не-

которые студенты поощрялись тем, что были направлены на экскурсию в центральные вузы страны «для обмена опытом в области художественной самодеятельности» (Архив ИРНИТУ. Ф. 1807. Оп. 10-ОК-67. Д. 59. Л. 18).

Творческий потенциал политеховцев раскрывался в творческих кружках. К их организации и руководству привлекались настоящие профессионалы: в Драмкружок – актер ТЮЗа И.И. Сермягин, в хореографический кружок – солист балета музыкальной Н.З. Громов, в кружок сольного пения – солист филармонии А. Захаров. В институте были собственные духовой и струнный оркестры.

Политех и сегодня является продолжателем традиций, заложенных более 60-ти лет назад. Проводя параллели можно сказать, что проблемы, связанные с набором абитуриентов, успеваемостью и дисциплиной студентов есть и сегодня, но у них совсем другие причины, а значит, иными должны быть и способы решения.

Список источников

Арьянов А.Д. Высшее техническое образование в России (1960–1990): к историографии проблемы // Вестник ВСГУТУ. 2014. № 2 (47). С. 153–160. EDN: SDELCB.

Батурина Ю.Ю. Организационные изменения в учебном процессе высших учебных заведений в 1956–1964 годах (на примере Нижнего Поволжья) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 96–103. EDN: LATURN.

Богуславская Т.Н., Богуславский М.В. Тенденции развития системы профессионально-технического образования в СССР (1940–1991) // Потенциал историко-образовательного знания в психолого-педагогической подготовке будущего учителя: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Вторые международные историко-педагогические чтения», Москва, 29–30 октября 2021 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 224–232. EDN: JJWGIM.

Горошченкова О.А. Особенности становления и развития крупнейшего вуза на Востоке России – Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 2-1 (30). С. 243–249. EDN: JJIPIN.

Горошченкова О.А. Иркутский политехнический практический институт – первое высшее техническое учебное заведение Иркутска // Университет на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: материалы Всерос. науч. конф. (Иркутск, 17 мая 2012 г.). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2013. С. 206–214. EDN: RTWBXJ.

References

Ar'yanov A.D. (2014) Higher technical education in Russia (1960-1990): to the historiography of the problem. *Bulletin of VSGUTU*. No. 2 (47). P. 153-160. (In Russ.). EDN: SDELCB.

Baturina Yu.Yu. (2009) Organizational changes in the educational process of high education institutions in 1956-1964 (on the example of the Lower Volga region). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 41 (179). History. Iss. 38. P. 96-103. (In Russ.). EDN: LATURN.

Boguslavskaya T.N., Boguslavsky M.V. (2021) Trends in the development of the vocational education system in the USSR (1940-1991). *The Potential of Historical and Educational Knowledge in the Psychological and Pedagogical Training of Future Teachers: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference "Second International Historical and Pedagogical Readings", Moscow, October 29–30, 2021*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. P. 224-232. (In Russ.). EDN: JJWGIM.

Goroshchenova O.A. (2007) Features of the formation and development of the largest university in the East of Russia - Irkutsk State Technical University. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*. No. 2. Pt. 1. P. 243-249. (In Russ.). EDN: JJIPIN.

Goroshchenova O.A. (2013) Irkutsk Polytechnic Practical Institute - the first higher technical educational institution of Irkutsk. *Universitet na Vostoke i Zapade: vzglyad iz Sibiri: Materialy Vseros. nauch. konf. (Irkutsk, 17 maya 2012 g.) = University in the East and West: a view from Siberia. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Irkutsk, May 17, 2012)*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 206-214. (In Russ.).

Горощенова О.А. Сибирский горный институт – становление вуза // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 182–190. EDN: RUQJIV.

Горощенова О.А. Предпосылки создания Иркутского политехнического института // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015а. № 4 (99). С. 378–382. EDN: TSILUX.

Горощенова О.А. От навигационной школы к техническому университету (1754–2015). Иркутск : Изд-во ИРНИТУ. 2015b. 241. [1] с. EDN: VWIGLL.

Ерошенко А.В., Трофимова Л.Н. История инженерного образования в СССР (1945–1991 гг.) // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71–5. С. 63–66. DOI: 10.18411/lj-03-2021-178. EDN: OOHKLS.

Захаровский Л.В. Советская модель профессионально-технического образования: актуализация опыта в современных условиях: монография. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 104 с. EDN: WEKCKL.

Иркутский политехнический институт. 40 лет Иркутскому политехническому институту 1930–1970: Сборник статей. Иркутск : Изд-во Иркут. политехн. ин-та, 1970. 107 с.

Иркутский политехнический институт (1930–1980 гг.) / отв. ред. С.Б. Леонов, Т.В. Ерохина. Иркутск : Изд-во Иркут. политехн. ин-та, 1980. 114 с.

Карасев С.В., Сальникова Е.С. Инженерные достижения – для Отечества. Горный институт у истоков Восточно-Сибирской индустрии 1930-х гг. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2021. 156 с. EDN: DBWMWS.

Магомедова Р.М., Мугутдинова Н.Ш. Основные мероприятия Советского государства в сфере высшего образования и науки в 50-е – середине 80-х гг. // Образование и право. 2024. № 3. С. 467–472. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-3-467-472. EDN: SRJFTM.

Молчанова Т.В. Особенности приёма студентов в ленинградские вузы в 1950–1960-е годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 149. С. 26–32. EDN: PJFJQZ.

Олесик Е.А. Проблемы формирования студенческого контингента вузов СССР (1944–1990 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2008. № 2. С. 81–86. EDN: KDSPXZ.

Петрик В.В. Меры коллективов высших учебных заведений Сибири по совершенствованию учебного процесса в период приближения вузов к производству (конец 50-х – середина 60-х годов XX века) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 312–319. EDN: OIVEGL.

Петрик В.В. Особенности развития высшего технического образования в Сибири во второй половине 60-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 143–148. DOI: 10.17223/15617793/435/18.

EDN: RTWBXJ.

Goroshchenova O.A. (2014) Siberian Mining Institute: Formation. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. No. 1 (84). P. 182-190. (In Russ.). EDN: RUQJIV.

Goroshchenova O.A. (2015a) Background of Irkutsk Polytechnic Institute creation. *Bulletin of the IrSTU*. No. 4 (99). P. 378-382. (In Russ.). EDN: TSILUX.

Goroshchenova O.A. (2015b) From the Navigation School to the Technical University (1754-2015). *Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University*. 241, [1] p. (In Russ.). EDN: VWIGLL.

Eroshenko A.V., Trofimova L.N. (2021) History of engineering education in the USSR (1945-1991). *Trends in the Development of Science and Education*. No. 71-5. P. 63-66. (In Russ.). DOI: 10.18411/lj-03-2021-178. EDN: OOHKLS.

Zakharovskii L.V. (2015) The Soviet model of vocational and technical education: Actualization of experience in modern conditions: A Monograph. *Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Vocational Pedagogical University*. 104 p. (In Russ.). EDN: WEKCKL.

(1970) Irkutsk Polytechnic Institute. 40 years of Irkutsk Polytechnic Institute. (1930-1970): Collection of articles. *Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University*. 107 p. (In Russ.).

Leonov S.B., Erokhina T.V. (1980) Irkutsk Polytechnic Institute (1930-1980). *Irkutsk: Publishing House of Irkutsk Polytechnic Institute*. 114 p. (In Russ.).

Karasev S.V., Salnikova E.S. (2021) Mining Institute at the origins of the East Siberian industry of the 1930s. *Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University*. 156 p. (In Russ.). EDN: DBWMWS.

Magomedova R.M., Mugutdinova N.Sh. (2024) The main activities of the Soviet State in the field of higher education and science in the 50s-mid-80s. *Education and Law*. No. 3. P. 467-472. (In Russ.). DOI: 10.24412/2076-1503-2024-3-467-472. EDN: SRJFTM.

Molchanova T.V. (2012) Students' admission to Leningrad HEIs in 1950-1960s. *Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. No. 149. P. 26-32. (In Russ.). EDN: PJFJQZ.

Olesik E.A. (2008) Problems of formation of the student contingent of the USSR universities (1944-1990). *Bulletin of Adyge State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, and Cultural Studies"*. No. 2. P. 81-86. (In Russ.). EDN: KDSPXZ.

Petrik V.V. (2004) The measures taken du the staff of higher educational establishments to achieve more perfection in the process of education during the period of establishing closer contacts with the process of production (late 50-s - middle 60-s of the XX-th century). *Bulletin of Tomsk State University*. No. 282. P. 312-319. (In Russ.). EDN: OIVEGL.

Petrik V.V. (2018) Features of higher technical education development 143 in Siberia in the second half of the 1960s. *Bulletin of Tomsk State University*. No. 435. P. 143-148. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/435/18.

EDN: YRWVZB.

Сальникова Е.С. Иркутский горно-металлургический институт в годы реформ и преобразований (1950 – начало 1960-х гг.): монография. Иркутск. Изд-во ИРНТУ, 2025. 128 с. EDN: FTRNTZ.

Скорикова Н.А., Маринич А.А. Иркутский политехнический институт в свете развития народного хозяйства СССР в 1960–1970-е годы // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 175–185. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-175-185. EDN: LAWGSY.

Турбина М.А. Отечественное высшее техническое образование: набор студентов (начало XX в. – 30-е гг. XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2010. № 2. С. 118–125. DOI: 10.51314/2073-2635-2010-2-118-125. EDN: MSZTAZ.

Информация об авторе

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Вклад автора

Скорикова Н.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 2 августа 2025 г.; одобрена после рецензирования 26 августа 2025 г.; принята к публикации 8 сентября 2025 г.

EDN: YRWVZB.

Salnikova E.S. (2025) Irkutsk Mining and Metallurgical Institute during the years of reforms and transformations of 1950 - early 1960s: monograph. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 128 p. (In Russ.). EDN: FTRNTZ.

Skorikova N.A., Marinich A.A. (2024) Irkutsk Polytechnic Institute in the light of the development of the national economy of the USSR in the 1960s and 1970s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 175-185. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-175-185. EDN: LAWGSY.

Turbina M.A. (2010) The higher technical school of our country: admission of students. Beginning of XX century - 30th years of XX century. *Bulletin of Moscow University. Series 20: Pedagogical Education*. No. 2. P. 118-125. (In Russ.). DOI: 10.51314/2073-2635-2010-2-118-125. EDN: MSZTAZ.

Information about the author

Natalia A. Skorikiva,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: skorikova_natalya@mail.ru

Contribution of the author

Skorikiva N.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 2, 2025; approved after reviewing August 26, 2025; accepted for publication September 8, 2025.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуру-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 3 (56) 2025

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.09.25. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 26,75.
Тираж 500 экз. Заказ 94. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А